Р. ОРЖЕНЦКІЙ.

УЧЕНІЕ О ЦѢННОСТИ

У КЛАССИКОВЪ И КАНОНИСТОВЪ.

ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ.

ОДЕССА.
Типографія Штаба Округа. Тираспольская, № 14.
1896.

Проф. 1959
Инв.
„Пров 38“

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго Университета.

Ректоръ *Ѳ. Шведовъ.*

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
985
31

Ученіе о цѣнности въ классической и канонической литературѣ отличается характерной особенностью, сравнительно съ современными теоріями цѣнности. У классиковъ и канонистовъ совершенно нѣтъ трудовыхъ теорій цѣнности, тогда какъ въ современной наукѣ онѣ занимаютъ, какъ извѣстно, выдающееся мѣсто. И среди многочисленныхъ представителей современныхъ трудовыхъ теорій не мало есть крайнихъ сторонниковъ трудоваго принципа цѣнности, видящихъ въ зависимости цѣнности отъ труда законъ, дѣйствующій чуть ли не съ силой естественной необходимости. Очевидно, что правильная оцѣнка классическихъ и каноническихъ ученій о цѣнности вполнѣ зависитъ отъ того, какое объясненіе явленій цѣнности слѣдуетъ признать вѣрнымъ. Необходимо рѣшить, дѣйствительно ли трудовая теорія цѣнности имѣетъ такое абсолютное значеніе, какое ей приписываютъ, или, если и не имѣетъ такого значенія, то не заключаетъ ли въ себѣ нѣкоторой доли истины? Отвѣтъ на этотъ вопросъ даетъ критическое изученіе современнаго состоянія теоріи цѣнности, чему посвящена первая часть настоящаго очерка.

Изученіе главнѣйшихъ типовъ современныхъ объясненій цѣнности приводитъ насъ къ выводу, что трудовая теорія цѣнности не заключаетъ въ себѣ никакой абсолютной истины; утвержденіе, будто трудъ есть естественная и необходимая причина цѣнности, не основано на доказательствахъ, достаточно убѣдительныхъ. Напротивъ, многія

соображенія заставляютъ думать, что затрата труда есть уже результатъ нѣкоторой ранѣе существовавшей оцѣнки, основанной на субъективномъ значеніи вещей для человѣка. Къ такому мнѣнію присоединяется и авторъ. Съ этой точки зрѣнія теоріи классиковъ и канонистовъ нельзя считать неудовлетворительными только потому, что онѣ не основываютъ оцѣнки предметовъ на трудѣ.

Но трудовыя теоріи цѣнности заключаютъ въ себѣ извѣстную долю истины; онѣ указываютъ на эмпирически очевидное соотношеніе между количествомъ труда и оцѣнкой предметовъ или ихъ мѣновымъ отношеніемъ. Это соотношеніе вытекаетъ изъ того, что цѣна и издержки производства стремятся къ совпаденію, издержки же производства въ значительной части состоятъ изъ рабочей платы, которая ceteris constantibus пропорціональна количеству труда. Между тѣмъ классическія и каноническія теоріи умалчиваютъ и объ этомъ несомнѣнно уже существующемъ соотношеніи. Чему приписать послѣднее обстоятельство? Мы стараемся показать, что причина подобнаго умолчанія состоитъ въ отсутствіи въ ту эпоху правильнаго соотношенія между трудомъ и оцѣнкой предметовъ, между цѣною и издержками производства, такого соотношенія, какое существуетъ теперь. Такимъ образомъ и въ этомъ отношеніи игнорированіе трудоваго начала не составляетъ обстоятельства, которое могло бы свидѣтельствовать не въ пользу теоріи классиковъ и канонистовъ.

Каково, вообще, достоинство этихъ теорій? Въ классической литературѣ мы не находимъ систематическихъ воззрѣній по вопросу о цѣнности, которымъ можно было бы присвоить названіе теорій. Исключеніе, разумѣется, составляетъ ученіе Аристотеля; оно отличается такими же замѣчательными качествами, какія, вообще, характеризуютъ произведенія этого автора. Но теорія Аристотеля стоитъ совершенно изолированно. Что касается теоріи кано-

нистовъ, то она далеко не отвѣчаетъ тому представленію, какое вообще составилось о средневѣковой схоластической литературѣ, какъ о нѣкоторой громоздкой, искусственной и бездушной системѣ формальныхъ логическихъ категорій. Теорія канонистовъ представляетъ собою вѣрное, довольно полное и вполнѣ жизненное изображеніе явленій цѣнности въ хозяйственномъ строѣ той эпохи; она указываетъ различные моменты, отъ которыхъ зависитъ оцѣнка и цѣна предметовъ, и даетъ вѣрное описаніе ихъ вліянія. Но для канонической теоріи характерно то, что это описаніе не выходитъ за предѣлы изображенія внѣшнихъ эмпирическихъ соотношеній между явленіями оцѣнки, цѣны и разнаго рода моментами, оказывающими на нихъ вліяніе.

Нашъ умъ однако не можетъ удовольствоваться внѣшними эмпирическими соотношеніями. Онъ стремится знать точную конечную зависимость явленія отъ составляющихъ его элементовъ. При большомъ числѣ факторовъ, вліяющихъ на какое-либо явленіе—а это, именно, имѣетъ мѣсто въ явленіяхъ цѣнности—нельзя сразу перейти отъ видимаго эмпирическаго соотношенія между этими факторами и явленіемъ къ познанію точной невидимой зависимости явленія отъ всѣхъ его конечныхъ элементовъ. Нужно непремѣнно пройти еще одну промежуточную стадію. Надо изучить прежде особое дѣйствіе каждаго отдѣльнаго элемента, конечную сущность эмпирическаго соотношенія каждаго отдѣльнаго фактора съ его видимымъ результатомъ. Только послѣ этого возможенъ синтезъ всѣхъ отдѣльныхъ конечныхъ элементовъ, дающій въ результатѣ точное знаніе всей сущности явленія. Но эта промежуточная стадія будетъ отличаться крайней односторонней абстракціей отъ дѣйствительности. Она должна изучать дѣйствіе только одного момента, оставляя въ сторонѣ всѣ остальные, т. е. должно изучать явленіе въ такомъ видѣ, въ какомъ оно на самомъ дѣлѣ никогда не происходитъ.

Результатъ подобнаго изученія даетъ на первое время скудное и неполное представленіе о явленіи.

И вотъ каноническая теорія цѣнности не рѣшилась вступить въ эту переходную стадію развитія. Она не могла пожертвовать своимъ сравнительно полнымъ, хотя и эмпирическимъ, знаніемъ всѣхъ моментовъ явленія цѣнности ради того, чтобы перейти къ точному, но одностороннему, нереальному знанію дѣйствія одного только какого-либо элемента. А между тѣмъ безъ такого пожертвованія полнотою ради точности не могло быть прогресса, и каноническая теорія, достигнувъ значительной степени совершенства, застыла на этой точкѣ развитія, застыла, именно, благодаря своему относительному совершенству. Задача дальнѣйшаго развитія ученія о цѣнности перешла къ тѣмъ теоріямъ, которыя вступили на этотъ путь односторонней абстракціи и анализа, которыя, игнорируя всѣ остальные моменты, сосредоточили свое вниманіе на какомъ-либо одномъ факторѣ: потребности, количественномъ отношеніи предложенія къ спросу, трудѣ.

Въ заключеніе необходимо сказать нѣсколько словъ относительно терминологіи.

Когда мы говоримъ: «теорія цѣнности», всякій съ достаточной ясностью представляетъ себѣ, о какомъ отдѣлѣ политической экономіи идетъ рѣчь. Измѣнять этотъ терминъ, или избѣгать его употребленія нѣтъ достаточныхъ основаній. Не то относительно слова «цѣнность». Оно употреблялось и употребляется въ такихъ разнообразныхъ значеніяхъ, что, наконецъ, потеряло въ наукѣ опредѣленный смыслъ; и теперь слово «цѣнность» можетъ имѣть лишь характеръ условнаго термина, получающаго то или другое значеніе только послѣ того, какъ ему дано извѣстное опредѣленіе. Пользоваться такимъ словомъ крайне неудобно и опасно. Поэтому авторъ предпочелъ избѣгать его употребленія. Только два—три раза оно

встрѣчается въ самомъ обыкновенномъ, обыденномъ смыслѣ, въ какомъ мы его употребляемъ, когда говоримъ: вещь представляетъ цѣнность, т. е. представляетъ нѣкоторое не безразличное значеніе.

При изложеніи чужихъ теорій слово цѣнность употребляется въ томъ смыслѣ, въ какомъ понимаетъ его излагаемый авторъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

Предисловіе.... I—V. Значеніе обмѣна въ современномъ хозяйствѣ и теоріи цѣнности—въ современной наукѣ.... 1–9. Различные типы современныхъ теорій цѣнности: издержекъ производства (Милль). .. 9—19, трудовая эмпирическая (Рикардо) .... 19—36, трудовая точная или абсолютная (Rodbertus.... 36—45, Marx.... 45—74).... 36—74, предѣльной полезности (Menger).. . 74—91, предложенія и спроса (Hermann).... 92—94. нѣкоторыя новѣйшія теоріи (гг. Антоновичъ, Залѣскій, Dietzel, Effertz).... 94—119. Взаимное соотношеніе теорій цѣнности различныхъ типовъ.... 120—121.

Значеніе и характеръ обмѣна у первобытныхъ народовъ, у народовъ древняго востока, Греціи.... 122—135. Ученіе о цѣнности у греческихъ авторовъ: Платона. ..135—140, Ксенофонта....140—147, теорія цѣнности Аристотеля.... 147–166.

Ученіе о цѣнности у римскихъ писателей, характеръ хозяйственной дѣятельности и значеніе обмѣна въ хозяйствѣ римлянъ, ученіе о цѣнности въ римскомъ правѣ.... 166—182.

Ученіе о цѣнности въ каноническомъ правѣ.... 182—195. Каноническая теорія цѣнности въ сочиненіяхъ канонистовъ и богослововъ... 196—200, 201—242. Теорія цѣнности реформаторовъ... 242—248.

Теорія цѣнности новыхъ типовъ (Petty, Lock, Davanzati)... 248—256.

Ученіе о цѣнности у классиковъ и канонистовъ.

Приватъ-доцента *Р. М. Орженцкаго.*

Изслѣдованіе, имѣющее своимъ предметомъ цѣнность, слѣдовало бы начать съ опредѣленія этого понятія: omnis enim quae ratione suscipitur de aliqua re institutio debet a definitione proficisci. (Cic de off.). Однако не легко сдѣлать это въ данномъ случаѣ; существуетъ слишкомъ много совершенно отличныхъ другъ отъ друга опредѣленій цѣнности. Одни называютъ этимъ словомъ извѣстное значеніе вещи, другіе — ея свойство, третьи — отношеніе вещи къ другимъ вещамъ или человѣку, четвертые количество другихъ вещей, на которыя данная вещь обмѣнивается и т. д. Въ опредѣленіи понятій „значеніе“, „свойство“ „отношеніе“ и т. д. различные писатели опять расходятся.

Такимъ образомъ получается множество опредѣленій, значительная часть которыхъ, очевидно, относится къ совершенно различнымъ понятіямъ *). Нѣкоторые писатели прибѣгаютъ для

---

*) Весьма распространено опредѣленіе цѣнности въ смыслѣ *значенія* вещи, вслѣдствіе ея способности удовлетворять потребности: **Mangoldt** (Grundr. d. V. W. L. 1871, стр. 2) — значеніе... вслѣдствіе способности соотвѣтствовать потребности; **Weichs-Glon** (Tüb. Z. 1895, стр. 622) — вслѣдствіе способности удовлетворять потребность; или шире: **Schäffle** (Tüb. Univ. Schr. 1862, Abth, 5, стр. 10) вслѣдствіе ‹Brauchbarkeit für das ökonomische Zweckbewusstsein›; **Roscher** (Syst. 1892, стр. 9) — значеніе.... ‹für das Zweckbewusstsein des wirtschaftendes Menschen›. Другая категорія опредѣленій называетъ цѣнностью не субъективное значеніе, а объективное *свойство* — способность удовлетворять потребность, напр. **Hermann** (Staatsw. Unt., стр. 103), или шире — **L. Stein** (Lehrb. 1858, стр. 97) — ‹der Bestimmung der Persönlichkeit zu dienen›. Это опредѣленіе модифицируется понятіемъ степени такой способности, или свойства: **Knies** (Tüb. Z. 1855, стр. 423) — ‹Grad der Brauchbarkeit für menschliche Zwecke›, **Goldschmidt** (ц. Neumann, Schönb.' s. H. 157): ‹Nützlichkeitsmass zur Befriedigung menschlicher Bedürfnisse›. Слѣдующія опредѣленія имѣютъ въ виду обмѣнъ: **Hermann** (l. c. стр. 21) ‹Möglichkeit vertauscht zu werden›, или болѣе

объясненія цѣнности къ афоризмамъ *), поэтическимъ описаніямъ **), нѣкоторые совершенно отрицаютъ возможность точнаго опредѣленія этого понятія ***) Наконецъ, — что хуже всего —

точно — обмѣнъ на эквивалентъ: **Leroy-Beaulieu** (Préc. 1888, стр. 149) — способность обмѣна на извѣстное число другихъ благъ; **Cauwès** (Préc. 1881—1882, стр. 160) «la puissance ... d'être prises pour équivalent d'autres choses dans les contrats»; **Rau** (Lehrb. 1867, § 60) — степень пригодности... для пріобрѣтенія въ обращеніи другихъ благъ. Многія опредѣленія включаютъ моментъ причины цѣнности: **Schäffle** (Ges. Syst. 1867, стр. 6) «die Bedeutung eines Gutes um der dafür zu bringenden Opfer»; или точнѣе: Lampertico (ц. Bilinski, 105) — l'importanza ai beni attribuita in relazioni all utilità ed al costo»; **Shadwell** (Syst. of. Pol. Ec. 1877, стр. 105) «the esteem ... as measured by the quantity of labour». Объективно точно опредѣленіе цѣнности въ смыслѣ отношенія, въ которомъ предметы обмѣниваются: **Л. Федоровичъ** (Теор. ден. и кр. обр. 1883, стр. 3); менѣе опредѣленно: **Bastiat** (VI, 129) — «le rapport de deux services changés». Опредѣленіе цѣнности въ смыслѣ эквивалента: **Mac Leod** (The. princ. of. pol. Ec. 1872, стр. 272) — экономическая величина, на которую данная можетъ быть обмѣнена; цѣнность въ смыслѣ сужденія: **Friedländer** (Th. d. Werth. Dorp. Un. Pr. 1852, стр. 48) «das in menschlichen Urtheil erkannte Verhältniss, wornach ein Ding Mittel für die Erfüllung eines erstrebenswerthes Zweckes sein kann». Еще нѣкоторыя опредѣленія: **M. Wirth** (Grunds. d. N. Oen. 1861, 1, 255) «Mass der Dienstleistung», **Rösler** (Üb. d. Gr. 1868, 87) «organische Güterqualitat» и т. д.

*) **Кэри,** Руководство къ соціальной наукѣ, 1869, гл. 6: полезность есть мѣра власти человѣка надъ природой, цѣнность — природы надъ человѣкомъ.

) **Bonamy Price опредѣляетъ цѣнность, какъ «a sense of attachment, of affection for a thing, a caring for it, a desire to posses it, an intention more or less strong to retain it in possession» см. **Zuckerkandl** Zur Theorie des Preises. 1889, стр. 20.

***) **R. Hildebrandt,** Die Theorie des Geldes, 1883, стр. 26. Проф. **Ходскій,** Политическая Экономія, 1887, стр. 3, находитъ, что понятіе цѣнности не поддается опредѣленію, но только чувствуется и познается изъ разсмотрѣнія его съ разныхъ сторонъ. Противъ этого можно возразить, что, во 1-хъ, понятіе никогда не чувствуется, т. е. не воспринимается чувствами, а воспринимается только умомъ, т. е. понимается, и во 2-хъ, что всякое понятіе, а слѣдовательно и понятіе цѣнности можетъ быть *только* доступно пониманію; если бы оно было недоступно пониманію, оно не было бы понятіемъ; но все, что доступно пониманію, можетъ быть опредѣлено. Нельзя дать одного общаго опредѣленія цѣнности не потому, чтобы цѣнность относилась къ особой категоріи понятій, недоступныхъ пониманію, а потому что нѣтъ понятія «цѣнность», а есть только терминъ «цѣнность», относящійся въ одно и то же время ко многимъ несходнымъ понятіямъ.

не мало ученыхъ употребляютъ это слово, сознательно или безсознательно, сразу въ двухъ или нѣсколькихъ значеніяхъ, не находящихся между собою въ логической связи подчиненія или соподчиненіи *). Такъ напримѣръ, Neumann **) предлагаетъ слѣдующую классификацію „понятія“ цѣнность. Цѣнность онъ дѣлитъ на двѣ большія категоріи: субъективную и объективную цѣнность. Субъективная, въ свою очередь, дѣлится на два рода: субъективную цѣнность въ узкомъ смыслѣ слова, означающую сужденіе о пригодности вещи по отношенію только къ *имущественнымъ* интересамъ извѣстныхъ лицъ, и субъективную цѣнность въ широкомъ смыслѣ — такое же сужденіе, но уже съ точки зрѣнія вообще интересовъ, желаній и цѣлей извѣстныхъ лицъ. Субъективная цѣнность и въ томъ и въ другомъ смыслѣ (узкомъ и широкомъ) имѣетъ въ свою очередь два слѣдующія значенія; она обозначаетъ: 1) или то *обстоятельство*, что вещь имѣетъ значеніе для имущественныхъ интересовъ, или вообще для интересовъ извѣстныхъ лицъ, или 2) *степень*, въ какой вещь имѣетъ такое значеніе.

Объективная цѣнность имѣетъ въ виду пригодность вещи служить не интересамъ извѣстныхъ лицъ, а интересамъ, потребностямъ, желаніямъ и цѣлямъ, какъ таковымъ, an sich, и подраздѣляется на столько видовъ, сколько можетъ быть различныхъ интересовъ, цѣлей и т. д.; слѣдовательно, мы имѣемъ Kauf-, Tausch-, Ertrags-, Miths-, Pacht-, Beleihungs-, Nähr-, Heiz-, Dung- Werth и т. д. Въ свою очередь, каждое изъ такихъ подраздѣленій объективной цѣнности имѣетъ три значенія; оно обозначаетъ или 1) то *обстоятельство*, что вещь способна служить интересамъ, потребностямъ, желаніямъ и цѣлямъ an sich, или 2) *степень* такой пригодности или 3) самую *вещь*, обладающую такой пригодностью. Но Ertrags- Werth имѣетъ еще четвертое

*) **Рикардо**, Сочиненія, 1882, стр. 1, въ заглавіи говоритъ: «цѣнность предмета. или *количество*» и т. д., и затѣмъ употребляетъ это слово въ смыслѣ «покупной силы» предмета, его способности обмѣниваться на другіе предметы. **Милль**, Основанія политической экономіи, 1874, стр 504, понимаетъ цѣнность и какъ количество предметовъ, получаемыхъ въ обмѣнъ и какъ покупную способность; также многіе другіе послѣдователи этихъ ученыхъ.

) **Neumann, Die Begriffe Gut, Werth etc., Schönberg's Handbuch, 2 Aufl. стр. 156 и и слѣд.

значеніе, а именно означаетъ еще тотъ *эквивалентъ*, который, на основаніи своей Ertragsfähigkeit, способенъ предоставить обладателю такую же хозяйственную власть, какъ и данный предметъ, причемъ это понятіе опять-таки подраздѣляется на Ertragswerth въ собственномъ смыслѣ и Erwartungswerth. Ко всѣмъ этимъ дѣленіямъ и подраздѣленіямъ Werth присоединяется столько же дѣленій и подраздѣленій Preis — цѣны, которая опредѣляется, какъ цѣнность, выраженная въ деньгахъ.

Но слишкомъ очевидно, что вся эта сложная классификація не даетъ намъ ни опредѣленія понятія цѣнности, ни логическаго подраздѣленія этого понятія, а только механически сопоставляетъ рядомъ различныя значенія слова цѣнность, которыя даже не могутъ быть подведены подъ одно общее родовое понятіе *).

При существованіи многихъ и различныхъ понятій, обозначаемыхъ терминомъ цѣнность, нельзя дать общаго опредѣленія цѣнности, такого опредѣленія, которое удовлетворяло бы сразу всѣмъ значеніямъ, въ какихъ это слово употребляется тѣмъ или другимъ ученымъ, въ той или другой теоріи, и, слѣдовательно, этимъ путемъ нельзя уяснить себѣ общаго всѣмъ теоріямъ цѣнности содержанія. Остается указать тотъ кругъ реальныхъ явленій, которыя составляютъ общій предметъ изученія всякой теоріи цѣнности, независимо отъ того или иного пониманія этого термина и отъ того или иного способа объясненія изучаемыхъ явленій. Сюда входятъ: отношеніе человѣка къ разнымъ средствамъ удовлетворенія своихъ потребностей и значеніе этихъ средствъ, возникающее изъ способности вещества и силъ, въ той или иной реальной формѣ, служить удовлетворенію потребностей; косвенный способъ такого удовлетворенія посредствомъ обмѣна однихъ предметовъ на другіе; значеніе предметовъ для человѣка, возникающее изъ возможности обмѣна; причины того или другого мѣнового отношенія между предметами, въ частности, зависимость между мѣновымъ отношеніемъ и издержками производства; наконецъ, особый видъ обмѣна — обмѣнъ предметовъ на деньги.

Правда, и въ этомъ отношеніи нѣтъ полнаго совпаденія между различными теоріями: однѣ обращаютъ преимущественное

*) Ср. **Zuckerkandl**, Zur Theorie d. Preises, 1889, стр. 22 **В. Залѣскій**, Ученіе о цѣнности в. II. 1893, стр. 273.

вниманіе на одну группу фактовъ, другія — на другую; но въ общемъ всѣ теоріи цѣнности имѣютъ предметомъ своего изслѣдованія явленія одной и той же категоріи, и вся разница между ними сводится только къ тому, что каждая изучаетъ эти явленія съ точки зрѣнія особыхъ соотношеній.

Среди всѣхъ явленій, изучаемыхъ теоріей цѣнности, главное, наиболѣе важное значеніе имѣетъ мѣновое отношеніе предметовъ. Объясненіе характера и природы этого отношенія составляетъ преимущественную задачу теоріи цѣнности и сообщаетъ ей, при современномъ характерѣ народнаго хозяйства, особое выдающееся значеніе въ наукѣ. Причина этого заключается въ той важной роли, какую играетъ обмѣнъ въ современномъ хозяйствѣ, основанномъ на сложномъ дѣленіи занятій и труда.

Правда, и у первобытныхъ народовъ замѣчается нѣкоторая спеціализація того или другого производства и основанный на ней взаимный обмѣнъ продуктовъ; но здѣсь эта спеціализація носитъ случайный характеръ, вполнѣ опредѣляется исключительно естественными условіями страны и не имѣетъ значенія опредѣленной хозяйственной организаціи. Въ общемъ всѣ племена живутъ болѣе или менѣе обособленно; внутри каждаго племени всѣ пріобрѣтаютъ средства къ жизни одинаковыми способами; всякій долженъ удовлетворять всѣ свои потребности собственными силами и средствами.

Съ теченіемъ времени лучшее знакомство съ силами и богатствами внѣшней природы, различно проявляющимися въ условіяхъ той или другой мѣстности, должно было содѣйствовать спеціализаціи занятій между отдѣльными племенами или поселеніями; физіологическія же различія пола и возраста послужили первымъ основаніемъ къ раздѣленію труда внутри семьи. Возникновеніе рабства еще болѣе содѣйствовало дифференціаціи занятій и труда и наглядно показало всѣ его преимущества. Наконецъ, современная жизнь, съ ея безконечнымъ обиліемъ и разнообразіемъ потребностей и множествомъ производствъ для ихъ удовлетворенія, вся основана на самомъ широкомъ дѣленіи занятій и труда

Разумѣется, такой строй хозяйства возможенъ только при существованіи правильнаго взаимнаго обмѣна продуктовъ и услугъ между отдѣльными лицами и группами лицъ, посвяща-

ющими себя особымъ родамъ дѣятельности. Обмѣнъ становится существенной и необходимой частью современной хозяйственной жизни, непремѣннымъ условіемъ существующей организаціи удовлетворенія потребностей. Какъ всякое явленіе хозяйственной жизни, обмѣнъ подчиняется извѣстнымъ законамъ, которые проявляются не только въ самомъ его существованіи, но и въ установленіи извѣстныхъ правильныхъ отношеній, въ которыхъ одни предметы обмѣниваются на другіе.

Теорія цѣнности, изучающая это важнѣйшее явленіе хозяйственной жизни, природу и законы мѣновыхъ отношеній, составляетъ, сама по себѣ, одну изъ важнѣйшихъ частей науки, изслѣдующей народное хозяйство.

Но значеніе обмѣна въ народномъ хозяйствѣ не ограничивается этою ролью посредствующаго звена между отдѣльными производствами и занятіями; вмѣстѣ съ тѣмъ расширяется и значеніе теоріи цѣнности въ наукѣ. Обмѣнъ происходитъ не только между производителями различныхъ продуктовъ, онъ имѣетъ мѣсто, въ извѣстной формѣ, и внутри самаго производства, между отдѣльными лицами, принимающими участіе въ производствѣ.

Послѣднее требуетъ, какъ извѣстно, совмѣстнаго участія труда, капитала и факторовъ внѣшней природы. Въ современной экономической организаціи общества эти три фактора производства разъединены, и каждый имѣетъ своихъ особыхъ представителей, группирующихся въ три общественные класса — работниковъ, капиталистовъ, землевладѣльцевъ. Хозяинъ производства, предприниматель, привлекаетъ производительные факторы къ участію въ производствѣ такимъ образомъ, что уплачиваетъ ихъ обладателямъ извѣстное вознагражденіе, и послѣдніе предоставляютъ ему пользоваться производительными факторами. Поскольку такое отношеніе есть обмѣнъ, постолько оно подчиняется общимъ законамъ обмѣна, и, благодаря этому, теорія цѣнности, изучающая эти законы, становится исходной точкой для ученій о рабочей платѣ, прибыли на капиталъ, рентѣ и прибыли предпринимателя *).

*) Раціональное изслѣдованіе этихъ явленій должно поэтому исходить изъ той или другой теоріи цѣнности, какъ это мы и видимъ напр. въ сочиненіяхъ: **B. Bawerk'a**, Kapital und Kapitalzins, 1889; **Knut Wicksell'a**, Ueber Wert, Kapital und Rente, 1893; **U. Mataja**, Der Unternehmergewinn, 1884.

Затѣмъ современная жизнь широко пользуется особаго рода обмѣномъ, гдѣ два акта мѣновой сдѣлки разъединены во времени; въ одинъ моментъ даются извѣстнаго рода вещи, въ другой — получаются обратно вещи того же или другого рода. Такого рода отношеніе должно удовлетворять общимъ требованіямъ обмѣна, и теорія цѣнности становится такимъ образомъ основаніемъ для ученія о кредитѣ *).

Такимъ образомъ, какъ обмѣнъ является однимъ изъ основныхъ элементовъ современнаго хозяйства и въ разныхъ формахъ проявляется во множествѣ хозяйственныхъ отношеній, такъ и теорія цѣнности, сама по себѣ, составляетъ одну изъ наиболѣе важныхъ частей политической экономіи и, вмѣстѣ съ тѣмъ, служитъ основаніемъ для множества другихъ теорій этой науки.

Въ частности, одна изъ новѣйшихъ теорій цѣнности, т. н. теорія предѣльной полезности, имѣетъ еще болѣе широкое значеніе. Въ объясненіи явленій обмѣна она исходитъ изъ субъективнаго отношенія человѣка къ предметамъ, какъ средствамъ удовлетворенія потребностей. Удовлетвореніе потребностей производитъ чувство удовольствія, а неудовлетвореніе вызываетъ страданіе. Предметы, благодаря своимъ полезнымъ свойствамъ, могутъ вызывать эти душевныя состоянія и вслѣдствіе этого получаютъ для насъ извѣстное значеніе. Послѣднее служитъ руководящимъ началомъ при обмѣнѣ однихъ предметовъ на другіе. Изученіе этого значенія открываетъ плодотворную точку зрѣнія на явленія обмѣна и служитъ основаніемъ для теоріи цѣнности **). Въ то же время оно даетъ раціональное содержаніе ученію о потребностяхъ, открываетъ возможность превратить этотъ отдѣлъ политической экономіи изъ собранія фрагментовъ и афоризмовъ, не связанныхъ органически ни другъ съ другомъ, ни съ остальными частями науки, въ послѣдовательную систему положеній, находящихся въ ближайшемъ соотношеніи съ теоріей цѣнности ***). Но объединеніе не ограничивается этими двумя

---

*) **Л. Федоровичъ**, Теорія денежнаго и кредитнаго обращенія, 1888. **C. Knies**, Geld und Credit I, II 1873—1879, 2-е изд. 1885.

) **S Patten, Die Bedeutung der Lehre vom Grentznutzen. Jahrb. f. N. Oek. u. St. 1891, стр. 481 и сл.

***) Напр., у **Patten'a**, The theory of dynamice conomics, 1892 и **его-же**, The consumption of Wealth, 1889.

отдѣлами науки; оно идетъ дальше. Изслѣдованіе значенія вещей, какъ объективныхъ причинъ субъективно испытываемыхъ нами ощущеній удовольствія и страданія, показываетъ, что оцѣнка этого значенія является руководящимъ началомъ не только для дѣятельности человѣка, направленной на удовлетвореніе потребностей путемъ обмѣна, но и для всякой вообще хозяйственной дѣятельности. Такимъ образомъ получается общая точка зрѣнія на всѣ явленія хозяйственной жизни, объединяющая органически всѣ части науки о народномъ хозяйствѣ.

Мало того, такой же оцѣнкѣ, какой подвергаются полезные предметы, имѣющіе матеріальный характеръ и хозяйственное значеніе, подвергаются и всѣ вообще факторы, являющіеся причиной испытываемыхъ нами ощущеній удовольствія и страданія. Оцѣнка значенія полезныхъ предметовъ въ области хозяйственныхъ отношеній является лишь частнымъ случаемъ подобной же оцѣнки всякаго вообще блага и зла, и руководящія начала хозяйственной дѣятельности оказываются лишь проявленіемъ тѣхъ общихъ принциповъ, которыми направляется дѣятельность человѣка во всѣхъ своихъ видахъ. Отсюда тѣсная связь между экономикой и этикой. Связь эта обнаруживается съ одной стороны въ единствѣ принциповъ, лежащихъ въ основѣ какъ хозяйственной, такъ и этической дѣятельности, благодаря чему высказывается, напримѣръ, возможность построить этику на тѣхъ же началахъ, какія лежатъ въ основаніи теоріи цѣнности *), и съ другой — во взаимодѣйствіи этихъ двухъ сферъ человѣческой жизни. Послѣднее мы видимъ, напримѣръ, въ области потребленія; стремленіе получить возможно большую сумму удовлетворенія, путемъ потребленія извѣстнымъ образомъ комбинированной группы хозяйственныхъ предметовъ и услугъ служитъ факторомъ нравственнаго прогресса, и обратно, нравственное развитіе совершенно измѣняетъ экономическій характеръ потребленія **).

Понятно, что ученіе, имѣющее такое важное значеніе въ политической экономіи, а въ извѣстной своей формѣ открываю-

---

*) **A. Meinong,** Psychologisch-Ethische Untersuchungen zur Werth-Theorie. 1894.

) **Patten, Economic causes of Moral Progress. Publications of the Americ. Acad. of Pol. a. Soc. Science. № 64.

щее широкое поле для обобщеній и внѣ этой области, должно было привлекать и дѣйствительно привлекало вниманіе многихъ изслѣдователей.

Однако совокупная работа многихъ ученыхъ, среди которыхъ мы видимъ талантливыхъ и извѣстныхъ экономистовъ, не привела къ установленію такого объясненія явленій, которое удовлетворяло бы всѣхъ. Поэтому теорія цѣнности въ современномъ своемъ состояніи не можетъ быть выражена въ видѣ одного какого-либо ученія: она состоитъ изъ многихъ ученій, оспаривающихъ другъ у друга право на исключительное существованіе, съ различнымъ, правда, успѣхомъ, но безъ окончательнаго результата.

Желая дать понятіе о современномъ состояніи теоріи цѣнности, о томъ, какъ современная наука объясняетъ явленія, входящія въ кругъ этой теоріи, мы не можемъ, поэтому, ограничиться одной какой-либо теоріей, какъ бы правильна она намъ ни казалась, но должны разсмотрѣть и другія теоріи, пользующіяся болѣе или менѣе значительнымъ авторитетомъ и популярностью. Изъ числа многихъ теорій мы остановимъ наше вниманіе на тѣхъ, которыя послужили основаніемъ, типомъ для другихъ, и въ наиболѣе общей, типичной формѣ содержатъ объясненіе изучаемыхъ явленій съ той или другой точки зрѣнія.

Признавая однако объективно существованіе многихъ теорій, имѣющихъ одинаковое право на вниманіе, мы субъективно считаемъ правильной одну изъ нихъ. Поэтому мы сопровождаемъ наше изложеніе критическими соображеніями, не въ надеждѣ, разумѣется, устранить ими разногласіе, существующее въ этомъ отдѣлѣ науки, но изъ вполнѣ естественной и понятной необходимости отнестись критически къ мнѣніямъ, съ которыми мы не можемъ согласиться.

Начнемъ съ теоріи цѣнности наиболѣе простого сравнительно типа — теоріи цѣнности, которая довольствуется тѣмъ, что указываетъ ближайшія причины мѣновыхъ отношеній между предметами, устанавливаетъ эмпирическія соотношенія между изучаемыми явленіями, не вдаваясь въ анализъ ихъ конечныхъ элементовъ. Она характеризуется тою особенностью, что не устанавливаетъ одного общаго закона для всѣхъ видовъ изучаемаго

явленія, но даетъ два различныхъ объясненія для мѣновыхъ отношеній предметовъ различныхъ категорій. Въ одномъ случаѣ она ставитъ мѣновое отношеніе въ зависимость отъ предложенія и спроса, въ другомъ — отъ издержекъ производства.

Отдѣльныя теоріи этого типа различаются между собою въ томъ отношеніи, что различно комбинируютъ между собою эти два закона: предложенія и спроса съ одной стороны и издержекъ производства съ другой; однѣ отдаютъ преимущество одному закону, другія—другому. Но въ общемъ двойственность объясненія составляетъ характерную особенность всѣхъ теорій этого типа. Изъ нихъ мы выберемъ теорію, которая при наибольшей простотѣ представляется наиболѣе характерной для данной группы ученій. Такою является теорія Милля; она заключаетъ въ наиболѣе общемъ и уравновѣшенномъ видѣ всѣ положенія, развитыя болѣе подробно въ томъ или другомъ направленіи послѣдующими учеными *).

Милль различаетъ два вида цѣнности: потребительную и мѣновую; первая означаетъ полезность предмета, вторая—его покупную силу. Полезность слѣдуетъ понимать исключительно въ экономическомъ смыслѣ, т. е. какъ способность удовлетворять потребности, служить извѣстной цѣли; нравственная же квалификація потребности или цѣли въ этомъ случаѣ безразлична: предметъ полезенъ, служитъ ли онъ полезной цѣли, или просто удовольствію или тщеславію.

Отъ мѣновой цѣнности слѣдуетъ отличать цѣну—количество денегъ, на которое обмѣнивается предметъ.

Потребительная цѣнность представляетъ необходимое условіе мѣновой цѣнности; безъ полезности, способности служить извѣстной цѣли, предметъ не можетъ имѣть мѣновой цѣнности. Вмѣстѣ съ тѣмъ потребительная цѣнность составляетъ высшую границу мѣновой цѣнности. Если предметъ необходимъ настолько, что въ крайнемъ случаѣ мы предпочитаемъ дать 10 ф. ст., чѣмъ лишиться его, то это и будетъ крайняя цѣна предмета. Однако

*) J. St. Mill, Grundsätze d. pol. Oekonomie, 1852, стр. 451—510, русскій перев 1874, стр. 502 и слѣд. Благодаря своей типичности теорія, изложенная въ общихъ чертахъ Миллемъ, получила широкое распространеніе не только въ Англіи, но и внѣ ея. Zuckerkandl, Zur Theorie des Preises, 1889, стр. 273. Залѣскій, Ученіе о цѣнности, в. II, 1893, стр. 60).

цѣна предмета рѣдко поднимается до этого крайняго предѣла Она сообразуется—говоритъ Милль—съ трудностью пріобрѣтенія. Трудность пріобрѣтенія есть второй элементъ, который, присоединяясь къ потребительной цѣнности, создаетъ мѣновую цѣнность; безъ этого элемента послѣдняя отсутствуетъ.

Трудность пріобрѣтенія бываетъ разныхъ родовъ. Прежде всего она можетъ состоять въ совершенной невозможности увеличить предложеніе, какъ это бываетъ, напр., относительно нѣкоторыхъ сортовъ винъ, художественныхъ произведеній старинныхъ мастеровъ и т. п. предметовъ.

Но въ бо́льшей части случаевъ количество предметовъ можетъ быть увеличено посредствомъ затраты труда и капитала на ихъ производство.

Трудность пріобрѣтенія предметовъ этой категоріи состоитъ въ затратахъ и издержкахъ на ихъ производство. Въ свою очередь, эта категорія предметовъ дѣлится на двѣ группы. Предметы одной группы обладаютъ тѣмъ свойствомъ, что, въ какомъ бы количествѣ мы ихъ ни производили, всегда одинаковыя количества ихъ производятся съ одинаковыми издержками. Напротивъ, предметы другой группы только до извѣстнаго предѣла производятся съ одинаковыми издержками; дальше этого предѣла всякое новое количество предметовъ требуетъ для своего производства сравнительно больше труда и капитала.

Для каждой группы предметовъ Милль даетъ особое объясненіе цѣнности.

Онъ начинаетъ съ предметовъ, количество которыхъ безусловно ограничено. Цѣнность ихъ зависитъ отъ предложенія и спроса. Предложеніе—это количество товаровъ, предлагаемыхъ къ продажѣ въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, а спросъ—это количество, на которое заявляется требованіе. Отношеніе между предложеніемъ и спросомъ есть отношеніе между двумя количествами. Съ измѣненіемъ спроса или предложенія измѣняется и цѣна и обратно; слѣдовательно, каждому спросу отвѣчаетъ своя цѣна и каждому предложенію тоже. Въ дѣйствительности на рынкѣ, устанавливается такая цѣна, при которой отвѣчающіе ей спросъ и предложеніе оказываются равными другъ другу.

Предложеніе и спросъ оказываютъ свое вліяніе и на цѣнность важнѣйшей категоріи предметовъ—количество которыхъ

можетъ быть увеличено посредствомъ затратъ труда и капитала. Но здѣсь это вліяніе ограничивается нѣкоторыми новыми элементами. Для такихъ предметовъ долженъ существовать минимумъ, ниже котораго цѣна не можетъ упасть Послѣдній опредѣляется тѣмъ, что цѣна должна вернуть издержки производства и дать обыкновенную прибыль. Еслибы этого не было, производство предметовъ должно было бы сократиться, предложеніе уменьшилось бы, и цѣна поднялась бы до такого размѣра, который возмѣщалъ бы издержки производства съ извѣстной обычной прибылью. Поэтому издержки производства съ обычной прибылью составляютъ *необходимую* цѣну предметовъ, производимыхъ затратами труда и капитала.

Если такіе предметы могутъ быть производимы въ неограниченномъ количествѣ, безъ сравнительнаго возростанія издержекъ производства, то необходимая цѣна—это minimum, на какое *могутъ* согласиться производители, становится въ тоже время maximum, на какое они *должны* согласиться.

Въ самомъ дѣлѣ, если цѣна, возмѣщая обыкновенныя издержки производства, даетъ сверхъ того прибыль, превышающую обыкновенную норму прибыли, она привлекаетъ въ производство новые капиталы, предложеніе товаровъ увеличивается и цѣна падаетъ до уровня необходимой цѣны. Милль обращаетъ вниманіе на то, что это положеніе не есть какая-либо гипотеза, но фактъ, взятый изъ наблюденія.

Слѣдовательно, товары должны обмѣниваться другъ на друга такимъ образомъ, чтобы производителямъ возмѣщались издержки производства съ обычною прибылью, иначе говоря, чтобы каждый производитель, вернувъ издержки производства, получилъ прибыль, пропорціонально затраченному въ производство капиталу.

Издержки производства состоятъ изъ платы рабочимъ и расходовъ на матеріалы, орудія и т. д. Эти расходы, въ свою очередь, состоятъ изъ рабочей платы, вознагражденія капиталистовъ и опять-таки расходовъ на матеріалы, орудія и т. д. и т. д Въ окончательномъ итогѣ издержки производства разложатся на плату рабочимъ и вознагражденіе капиталистовъ. Если по аналогіи съ этимъ вознагражденіемъ причислить къ издержкамъ производства, «ради однообразія въ способѣ выраженія», и прибыль на капиталъ, заключающуюся въ цѣнѣ предмета, сверхъ

издержекъ производства, то можно сказать, что цѣна предметовъ вообще опредѣляется издержками производства *).

Такую цѣну Милль называетъ *естественной*; она составляетъ, центръ, къ которому тяготѣетъ всякая иная цѣна, существующая на рынкѣ. Если въ дѣйствительности цѣна на рынкѣ уклоняется отъ естественной, то въ этомъ уклоненіи уже заключается причина, которая его же устраняетъ: производство предметовъ сокращается или возростаетъ, предложеніе уменьшается или увеличивается до тѣхъ поръ, пока рыночная цѣна не совпадаетъ съ естественной. Такимъ образомъ всякое уклоненіе дѣйствительной, рыночной цѣны отъ естественной является временнымъ и случайнымъ, и хотя цѣна предметовъ разсматриваемой нами категоріи подпадаетъ подъ дѣйствіе закона предложенія и спроса, но дѣйствіе этого закона къ тому и приводитъ, что цѣна опредѣляется издержками производства.

Мы видѣли, что издержки производства разлагаются, въ концѣ концовъ, на плату рабочимъ и вознагражденіе капиталистовъ. Но трудъ различно оплачивается въ разныхъ занятіяхъ; точно также и размѣръ обычной прибыли зависитъ отъ характера предпріятія. Поэтому величина издержекъ производства пропорціональна не только количеству труда и капитала, употребленныхъ на производство, но находится въ зависимости и отъ высоты рабочей платы и вознагражденія за капиталъ. При одинаковомъ даже количествѣ труда и капитала, издержки производства могутъ быть различны.

---

*) Для того, чтобы опредѣлять цѣнность предмета издержками производства, необходимо въ той или другой формѣ въ понятіе послѣднихъ включить прибыль на капиталъ, какъ это и дѣлаютъ почти всѣ сторонники этой теоріи, напр. Cairnes (Some lead. principles of. Pol. Ec., 1874, стр 52 и сл. прибыль — такое же вознагражденіе за воздержаніе, какъ рабочая плата за трудъ) G. Adler (Die Grundlagen d K. Marx'schen Kritik, 1887, стр. 94) Вопросъ о томъ, можно-ли сдѣлать такое объединеніе прибыли и издержекъ въ одно понятіе, и въ какой формѣ это можно сдѣлать, составляетъ предметъ постоянныхъ сомнѣній для классической школы экономистовъ. (См. Zuckerkandl Zur Theorie d. Preises, 1889, стр. 270 и др.). Милль не высказывается здѣсь категорически; указывая на то, что прибыль капиталиста слѣдовало бы включить въ издержки производства, онъ въ то же время говоритъ объ издержкахъ производства *и* прибыли. Приведенное въ текстѣ изложеніе основано болѣе на общемъ смыслѣ теоріи, чѣмъ на отдѣльныхъ выраженіяхъ.

Далѣе, такъ какъ трудъ и капиталъ входятъ въ разныя производства въ разной пропорціи, то измѣненіе размѣра рабочей платы или прибыли на капиталъ окажетъ различное вліяніе на издержки производства въ разныхъ предпріятіяхъ, а слѣдовательно различно повліяетъ на цѣны продуктовъ этихъ предпріятій Такимъ образомъ нельзя опредѣлять цѣнность однимъ только *количествомъ* труда и капитала.

Наконецъ, остается разсмотрѣть цѣнность тѣхъ предметовъ, производство которыхъ можетъ быть увеличено лишь путемъ возрастающихъ затратъ труда и капитала Одинаковыя количества такихъ предметовъ бываютъ произведены съ различными издержками; но цѣна всѣхъ предметовъ бываетъ одинакова. Она должна быть настолько высока, чтобы возмѣщать издержки производства и давать среднюю прибыль даже въ томъ предпріятіи, которое производитъ продуктъ при наименѣе благопріятныхъ условіяхъ, но которое все-таки необходимо для удовлетворенія спроса, соотвѣтствующаго этой цѣнѣ. Издержки производства и средняя обычная прибыль этого наименѣе благопріятнаго предпріятія и опредѣляютъ цѣну предметовъ этой третьей категоріи. Такая цѣна будетъ *необходимой*, такъ какъ дешевле нельзя произвести всего того количества предметовъ, какое необходимо для удовлетворенія спроса; но въ тоже время эта цѣна устанавливается спросомъ, который опредѣляетъ высшій предѣлъ, до какого могутъ достигнуть издержки производства Такимъ образомъ эта категорія предметовъ занимаетъ середину между тѣми, количество которыхъ совсѣмъ не можетъ быть увеличено, и тѣми, количество которыхъ можетъ быть увеличено по желанію безъ возрастанія издержекъ производства.

Такова теорія цѣнности Милля. Характерная особенность ея, какъ мы уже говорили, состоитъ въ двойственности: одно соотношеніе устанавливается для цѣнности предметовъ, производимыхъ безъ возрастанія издержекъ производства, и другое — для предметовъ, ограниченныхъ по количеству, или производимыхъ съ возрастающими затратами труда и капитала (также для предметовъ международнаго обмѣна). Эту особенность раздѣляютъ съ теоріей Милля и всѣ другія теоріи того-же типа.

На эту двойственность въ объясненіи цѣнности обратилъ вниманіе уже Маклеодъ, считая ее за доказательство несостоя-

тельности теоріи Милля *); по этому же поводу проф. Scharling замѣчаетъ, что у Милля, собственно говоря, двѣ теоріи цѣнности, и слѣдовательно одна изъ нихъ во всякомъ случаѣ неправильна **). И съ этимъ замѣчаніемъ необходимо было бы согласиться, если бы теорія цѣнности Милля дѣйствительно представляла собою настоящее, конечное объясненіе явленій обмѣна, устанавливала *точные* законы мѣноваго отношенія. Но этого на самомъ дѣлѣ нѣтъ. Теорія Милля, а съ нею и всѣ прочія теоріи того же типа, устанавливаютъ лишь эмпирическую зависимость между извѣстными явленіями изучаемой ими области, а такихъ *эмпирическихъ* законовъ можетъ быть столько, сколько есть различныхъ реальныхъ проявленій одного и того же точнаго, конечнаго закона, въ зависимости отъ различія обстановки и условій, среди которыхъ законъ дѣйствуетъ. Не трудно убѣдиться, что дѣйствительно теорія Милля представляетъ собою лишь констатированіе ближайшихъ эмпирическихъ соотношеній и не даетъ конечнаго объясненія явленій мѣноваго отношенія. Съ одной стороны, она устанавливаетъ зависимость мѣнового отношенія отъ предложенія и спроса, съ другой — отъ издержекъ производства. Возьмемъ зависимость перваго рода; что она выражаетъ собою? Законъ предложенія и спроса можно формулировать въ видѣ двухъ основныхъ положеній; одно изъ нихъ утверждаетъ, что съ измѣненіемъ спроса и съ измѣненіемъ предложенія измѣняется мѣновое отношеніе предметовъ, и что, слѣдовательно, всякому предложенію и всякому спросу отвѣчаетъ своя цѣна; другое — что въ дѣйствительности на рынкѣ устанавливается такая цѣна, при которой спросъ равенъ предложенію.

Послѣднее положеніе представляетъ собою не что иное, какъ простое констатированіе извѣстнаго и притомъ довольно очевиднаго явленія: если извѣстное количество предметовъ желаютъ пріобрѣсти по извѣстной цѣнѣ и то же количество по той же цѣнѣ желаютъ продать, то и будетъ имѣть мѣсто обмѣнъ этого именно количества предметовъ по указанной цѣнѣ ***).

---

*) **Маклеодъ**, Основанія политической экономіи, 1865, стр. 112.

) **W. Scharling, Werttheorien und Wertgesetz, въ Jahrb. f. Nat.-Oek. u. Stat., 1888, в. 50, стр. 513 и сл

***) **J. Shadwell**, A system of Pol. Econ. 1877, стр. 127: «whatever definition may be given to the words supply and demand the theory amounts to no more, than the truism».

Очевидно, что это положеніе не есть какой-либо законъ, не есть даже какое-бы то ни было объясненіе явленія: оно только устанавливаетъ содержаніе того явленія, которое надо объяснить. Мы ежедневно видимъ, что на рынкѣ продается и покупается извѣстное количество предметовъ по опредѣленной цѣнѣ, и задача теоріи цѣнности состоитъ не въ томъ, чтобы констатировать этотъ очевидный фактъ, а въ томъ, чтобы дать ему объясненіе, показать, почему именно желаютъ купить или продать извѣстное количество вещей по той или другой цѣнѣ, отъ какихъ причинъ послѣдняя зависитъ.

На этотъ вопросъ не даетъ отвѣта и первое положеніе. Правда, оно представляетъ собою уже не простое констатированіе извѣстнаго факта, оно устанавливаетъ извѣстную зависимость между измѣненіями мѣноваго отношенія предметовъ и измѣненіями ихъ количествъ: предлагаемаго и требуемаго. Но и эта зависимость насъ не удовлетворяетъ: во 1) потому, что мы не видимъ достаточнаго основанія, почему должно существовать такое соотношеніе между количествомъ предметовъ и мѣновымъ ихъ отношеніемъ, а только выводимъ его, путемъ индукціи, изъ непосредственнаго наблюденія, и во 2) потому, что выведенное такимъ путемъ соотношеніе не удовлетворяетъ требованіямъ *точнаго* индуктивнаго закона; оно не есть соотношеніе явленія съ какимъ либо простѣйшимъ конечнымъ конститутивнымъ факторомъ, какъ его причиной *); въ самомъ дѣлѣ, количества предметовъ, которыя предлагаются или спрашиваются, вовсе не представляютъ собою простѣйшаго конечнаго элемента, они, въ свою очередь, обуславливаются извѣстными причинами, какъ характеромъ и силой потребности, платежными средствами покупателей, большей или меньшей трудностью производства

Наконецъ, предложеніе и спросъ не могутъ служить достаточнымъ объясненіемъ мѣноваго отношенія уже потому, что сами заключаютъ въ себѣ понятіе цѣны, т. е. какъ разъ того явленія, которое они должны объяснять. Въ самомъ дѣлѣ, спросъ не есть только количество, на которое заявляется требованіе, но количество, на которое заявляется требованіе по извѣстной цѣнѣ; также и предложеніе не есть просто количество, но коли-

*) **C Menger,** Untersuchungen uber die Methode der Socialwissenschaften, 1883.

БИБЛИОТЕКА ЭКОНОМИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ

чество, которое предлагается по извѣстной цѣнѣ. Если нѣтъ въ виду никакой цѣны, нѣтъ ни опредѣленнаго спроса, ни опредѣленнаго предложенія. Послѣдніе опредѣляются только послѣ того, какъ указывается то или другое мѣновое отношеніе. Если такимъ образомъ какое бы то ни было мѣновое отношеніе должно предшествовать предложенію и спросу, то, пользуясь предложеніемъ и спросомъ для объясненія цѣны, мы очевидно ничего иного не дѣлаемъ, какъ сводимъ одно мѣновое отношеніе (слѣдующее за спросомъ и предложеніемъ) къ другому мѣновому отношенію (предшествующему спросу и предложенію); цѣну опредѣляемъ цѣною же.

Такимъ же самымъ логическимъ недостаткомъ страдаетъ и другой законъ цѣнности Милля: законъ зависимости мѣнового отношенія отъ издержекъ производства. Издержки производства разлагаются въ окончательномъ итогѣ, какъ мы видѣли, на рабочую плату и вознагражденіе капиталистовъ (если не считать нѣкоторыхъ менѣе важныхъ составныхъ частей); но рабочая плата и вознагражденіе капиталиста представляютъ собою цѣну рабочей силы и цѣну пользованія капиталомъ. Такимъ образомъ цѣна однихъ предметовъ — готовыхъ продуктовъ — опредѣляется цѣною другихъ — производительныхъ факторовъ. Но, быть можетъ, цѣна послѣднихъ представляетъ болѣе простое явленіе, сравнительно съ цѣною продуктовъ? Достаточно указать на теорію прибыли на капиталъ и даже сравнительно болѣе простую теорію рабочей платы, чтобы прійти къ заключенію, что объяснить цѣнность производительныхъ факторовъ не только не легче, но, напротивъ, гораздо труднѣе, чѣмъ цѣнность окончательнаго продукта.

Итакъ ни законъ предложенія и спроса, ни законъ издержекъ производства не даютъ окончательнаго объясненія цѣнности; они устанавливаютъ лишь эмпирическую зависимость мѣноваго отношенія отъ количества предметовъ и зависимость однихъ мѣновыхъ отношеній отъ другихъ. Будучи далекой отъ окончательнаго рѣшенія вопроса, теорія Милля имѣетъ лишь то значеніе, что ясно и точно устанавливаетъ тѣ ближайшія соотношенія между явленіями, которыя именно и подлежатъ дальнѣйшему анализу въ теоріи цѣнности.

Ошибка Милля, принявшаго простое констатированіе явленій и ихъ эмпирическихъ соотношеній за точные законы, весьма

поучительна. Она свидѣтельствуетъ, какъ легко впасть въ ошибку при изслѣдованіи такого запутаннаго вопроса, какъ теорія цѣнности. Предостереженіе, не лишнее въ особенности въ теоріи цѣнности, гдѣ мнѣнія, болѣе далекія отъ истины, чѣмъ теорія Милля, высказываются съ излишней вѣрой въ непогрѣшимость и слишкомъ большой нетерпимостью къ чужимъ взглядамъ.

Но, если Милль и не исчерпалъ теоріи цѣнности, то, повидимому, онъ исчерпалъ теорію издержекъ производства. По крайней мѣрѣ, всѣ послѣдующіе писатели, объясняющіе цѣнность воспроизводимыхъ въ любомъ количествѣ предметовъ издержками производства, прибавляютъ весьма мало существеннаго къ тѣмъ основнымъ положеніямъ, которыя установлены Миллемъ. Самое важное улучшеніе, какое можетъ быть сдѣлано въ этой теоріи, состоитъ въ примѣненіи къ ней идеи Кэри — издержекъ воспроизводства. Но и эта идея не касается самаго существа теоріи Милля: она только переноситъ моментъ, опредѣляющій цѣнность—затрату издержекъ производства — изъ прошлаго времени въ настоящее; все-же прочее остается по-прежнему.

Измѣненія, вносимыя въ теорію Милля многочисленными ея послѣдователями, касаются частностей, классификаціи, терминологіи, и, надо сказать, часто бываютъ неудачны. Cauwès *), вполнѣ согласно съ Миллемъ, дѣлаетъ различіе между предметами, количество которыхъ ограничено, и предметами, производимыми въ неограниченномъ количествѣ, цѣнность первыхъ онъ опредѣляетъ мѣрой усилій, которыя нужны для пріобрѣтенія вещи, цѣнность вторыхъ—издержками производства, которыя эквивалентны усиліямъ, сберегаемымъ вслѣдствіе пріобрѣтенія вещи **).

Понятіе усилій, необходимыхъ для пріобрѣтенія вещи, какъ бы объединяетъ обѣ категоріи цѣнности, но объединеніе это чисто формальное, такъ какъ усилія, необходимыя для пріобрѣтенія вещи въ одномъ случаѣ совпадаютъ съ тѣми, которыя нужны для ея производства, въ другомъ — не совпадаютъ. Къ тому же опредѣлять цѣнность вещи трудностью ея пріобрѣтенія въ концѣ концевъ означаетъ опредѣлять цѣнность одной вещи

---

*) **P. Cauwès**, Précis du cours d'économie politique, 1881—1882, т. I, стр. 160 и сл.

**) Op. cit., стр. 187.

цѣнностью другой. Ничѣмъ не отличается по существу отъ теоріи Милля ученія Leroy-Beaulieu *), хотя онъ имѣлъ уже въ виду новѣйшія теоріи цѣнности и Cossa **); послѣдній невыгодно уклоняется отъ Милля только въ томъ, что въ понятіи издержекъ производства смѣшиваетъ двѣ совершенно различныя точки зрѣнія: т. н. частно-хозяйственную и народно-хозяйственную.

Теоріи цѣнности слѣдующаго типа очень мало разнятся отъ предъидущихъ. Онѣ также даютъ двойственное объясненіе явленіямъ обмѣна, также придерживаются закона предложенія и спроса для одной категоріи случаевъ; все отличіе ихъ отъ предъидущихъ теорій состоитъ лишь въ томъ, что онѣ подвергаютъ дальнѣйшему анализу законъ издержекъ производства. Мы видѣли, что послѣдній въ томъ видѣ, какъ онъ формулированъ теоріей Милля и ей подобными, страдаетъ логическимъ недостаткомъ: онъ сводитъ цѣнность (мѣновое отношеніе) окончательныхъ продуктовъ къ цѣнности ихъ производительныхъ факторовъ, т. е. цѣнность объясняетъ цѣнностью же. Чтобы избѣжать такой ошибки, теоріи разсматриваемаго нами типа стараются найти, въ свою очередь, зависимость между цѣнностью производительныхъ факторовъ и какимъ-либо элементомъ, который уже не заключалъ бы въ себѣ понятія цѣнности и такимъ образомъ устранялъ возможность впасть въ логическій кругъ. Не выходя изъ области эмпирическихъ соотношеній, эти теоріи стараются найти такую зависимость путемъ анализа издержекъ производства. Послѣднія состоятъ изъ рабочей платы, стоимости капитала, вошедшаго въ продуктъ (матеріаловъ, потребленной части орудій, машинъ и т. д.) и прибыли на капиталъ, вложенный въ производство. Такъ какъ капиталъ есть продуктъ труда, то въ окончательномъ итогѣ издержки производства, какъ мы уже знаемъ, состоятъ изъ рабочей платы и вознагражденія капиталистовъ. Рабочая плата пропорціональна количеству труда; вознагражденіе капиталистовъ распадается на двѣ части: одна состоитъ изъ прибыли на тотъ капиталъ, цѣнность котораго вошла въ цѣнность продукта и тотъ, который потраченъ на рабочую плату,

---

*) **Leroy-Beaulieu**, Précis d'économie politique, 1888, стр. 195 и сл.

) **Cossa, Primi elementi di economia politica, 1891, стр. 70.

слѣдовательно, эта часть прибыли на капиталъ также пропорціональна количеству труда, вложеннаго въ продуктъ; другая часть вознагражденія капиталиста относится къ тому капиталу, который былъ употребленъ въ производство, но своею цѣнностью не вошелъ въ цѣнность продукта, — эта часть не находится въ правильномъ соотношеніи съ количествомъ труда, заключеннымъ въ продуктѣ.

Кромѣ того, прибыль на капиталъ зависитъ отъ времени, въ теченіе котораго капиталъ находился въ производствѣ, а время также не находится въ зависимости отъ количества труда. Такимъ образомъ одна часть прибыли на капиталъ пропорціональна количеству труда, овеществленному въ продуктѣ, другая — нѣтъ. Если послѣднюю часть признать ничтожной, сравнительно съ общей массой издержекъ производства, среди которыхъ преобладающая доля приходится на плату за трудъ, непосредственно прилагаемый къ продукту, и трудъ, заключающійся въ потребленномъ капиталѣ, то можно сказать, что издержки производства (почти) пропорціональны количеству труда, овеществленнаго въ продуктѣ; а отсюда выводится уже положеніе, что цѣнность продукта опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на производство.

Это эмпирическое соотношеніе служитъ характернымъ признакомъ теорій цѣнности разсматриваемой нами категоріи. Типичнымъ представителемъ ученій этого рода является Рикардо *).

Такъ какъ теоріи этого типа отличаются отъ предъидущихъ только въ объясненіи тѣхъ случаевъ, гдѣ послѣднія прибѣгаютъ къ закону издержекъ производства, то мы и разсмотримъ только эту часть ученія Рикардо.

Для того, чтобы найти законъ мѣновой цѣнности предметовъ, производимыхъ въ любомъ количествѣ безъ возростанія издержекъ производства, Рикардо поступаетъ слѣдующимъ образомъ: онъ беретъ сначала простѣйшій случай обмѣна, изслѣдуетъ, отчего зависитъ здѣсь мѣновая цѣнность, затѣмъ вводитъ послѣдовательно нѣкоторыя усложненія, указываетъ всякій разъ, какъ должны отражаться эти усложненія на первоначальномъ законѣ простѣйшаго обмѣна, пока, наконецъ, не приходитъ къ такому

*) **Рикардо**, Сочиненія. Переводъ Зибера. 1882, стр. 1—46, 245—247.

случаю, который соотвѣтствуетъ уже условіямъ современнаго обмѣна.

Простѣйшій случай обмѣна имѣетъ мѣсто, по его мнѣнію, на первыхъ ступеняхъ общественной жизни. Здѣсь „мѣновая цѣнность, или правило, устанавливающее количество одного предмета, которое нужно давать въ обмѣнъ за другой, зависитъ почти исключительно отъ сравнительнаго количества труда, употребленнаго на производство каждаго изъ нихъ“.

Въ подтвержденіе этого положенія, Рикардо цитируетъ нѣсколько мнѣній, высказанныхъ по этому поводу Ад. Смитомъ, общій смыслъ которыхъ сводится къ тому, что ранѣе накопленія капитала и обращенія земли въ собственность, трудъ, необходимый для пріобрѣтенія предмета, составляетъ единственное условіе, которое можетъ служить критеріемъ при обмѣнѣ однихъ предметовъ на другіе.

Однако и въ первобытномъ состояніи общества предметы производятся не однимъ только трудомъ: даже дикарю-охотнику нужно оружіе—капиталъ, произведенный и накопленный, быть можетъ, имъ самимъ.

Въ такомъ случаѣ мѣновая цѣнность опредѣляется не только тѣмъ трудомъ, который затраченъ непосредственно на полученіе предмета, но и тѣмъ, который затраченъ на изготовленіе капитала.

Положимъ, что весь капиталъ принадлежитъ одному классу, а трудъ предоставляется другому. Въ такомъ случаѣ общій продуктъ будетъ раздѣленъ между капиталистомъ и рабочимъ; часть капиталиста составитъ то, что называется прибылью, часть рабочаго—его рабочую плату.

Для того, чтобы найти, какъ теперь станутъ обмѣниваться предметы, Рикардо беретъ опять простѣйшій случай, когда капиталы, при помощи которыхъ получаются оба продукта, произведены одинаковыми количествами труда и одинаково долговѣчны. И здѣсь принципъ обмѣна не потерпитъ никакого измѣненія: извѣстное количество труда, заключенное въ одномъ продуктѣ, будетъ обмѣниваться на равное ему количество труда, заключенное въ другомъ продуктѣ; цѣнность по-прежнему будетъ опредѣляться трудомъ, потраченнымъ на производство капитала и трудомъ, потраченнымъ на непосредственное добываніе предмета, независимо отъ того, какую долю общаго продукта возь-

метъ себѣ капиталистъ и какая достанется рабочему. Послѣднее обстоятельство представляетъ вопросъ величайшей важности какъ для работника, такъ и для капиталиста; но еслибы капиталистъ пожелалъ получить въ обмѣнъ за свой продуктъ бо́льшее, чѣмъ прежде, количество другихъ предметовъ, на томъ основаніи, что болѣе или менѣе значительную часть продукта онъ отдаетъ рабочимъ, то другіе капиталисты отвѣтили-бы, что они находятся точно въ такомъ-же положеніи. Слѣдовательно, въ этомъ случаѣ мѣновая цѣнность нисколько не измѣняется отъ того, что продуктъ дѣлится между капиталистомъ и рабочимъ, и нисколько не зависитъ отъ величины рабочей платы или прибыли на капиталъ.

Но что должно произойти въ томъ случаѣ, если въ обоихъ производствахъ будетъ употребленъ въ различной пропорціи трудъ, непосредственно прилагаемый къ производству продукта, и трудъ, прилагаемый къ нему въ формѣ капитала, или если послѣдній будетъ разной долговѣчности? Тогда цѣнность продуктовъ испытаетъ еще вліяніе нѣкоторыхъ другихъ причинъ. Чтобы уяснить послѣднія, разсмотримъ первый случай; положимъ, что два продукта производятся въ общемъ одинаковымъ количествомъ труда, но послѣднее состоитъ изъ различной пропорціи труда, непосредственно прилагаемаго къ продукту и прилагаемаго посредственно въ формѣ капитала, или, что одно и тоже, положимъ, что оба продукта произведены одинаковымъ количествомъ труда, но въ теченіе различнаго времени. Понятно, что въ такомъ случаѣ цѣнность каждаго продукта будетъ состоять изъ одинаковой суммы рабочей платы, пропорціональной количеству труда, и различной суммы прибыли, непропорціональной труду, такъ какъ за болѣе продолжительное время, въ теченіе котораго капиталистъ затрачиваетъ свои средства на рабочую плату, онъ долженъ получить бо́льшее вознагражденіе. Иначе говоря, цѣнность обоихъ продуктовъ будетъ различна и непропорціональна количествамъ труда

Тоже самое произойдетъ, если въ одномъ производствѣ средства капиталиста будутъ затрачены въ такой формѣ, что быстро возмѣщаются въ цѣнѣ продукта (въ формѣ оборотнаго капитала), а въ другомъ они будутъ затрачены на болѣе продолжительное время (въ формѣ капитала болѣе или менѣе постояннаго); хотя оба продукта будутъ результатомъ одного и

того-же количества труда, но въ цѣнности второго будетъ заключаться бо́льшая сумма прибыли, въ видѣ вознагражденія за болѣе продолжительное время, въ теченіе котораго капиталъ былъ связанъ въ производствѣ Слѣдовательно, употребленіе капитала различной прочности и долговѣчности также нарушаетъ правильную зависимость мѣновой цѣнности отъ количества труда.

Кромѣ того, когда предметы производятся различными количествами капитала постояннаго и оборотнаго, на цѣнность ихъ пріобрѣтаетъ вліяніе измѣненія рабочей платы.

Прежде, когда мы предполагали, что предметы произведены одинаковымъ количествомъ труда и капиталомъ одинаковой цѣнности и долговѣчности, такія измѣненія оказывали одинаковое вліяніе на цѣнность обоихъ продуктовъ и не нарушали зависимости ея отъ количества труда.

Теперь возвышеніе рабочей платы понижаетъ сравнительную цѣнность товаровъ, произведенныхъ при бо́льшемъ участіи постояннаго капитала и повышаетъ цѣнность товаровъ, въ производствѣ которыхъ по-преимуществу участвуетъ непосредственный трудъ.

Такимъ образомъ Рикардо приходитъ къ выводу, что „употребленіе машинъ и другого постояннаго и прочнаго капитала значительно измѣняетъ начало, на основаніи котораго относительная цѣнность товаровъ опредѣляется количествомъ труда, употребленнаго на ихъ производство“.

Однако, хотя это начало и подвергается измѣненію, оно, тѣмъ не менѣе, имѣетъ наибольшее вліяніе на опредѣленіе мѣнового отношенія предметовъ. Предполагая, что вслѣдствіе возвышенія рабочей платы прибыль понизится на 1%, Рикардо показываетъ на численномъ примѣрѣ, что цѣнность продукта, произведеннаго при помощи постояннаго капитала, понизится благодаря этому менѣе, чѣмъ на 1%. Правда, рабочая плата можетъ повыситься больше, прибыль—упасть ниже; однако, Рикардо думаетъ, что „самое ощутительное дѣйствіе, которое могло бы быть произведено возвышеніемъ рабочей платы на относительныя цѣны товаровъ, не могло бы превзойти 6 или 7%, потому что прибыль не допустила бы, вѣроятно, болѣе общаго и долговременнаго пониженія“.

Между тѣмъ измѣненія въ количествѣ труда, необходимомъ на производство тѣхъ или другихъ предметовъ, происходятъ

безпрерывно, и притомъ измѣненія весьма значительныя, оказывающія гораздо болѣе ощутительное вліяніе на относительную цѣнность товаровъ.

Отсюда Рикардо приходитъ къ своему характерному выводу, что, хотя извѣстныя причины и оказываютъ нѣкоторое вліяніе на цѣнность, но, главнымъ образомъ, послѣдняя опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на производство предмета.

Объясненіе цѣнности предметовъ, производимыхъ въ любомъ количествѣ безъ сравнительнаго возростанія издержекъ производства распадается у Рикардо, какъ мы видимъ, на двѣ части. Въ первой части онъ объясняетъ законъ мѣновой цѣнности въ первобытномъ состояніи общества; во второй—тотъ-же законъ для мѣновыхъ отношеній въ современныхъ условіяхъ хозяйства. И въ томъ и въ другомъ случаѣ мѣновая цѣнность зависитъ, по его мнѣнію, отъ количества труда, затраченнаго на производство вещи. Но нельзя не видѣть, что для каждаго случая одно и то же выраженіе имѣетъ различный смыслъ.

Въ первобытномъ состояніи общества трудъ опредѣляетъ цѣнность предмета такимъ образомъ, что, являясь извѣстной болѣе или менѣе обременительной для человѣка работой, онъ заставляетъ послѣдняго цѣнить добытый путемъ работы предметъ, сообразно величинѣ затраченныхъ на эту работу физическихъ и умственныхъ усилій. Въ первобытномъ состояніи общества эти усилія составляютъ, по мнѣнію Рикардо, единственное основаніе для сравненія предметовъ между собою при ихъ обмѣнѣ. Субъективная обременительность работы составляетъ причину, заставляющую цѣнить вещи, и размѣръ обременительныхъ усилій опредѣляетъ высоту оцѣнки предмета для его обладателя. Такимъ образомъ количество труда, затраченнаго на производство, является не какимъ либо внѣшнимъ масштабомъ мѣновой цѣнности, а внутренней субъективной причиной того, что вещь цѣнится, и притомъ причиной опредѣляющей субъективно и непосредственно вмѣстѣ съ тѣмъ и самую величину цѣнности.

Ничего подобнаго нѣтъ въ современныхъ условіяхъ обмѣна. Здѣсь хозяинъ продукта — предприниматель, предлагающій его къ обмѣну — одно лицо, а рабочій, затрачивающій на производство вещи извѣстную сумму тягостныхъ для себя усилій — другое лицо. Хозяинъ продукта не можетъ измѣрять цѣнность его

обременительностью работы, потраченной на производство. Здѣсь мѣновая цѣнность не можетъ опредѣляться трудомъ въ томъ смыслѣ, какъ это было прежде. Если и здѣсь Рикардо все-таки говоритъ, что цѣнность продукта опредѣляется количествомъ труда, затраченнаго на его производство, то это выраженіе имѣетъ совершенно уже иное значеніе. Цѣны предметовъ пропорціональны издержкамъ производства (въ ихъ частно-хозяйственномъ значеніи); издержки производства (болѣе или менѣе) пропорціональны количествамъ труда (прошлаго и настоящаго); слѣдовательно, цѣны товаровъ, или ихъ мѣновое отношеніе также (болѣе или менѣе) пропорціональны количествамъ труда, заключеннымъ въ каждомъ продуктѣ. По количеству труда, затраченнаго на производство продукта, мы можемъ (болѣе или менѣе точно) найти его мѣновое отношеніе къ другимъ продуктамъ. Въ этомъ именно смыслѣ трудъ является мѣрой цѣнности въ современномъ хозяйствѣ. Сравнительное его количество *объективно* опредѣляетъ сравнительное мѣновое отношеніе даннаго предмета къ другимъ.

Но вся эта зависимость представляется чисто эмпирической, внѣшней. Трудъ опредѣляетъ цѣнность не потому, что это именно трудъ, не въ силу какой-либо внутренней присущей ему особенности. Нѣтъ, зависимость цѣнности отъ труда выведена не изъ внутренняго свойства труда, какъ такового, а изъ внѣшняго эмпирическаго соотношенія между количествомъ труда и величиной издержекъ производства, величиной издержекъ производства и высотой мѣновой цѣнности.

Для того, чтобы придать внутренній смыслъ такого рода механическому соотношенію цѣнности и труда, Рикардо связываетъ обмѣнъ въ современномъ хозяйствѣ съ обмѣномъ въ первобытномъ состояніи общества, разсматриваетъ первый, какъ исторически усложнившійся первоначальный обмѣнъ. Въ первоначальномъ обмѣнѣ цѣнность предмета является, по представленію Рикардо, внутреннимъ результатомъ извѣстныхъ органически присущихъ труду свойствъ. Доказывая, что современный обмѣнъ есть лишь усложнившійся первоначальный, что въ этомъ процессѣ усложненія внѣшнее проявленіе закона обмѣна — зависимость мѣновой цѣнности отъ количества труда — осталось безъ перемѣны, Рикардо, по-видимому, какъ-бы предполагаетъ, что и внутренній смыслъ этого закона долженъ остаться тотъ же. Онъ какъ бы предполагаетъ, что и на высшихъ ступеняхъ народнаго

хозяйства трудъ является не только чисто внѣшней эмпирической мѣрой цѣнности, но и внутренней причиной цѣнности, какъ это имѣетъ мѣсто на первыхъ ступеняхъ хозяйственной жизни *).

Но такое разсужденіе совершенно неправильно. Внутреннее причинное соотношеніе между цѣнностью и трудомъ можетъ существовать только до тѣхъ поръ, пока существуютъ условія, при которыхъ оно можетъ проявиться. Трудъ могъ бы быть субъективнымъ источникомъ цѣнности только тогда, когда существуетъ непосредственная связь между продуктомъ, подвергающимся оцѣнкѣ, и работникомъ, когда предметы предлагаются къ обмѣну ихъ непосредственными производителями — работниками. Какъ только нарушается эта связь, исчезаетъ возможность оцѣнки продукта по количеству и обременительности работы, затраченной на его производство. Предметы могутъ оцѣниваться уже только по количеству и обременительности тѣхъ жертвъ, которыя несетъ капиталистъ-предприниматель. А эти послѣднія опредѣляются количествомъ расходовъ, затраченныхъ на производство, т. е. издержками производства, и лишеніемъ той выгоды, какую можно извлечь изъ капитала, т. е. прибылью на капиталъ. Непосредственная причинная связь между трудомъ и цѣнностью въ современныхъ условіяхъ хозяйства исчезаетъ.

Но существуетъ-ли такая связь въ первобытномъ состояніи общества, какъ думаетъ Рикардо? Мы имѣемъ достаточно основаній отвѣтить на этотъ вопросъ отрицательно. Доводы, приводимыя Рикардо въ пользу своего мнѣнія, исключительно апріорнаго характера. По его мнѣнію, зависимость цѣнности отъ количества труда въ первобытномъ состояніи хозяйства является вполнѣ *естественной* и *единственно возможной*. Однако понятіе „естественнаго“ крайне условно и вполнѣ зависитъ отъ тѣхъ условій жизни и идей, съ которыми мы сроднились; такъ какъ и тѣ и другія съ теченіемъ времени мѣняются, мѣняются и наши представленія объ естественномъ, являясь такимъ образомъ весьма плохимъ средствомъ для воспроизведенія тѣхъ явленій, которыя имѣли мѣсто въ дѣйствительности при иныхъ условіяхъ.

Съ другой стороны въ настоящее время мы можемъ оцѣ-

*) Этимъ можно объяснить, почему Рикардо начинаетъ изслѣдованіе цѣнности съ экскурсіи въ область первобытныхъ условій обмѣна, тогда какъ простое эмпирическое соотношеніе цѣнности и труда можно вывести прямо изъ современныхъ условій обмѣна.

нивать вещь не только по количеству затраченныхъ на нее усилій, но и сообразно многимъ другимъ моментамъ, напр., удовольствію или пользѣ, какія вещь доставляетъ, настоятельности нашего желанія обладать вещью, нашему богатству. Нѣтъ достаточныхъ основаній, почему бы эти моменты не оказывали вліянія на оцѣнку вещей въ первобытномъ состояніи общества.

Если такимъ образомъ апріорные доводы не убѣждаютъ насъ въ томъ, что мѣновое отношеніе въ первобытную эпоху зависитъ отъ количества труда, затраченнаго на производство или добываніе предмета, то факты прямо противорѣчатъ такому предположенію. Они свидѣтельствуютъ, что трудъ не играетъ роли при опредѣленіи мѣновыхъ отношеній у дикихъ народовъ; „первобытный человѣкъ — говоритъ Зиберъ — разсматриваетъ пріобрѣтаемую вещь исключительно съ точки зрѣнія ея кажущейся или дѣйствительной полезности, новизны и т. п. качествъ и готовъ отдать за нее результатъ гораздо бо́льшаго собственнаго труда“ *). Ему очень часто приходится пріобрѣтать путемъ обмѣна вещи, производимыя неизвѣстнымъ ему количествомъ труда — продукты чужихъ странъ и народовъ, тѣмъ не менѣе онъ устанавливаетъ опредѣленное мѣновое отношеніе между такими предметами и продуктами своей страны и своего труда.

Такимъ образомъ представленіе Рикардо объ обмѣнѣ въ первобытномъ состояніи общества совершенно расходится съ дѣйствительностью. Онъ разсматриваетъ первобытнаго охотника и рыболова, какъ двухъ капиталистовъ-предпринимателей, которые высчитываютъ рабочую плату и прибыль на капиталъ, издержки производства и цѣны своихъ продуктовъ **); понятія, выработанныя на почвѣ современнаго сложнаго хозяйственнаго строя, онъ приписываетъ той эпохѣ, когда явленія, имъ соотвѣтствующія, еще вовсе не существовали. Понятно, что выводы, сдѣланные изъ такого произвольнаго, антиисторическаго изображенія явленій прошедшаго времени, лишены всякой достовѣрности и убѣдительности.

Если въ первобытномъ состояніи хозяйства трудъ не служитъ источникомъ цѣнности, а въ современномъ тѣмъ болѣе, то остается, слѣдовательно, одно внѣшнее эмпирическое соотно-

*) **Зиберъ.** Очерки первобытной экономической культуры. 1883, стр. 371, 372.

) **K. Bücher, Die Entstechung der Volkswirtschaft, 1893, стр. 13.

шеніе между количествомъ труда и цѣнностью. Но и правильность такого соотношенія нарушается, какъ мы видѣли, двумя причинами: бо́льшею или меньшей продолжительностью времени, въ теченіе котораго трудъ прилагается къ производству, и измѣненіями въ высотѣ рабочей платы. Не отрицая этихъ вліяній, Рикардо приписываетъ имъ, однако, ничтожное значеніе, сравнительно съ зависимостью цѣнности отъ количества труда. Едва ли можно и съ этимъ согласиться.

Продолжительность періода производства оказываетъ хотя и медленное, но систематическое вліяніе на цѣнность, постепенно отклоняя ее отъ правильнаго соотношенія съ количествомъ труда. Это отклоненіе довольно ощутительно уже даже послѣ короткаго сравнительно времени. Мы можемъ видѣть это на слѣдующемъ примѣрѣ *). Положимъ, что одинъ продуктъ производится 100 днями труда въ теченіе года, другой — 1000 днями въ теченіе 5 лѣтъ, при ежегодной затратѣ 200 рабочихъ дней. Если рабочая плата въ день равняется 1 маркѣ и прибыль составляетъ 10%, то цѣнность перваго продукта будетъ 110 марокъ, и второго опредѣлится изъ слѣдующей таблицы.

Годъ производства.	Количество труда.	Издержки производства.	Прибыль.	Цѣна продукта.
Первый. . .	200	200	20	220
Второй . . .	200	220+200	42	462
Третій . . .	200	462+200	66	728
Четвертый .	200	728+200	93	1021
Пятый . . .	200	1021+200	122	1343

Слѣдовательно количество труда относится какъ 1 : 10, а цѣнность продуктовъ какъ 110 : 1343 или 1 : 12,$_2$. Въ дѣйствительности вліяніе времени на сравнительную цѣнность продуктовъ гораздо больше, такъ какъ къ производству многихъ пред-

*) **G. Adler,** Die Grundlagen der Karl Marx'schen Kritik der bestehenden Volkswirthschaft, 1887, стр. 95.

метовъ прилагается прошлый трудъ, предпринятый за много лѣтъ до окончательнаго изготовленія продукта. Экономическій прогрессъ общества въ значительной степени зависитъ отъ того, чтобы, по-возможности, отодвинуть дальше первое приложеніе труда отъ его окончательнаго результата, вставить между этими двумя крайними моментами какъ можно болѣе промежуточныхъ стадій. Въ результатѣ такого удлиненія процесса производства, послѣднее достигаетъ поразительныхъ результатовъ *). Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, время пріобрѣтаетъ все болѣе и болѣе вліянія на цѣнность. Игнорируя это вліяніе, мы упускаемъ изъ вниманія важный элементъ народнаго хозяйства, тѣмъ болѣе важный, что значеніе его все болѣе возрастаетъ.

Что касается измѣненій рабочей платы, то, по мнѣнію Рикардо, они могутъ измѣнить сравнительную цѣнность предметовъ не болѣе, какъ на 6 или 7%, вліяніе ничтожное, сравнительно съ тѣми измѣненіями, которыя происходятъ въ цѣнѣ товаровъ отъ уменьшенія количества труда, благодаря успѣхамъ техники. Правда, что послѣднія измѣненія бываютъ весьма интенсивны, но всякое такое измѣненіе касается производства только одного или нѣсколькихъ товаровъ. Между тѣмъ измѣненія рабочей платы, хотя оказываютъ менѣе интенсивное вліяніе на мѣновое отношеніе въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, но измѣняютъ сравнительную цѣнность множества товаровъ и такимъ образомъ недостатокъ интенсивности восполняютъ экстенсивностью своего дѣйствія.

Все это еще разъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что установленное Рикардо соотношеніе между количествомъ труда и цѣнностью продукта не только эмпирическое, но къ тому же еще весьма неточное, приблизительное.

Что касается послѣдняго недостатка—неточности и приблизительности, то его можно было бы избѣжать, еслибы принять въ расчетъ тотъ элементъ, который нарушаетъ правильную зависимость цѣнности отъ труда. Такимъ элементомъ является, какъ мы видѣли, прибыль на капиталъ. Цѣнность въ первой инстанціи опредѣляется издержками производства; издержки производства разлагаются на вознагражденіе рабочихъ

*) **B. Bawerk,** Kapital und Kapitalzins. 1884—1889. т. 2, стр. 10 и сл.

и вознагражденіе капиталистовъ; вознагражденіе рабочихъ пропорціонально количеству труда, слѣдовательно, та часть цѣнности, которая соотвѣтствуетъ вознагражденію рабочихъ находится въ правильной и точной зависимости отъ количества труда; но для того, чтобы опредѣлить всю цѣнность, надо поставить ее въ зависимость отъ элемента, который находится въ такомъ же отношеніи къ вознагражденію капиталистовъ, какъ трудъ къ вознагражденію рабочихъ. Еще Senior указывалъ на то, что производство требуетъ двоякаго рода жертвъ — труда рабочихъ и воздержанія капиталистовъ отъ непосредственнаго потребленія капитала; сумма труда и воздержанія, необходимыхъ для производства, составляетъ его дѣйствительныя издержки *). Эта мысль подробно развита Cairnes'омъ **). Издержками производства — говоритъ онъ — слѣдуетъ считать только то, что человѣкъ затрачиваетъ, вступая въ обмѣнъ съ природой, только тѣ жертвы, которыхъ требуетъ отъ него производство. Эти жертвы приносятся рабочими и капиталистами и состоятъ въ трудѣ и воздержаніи отъ потребленія капитала. Рабочая плата и прибыль капиталиста суть только вознагражденіе за жертвы и издержки производства ***).

Итакъ второй элементъ, который долженъ былъ бы находиться въ такомъ же отношеніи къ цѣнности, какъ трудъ, — это воздержаніе капиталистовъ. Количество труда и размѣръ воздержанія должны были бы вполнѣ точно опредѣлять цѣнность ****). Но возможно-ли поставить мѣновую цѣнность въ зависимость отъ этихъ двухъ элементовъ? По мнѣнію Cairnes'а это было бы возможно, еслибы вознагражденіе за трудъ и воздержаніе во всѣхъ видахъ производства было одинаково; а оно было бы одинаково, еслибы существовала полная свобода въ выборѣ занятія какъ для труда, такъ и для капитала. Для капитала такая свобода

---

*) **Senior,** Political Economy 1854, стр. 58 и сл. (цит. Zuckerkandl, о. с., стр. 269).

) **Cairnes, Some leading principles. 1874, стр. 48 и сл.

***) Дифференціація этихъ понятій съ точки зрѣнія субъективной теоріи цѣнности см. **Patten** Cost and expence въ публ. Амер. Акад.

****) **Shadwell,** A system of Pol. Econ. 1877, стр. 107: «The law therefore may be rendered still more correct by saying that the value of a commodity depends on the labour and abstinence, which are necessary to produce it» etc

еще существуетъ, хотя и съ нѣкоторыми ограниченіями; но для труда она встрѣчаетъ весьма сильныя препятствія. Поэтому цѣнность только тѣхъ продуктовъ находится въ одинаковомъ отношеніи къ издержкамъ — труду и воздержанію, производители которыхъ свободно конкуррируютъ между собою въ выборѣ занятія; если же производители не принадлежатъ къ одной и той же конкуррирующей группѣ (industrial group or competing circle), цѣнность продуктовъ находится въ различномъ отношеніи къ издержкамъ *)

Къ менѣе благопріятному результату приходитъ Marshal **). Какъ и Cairnes, онъ считаетъ издержками производства трудъ и воздержаніе; но цѣны опредѣляются, по его мнѣнію, не издержками, а цѣною, какую надо заплатить за трудъ и воздержаніе.

Можно думать, что даже въ томъ случаѣ, когда производители принадлежатъ къ одной и той же группѣ конкуррирующихъ между собою лицъ, цѣнность не можетъ быть поставлена въ зависимость отъ труда и воздержанія вмѣстѣ Трудъ и капиталъ входятъ въ разныя производства въ различныхъ другъ къ другу отношеніяхъ. Чтобы судить о цѣнности продукта по совокупности труда и воздержанія, надо имѣть возможность сравнивать между собою сочетанія различныхъ количествъ этихъ элементовъ. Положимъ, что можно еще сравнивать одно количество труда съ другимъ — ниже мы увидимъ, насколько это возможно — и одно количество воздержанія съ другимъ количествомъ; но у насъ нѣтъ мѣры для сравненія труда съ воздержаніемъ, эти два элемента объективно между собою несоизмѣримы. Субъективно они, пожалуй, сравнимы по обременительности жертвъ, но мы уже старались показать, что въ отношеніи труда такая мѣра не имѣетъ значенія для мѣновой цѣнности въ современныхъ условіяхъ хозяйства Поэтому и опредѣленіе цѣнности посредствомъ совокупности труда и воздержанія невозможно. Попытку придать трудовой теоріи точность, ввести въ нее поправку, соотвѣтствующую элементу прибыли на капиталъ, нужно считать неосуществимой. Этой теоріи приходится ограничиться только установленіемъ приблизительнаго соотношенія между трудомъ и цѣнностью.

---

*) l. c., стр. 68.

) Цит. **Zuckerkandl, o. c., стр. 275.

Мы сказали, что такое соотношеніе является вмѣстѣ съ тѣмъ и эмпирическимъ: по количеству труда съ извѣстной приблизительностью можно судить о величинѣ цѣнности. Однако многіе послѣдователи теоріи Рикардо идутъ дальше. Они не только признаютъ существованіе извѣстнаго соотношенія между количествомъ труда и величиной цѣнности, но понимаютъ это соотношеніе въ томъ смыслѣ, что трудъ есть источникъ и причина цѣнности, что извѣстное его количество производитъ опредѣленную цѣнность. Но едва-ли такое мнѣніе основано на достаточно убѣдительныхъ доказательствахъ.

Если два элемента — количество труда и сравнительная мѣновая цѣнность — сопутствуютъ другъ другу такимъ образомъ, что величина одного соотвѣтствуетъ болѣе или менѣе величинѣ другого, то отсюда нельзя еще вывести заключенія, какое изъ этихъ двухъ явленій есть причина, и какое слѣдствіе другого, и даже нельзя вообще утверждать, что между ними существуетъ причинная связь: оба явленія могутъ быть слѣдствіемъ третьяго.

Для того, чтобы убѣдиться, что одно явленіе дѣйствительно причина и какое именно, а другое слѣдствіе, нужно или подвергнуть существующую между ними зависимость одному изъ методовъ индуктивнаго изслѣдованія, посредствомъ которыхъ можетъ быть открыта точная причинная связь между явленіями, или привести какое-либо достаточное основаніе къ тому, что одно явленіе *должно* быть причиной другого.

Приведетъ ли насъ тотъ или другой способъ къ убѣжденію, что трудъ есть причина, а цѣнность — слѣдствіе? Попытаемся изслѣдовать съ этою цѣлью характеръ зависимости между этими двумя элементами. Если на производство вещи затрачивается трудъ, то всегда-ли такая затрата сопровождается мѣновою цѣнностью продукта? Мы, разумѣется, имѣемъ въ виду хозяйство, основанное на обмѣнѣ. Исключивъ категорію предметовъ, которые и безъ приложенія труда имѣются въ достаточномъ количествѣ, а также отдѣльные случаи ошибочнаго или безцѣльнаго приложенія труда, мы должны признать, что, дѣйствительно, всѣ предметы, на производство которыхъ затраченъ трудъ, обладаютъ цѣнностью. Этотъ фактъ какъ бы говоритъ въ пользу предположенія, что трудъ есть источникъ цѣнности. Но убѣдительность такого вывода падаетъ, если мы посмотримъ на дѣло съ другой точки зрѣнія. Если мы предположимъ, что цѣн-

ность есть причина, а затрата труда — слѣдствіе того, что вещь обладаетъ цѣнностью, то дѣйствительность не будетъ противорѣчить и такому предположенію. Если вещи обладаютъ цѣнностью и могутъ быть произведены трудомъ, мы знаемъ, что трудъ затрачивается на ихъ производство. Слѣдовательно, съ одинаковымъ правомъ мы могли бы пока утверждать какъ то, что затрата труда вызываетъ цѣнность, такъ и то, что цѣнность вызываетъ затрату труда. Но пойдемъ далѣе. Если трудъ есть источникъ цѣнности, то отсутствіе труда въ предметѣ должно вести къ отсутствію цѣнности. Для одной категоріи предметовъ — ограниченныхъ въ количествѣ — это не оправдывается. Такіе предметы могутъ не быть продуктами труда и все-таки обладать цѣнностью. Но предполагается, что цѣнность подчиняется въ этомъ случаѣ инымъ законамъ. Для другой же категоріи предметовъ, количество которыхъ сравнительно неограничено, такое соотношеніе существуетъ; они не производятся трудомъ и не обладаютъ цѣнностью. Но опять-таки и здѣсь существуетъ обратная зависимость: если предметы не обладаютъ цѣнностью или почему-либо теряютъ ее (хотя бы сохраняли въ то же время полезность), на производство ихъ не тратятъ труда. Вопросъ о причинной зависимости цѣнности и затраты труда опять остается все-таки не рѣшеннымъ.

Посмотримъ, наконецъ, какъ вліяютъ на цѣнность измѣненія въ затратахъ труда и обратно. Если увеличивается количество труда, затрачиваемаго на производство, то цѣнность продукта возрастаетъ, или производство дѣлается невозможнымъ. Это наиболѣе сильное доказательство въ пользу того, что цѣнность зависитъ отъ труда, такъ какъ обратной зависимости здѣсь не существуетъ: цѣнность предметовъ, производимыхъ въ любомъ количествѣ, безъ сравнительнаго возрастанія издержекъ производства, не можетъ повыситься сама по себѣ на продолжительное время и уклониться отъ издержекъ производства, при полной свободѣ въ установленіи цѣнъ подъ вліяніемъ свободнаго соперничества сторонъ; слѣдовательно, въ этомъ случаѣ не можетъ быть рѣчи о вліяніи увеличенія цѣнности на увеличеніе затратъ труда, такъ какъ самое увеличеніе цѣнности невозможно. Но доказательная сила и этого соотношенія ослабляется двумя обстоятельствами. Во 1-хъ, тѣмъ, что существуетъ извѣстная граница, до которой затрата труда возвышаетъ цѣнность; далѣе этой гра-

ницы цѣнность не можетъ возвышаться и дальнѣйшая бо́льшая затрата труда, если бы она даже была необходима по какимъ-либо техническимъ причинамъ, оказалась бы экономически невозможной; слѣдовательно, здѣсь опять проявляется обратная зависимость размѣра затратъ труда отъ цѣнности. Во 2-хъ, увеличивающаяся затрата труда возвышаетъ цѣнность продукта не непосредственно, но косвеннымъ путемъ — черезъ уменьшеніе количества продуктовъ *); такъ какъ, при бо́льшей затратѣ труда, прежняя цѣнность продукта не соотвѣтствуетъ новымъ издержкамъ производства, то размѣръ производства сокращается, и затѣмъ уже цѣнность продукта поднимается. Увеличеніе затратъ труда не вліяетъ, слѣдовательно, на цѣнность само по себѣ, но дѣло происходитъ такимъ образомъ, что разница между бо́льшими издержками производства, при бо́льшей затратѣ труда, и прежней цѣной, вліяетъ на количество продуктовъ, а послѣднее уже вліяетъ на цѣнность. Вводится слѣдовательно совершенно новый и посторонній труду факторъ — количество продуктовъ, причемъ зависимость между нимъ и цѣнностью имѣетъ такой же эмпирическій характеръ, какъ и зависимость между трудомъ и цѣнностью; количество предметовъ, очевидно, не есть конечная причина, опредѣляющая цѣнность. Но во всякомъ случаѣ цѣнность, относящаяся сначала индифферентно къ бо́льшей затратѣ труда, затѣмъ только уступаетъ дѣйствію измѣнившагося количества продуктовъ. Слѣдовательно, и въ этомъ случаѣ мы не знаемъ точной и послѣдней причины вліянія труда на цѣнность.

Наконецъ, въ томъ случаѣ, когда затрата труда на производство уменьшается, уменьшается и цѣнность продукта; но здѣсь снова существуетъ и обратная зависимость: съ уменьшеніемъ цѣнности продукта должно уменьшиться количество труда, затрачиваемаго на его производство.

Итакъ, разсмотрѣвъ различныя возможныя и наблюдаемыя въ дѣйствительности соотношенія между цѣнностью и трудомъ,

---

*) За исключеніемъ того сравнительно рѣдкаго случая, когда потребность въ продуктѣ труда не поддается ни расширенію, ни съуженію; сюда относится примѣръ, приводимый Г. Залѣсскимъ, Ученіе о цѣнности, в. II, 1893, стр. 154—155.

мы все-таки не приходимъ къ познанію точнаго и конечнаго характера зависимости между этими двумя элементами. Этого результата мы не достигнемъ и въ томъ случаѣ, если будемъ искать основанія, почему трудъ *долженъ* быть причиной цѣнности. Мы видѣли въ теоріи Рикардо попытку найти такое основаніе въ субъективномъ значеніи труда для работника-производителя, но и оно оказывается невозможнымъ въ современныхъ условіяхъ производства.

Такимъ образомъ мы не пришли къ возможности выразить существующее между цѣнностью и трудомъ эмпирическое соотношеніе въ видѣ точнаго закона. Если это вообще возможно, то, очевидно, для достиженія такой цѣли необходимы какія-либо болѣе убѣдительныя доказательства, болѣе глубокій анализъ причинъ зависимости цѣнности отъ труда, сравнительно съ тѣми доказательствами и анализомъ, какіе мы находимъ въ теоріи Рикардо. Теорія Рикардо получила широкое распространеніе и популярность, пріобрѣла многихъ послѣдователей, повторяется и излагается во многихъ учебникахъ и руководствахъ. Но всѣ ея послѣдователи стоятъ на той же точкѣ зрѣнія, какъ и Рикардо: они принимаютъ зависимость цѣнности отъ труда, какъ фактъ, какъ нѣкоторое эмпирическое соотношеніе, само по себѣ очевидное, понятное и общепризнанное, и не задаются цѣлью объяснить, почему же трудъ обладаетъ способностью производить цѣнность, въ чемъ состоитъ причина такой зависимости цѣнности отъ труда.

На этотъ вопросъ стараются отвѣтить представители теоріи слѣдующаго типа. Они стараются объяснить, почему цѣнность должна зависѣть отъ труда, и доказать, что она дѣйствительно зависитъ только отъ труда. Зависимость цѣнности отъ труда превращается изъ приблизительнаго, фактическаго отношенія въ точный конечный законъ, и теорія цѣнности изъ эмпирической въ точную. Представителями точной трудовой теоріи цѣнности являются талантливый экономистъ Rodbertus и одинъ изъ наиболѣе популярныхъ авторовъ — Marx. Первый старается указать тѣ присущія труду свойства и особенности, въ силу которыхъ онъ одинъ есть и долженъ быть источникомъ и причиной цѣнности, второй приходитъ къ тому же выводу, анализируя природу товара и характеръ мѣнового отношенія.

Мы разсмотримъ обѣ теоріи для того, чтобы окончательно выяснить вопросъ, можетъ-ли трудъ, дѣйствительно, быть причиной цѣнности и насколько зависимость между нимъ и цѣнностью можетъ быть выражена въ видѣ точнаго закона.

Исходная точка зрѣнія Rodbertus'a въ общихъ чертахъ сходна съ точкой зрѣнія классической трудовой теоріи Рикардо: онъ также исходитъ изъ анализа тѣхъ затратъ и издержекъ, съ которыми сопряжено производство, разлагаетъ ихъ на конечные элементы и выдѣляетъ одинъ такой элементъ — трудъ; вся особенность его ученія состоитъ только въ томъ, что онъ указываетъ на тѣ особыя свойства труда, которыя отличаютъ его отъ всѣхъ прочихъ элементовъ и необходимо должны вести къ тому, что одинъ трудъ можетъ и долженъ быть причиной и мѣрой цѣнности. Ученіе Rodbertus'a о цѣнности въ общихъ чертахъ состоитъ въ слѣдующемъ *).

На производство всякаго предмета затрачивается извѣстное количество жертвъ, расходовъ, производительной силы — Opfer, Kosten, Productivkraft. Если въ результатѣ производства получаются предметы, необходимые для другихъ, то справедливо, чтобы, въ обмѣнъ за эти предметы, ихъ производитель получалъ нужные *ему* предметы, заключающіе въ себѣ такое же количество жертвъ, затратъ и производительной силы, какое онъ самъ вложилъ въ свои предметы. Но въ дѣйствительности производитель только въ рѣдкихъ случаяхъ производитъ ту именно потребительную цѣнность, какая нужна другимъ; обыкновенно ту или другую часть производительныхъ силъ онъ затрачиваетъ напрасно; въ такомъ случаѣ онъ лишается права разсчитывать на полное вознагражденіе за всѣ свои жертвы и затраты и долженъ довольствоваться нѣкоторымъ меньшимъ вознагражденіемъ, мѣра котораго находится опять-таки въ зависимости отъ того, насколько произведенный предметъ необходимъ для другихъ лицъ. Въ такомъ случаѣ въ обмѣнъ за бо́льшее количество производительной силы, неразсчетливо затраченной, производитель получаетъ продуктъ съ меньшимъ содержаніемъ той-же силы. Бо́ль-

---

*) **Rodbertus-Jagetzow**, zur Beleuchtung der socialen Frage. Zweite und dritte soc. Brief an v. Kirchmann. 1875.

шее количество производительной силы, заключенной въ одномъ продуктѣ, обмѣнивается на меньшее количество той же силы, заключенной въ другомъ продуктѣ.

Но долго такое состояніе продолжаться не можетъ: никто не можетъ получать въ теченіе продолжительнаго времени за меньшее количество производительной силы продуктъ, стоившій бо́льшей затраты производительной силы, и обратно, никто не станетъ продолжительное время затрачивать больше производительной силы, чтобы въ обмѣнъ за нее получать меньше; раньше или позже должно возстановиться равновѣсіе, и въ обмѣниваемыхъ предметахъ снова должны заключаться равныя количества затратъ.

Такимъ образомъ, хотя въ дѣйствительности въ каждый моментъ количества производительной силы въ обмѣниваемыхъ предметахъ могутъ быть и бываютъ не равны, но, въ общемъ, въ обмѣнѣ существуетъ стремленіе къ установленію такого равенства.

Въ чемъ же заключаются тѣ жертвы, затраты, та производительная сила, которыя стремятся уравняться во взаимно обмѣниваемыхъ предметахъ?

Трудъ есть первоначальная жертва, первая затрата, первая и послѣдняя производительная сила, затрачиваемая на всѣ продукты—Arbeit ist das ursprüngliche Opfer, die primairen Kosten, die erste und letzte Produktivkraft, die für alle Produkte aufgewendet wird. Всѣ хозяйственные предметы суть продукты труда, одного труда и только того труда, который производитъ матеріальныя операціи, необходимыя для полученія продукта.

Но если весь предметъ есть продуктъ одного труда, то онъ долженъ былъ бы доставаться весь тому, кто затрачиваетъ эту производительную силу — работнику. И однако же, кромѣ рабочей платы, существуетъ прибыль на капиталъ и рента. Откуда же происходитъ то, что капиталистъ и собственникъ земли получаетъ доходъ? Это явленіе произошло исторически, и его существованіе зависитъ отъ двухъ условій: хозяйственнаго и правового. Первое состоитъ въ томъ, что трудъ долженъ быть настолько производителенъ, чтобы давать больше продуктовъ, чѣмъ необходимо для содержанія самого работника; иначе продуктовъ не хватило бы въ одно и то же время и для работника и для другихъ лицъ. Такая производительность достигается раз-

дѣленіемъ труда. Условіе правового характера заключается въ существованіи такого института, который давалъ бы юридическую возможность капиталисту или собственнику земли присваивать себѣ ту часть продуктовъ труда, которая превышаетъ потребности работника. Такой институтъ состоитъ въ правѣ частной собственности на орудія производства и землю. На этихъ двухъ условіяхъ — достаточной производительности труда и существованіи собственности на капиталъ и землю — основано существованіе ренты (такъ Rodbertus называетъ доходъ и капиталиста, и земельнаго собственника).

Первое условіе возникло тогда, когда, вмѣстѣ съ установленіемъ рабства, установлено было и принудительное раздѣленіе труда между рабами. Благодаря раздѣленію труда, послѣдній сталъ болѣе производителенъ, и излишекъ продуктовъ, сверхъ того, что необходимо для содержанія рабовъ, былъ присвоенъ ихъ господиномъ.

Затѣмъ рабство было отмѣнено, но отмѣнено такимъ образомъ, что за прежнимъ господиномъ осталось право собственности на орудія производства и землю. Тогда возникло и второе, юридическое условіе существованія ренты. Земельные собственники и капиталисты могли продиктовать освобожденнымъ работникамъ такое условіе: „вы, работники, уступите намъ весь продуктъ вашего труда, и за то вы получите часть его отъ насъ, въ видѣ вашего заработка“. Они имѣли и правовое и хозяйственное основаніе предъявить такое требованіе; и юридическое, и хозяйственное основаніе заставляло работниковъ согласиться на это.

И вотъ, въ силу исторически сложившихся правовыхъ и хозяйственныхъ условій жизни, обладатель единственной производительной силы — работникъ — вынужденъ дѣлиться продуктомъ своего труда съ другими лицами — капиталистомъ и земельнымъ собственникомъ. Затѣмъ изъ того факта, что капиталистъ и земельный собственникъ получаютъ часть продукта, наравнѣ съ работникомъ, ретроспективнымъ уже образомъ вывели заключеніе, что эти части продукта суть вознагражденіе за особыя производительныя услуги капитала и земли, подобно тому, какъ доля рабочаго есть вознагражденіе за производительную силу труда. А отсюда, далѣе, будто и самый продуктъ есть результатъ взаимодѣйствія производительныхъ услугъ трехъ факторовъ — труда, капитала и земли.

Но кто не видитъ — восклицаетъ Rodbertus — что это грубѣйшая логическая ошибка, petitio principii, ложная, поверхностная абстракція? Предметы суть продукты одного только труда.

Эта истина является въ глазахъ Rodbertus'а почти очевидной, не требующей доказательствъ. Тѣмъ не менѣе, въ виду особой ея важности, онъ старается подтвердить ее нѣкоторыми соображеніями. Предметы сами по себѣ — говоритъ Rodbertus — безъ труда не имѣли бы для насъ никакого значенія, они не могутъ быть употреблены на удовлетвореніе потребностей непосредственно; единственно трудъ даетъ возможность употребить эти средства, согласно ихъ назначенію; трудъ, слѣдовательно, является необходимымъ условіемъ удовлетворенія потребностей, онъ служитъ посредствующимъ звеномъ между средствами удовлетворенія потребностей и самымъ ихъ удовлетвореніемъ. Далѣе, трудъ ограниченъ во времени и въ силѣ; будучи разъ затраченъ, онъ уже израсходованъ безвозвратно. Наконецъ, трудъ является ограниченіемъ человѣческой свободы. По всѣмъ этимъ причинамъ трудъ и только одинъ трудъ имѣетъ хозяйственное значеніе.

Итакъ, если предметы стремятся обмѣниваться въ пропорціи заключенныхъ въ нихъ жертвъ, затратъ и производительной силы; если всѣ жертвы, затраты, вся производительная сила сводятся къ труду, такъ какъ онъ одинъ имѣетъ хозяйственное значеніе, то, очевидно, что цѣнность продукта должна быть равна затратѣ труда, и что въ дѣйствительности она тяготѣетъ къ этой величинѣ.

Переходя къ обсужденію изложенной теоріи, необходимо, прежде всего, указать на то, что въ ней смѣшиваются двѣ совершенно различныя и независимыя другъ отъ друга точки зрѣнія. Rodbertus говоритъ въ одно и то же время, и о томъ, чѣмъ обмѣнъ опредѣляется въ дѣйствительности и о томъ, чѣмъ онъ долженъ опредѣляться по справедливости. Излагая дѣйствительныя условія обмѣна, указывая, что въ обмѣниваемыхъ предметахъ дѣйствительно заключаются равныя количества производительной силы, онъ, въ подтвержденіе этого, ссылается на то, что *справедливость* требуетъ такого обмѣна, что производя потребительныя цѣнности, необходимыя для другихъ, всякій *имѣетъ право* требовать полнаго вознагражденія за свой трудъ. Въ до-

казательство дѣйствительнаго существованія факта приводится то соображеніе, что этого требуетъ справедливость.

Но очевидно, что изслѣдованіе зависимости существующихъ явленій и оцѣнка ихъ съ точки зрѣнія справедливости суть вещи совершенно различныя. Изъ того, что извѣстное явленіе должно было бы происходить такъ, а не иначе, для того, чтобы удовлетворять требованіямъ справедливости, вовсе еще не слѣдуетъ, чтобы и въ дѣйствительности оно происходило такимъ именно образомъ. Съ извѣстной точки зрѣнія было бы, пожалуй, весьма справедливо, чтобы результаты труда цѣнились по субъективной обременительности работы; но изъ этого нисколько не слѣдуетъ, чтобы въ дѣйствительности трудъ былъ мѣрой цѣнности. Сужденіе о томъ, какъ должны происходить явленія по справедливости, очевидно, не можетъ уяснить, какъ они происходятъ на самомъ дѣлѣ. И такъ какъ теорія цѣнности изучаетъ только дѣйствительную зависимость явленій, но не желательную или возможную, то, оставивъ въ сторонѣ оцѣнку явленій обмѣна съ точки зрѣнія справедливости, мы обратимся лишь къ законамъ ихъ дѣйствительнаго существованія, какъ ихъ изображаетъ Rodbertus.

Въ этомъ отношеніи теорія Rodbertus'а можетъ быть сведена къ двумъ основнымъ положеніямъ. Изъ нихъ первое утверждаетъ, что цѣнность предметовъ опредѣляется количествомъ затраченныхъ на ихъ производство жертвъ, расходовъ, производительной силы; второе — что всѣ эти жертвы, расходы, производительная сила исчерпываются въ хозяйственномъ отношеніи понятіемъ труда. Если одно изъ этихъ положеній, а тѣмъ болѣе оба, окажутся невѣрными, рушатся и всѣ построенные на нихъ выводы. Центръ тяжести всего ученія Rodbertus'а лежитъ въ послѣднемъ положеніи, и къ нему мы прежде всего обратимся.

Если Rodbertus говоритъ, что предметы суть продукты одного только труда, то, само собою разумѣется, онъ не думаетъ этимъ сказать, что въ техническомъ отношеніи одинъ лишь трудъ создаетъ предметъ, или что трудъ создаетъ самое вещество предмета. Онъ лишь утверждаетъ, что изъ всѣхъ факторовъ, производящихъ продуктъ, одинъ лишь трудъ имѣетъ хозяйственное значеніе. Всѣ другіе факторы и условія могутъ быть необходимы для производства, но хозяйственнаго значенія не имѣютъ. Что одинъ трудъ имѣетъ хозяйственное значеніе — это

представляется для Rodbertus'а, какъ мы видѣли, почти аксіомой. Тѣмъ не менѣе онъ снабдилъ свое положеніе нѣкоторыми доказательствами, и, нужно сказать, весьма кстати, такъ какъ, само по себѣ, оно вовсе не представляется столь несомнѣннымъ.

Причины, выдѣляющія трудъ изъ среды прочихъ факторовъ производства и ему одному сообщающія хозяйственное значеніе, заключаются, по мнѣнію Rodbertus'а, въ томъ, что, во 1), трудъ является необходимымъ посредствующимъ звеномъ между средствами удовлетворенія потребностей и самымъ удовлетвореніемъ потребностей; во 2), трудъ ограниченъ во времени и силѣ и, разъ будучи затраченъ, израсходованъ уже безвозвратно и въ 3), онъ является ограниченіемъ человѣческой свободы.

Первый признакъ присущъ не одному только труду, но и многимъ другимъ полезнымъ предметамъ. Подобно тому, какъ естественныя блага, силы природы и всякіе другіе предметы, сами по себѣ, не могутъ удовлетворять какую-либо потребность и требуютъ для этой цѣли посредничества труда, такъ точно и трудъ безъ матеріаловъ и силъ природы безсиленъ. Матеріальныя средства и силы природы составляютъ необходимое звено между трудомъ и удовлетвореніемъ потребностей. Такого рода обоюдная зависимость ведетъ къ тому, что, съ одной стороны, матеріальныя блага могутъ пріобрѣсти полезное и хозяйственное значеніе только при наличности труда, способнаго употребить ихъ на удовлетвореніе потребностей, и, съ другой — что трудъ можетъ пріобрѣсти полезное и хозяйственное значеніе только при условіи существованія матеріальныхъ средствъ и силъ природы, безъ которыхъ онъ не въ состояніи удовлетворить потребности.

Равнымъ образомъ и второй признакъ — ограниченность во времени и силѣ, сравнительно съ обиліемъ человѣческихъ потребностей, не составляетъ исключительнаго свойства одного труда; эту печальную для человѣчества особенность раздѣляютъ съ трудомъ весьма многіе необходимые для насъ предметы и силы природы. И вотъ, для того, чтобы хотя отчасти побѣдить ограниченность насущныхъ для него благъ, человѣкъ принужденъ работать въ потѣ лица своего: онъ тратитъ одинъ ограниченный предметъ — трудъ, чтобы сколько-нибудь увеличить количество всѣхъ другихъ ограниченныхъ благъ — пищи, одежды, жилья, предметовъ удобства, роскоши и удовольствія. И всѣ эти

предметы, ограниченные въ своемъ количествѣ, сравнительно съ потребностями въ нихъ человѣчества, всѣ они обладаютъ однимъ общимъ свойствомъ по отношенію къ человѣку: послѣдній старается распорядиться ими возможно благоразумнѣе, не расточаетъ ихъ, какъ тѣ предметы, количество которыхъ превышаетъ его потребности; съ наименьшей затратой такихъ предметовъ онъ старается достигнуть наибольшаго удовлетворенія потребностей. Однимъ словомъ, всѣ предметы, количество которыхъ ограничено, по сравненію съ потребностями, имѣютъ *хозяйственное* значеніе, являются *хозяйственными полезными предметами*, и среди нихъ важнымъ, но не единственнымъ хозяйственнымъ предметомъ является трудъ.

Отношеніе труда къ другимъ предметамъ хозяйства человѣка представляется, слѣдовательно, въ такомъ видѣ. Многіе предметы и силы природы раздѣляютъ съ трудомъ свойство служить удовлетворенію потребностей человѣка; всѣ такіе предметы и силы мы называемъ *полезными предметами* (благами); трудъ, слѣдовательно, прежде всего, является полезнымъ предметомъ. Между трудомъ и другими полезными предметами существуетъ, далѣе, такого рода зависимость, что всѣ другіе предметы только тогда могутъ быть полезны, когда имѣется на лицо трудъ, способный употребить ихъ въ дѣло, сообразно ихъ назначенію, и, съ другой стороны, трудъ только тогда можетъ удовлетворять наши потребности, когда существуютъ на лицо предметы, къ которымъ онъ можетъ быть приложенъ. Такимъ образомъ и трудъ и всѣ другіе полезные предметы только тогда обнаруживаютъ свои полезныя свойства, когда взаимно пополняютъ другъ друга; полезные предметы, находящіеся въ подобномъ соотношеніи другъ съ другомъ, суть комплементарные полезные предметы (Menger). Наконецъ, среди всѣхъ полезныхъ предметовъ тѣ, количество которыхъ ограничено, сравнительно съ нашими потребностями, пріобрѣтаютъ особое значеніе для нашего хозяйства. Такіе предметы мы называемъ хозяйственными; къ нихъ числу относится и трудъ.

Итакъ, мы видимъ, что два первые признака, указанные Rodbertus'омъ для труда, не выдѣляютъ его изъ среды всѣхъ предметовъ нашего хозяйства; они вводятъ его въ категорію хозяйственныхъ полезныхъ предметовъ, въ качествѣ одного изъ многихъ комплементарныхъ благъ этой категоріи.

Наконецъ, третій признакъ — то, что трудъ является ограниченіемъ свободы, придаетъ ему особое значеніе въ глазахъ того лица, которое производитъ работу. Но изъ этого субъективнаго значенія труда для работника не слѣдуетъ, чтобы онъ для всѣхъ другихъ лицъ имѣлъ особое объективное значеніе среди остальныхъ полезныхъ предметовъ. Человѣкъ, удовлетворяющій свои потребности чужимъ трудомъ (или его продуктами), удовлетворяетъ ихъ полезными свойствами труда, а не обременительностью работы, т. е. пользуется въ трудѣ тѣми самыми свойствами, какими онъ пользуется и во всѣхъ другихъ предметахъ, служащихъ для удовлетворенія потребностей. Однимъ словомъ, субъективное значеніе труда для работника не выдѣляетъ труда въ особую объективную категорію среди другихъ хозяйственныхъ полезныхъ предметовъ.

Субъективное значеніе труда, какъ извѣстнаго бремени, имѣетъ только то объективное послѣдствіе, что ограничиваетъ количество труда. Дѣйствительно, еслибы расходованіе труда не было сопряжено съ непріятностью, количество его значительно возросло-бы, пожалуй, даже превысило бы потребность въ немъ, и трудъ потерялъ бы хозяйственный характеръ, сталъ свободнымъ благомъ, подобно воздуху, свѣту, водѣ. Такой характеръ онъ и теперь носитъ въ тѣхъ видахъ дѣятельности, гдѣ не требуется предварительной тяжелой подготовки, а самое его расходованіе сопряжено съ нѣкоторымъ удовольствіемъ (напр., трудъ любителей драматическаго искусства). Субъективная-же обременительность работы ограничиваетъ количество труда, сообщаетъ ему или, по крайней мѣрѣ, увеличиваетъ то его свойство—ограниченность, которымъ другіе предметы обладаютъ сами по себѣ, помимо человѣка.

Въ результатѣ мы приходимъ къ слѣдующему заключенію. Хотя всѣ три указанные Rodbertus'омъ признака, дѣйствительно, вполнѣ доказываютъ полезное и хозяйственное значеніе труда, но они не доказываютъ, чтобы другіе предметы не имѣли тоже полезнаго и хозяйственнаго значенія. Полезное значеніе, наравнѣ съ трудомъ, имѣютъ всѣ предметы, пригодные для удовлетворенія потребностей человѣка, а среди нихъ всѣ тѣ, количество которыхъ ограничено, имѣютъ, наравнѣ съ трудомъ, хозяйственное значеніе.

Отсюда слѣдуетъ такой выводъ. Если трудъ вводится въ

понятіе жертвъ, затратъ, производительной силы, необходимыхъ для производства продукта, именно благодаря своему полезному и хозяйственному значенію, то съ такимъ же правомъ должны быть включены въ это понятіе жертвъ, затратъ, производительной силы и всѣ другіе полезные предметы, необходимые для полученія продукта, имѣющіе хозяйственный характеръ. Однимъ словомъ, понятіе жертвъ, затратъ, производительной силы шире понятія труда и не можетъ быть даже съ хозяйственной точки зрѣнія сведено къ одному труду.

Уже это одно обстоятельство приводитъ насъ къ убѣжденію, что цѣнность не можетъ опредѣляться однимъ трудомъ, если даже допустить, что она опредѣляется вообще нѣкоторыми жертвами, затратами и производительной силой, какъ утверждаетъ Rodbertus въ своемъ первомъ положеніи. Но она не опредѣляется и вообще жертвами etc., хотя бы мы подъ ними понимали не одинъ трудъ, но всѣ вообще факторы производства, имѣющіе хозяйственное значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, Rodbertus говоритъ, что всякій производитель получаетъ за вещь, заключающую въ себѣ извѣстное количество производительной силы, затратъ и жертвъ, другую вещь съ такимъ же содержаніемъ этихъ элементовъ только въ томъ случаѣ, если онъ производитъ вещь, необходимую другимъ. Въ противномъ случаѣ производитель не имѣетъ права расчитывать на полное вознагражденіе и получаетъ вещь съ меньшимъ содержаніемъ производительной силы, жертвъ и затратъ. Такимъ образомъ извѣстное количество этихъ элементовъ обмѣнивается на равное количество ихъ же только при томъ условіи, если оба предмета одинаково необходимы. Если же предметы не одинаково необходимы, то бо́льшее количество производительной силы жертвъ и затратъ обмѣнивается на меньшее количество тѣхъ же элементовъ. Слѣдовательно, въ обмѣнѣ имѣются два момента: во 1-хъ, количества производительныхъ элементовъ, заключенныя въ одномъ и другомъ предметѣ, и во 2-хъ, степень необходимости одного и другого предмета. Первый моментъ никогда не опредѣляетъ, въ какомъ отношеніи обмѣниваются предметы: иногда равное количество производительной силы etc. обмѣнивается на равное, иногда бо́льшее на меньшее. Мѣновое отношеніе вполнѣ зависитъ отъ второго момента — степени необходимости предмета: если степень необходимости обоихъ предметовъ одинакова, равное коли-

чество жертвъ, затратъ, производительной силы обмѣнивается на равное; если степень необходимости предметовъ различна, обмѣниваются неравныя количества производительныхъ элементовъ. Степень необходимости является такимъ образомъ всегда руководящимъ началомъ обмѣна. И даже въ томъ случаѣ, когда обмѣнивается равное количество производительныхъ элементовъ на равное, когда оно какъ бы служитъ основаніемъ обмѣна, и въ этомъ случаѣ равныя количества обмѣниваются на равныя, не въ силу этого именно своего равенства, а потому, что предметы, въ которыхъ эти количества жертвъ etc. заключены, одинаково необходимы.

Такимъ образомъ положенія, которыя Rodbertus кладетъ въ основаніе своего ученія о цѣнности, вовсе не приводятъ къ желательнымъ для него выводамъ; напротивъ, критическое разсмотрѣніе ихъ съ очевидностью убѣждаетъ насъ въ томъ, что, во 1-хъ, трудъ не можетъ быть единственнымъ источникомъ и мѣрой цѣнности и, во 2-хъ, мѣновое отношеніе предметовъ опредѣляется не количествомъ жертвъ, затратъ, производительныхъ силъ, заключенныхъ въ предметѣ, но степенью ихъ необходимости.

Теорія цѣнности Marx'a *) представляетъ собою еще одну попытку представить въ видѣ точнаго закона зависимость мѣнового отношенія предметовъ отъ труда. Отличіе ея отъ теоріи Rodbertus'a состоитъ въ слѣдующемъ. Въ то время, какъ послѣдній выводитъ свое положеніе, что цѣнность опредѣляется трудомъ, изъ анализа свойствъ труда, Marx приходитъ къ тому же выводу, анализируя свойства товара и природу мѣнового отношенія. При этомъ онъ не особенно тщательно заботится о логической безупречности этого анализа, но всю силу логики обращаетъ на послѣдующее дедуктивное развитіе основнаго положенія своей теоріи, стараясь такимъ путемъ дать точное объясненіе цѣлаго ряда явленій хозяйственной жизни. Поэтому при разсмотрѣніи теоріи Marx'a мы должны обратить вниманіе какъ на то, насколько правильно сдѣланъ имъ основной выводъ о зависимости цѣн-

*) K. Marx, Das Kapital, B. I, 1867, B. II, 1885, B. III, 1894 (два посл. тома изданы Engels'омъ). Марксъ, Капиталъ, т. 1, 2, 1872, 1885.

ности отъ труда, такъ и въ особенности на то, въ какомъ отношеніи къ дѣйствительности находятся дедукціи изъ этого вывода.

Мѣновая цѣнность, по мнѣнію Marx'a, есть, прежде всего, количественное отношеніе, въ которомъ одни предметы обмѣниваются на другіе. Одинъ предметъ можетъ обмѣниваться на весьма различныя количества другихъ предметовъ: квартеръ пшеницы обмѣнивается на x хлопка, y шелка, z золота; но это не значитъ, что мѣновая цѣнность даннаго предмета всякій разъ мѣняется; она остается неизмѣнной и только различно выражается въ этихъ различныхъ мѣновыхъ отношеніяхъ.

Мѣновое отношеніе двухъ предметовъ всегда выражается въ видѣ уравненія: одинъ квартеръ пшеницы = a центнеровъ желѣза. Такое уравненіе выражаетъ, что одна и та же мѣновая цѣнность существуетъ въ двухъ предметахъ: въ одномъ квартерѣ пшеницы и въ a центнерахъ желѣза; что въ томъ и другомъ предметѣ существуетъ нѣкоторый общій признакъ. Въ чемъ же онъ можетъ заключаться? Предметы, прежде всего, обладаютъ конкретными полезными свойствами, благодаря которымъ они становятся потребительными цѣнностями и составляютъ матеріальную основу нашего богатства Но эти полезныя свойства для каждаго предмета различны, — пшеница не есть желѣзо, — слѣдовательно, они не могутъ быть тѣмъ общимъ признакомъ, въ силу котораго предметы приравниваются другъ другу, какъ мѣновыя цѣнности. При опредѣленіи мѣновой цѣнности надо отвлечься отъ конкретныхъ полезныхъ свойствъ предмета, отъ физически-осязательнаго его существованія. Что же въ такомъ случаѣ останется отъ предметовъ? Останется только то ихъ свойство, что они суть продукты труда. Слѣдовательно, это и есть тотъ общій признакъ, благодаря которому вещи приравниваются при обмѣнѣ. Трудъ есть та общая соціальная субстанція, которая, проявляясь въ различныхъ конкретныхъ предметахъ, составляетъ общее ихъ свойство. превращаетъ потребительныя цѣнности въ мѣновыя. Онъ есть образующая цѣнность (werthbildende) субстанція; мѣновая цѣнность товаровъ ничто иное, какъ заключенный въ нихъ трудъ, или „кристаллизованный“ трудъ.

Но мѣновая цѣнность по качеству однообразна во всѣхъ предметахъ, слѣдовательно и причина ея также должна быть

всюду однообразна. Между тѣмъ конкретный трудъ, производящій одинъ какой-либо предметъ, качественно отличенъ отъ труда, производящаго всякій другой предметъ; трудъ портного качественно отличенъ отъ труда ткача. Очевидно, что трудъ въ этомъ смыслѣ не можетъ быть источникомъ мѣновой цѣнности. Если мы, однако, не будемъ обращать вниманія на ту форму, въ которой проявляется трудъ, на тѣ или другія конкретно-полезныя его свойства, то всякій трудъ представится намъ просто какъ „трата человѣческой рабочей силы", какъ „расходъ человѣческаго мозга, мышцъ, нервовъ, костей и пр ". Въ этомъ смыслѣ трудъ, „абстрактный" трудъ, всюду однообразенъ и онъ-то и является причиной цѣнности. Для того, чтобы сравнить между собою два товара по ихъ мѣновой цѣнности, надо приравнять качественно различные виды труда, производящаго каждый предметъ, абстрактному человѣческому труду. Такой процессъ приравниванія конкретнаго труда абстрактному происходитъ у людей помимо ихъ сознанія, инстинктивно (т. 1, стр. 31).

Но даже и абстрактный трудъ не всегда бываетъ одноро денъ, такъ какъ расходуемая рабочая сила бываетъ различна по степени своего совершенства и развитія: одинъ рабочій расходуетъ простой трудъ, другой — сложный, усовершенствованный, иными словами квалифицированный. Но это различіе уже только количественное. Трудъ сложный это не больше, какъ умноженный или возведенный въ степень простой трудъ; онъ всегда можетъ быть сведенъ къ простому; такое сведеніе постоянно происходитъ: если цѣнность продукта самой сложной работы приравнивается цѣнности продукта простой работы, значитъ извѣстное количество сложнаго труда приравнивается извѣстному количеству простого. Этотъ процессъ опять-таки происходитъ, по мнѣнію Marx'a, за глазами производителей и кажется имъ существующимъ какъ бы по обычаю.

Итакъ, цѣнность предметовъ опредѣляется количествомъ простого абстрактнаго труда, затраченнаго на ихъ производство. Однако не всякое конкретно затраченное количество труда создаетъ цѣнность. Въ данное время и въ данномъ мѣстѣ существуетъ нѣкоторое среднее количество труда и времени, необходимое по техническимъ условіямъ для производства того или другого товара. Только это „общественно-необходимое" рабочее время, или количество „общественно-необходимаго" труда со-

здаетъ цѣнность; всякій излишекъ времени и труда, затраченный на производство, сверхъ этой нормы, не производитъ цѣнности. Мало того, если даже единица товара произведена общественно-необходимымъ количествомъ труда, все таки мѣновая цѣнность его не всегда будетъ опредѣляться этимъ количествомъ; быть можетъ, рынокъ не въ состояніи поглотить всего количества товара по этой нормальной цѣнѣ; это значитъ, что на производство всей совокупности товара затрачено больше труда, чѣмъ надо. Вся совокупность товара разсматривается какъ одинъ предметъ, а всякое данное количество товара, какъ часть этого предмета; если на всю совокупность товара затрачено больше труда, чѣмъ надо, то это будетъ равносильно тому, какъ если-бы на каждую единицу товара затратили больше труда, чѣмъ общественно-необходимо. Слѣдовательно, и на производство всей совокупности извѣстнаго товара не должно быть затрачено больше труда, чѣмъ это общественно-необходимо; только при такомъ условіи цѣнность всякаго количества товара будетъ опредѣляться количествомъ затраченнаго труда.

Такъ какъ въ равныхъ мѣновыхъ цѣнностяхъ заключаются равныя количества труда, то всякій обмѣнъ есть обмѣнъ эквивалентовъ Такой обмѣнъ можетъ имѣть два вида: одинъ состоитъ въ томъ, что товаръ обмѣнивается на деньги, которыя затѣмъ обмѣниваются на другой товаръ; этотъ видъ можетъ быть изображенъ формулой Т — Д — Т; хотя конечные члены ряда эквивалентны по своей мѣновой цѣнности, но очевидная цѣль обмѣна состоитъ въ томъ, чтобы вмѣсто одной потребительной цѣнности получить другую, отъ нея отличную. Другой видъ обмѣна состоитъ въ томъ, что деньги обмѣниваются на товаръ, который, въ свою очередь, обмѣнивается на деньги: Д — Т — Д. Такъ какъ конечные члены этого ряда представляютъ собою товаръ одного и того-же рода, то такой обмѣнъ можетъ имѣть смыслъ только въ томъ случаѣ, если въ окончательномъ результатѣ его получается больше денегъ, чѣмъ ихъ было сначала. И дѣйствительно, такою способностью увеличиваться обладаютъ деньги, представляющія собою купеческій капиталъ (стр. 97): свойственная этому капиталу операція состоитъ именно въ покупкѣ товара, для послѣдующей его продажи по болѣе дорогой цѣнѣ. Но и промышленный капиталъ обладаетъ тою же способностью возрастать путемъ обмѣна: сначала онъ превра-

щается въ товары, а потомъ вслѣдствіе продажи товаровъ — въ бо́льшее количество денегъ (стр. 97).

Однако, такого рода самовозрастаніе денегъ, такое возникновеніе «прибавочной цѣнности», противорѣчитъ условію эквивалентности обмѣна, которое требуетъ, чтобы обмѣниваемые предметы представляли собою одинаковую мѣновую цѣнность. Слѣдовательно, возникновеніе «прибавочной цѣнности» не можетъ проистекать изъ самаго обмѣна, оно въ немъ лишь проявляется, причина же его лежитъ внѣ обмѣна, а именно, въ производствѣ, и обусловливается существованіемъ особаго товара — рабочей силы. Этотъ товаръ обладаетъ тѣмъ особеннымъ свойствомъ, что, будучи потребленъ въ производствѣ, онъ превращается въ цѣнность бо́льшую, сравнительно съ тою, какая потрачена на его покупку.

Какимъ же образомъ это происходитъ? Мѣновая цѣнность рабочей силы опредѣляется также, какъ и цѣнность всякаго другого товара, тѣмъ общественно-необходимымъ количествомъ труда, какое затрачивается на производство этого товара Рабочая сила представляетъ собою свойство живого индивида, и ея производство состоитъ въ сохраненіи и воспроизведеніи индивида; то и другое требуетъ извѣстной суммы жизненныхъ средствъ: пищи, одежды, отопленія, жилища и пр. Поэтому количество труда, необходимое для производства рабочей силы, сводится къ тому общественно-необходимому рабочему времени, которое требуется для производства жизненныхъ средствъ рабочаго. Цѣнность рабочей силы есть цѣнность извѣстной суммы средствъ, необходимыхъ для жизни. Положимъ, что воспроизведеніе рабочей силы въ теченіе одного дня требуетъ извѣстной суммы жизненныхъ средствъ, на производство которыхъ тратится шесть часовъ общественно-необходимаго труда. Это значитъ, что цѣнность рабочей силы въ теченіе одного дня опредѣляется шестью часами общественно-необходимаго труда. Уплачивая количество денегъ, эквивалентное по мѣновой цѣнности этому количеству труда, капиталистъ пріобрѣтаетъ однодневный трудъ рабочаго. Затѣмъ онъ покупаетъ матеріальные факторы производства, обмѣнивая ихъ такимъ же образомъ на эквивалентное количество денегъ, и приступаетъ къ производству. Трудъ прилагается къ матеріальнымъ факторамъ, получаются новыя потребительныя цѣнности; послѣднія однако производятся не ради ихъ самихъ, а

ради мѣновой цѣнности, которой онѣ являются матеріальнымъ субстратомъ. Поэтому необходимо опредѣлить ихъ мѣновую цѣнность.

Мѣновая цѣнность продуктовъ состоитъ, во-первыхъ, изъ цѣнности всѣхъ потребленныхъ въ процессѣ производства матеріальныхъ факторовъ — орудій и машинъ въ той части, въ какой онѣ уничтожаются въ производствѣ и матеріаловъ. Цѣнность всѣхъ этихъ предметовъ представляетъ собою воплощеніе извѣстнаго количества абстрактнаго труда, и для послѣдняго безразлична та форма и то вещество, въ которомъ онъ будетъ заключаться; онъ производитъ одну и ту же цѣнность, какъ въ формѣ матеріаловъ, машинъ, орудій, такъ и въ формѣ продукта, въ который они превращаются. По мѣрѣ того, какъ матеріальные факторы уничтожаются, потребляются въ производствѣ, цѣнность ихъ переходитъ на продуктъ производства; въ послѣднемъ воплощается тотъ трудъ, который ранѣе былъ приложенъ къ матеріальнымъ факторамъ производства. То обстоятельство, что этотъ трудъ воплощается въ продуктѣ теперь, тогда какъ онъ былъ затраченъ гораздо раньше, не имѣетъ рѣшительно никакого значенія: отъ времени приложенія труда къ производству нисколько не измѣняется его количество (стр. 133).

Но сверхъ той цѣнности, которая сообщается продукту прошлымъ трудомъ, къ нему прибавляется нѣкоторая цѣнность живымъ трудомъ рабочаго. Цѣнность эта опредѣляется временемъ, въ теченіе котораго трудъ рабочаго прилагается къ производству. По истеченіи шести рабочихъ часовъ къ продукту прибавится какъ разъ та цѣнность, которая была уплочена капиталистомъ за одинъ день рабочей силы. Если бы производство остановилось въ этотъ моментъ, то цѣнность продукта только равнялась бы суммѣ цѣнностей, затраченныхъ на производство, и не возникло бы никакой прибавочной цѣнности (стр. 136).

Но дѣло въ томъ, что то количество труда, которое представляетъ собою цѣнность одного дня рабочей силы, и то количество труда, которое рабочая сила можетъ развить въ теченіе одного дня, суть двѣ совершенно различныя величины; хотя для поддержанія существованія рабочаго въ теченіе сутокъ нужно всего шесть часовъ общественно-необходимаго труда, но это не мѣшаетъ ему

работать двѣнадцать часовъ. Такимъ образомъ цѣнность, которую создаетъ трудъ въ теченіе одного дня, можетъ превышать вдвое ту цѣнность, которая уплочена капиталистомъ за одинъ день рабочей силы. Благодаря этой особенности рабочей силы, капиталистъ обмѣнивая другъ на друга эквивалентныя количества мѣновой цѣнности, тѣмъ не менѣе превращаетъ меньшее количество денегъ въ бо́льшее; онъ обмѣниваетъ деньги на равное имъ по цѣнности количество матеріальныхъ факторовъ производства и рабочей силы, потребляетъ (въ производствѣ) пріобрѣтенные товары и полученные продукты снова обмѣниваетъ на эквивалентное количество денегъ. Но послѣднее больше первоначальнаго, благодаря тому, что трудъ не только возмѣстилъ свою цѣнность, но и произвелъ еще сверхцѣнность, или прибавочную цѣнность.

Процессъ образованія прибавочной цѣнности даетъ основаніе раздѣлить капиталъ всякаго предпріятія на двѣ части: ту, которая расходуется на матеріальные факторы производства, и ту, которая расходуется на рабочую силу. Цѣнность первой части капитала переходитъ въ цѣнность продукта не измѣняясь; это — капиталъ постоянный; цѣнность второй части возростаетъ въ процессѣ производства — это капиталъ перемѣнный. Если K есть весь капиталъ, затраченный на производство продукта, c — его постоянная и v — перемѣнная часть, то $K = c + v$ представляетъ собою издержки производства; цѣнность же продукта равняется $c + v + m = K^1$, гдѣ m есть прибавочная цѣнность, развившаяся изъ перемѣннаго капитала v, и составляющая ничто иное, какъ нѣкоторое приращеніе v или Δv.

Цѣнность $v + m$ есть та цѣнность, которая произведена живымъ трудомъ; при чемъ трудъ, производящій v, только возстановляетъ цѣнность, затраченную на рабочую силу, это „необходимый“ трудъ, а трудъ, производящій m, создаетъ новую, прибавочную цѣнность,— это „прибавочный“ трудъ. Чѣмъ больше прибавочный трудъ, сравнительно съ необходимымъ, тѣмъ больше создается новой цѣнности въ производствѣ; при данномъ отношеніи этихъ величинъ, или при данной „нормѣ“ прибавочной цѣнности $\left(\frac{m}{v}\right)$, цѣнность возрастаетъ пропорціонально числу рабочихъ; число же рабочихъ, при неизмѣнной рабочей платѣ, пропорціонально перемѣнному капиталу. Отсюда Маркс выводитъ

слѣдующій *законъ*: при данной нормѣ прибавочной цѣнности и данной цѣнности рабочей силы, количество прибавочной цѣнности прямо пропорціонально величинѣ затраченнаго перемѣннаго капитала (стр. 257).

Прибавочная цѣнность нисколько не зависитъ отъ величины постояннаго капитала; вся роль послѣдняго исчерпывается тѣмъ, что цѣнность его переходитъ безъ измѣненія на продуктъ. Точно также прибавочная цѣнность не имѣетъ никакого отношенія ко времени, въ теченіе котораго капиталъ вообще находится въ процессѣ производства; она зависитъ только отъ того времени, въ теченіе котораго *трудъ* прилагается къ производству. Но то и другое время не совпадаютъ. Въ процессѣ производства обыкновенно существуютъ періодическіе перерывы для отдыха рабочихъ, существуютъ промежутки въ рабочемъ времени, когда предметъ производства долженъ подвергаться вліянію естественныхъ силъ, безъ воздѣйствія непосредственнаго труда рабочихъ (прорастаніе сѣмянъ, броженіе). Въ теченіе такихъ естественныхъ или искусственныхъ перерывовъ, когда капиталъ продолжаетъ оставаться въ производствѣ, но послѣднее не всасываетъ живого труда рабочихъ, цѣнность продукта остается безъ измѣненія, не образуется ни цѣнности, ни сверхцѣнности (т. II, стр. 77).

Прежде чѣмъ перейти къ критикѣ главнаго положенія теоріи Marx'a, что цѣнность опредѣляется трудомъ, не лишнимъ будетъ коснуться двухъ условій, необходимыхъ для того, чтобы трудъ могъ исполнять такого рода роль. Эти условія состоятъ въ слѣдующемъ: во 1-хъ, необходимо, чтобы различные конкретные виды труда были сравнимы между собою, иначе говоря, чтобы они сводились къ общей мѣрѣ, и во 2-хъ, чтобы существовало „общественно-необходимое“ количество труда для производства всякаго товара.

Что касается перваго условія, то необходимость его очевидна. Одинаковая цѣнность бываетъ результатомъ различныхъ количествъ труда, если онъ обладаетъ разной природой и разной степенью сложности и совершенства; по равенству результатовъ — цѣнности — мы должны однако заключить о равенствѣ причинъ; но такъ какъ конкретныя количества труда различны, то не смотря на это различіе, въ нихъ должно заключаться рав-

ное число единицъ, производящихъ цѣнность, иначе говоря, должна существовать единица, которая является общей мѣрой различныхъ видовъ труда. Если бы такой единицы не существовало, различные виды труда были бы не соизмѣримы и, слѣдовательно, не могли бы произвести соизмѣримыхъ между собой и съ ними результатовъ въ видѣ цѣнности. Цѣнность не могла бы быть слѣдствіемъ труда и уже ни въ какомъ случаѣ не могла бы имъ измѣряться.

По мнѣнію Marx'a, общей мѣрой различныхъ видовъ труда является „абстрактный простой человѣческій трудъ", и сравненіе этихъ видовъ между собою происходитъ такимъ образомъ, что конкретный трудъ сводится къ абстрактному и сложный трудъ къ простому. Для того, чтобы конкретно-различные виды труда можно было свести къ абстрактному труду, послѣдній долженъ въ нихъ заключаться, какъ общая однообразная мѣра. Но что такое абстрактный трудъ по опредѣленію Marx'a? Это расходъ мозга, мускуловъ, нервовъ, костей и т. д. Этотъ расходъ однако не во всѣхъ видахъ конкретнаго труда однообразенъ: въ однихъ расходуется по преимуществу мускульная сила, при небольшой затратѣ мозговой энергіи, въ другихъ требуется бо́льшее нервное напряженіе, при меньшей сравнительно затратѣ мускульной силы и т. д. Слѣдовательно, если бы мы даже могли свести каждый видъ труда къ количеству израсходованныхъ тканей, мы все-таки не получили бы однообразной мѣры труда, такъ какъ отдѣльныя ткани расходуются въ каждомъ видѣ не въ одной и той же пропорціи. Необходимо найти еще общую мѣру расхода отдѣльныхъ тканей — мозга, мускуловъ, нервовъ костей и т. д. Но эта задача не только не исполнима при современномъ состояніи физіологіи, но и вообще, такъ какъ расходъ мозга, мускуловъ и т. д. состоитъ въ неоднообразномъ расходѣ тѣхъ первоначальныхъ химическихъ элементовъ, изъ которыхъ состоятъ ткани, а эти элементы, какъ первоначальные, не имѣютъ общей мѣры. Такимъ образомъ расходъ элементовъ организма при работѣ не можетъ служить единицей для соизмѣренія различныхъ конкретныхъ видовъ труда *).

*) **G. Adler,** Die Grundlagen d. Karl Marx'schen Kritik d. bestehenden Volkswirtschaft, 1887, стр. 81—82.

Не меньше сомнѣній возбуждаетъ и сведеніе квалифицированнаго труда къ простому. По мнѣнію Marx'a, эта задача гораздо проще предъидущей, такъ какъ разница между тѣмъ и другимъ видомъ труда только количественная; и тотъ и другой расходуютъ силу одного и того же качества, но только въ различномъ количествѣ: сложный трудъ есть тотъ же простой, но только возведенный въ степень или умноженный Уже это безразличное отношеніе къ умноженію *или* возведенію въ степень свидѣтельствуетъ о томъ, что мы имѣемъ здѣсь дѣло не съ точно доказаннымъ фактомъ, а съ нѣкоторымъ гадательнымъ предположеніемъ. И дѣйствительно, утвержденіе, будто сложный трудъ расходуетъ ту же рабочую силу, какъ и простой, но только въ бо́льшей степени, совершенно произвольно и противорѣчитъ нашему представленію о квалифицированномъ трудѣ. Простой трудъ расходуетъ, по-преимуществу, механическую энергію; сложный же трудъ характеризуется вовсе не тѣмъ, что онъ расходуетъ больше этой энергіи, но тѣмъ, что ту же самую или даже меньшую механическую энергію онъ прилагаетъ съ бо́льшимъ искусствомъ: проявленіе же искусства никакъ не есть результатъ дѣятельности тѣхъ самыхъ органовъ, или тканей нашего организма, которые производятъ простую механическую работу. Слѣдовательно сложный трудъ также несоизмѣримъ съ простымъ по количеству затратъ организма.

Неудовлетворительность общей мѣры труда, указанной Marx'омъ, ставитъ дилемму: или найти другую мѣру, или признать невозможнымъ опредѣленіе цѣнности посредствомъ труда. Leo von Buch предлагаетъ измѣрять различные между собою виды труда по ихъ дѣйствію, выраженному въ количествѣ механической работы. Онъ разсматриваетъ работника, какъ термодинамическую машину, которая превращаетъ потенціальную энергію потребляемой пищи и вдыхаемаго кислорода въ кинетическую энергію механической работы; въ этомъ именно и состоитъ, по его опредѣленію, процессъ абстрактнаго труда; отдѣльные виды труда различаются между собою только въ томъ, что въ единицу времени одни производятъ больше механической энергіи, другіе меньше; одни воплощаютъ въ продуктѣ больше абстрактнаго труда, другіе — меньше. Механическая же энергія измѣряется не по количеству затратъ организма, ее развивающаго, а по ея результатамъ — количеству произведенной меха-

ической работы, которая можетъ быть измѣрена для каждаго вида труда и выражена въ пудофутахъ *).

Слишкомъ однако очевидно, что не всѣ различія въ родѣ и качествѣ труда могутъ быть сведены къ разницѣ въ количествѣ производимой механической работы. Посредствомъ пудофутовъ соизмѣримы только тѣ виды труда, которые направлены на развитіе механической силы; но эта единица не годится для измѣренія тѣхъ видовъ труда и тѣхъ его различій въ родѣ и качествѣ, которыя не проявляются въ механической работѣ, а проявляются, напримѣръ, въ качествѣ продукта или состояніи работника. Такимъ образомъ поправка г. v. Buch'а должна быть признана неудачной.

Разные виды труда соизмѣримы еще по ихъ субъективной обременительности для работника; но мы уже знаемъ, что этотъ моментъ не находится въ прямомъ соотношеніи съ цѣнностью. Наконецъ, трудъ соизмѣримъ по степени его полезности; однако полезность не есть специфическое свойство труда, но свойство принадлежащее ему наравнѣ съ другими предметами; слѣдовательно, если мы въ трудѣ признаемъ полезность за единицу, опредѣляющую цѣнность, то такое же значеніе мы должны признать за полезностью во всѣхъ другихъ предметахъ, ею обладающихъ. И тогда мы перейдемъ отъ трудовой теоріи цѣнности къ теоріи, основывающей цѣнность на полезности; но такъ какъ трудовая теорія можетъ основывать цѣнность только на такомъ признакѣ труда, который ему одному свойственъ, то здѣсь полезность никакимъ образомъ не можетъ быть признана единицей соизмѣримости различныхъ видовъ труда.

Не находя сколько нибудь удовлетворительной общей мѣры труда, мы должны допустить вторую часть дилеммы — что трудъ не можетъ быть источникомъ и опредѣлителемъ цѣнности. Къ тому же выводу приведетъ насъ разсмотрѣніе другого необходимаго условія трудовой теоріи цѣнности — т. н. „общественно-необходимаго“ рабочаго времени.

Нельзя опредѣлять цѣнность продукта всякимъ количествомъ труда, которое расходуется на его производство въ каждомъ конкретномъ случаѣ, такъ какъ тогда цѣнность одинако-

*) **Leo von Buch**, Intensität der Arbeit, Wert und Preis der Waren, 1896, стр. 146, 26—27 и др.

ваго количества товара въ одно и то же время должна была бы быть различна, въ зависимости отъ того, производится ли онъ лѣнивымъ или трудолюбивымъ работникомъ, искуснымъ или неискуснымъ, производится ли онъ при помощи усовершенствованныхъ или устарѣвшихъ машинъ, или даже вовсе безъ машинъ. Надо установить нѣкоторое нормальное количество рабочаго времени, какое необходимо для производства всякаго товара, и только этимъ временемъ измѣрять его цѣнность. Такое время и есть то „общественно-необходимое рабочее время“, которое обладаетъ способностью создавать цѣнность. Оно опредѣляется прежде всего среднею степенью искусства рабочаго и среднею степенью напряженности труда Но этого еще недостаточно; рабочій, обладающій среднимъ искусствомъ, прилагающій къ труду среднее напряженіе, и работающій при помощи извѣстнаго количества капитала, произведетъ нормальное количество продуктовъ только въ томъ случаѣ, если будетъ употреблять въ дѣло матеріалы, орудія, машины не худшаго качества, чѣмъ тѣ, какія вообще можно имѣть, и всѣ обыкновенно имѣютъ, затрачивая въ производство данный капиталъ. Слѣдовательно, общественно-необходимое время опредѣляется еще извѣстною, обыкновенною въ данное время степенью совершенства капитала, употребляемаго въ дѣло. Наконецъ, производительность труда зависитъ отъ самаго количества капитала, приходящагося на единицу труда, иначе говоря, отъ отношенія между трудомъ живымъ, непосредственно прилагаемымъ къ продукту, и прошлымъ, овеществленнымъ въ матеріальныхъ факторахъ производства. Бо́льшее количество прошлаго труда можетъ воплощаться или въ лучшемъ качествѣ матеріальныхъ факторовъ производства, или въ большемъ ихъ количествѣ. Съ увеличеніемъ количества овеществленнаго труда производительность живого труда обыкновенно возростаетъ, но только до извѣстнаго предѣла, за которымъ снова падаетъ. Поэтому возникаетъ вопросъ, какъ найти, среди возможныхъ отношеній труда непосредственнаго къ овеществленному, то именно отношеніе, которое опредѣляетъ общественно-необходимое рабочее время? Допустимъ, какъ думаетъ Marx, что такое отношеніе дается для каждаго производства исключительно его техническими условіями*); въ такомъ случаѣ об-

*) «Damit ein bestimmtes Quantum Arbeit sich in Waaren verwirklicht, und daher auch Werth bildet, ist ein bestimmtes *Quantum* Arbeits-

щественно-необходимое рабочее время будетъ опредѣляться такой комбинаціей живого и овеществленнаго труда, которая наиболѣе производительна въ *техническомъ* отношеніи. Положимъ, что на производство извѣстныхъ продуктовъ можетъ быть затрачено 10 единицъ труда въ слѣдующихъ трехъ техническихъ комбинаціяхъ: во первыхъ, всѣ 10 единицъ могутъ быть затрачены въ формѣ живого труда, причемъ получается въ результатѣ производства 10 предметовъ; во-вторыхъ, 5 единицъ затрачивается въ формѣ живого труда и 5 въ формѣ овеществленнаго, — въ результатѣ производства получается 20 предметовъ, и, въ третьихъ, 1 единица затрачивается въ формѣ непосредственнаго труда и 9 въ формѣ овеществленнаго, — въ результатѣ получается 25 предметовъ. Въ первомъ предпріятіи одинъ предметъ заключаетъ въ себѣ 1 единицу труда, во второмъ 0,5 и въ третьемъ — 0,4. Если каждое предпріятіе въ отдѣльности, а слѣдовательно и третье, можетъ быть расширено до любого размѣра, съ сохраненіемъ той же комбинаціи капитала „перемѣннаго“ и „постояннаго“, и въ состояніи произвести все то количество продуктовъ, на какое можетъ быть заявленъ спросъ, то первыя два предпріятія не могутъ конкуррировать съ третьимъ, производящимъ продукты съ наименьшей затратой труда. Техническая комбинація третьяго предпріятія — $1v + 9c$ — будетъ опредѣлять общественно необходимое рабочее время, котораго въ каждомъ продуктѣ будетъ заключаться 0,4 единицы; въ каждомъ продуктѣ второго предпріятія будетъ заключаться по 0,1 единицы труда, затраченнаго сверхъ нормы и, слѣдовательно, не производящаго цѣнности, и въ каждомъ продуктѣ перваго предпріятія по 0,6 единицъ такого труда. Если цѣнность продуктовъ третьяго предпріятія выразится въ эквивалентной имъ цѣнности, допустимъ, 10 денежныхъ единицъ, то цѣнность продуктовъ второго предпріятія будетъ равна 8 такимъ же единицамъ, и перваго — 4. При такихъ условіяхъ, норма общественно-необходимаго рабочаго времени можетъ быть установлена въ каждомъ данномъ случаѣ безъ особыхъ затрудненій.

---

material und Arbeitsmittel erheischt. Es findet je nach dem besondern Charakter der zugesetzten Arbeit *ein bestimmtes technisches Verhaltniss* statt zwischen der *Masse* der Arbeit und der *Masse* der Produktionsmittel denen diese lebendige Arbeit zugesetzt werden soll» (**Marx**, Das Kapital, в. III стр 20, ср. стр. 123).

Нашъ выводъ годится однако только на тотъ случай, когда имѣетъ мѣсто условіе, при которомъ онъ сдѣланъ, а именно, если имѣется въ виду исключительно техническая производительность различныхъ комбинацій живого и овеществленнаго труда. Какъ разъ это условіе отсутствуетъ въ дѣйствительности; въ дѣйствительности предпріятія ведутся капиталистами, которые не преслѣдуютъ цѣли воплотить одинъ и тотъ же трудъ въ возможно большемъ количествѣ продуктовъ, а имѣютъ въ виду получить возможно бо́льшую прибыль на одинъ и тотъ же капиталъ. Изъ всѣхъ возможныхъ и существующихъ комбинацій труда живого и овеществленнаго одержитъ верхъ и получитъ право устойчиваго и нормальнаго существованія не то предпріятіе, которое наиболѣе производительно въ техническомъ отношеніи, т. е по сравненію затратъ труда съ количествомъ продуктовъ, а то, которое экономически наиболѣе производительно, т. е. по сравненію затратъ капиталиста, или издержекъ производства, съ цѣнностью продукта. Разсмотримъ наши три предпріятія съ этой точки зрѣнія. Цѣнность продуктовъ производства каждаго предпріятія намъ извѣстна, остается опредѣлить цѣнность затратъ капиталиста Если единица труда производитъ цѣнность, эквивалентную одной денежной единицѣ, то издержки производства третьяго предпріятія опредѣлятся такимъ образомъ: девять единицъ овеществленнаго труда представляютъ цѣнность, равную девяти денежнымъ единицамъ, цѣнность одной единицы живого труда равняется, по теоріи Маркса, половинѣ той цѣнности, которую этотъ трудъ самъ производитъ, т. е. 0,5 денежной единицѣ, итого 9,5 денежныхъ единицъ. Прибыль капиталиста=0,5 денежной единицы. Издержки производства второго предпріятія составятъ: цѣнность овеществленнаго труда—5 денежныхъ единицъ, цѣнность живого труда—2,5 денежныхъ единицъ, итого 7,5 денежныхъ единицъ. Прибыль капиталиста= также 0,5 денежной единицы Второе предпріятіе, которое прежде, по технической производительности, должно было уступить мѣсто третьему и сойти со сцены, теперь, по экономической производительности, столь же устойчиво, какъ и третье и, слѣдовательно, можетъ оспаривать у него право опредѣлять норму общественно—необходимаго рабочаго времени. Пойдемъ далѣе и допустимъ, что цѣнность живого труда падаетъ съ 0,5 до 0,4 денежной единицы. [Если прежде работникъ работалъ 6 часовъ на возмѣще-

ніе своихъ жизненныхъ средствъ и 6 часовъ на производство „прибавочной цѣнности“, теперь его рабочій день распадается на 4,8 часовъ „необходимаго“ и 7,2 часовъ „прибавочнаго труда]. Это обстоятельство, по теоріи Маrх'а, не окажетъ никакого вліянія на цѣнность продуктовъ производства и цѣнность овеществленнаго труда, которыя по прежнему опредѣляются количествомъ заключеннаго въ нихъ труда; измѣнится только расходъ капиталиста на живой трудъ; издержки производства третьяго предпріятія составятъ 9+0,4, прибыль—0,6 денежныхъ единицъ; издержки производства второго 5+2, прибыль—1 денежную единицу. При такихъ условіяхъ, третье предпріятіе не только не будетъ опредѣлять общественно необходимаго рабочаго времени, но и вовсе не можетъ существовать, и роль его переходитъ ко второму предпріятію, которое одно при данныхъ условіяхъ оказывается устойчивымъ.

Отсюда слѣдуетъ тотъ выводъ, что установленіе типа производства, опредѣляющаго „общественно-необходимое рабочее время“, зависитъ, при современной организаціи производства, не только отъ технической производительности различныхъ комбинацій живого труда съ трудомъ, овеществленнымъ въ матеріальныхъ факторахъ производства, но и отъ экономической производительности, или доходности такихъ комбинацій, основанной на сравнительной цѣнности того и другого вида труда. Этотъ выводъ согласенъ съ общеизвѣстнымъ фактомъ, что примѣненіе въ производствѣ того или другого количества постояннаго капитала зависитъ отъ цѣны живой рабочей силы.

Но если такъ, если установленіе „общественно-необходимаго рабочаго времени“ зависитъ отъ сравнительной цѣнности рабочей силы и матеріальныхъ факторовъ производства, то „общественно-необходимое рабочее время“ теряетъ всякое теоретическое значеніе для опредѣленія цѣнности. Въ самомъ дѣлѣ, для того, чтобы знать цѣнность какого-либо предмета, надо знать „общественно-необходимое время“, затрачиваемое на его производство; но чтобы знать это время, надо знать, въ свою очередь, цѣнность труда и матеріальныхъ факторовъ производства, т. е. надо уже знать то самое свойство однихъ предметовъ, которое мы желаемъ опредѣлить для другихъ, что составляетъ очевидную логическую ошибку. Нельзя, при опредѣленіи цѣнности пользоваться понятіемъ общественно-необходимаго рабочаго времени,

такъ какъ само это понятіе требуетъ предварительнаго опредѣленія цѣнности. Но если у трудовой теоріи отнять понятіе общественно необходимаго рабочаго времени, то и самое опредѣленіе цѣнности посредствомъ труда станетъ невозможнымъ.

Общественно необходимое рабочее время въ томъ смыслѣ, какъ мы понимали его до сихъ поръ, не составляетъ единственной нормы рабочаго времени, создающаго цѣнность. Кромѣ того нормальнаго количества труда, которое должно быть затрачено на единицу продукта въ каждомъ предпріятіи, существуетъ еще, какъ мы видѣли, норма труда, который долженъ быть затраченъ во всѣхъ предпріятіяхъ вмѣстѣ, на производство всей совокупности продуктовъ, нѣчто въ родѣ „общественно- необходимаго рабочаго времени“ высшей инстанціи. Если на всю совокупность извѣстныхъ продуктовъ затрачено больше труда, чѣмъ надо, то результатъ будетъ тотъ же, какъ еслибы на каждую единицу продуктовъ было затрачено больше труда, чѣмъ общественно-необходимо *). На самомъ дѣлѣ аналогія здѣсь вовсе не умѣстна, и количество труда, затраченнаго на производство всей совокупности продуктовъ, дѣйствуетъ на ихъ цѣнность совершенно иначе, чѣмъ количество труда, потраченное на производство единицы продукта. Если на единицу продукта тратится слишкомъ много труда, то, хотя цѣнность продукта не отвѣчаетъ этому количеству труда, все-таки, по теоріи Marx'a, она отвѣчаетъ нѣкоторому другому количеству труда, а именно — общественно-необходимому, которое затрачено на производство той же единицы продукта въ другихъ предпріятіяхъ. Цѣнность, слѣдовательно, не перестаетъ зависѣть отъ труда. Если же на всю совокупность продуктовъ затрачено больше труда, чѣмъ надо, происходитъ нѣчто совершенно иное: цѣнность, правда, перестаетъ зависѣть отъ дѣйствительно затраченнаго труда, но въ то же время перестаетъ вовсе зависѣть отъ труда. Положимъ, что при нормальномъ количествѣ труда, затраченнаго на все производство, цѣнность совокупности продуктовъ равняется нѣкоторой данной величинѣ Съ увеличеніемъ затраты труда, сверхъ этой нормы, количество продуктовъ увеличивается, цѣнность единицы ихъ понижается; произведеніе этихъ двухъ вели-

*) **Марксъ**, Капиталъ, 1867, стр. 54, т. I; **Marx**, Das Kapital, 1894, в. III, стр. 166—167, 172.

чинъ только случайно можетъ остаться равнымъ прежней цѣнности всей совокупности продуктовъ, вообще же оно можетъ быть больше или меньше этой величины. Цѣнность совокупности продуктовъ не соотвѣтствуетъ ни прежнему нормальному количеству труда, ни настоящему дѣйствительно затраченному, ни, вообще, какому бы то ни было количеству труда. Она становится въ зависимость отъ совершенно постороннихъ труду моментовъ, какъ характеръ потребности, средства, которыми располагаютъ покупатели и т. д. Но если даже на совокупность всѣхъ предметовъ затрачено только необходимое количество труда и цѣнность ихъ, по теоріи Marx'a опредѣляется трудомъ, то чѣмъ же, спрашивается, опредѣляется это самое количество труда, которое должно быть затрачено на всю совокупность продуктовъ? Очевидно, что оно никакъ уже не можетъ опредѣляться техническими условіями производства; послѣднія сами по себѣ вовсе не требуютъ, чтобы общая сумма продуктовъ извѣстнаго рода достигала той или другой цифры. Послѣдняя и конечная причина распредѣленія всего труда, которымъ располагаетъ общество, между отдѣльными производствами, состоитъ въ характерѣ, объемѣ и сравнительномъ значеніи потребностей, удовлетворяемыхъ продуктами каждаго производства. Будетъ ли, слѣдовательно, затрачено на производство всей совокупности продуктовъ необходимое, или не необходимое количество труда, цѣнность и въ томъ и другомъ случаѣ зависитъ, въ послѣдней инстанціи, отъ моментовъ, постороннихъ труду.

Понятіе общей мѣры труда и общественно-необходимаго рабочаго времени являются, какъ мы говорили, необходимыми элементами трудовой теоріи цѣнности. Мы видимъ, что удовлетворительное сведеніе конкретныхъ видовъ труда къ одному абстрактному и простому труду оказывается невозможнымъ, а установленіе общественно-необходимаго рабочаго времени возможно только послѣ того, какъ уже опредѣлена цѣнность. Marx говоритъ, что и тотъ и другой процессъ совершается по-мимо нашего сознанія, „за нашей спиной", какимъ-то неизвѣстнымъ для насъ образомъ. Пусть будетъ такъ. По отношенію къ процессу сравненія различныхъ видовъ труда мы должны будемъ признать въ такомъ случаѣ, что какая-то мѣра труда существуетъ, но только мы ея не знаемъ. Но предположеніе о безсознательномъ процессѣ установленія общественно-необходимаго рабочаго вре-

мени не приведетъ даже и къ такому заключенію. Будетъ-ли такой процессъ происходить сознательно, на нашихъ глазахъ, будетъ-ли онъ происходить безсознательно, „за нашей спиной", все равно, онъ происходитъ уже послѣ того, какъ цѣнность существуетъ; и если мы введемъ признакъ „общественно-необходимаго" труда въ опредѣленіе цѣнности, то въ послѣднее безсознательно и незамѣтно для насъ проскользнетъ то самое понятіе, которое мы желаемъ опредѣлить Если бы, тѣмъ не менѣе, намъ удалось побѣдить всѣ эти затрудненія, сдѣлать возможнымъ сравненіе различныхъ видовъ труда, найти общественно необходимое рабочее время, то и въ такомъ случаѣ оказалось бы, что посредствомъ нормы труда, какой долженъ быть затраченъ на всю совокупность продуктовъ каждаго рода, на цѣнность оказываютъ вліяніе, въ качествѣ послѣднихъ и конечныхъ причинъ, элементы, совершенно посторонніе труду. Все это подрываетъ убѣдительность основного положенія теоріи Marx'a, утверждающаго, что трудъ есть причина цѣнности, и заставляетъ насъ отнестись критически къ тѣмъ доказательствамъ, на основаніи которыхъ оно выведено. Въ чемъ же состоятъ эти доказательства?

„Возьмемъ — говоритъ Marx — два товара, напр., пшеницу и желѣзо. Каково бы ни было ихъ мѣновое отношеніе, его всегда можно представить въ видѣ уравненія, въ которомъ данное количество пшеницы приравнивается нѣкоторому количеству желѣза, напр. 1 квартеръ пшеницы = *a* центн. желѣза. Что выражаетъ это уравненіе? Что одна и та же цѣнность существуетъ въ двухъ различныхъ вещахъ, въ 1 квартерѣ пшеницы также, какъ и въ *a* центнерахъ желѣза. Слѣдовательно, обѣ вещи равны порознь чему-то третьему, что само по себѣ не есть ни одна, ни другая. Каждая изъ двухъ вещей, поскольку она есть мѣновая цѣнность, должна сводиться къ этому третьему, независимо отъ другой" *). Въ чемъ же состоитъ это нѣчто третье? Очевидно, оно не можетъ состоять въ свойствахъ, которыми предметы отличаются другъ отъ друга. А таковыми являются физически-осязательныя полезныя свойства вещей, дѣлающія изъ нихъ тѣлесно-различныя потребительныя цѣнности. Если отвлечься отъ этихъ свойствъ,

*) K. Marx, Das Kapital, 1867, стр. 3, т. I.

то въ предметахъ останется только тотъ общій ихъ признакъ, что они суть всѣ продукты труда; онъ-то и составляетъ причину мѣновой цѣнности.

Для того, чтобы такое разсужденіе было вѣрно, необходимо слѣдующее условіе: надо, чтобы тотъ общій признакъ — трудъ, которому приписывается въ обоихъ случаяхъ одинаковое дѣйствіе — цѣнность, былъ единственнымъ *общимъ* признакомъ обоихъ предметовъ. Только въ такомъ случаѣ ему именно мы можемъ приписать замѣчаемое въ обоихъ случаяхъ одинаковое явленіе. Если два обмѣниваемые предмета заключаютъ болѣе одного общаго признака, мы не въ состояніи будемъ рѣшить, который изъ нихъ, или какая ихъ комбинація производитъ одинаковое въ обоихъ случаяхъ дѣйствіе *). Дѣйствительно-ли двумъ обмѣниваемымъ предметамъ свойственъ только тотъ общій признакъ, что они оба — продукты труда?

Мы знаемъ, что конкретныя полезныя свойства одного предмета отличны отъ свойствъ другого предмета; конкретныя полезныя свойства пшеницы отличны отъ свойствъ желѣза; но тѣ и другія заключаютъ въ себѣ тотъ общій признакъ, что они *полезны*. Пшеница удовлетворяетъ одну категорію потребностей, желѣзо другую. Удовлетвореніе потребности состоитъ изъ суммы пріятныхъ ощущеній, которыя сравнимы для самыхъ разнообразныхъ категорій потребностей. Только путемъ такого сравненія и возможно выбрать среди множества потребностей тѣ изъ нихъ, которыя мы удовлетворяемъ, предпочтительно передъ другими. Испытывая удовлетвореніе потребности, мы приписываемъ причину нашего субъективнаго ощущенія тому или другому предмету, вызвавшему это ощущеніе, въ видѣ объективно присущаго ему свойства — полезности, и послѣднюю измѣряемъ силой нашего ощущенія. Если наши ощущенія сравнимы для разныхъ потребностей, то, очевидно, сравнима полезность различныхъ предметовъ, такъ какъ она представляетъ отраженіе въ объективныхъ предметахъ нашихъ ощущеній. Поскольку полезность разныхъ предметовъ можетъ быть сравнима, постолько она составляетъ общее ихъ свойство. Поэтому, хотя конкретныя полезныя свойства предметовъ различны, но по-

*) J. St. Mill, A system of Logic, 1879, стр. 451.

лезность, какъ свойство удовлетворять потребности, производя ту или другую сумму сравнимыхъ между собою ощущеній, составляетъ общій признакъ всѣхъ полезныхъ предметовъ. Это общее свойство обмѣниваемыхъ вещей Marx упустилъ изъ вниманія. Изъ-за различія конкретнаго проявленія полезныхъ свойствъ онъ не замѣтилъ ихъ единства. Marx допустилъ здѣсь такую же ошибку, говоритъ B. Bawerk, какую сдѣлалъ-бы тотъ, кто, слыша трехъ хорошихъ пѣвцовъ: тенора, баса и баритона, изъ-за различія ихъ голосовъ, упустилъ бы изъ вниманія общее свойство всѣхъ трехъ пѣвцовъ — хорошій голосъ вообще, и думалъ, что большое жалованіе, ими всѣми получаемое, совсѣмъ не зависитъ отъ этого общаго ихъ свойства *). Такъ точно нѣтъ никакихъ основаній думать, что цѣнность предметовъ не зависитъ отъ общаго свойства ихъ — полезности **).

Но и помимо полезности, отъ которой Marx слишкомъ поспѣшно отвлекся при сравненіи обмѣниваемыхъ предметовъ, послѣдніе имѣютъ другіе общіе признаки, сверхъ того, что они суть продукты труда; такъ, оба предмета представляютъ собою продукты издержекъ производства, продукты затраты капитала, составляютъ объекты предложенія и спроса ***). Взявъ одно только общее свойство двухъ обмѣнивающихся предметовъ — трудъ, и оставляя безъ вниманія остальныя, Marx допустилъ нѣкоторый логическій произволъ, подрывающій доказательность его вывода. Мы всегда вправѣ думать, что причиной цѣнности является какой либо одинъ изъ упущенныхъ общихъ признаковъ предметовъ, или какая-либо ихъ комбинація.

Мы сказали, что Marx довольно небрежно относится къ выводу своего основного положенія — мы видимъ, что это дѣй-

---

*) **Böhm-Bawerk**, Kapital und Kapitalzins, 1884—1889, т. I, стр. 435.

) **Schubert-Soldern, Nochmals zu Marx' Werttheorie, Tüb. Zeitschr., 1894, стр 510 и сл., говоритъ: Marx самъ признаетъ, что безъ потребительной цѣнности не можетъ быть никакой цѣнности; «soll nun wirklich eine Bedingung sine qua non des «Wertes» keinen Einfluss auf ihn haben?» — и затѣмъ прибавляетъ: такъ какъ потребительная цѣнность не можетъ измѣряться количествомъ труда, а безъ потребительной цѣнности нѣтъ цѣнности вообще; то гдѣ же та цѣнность, которая измѣряется трудомъ? «Der Massstab ist da, aber der Wert fehlt».

***) **G. Adler**, Die Grundlagen der K. Marx'schen Kritik, 1887, стр. 97—98.

ствительно такъ — и главную силу своей аргументаціи полагаетъ въ дальнѣйшемъ дедуктивномъ его развитіи. Поэтому окончательнымъ критеріемъ правильности теоріи Marx'а должно служить согласіе или несогласіе послѣднихъ его выводовъ съ дѣйствительностью.

Допустимъ рядъ слѣдующихъ положеній: что цѣнность предметовъ опредѣляется количествомъ труда, заключеннаго въ нихъ; цѣнность рабочей силы въ единицу времени равна количеству труда, необходимаго на поддержаніе существованія рабочаго въ теченіе того же времени; это количество труда меньше того, которое рабочая сила сама можетъ развить въ единицу времени; отсюда возникаетъ въ производствѣ „прибавочная“ цѣнность; матеріальные факторы производства переносятъ свою цѣнность на продуктъ безъ всякаго измѣненія; „прибавочная“ цѣнность является единственною новою цѣнностью, сверхъ затраченныхъ въ производствѣ; слѣдовательно, прибыль капиталиста создается только живымъ трудомъ, непосредственно прилагаемымъ къ продукту; а такъ какъ количество рабочихъ пропорціонально той части капитала, которая затрачена на рабочую плату, то прибыль капиталиста пропорціональна только перемѣнному капиталу и не находится ни въ какомъ соотношеніи ни съ постояннымъ капиталомъ, ни съ продолжительностью производства; значитъ, если „органическій“ составъ капитала, т. е. составъ его изъ перемѣнной и постоянной части въ различныхъ производствахъ различенъ, то прибыль не должна быть пропорціональна капиталу.

Представимъ себѣ пять производствъ, изъ которыхъ въ каждомъ затраченъ одинаковый капиталъ въ 100 единицъ; но въ каждомъ „органическій“ составъ его различенъ, слѣдовательно въ каждомъ производствѣ количество „перемѣннаго“ капитала иное; если онъ всюду возрастаетъ (производитъ „прибавочную“ цѣнность) въ одинаковой пропорціи 100%, то количество „прибавочной“ цѣнности въ каждомъ производствѣ будетъ различно и при отнесеніи ея ко всему капиталу, одинаковому во всѣхъ производствахъ, процентное отношеніе прибыли къ капиталу будетъ иное для каждаго производства. Это видно изъ слѣдующей таблицы *):

*) K. Marx, Das Kapital. B. III, 1894, стр. 133.

Органическій составъ капитала	% возрастанія перемѣннаго капит.	Прибавочная цѣнность	Цѣнность продукта	% прибыли
I. $80c + 20v$	100%	20	120	20%
II. $70c + 30v$	100%	30	130	30%
III $60c + 40v$	100%	40	140	40%
IV. $85c + 15v$	100%	15	115	15%
V. $95c + 5v$	100%	5	5	5%

Итакъ, положеніе, что цѣнность опредѣляется трудомъ, приводитъ къ окончательному выводу, что прибыль не пропорціональна капиталу.

Но этотъ выводъ очевидно противорѣчитъ дѣйствительности. Въ дѣйствительности прибыль пропорціональна капиталу. Слѣдовательно, если правильно сдѣланный окончательный выводъ несогласенъ съ фактами, то очевидно, что первоначальное положеніе, изъ котораго сдѣланъ выводъ, невѣрно. Такимъ образомъ теорія Marx'a окончательно опровергается, что, впрочемъ, слѣдовало ожидать, уже судя по нереальности тѣхъ условій и предположеній, которыми обставлено было основное ея положеніе.

Однако Marx вовсе не думаетъ, что противорѣчіе его теоріи съ дѣйствительностью не примиримо; въ первомъ томѣ „Капитала“, вышедшемъ въ 1867 году, онъ называетъ его „кажущимся“ и обѣщаетъ рѣшить впослѣдствіи. Обѣщанное рѣшеніе дѣйствительно находится въ третьемъ томѣ „Капитала“. вышедшемъ, однако, уже послѣ смерти автора, въ 1894 году, подъ редакціей Engels'a, и состоитъ въ слѣдующемъ.

Кромѣ Werth, цѣнности, о которой была рѣчь до сихъ поръ, Marx вводитъ новое понятіе — Produktionspreis. Werth — это цѣнность, которая во всемъ согласна съ изложенными выше законами теоріи Marx'a; она пропорціональна количеству труда, въ ней заключенному, есть ничто иное, какъ этотъ самый трудъ, и содержитъ въ себѣ прибыль, пропорціональную не всему капиталу производства, а лишь перемѣнной его части. Но только такая цѣнность, какъ теперь оказывается, не существуетъ и не можетъ существовать въ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ су-

ществуетъ „Produktionspreis“ — цѣна, которая характеризуется тѣмъ, что прибыль, заключенная въ ней, пропорціональна всему количеству капитала производства, и сама она не совпадаетъ съ количествомъ труда, заключеннаго въ продуктѣ. Но несуществующая въ дѣйствительности цѣнность — Werth — должна быть все-таки разсматриваема, какъ теоретическое „prius“ дѣйствительно существующей цѣны — Produktionspreis. Процессъ образованія послѣдней представляется въ такомъ видѣ. Сперва должна возникнуть цѣнность — Werth; трудъ производитъ „прибавочную цѣнность“, пропорціональную перемѣнной части капитала; но такъ какъ такая цѣнность не можетъ существовать въ дѣйствительности, то капиталисты образуютъ какъ бы акціонерную компанію, складываютъ вмѣстѣ „прибавочныя цѣнности“ всѣхъ производствъ и полученную сумму дѣлятъ между собою, пропорціонально вложеннымъ въ производство капиталамъ; „прибавочная цѣнность“ превращается въ среднюю прибыль — Durchschnittsprofitrate, и цѣнность — Werth — въ цѣну — Produktionspreis *). Если мы воспользуемся приведенной уже (на стр. 66) таблицей пяти производствъ и поступимъ съ ея цифрами только что показаннымъ способомъ, то получимъ слѣдующій результатъ. Сумма прибавочныхъ цѣнностей (20+30+40+15+5) составитъ 110, принявъ ее за общую прибыль всѣхъ производствъ и вычисливъ въ % на сумму затраченныхъ капиталовъ, получимъ среднюю прибыль 22%; послѣдняя прибавляется къ каждому производству пропорціонально затраченному капиталу и даетъ цѣны продуктовъ, указанныя въ предпослѣдней графѣ:

Капиталъ производства	% прибавочной цѣнности	Количество прибавочной цѣнности	Количество затраченнаго капитала	Цѣнность Werth	Средняя прибыль	Produktionspreis	Уклоненіе цѣны отъ цѣнности
I. $80c + 20v$	100 %	20	100	120	$\frac{110}{500} \times 100 = 22\%$	122	+ 2
II. $70c + 30v$		30	100	130		122	— 8
III. $60c + 40v$		40	100	140		122	—18
IV. $85c + 15v$		15	100	115		122	+ 7
V. $95c + 5v$		5	100	105		122	+17

*) K. Marx. Das Kapital, B. III, 1894, стр. 134, 137.

Не надо однако думать, что весь этотъ процессъ продѣлывается капиталистами сознательно, съ разсчетомъ; онъ происходитъ самъ собою, безъ ихъ вѣдома, „за спиною“ капиталистовъ, которые его не видятъ, не понимаютъ, имъ не интересуются *). Онъ совершается такимъ образомъ, что капиталъ уходитъ изъ производствъ, гдѣ прибыль ниже средней, и перемѣщается въ тѣ, гдѣ она выше средней. „Благодаря постоянному приливу и отливу, однимъ словомъ, благодаря своему распредѣленію между отдѣльными производствами, сообразно съ тѣмъ, какъ въ одномъ уровень прибыли падаетъ, въ другомъ поднимается, капиталъ создаетъ такое отношеніе предложенія и спроса, что средній уровень прибыли становится одинаковымъ во всѣхъ производствахъ, и вслѣдствіе этого цѣнности превращаются въ дѣйствительныя цѣны (Produktionspreise)“ **).

Такое завершеніе теоріи цѣнности Marx'а превращаетъ ее въ простой софизмъ, какъ въ этомъ не трудно убѣдиться. Въ дѣйствительности существуетъ — говоритъ Marx — только цѣна — Produktionspreis. Цѣнность — Werth — не существуетъ и не можетъ существовать. Еслибы она явилась тѣмъ или инымъ способомъ въ дѣйствительности, она должна была бы подвергнуться измѣненію. Цѣнность — Werth — имѣетъ чисто теоретическое значеніе, она не больше, какъ фикція, абстрактная, воображаемая ступень для перехода отъ труда къ дѣйствительно существующей цѣнѣ, теоретическое „prius“ послѣдней. Не соотвѣтствуя какому-либо реальному явленію, цѣнность — Werth — очевидно, можетъ основывать свое существованіе только на логической необходимости: если трудъ обладаетъ способностью создавать цѣнность, то первая форма, въ какой эта способность можетъ проявиться, должна быть такова именно, какъ цѣнность — Werth, т. е. должна представлять собою только воплощеніе труда. Слѣдовательно, цѣнность — Werth — воплощеніе труда — есть ничто иное, какъ логическая дедукція положенія, что трудъ — источникъ цѣнности. Послѣднее для насъ фактъ, данная истина, посылка силлогизма; цѣнность — Werth — слѣдствіе, логическій выводъ.

Установивъ это, вернемся назадъ и посмотримъ, какъ мы нашли въ свое время ту истину, что трудъ есть источникъ цѣн-

*) K. Marx, Das Kapital, B. III, стр 147.

*) K. Marx, ор. с. стр. 175—176.

ности? Мы нашли ее изъ анализа цѣнности — Werth, той самой цѣнности, которая, какъ теперь мы знаемъ, въ дѣйствительности вовсе не существуетъ, и если можетъ быть допускаема, то только какъ логическое предположеніе, простая логическая дедукція изъ того самого положенія, которое мы изъ нея же желаемъ теперь вывести. Очевидно, что такимъ образомъ мы впали въ логическій кругъ. Въ началѣ изъ анализа Werth, какъ дѣйствительно существующаго явленія, мы выводимъ положеніе, что трудъ производитъ цѣнность, затѣмъ, утверждаемъ, что Werth на самомъ дѣлѣ не существуетъ и, вмѣсто того, чтобы отвергнувъ посылку, отвергнуть и сдѣланный изъ нея выводъ, мы послѣдній сохраняемъ и изъ него уже выводимъ необходимость „теоретическаго“ существованія цѣнности — Werth.

Но если Werth не существуетъ на самомъ дѣлѣ, если обмѣнъ происходитъ не въ формѣ обмѣна равныхъ цѣнностей — Werthe, а въ формѣ равныхъ цѣнъ — Produktionspreise, а равныя цѣны — Produktionspreise, какъ мы знаемъ, не заключаютъ въ себѣ, въ качествѣ общаго признака, одинаковыхъ количествъ труда, то изъ дѣйствительно существующей цѣны нельзя вывести правила, будто цѣнность есть результатъ труда. Такое правило можно вывести только изъ несуществующей въ дѣйствительности цѣнности — Werth, представляющей собою воплощеніе только труда и ему одному пропорціональной *). Разумѣется, изъ такой фиктивной, произвольно придуманной цѣнности не представляло никакого труда вывести указанное правило. Но такого рода правило могло привести опять таки только къ фиктивному результату — къ той же самой несуществующей въ дѣйствительности цѣнности — Werth. Въ свою очередь отъ этой цѣнности — Werth, какъ нереальнаго измышленія, нельзя логически прійти къ дѣй-

*) P. Fireman, Kritik der Marx'schen Werttheorie, Jahrb. f. N Oek. u. St., 1892, стр. 796: «Marx geht von dem Tauschwert, wie er sich in dem Preise äussert, aus, um das Wertprincip desselben zu ergründen und erst hinterher macht er beiläufig die Bemerkung, dass seine Werte nicht direkt mit Preisen zusammenfallen». Также W. Lexis, Die Marx'sche Kapitaltheorie, Jahrb f Nat Oek. u. St. 1885, т. 45, стр. 461: «Nun ist es aber unzweifelhaft, dass die natürlichen normalen Durchschnittspreise der Waren, in denen die normalen Tauschwerte derselben zum Ausdruck kommen, keineswegs der in den einzelnen Waren «geronnenen» gesellschaftlich notwendigen Arbeitszeit proportional sind».

ствительно существующей цѣнѣ Послѣдняя происходитъ не путемъ развитія или преобразованія не существующей и не могущей существовать цѣнности—Werth, а путемъ ея отрицанія.

И весь процессъ такого предполагаемаго преобразованія съ его quasi-акціонернымъ безсознательнымъ распредѣленіямъ прибыли, явно носитъ отпечатокъ нереальности *).

---

*) Еще прежде, чѣмъ появился на свѣтъ третій томъ «Капитала» вопросъ о средней прибыли сталъ предметомъ обсужденія въ литературѣ. Нѣкоторые писатели категорически утверждали, что ученіе о цѣнности Marx'a, его «Mehrwert», не примиримо съ фактомъ равенства прибыли (**Adler**, Die Grundlagen der Karl Marx'schen Kritik, 1887, стран. 101 — 107; также **В Залѣсскій**, Ученіе о цѣнности, в. II, 1893, стр. 225). Напротивъ, **J. Wolf**, Das Rätsel der Durchschnittsprofitrate bei Marx, Jahrb f. N. Oek. u. St., 1891, стр. 352 и сл. утверждалъ, что никакого противорѣчія между теоріей Marx'a и закономъ равенства прибыли нѣтъ, и противоположное мнѣніе основано на ошибочномъ пониманіи Marx'a. По мнѣнію Wolf'a, бо́льшее количество постояннаго капитала сообщаетъ бо́льшую производительную силу труду, бо́льшая производительная сила труда даетъ бо́льшую прибавочную цѣнность — Mehrwert, иначе говоря, одинаковый перемѣнный капиталъ при различномъ постоянномъ даетъ различную прибавочную цѣнность и слѣдовательно различную прибыль, и обратно — одинаковый капиталъ, при различной перемѣнной его части, можетъ давать не только одинаковую прибыль, но и одинаковую прибавочную цѣнность. Но подобное утвержденіе прямо противорѣчитъ теоріи Marx'a, который говоритъ, что Mehrwert пропорціонально только перемѣнному капиталу и не зависитъ нисколько отъ величины постояннаго. На это противорѣчіе указали **C. Schmidt**, Noch einmals das Rätsel der Durchschniftsprofitrate, Jahrb f. N. Oek. u. St., 1891, стр. 772 и сл и **Engels**, въ предисловіи къ 3-му тому «Капитала», стр. XVII. **C. Schmidt**, Die Durchschnittsprofitrate auf Grundlage des Marx'schen Wertgesetzes, 1889, говоритъ, что «Mehrprodukt» опредѣляется не тѣмъ рабочимъ временемъ, которое потрачено на его производство, но общественно-необходимымъ рабочимъ временемъ, которое долженъ вложить въ предпріятіе капиталистъ, и слѣдовательно зависитъ отъ капитала предпріятія и продолжительности производства Но это скорѣе констатированіе факта, чѣмъ его объясненіе, и мы все-таки приходимъ къ тому, что прибыль не равна «Mehrwert» Marx'a. Критика объясненія C. Schmidt'a дана **В. Bawerk'омъ** въ Tüb. Zeitschr., 1890, стр. 590 и сл. **P. Fireman**, Kritik der Marx'schen Werttheorie, Jahrb f. N. Oek. u. St., 1892, стр. 793 и сл., утверждаетъ, что трудъ самъ по себѣ, внѣ современныхъ условій хозяйства, всегда производитъ Werth, т. е. цѣнность, соотвѣтствующую ему, но въ современныхъ условіяхъ хозяйства, не всѣ товары продаются по ихъ цѣнности — Werth: одни выше ея, другіе — настолько-же ниже, и только въ общемъ всѣ цѣнности совпадаютъ со всѣми цѣнами (а также цѣнность товаровъ, произ-

На этомъ мы покончимъ съ теоріей Marx'a. Мы видимъ, что и ей не удалось превратить эмпирическую зависимость цѣнности отъ труда въ точный законъ. Она была близка къ цѣли, по мнѣнію многочисленныхъ своихъ приверженцевъ, оставалось положить послѣдній камень — согласовать ее съ фактомъ равенства прибыли, и не только была бы закончена теорія цѣнности, но завершился бы переворотъ всей политической экономіи *). Теперь этотъ камень положенъ, теорія Marx'a не достигла цѣли, и намъ кажется, что трудовой принципъ цѣнности не только потерпѣлъ крушеніе въ формѣ этой теоріи, но и вообще потерялъ надежду воплотиться въ ученіе, согласное съ фактами.

Разсмотрѣвъ главнѣйшіе типы трудовой теоріи цѣнности, мы не нашли между ними такого, который давалъ бы точное и

веденныхъ среднимъ составомъ $c:v$ совпадаетъ съ ихъ цѣною). Но если цѣны въ дѣйствительности не заключаютъ пропорціональныхъ себѣ количествъ труда, то какъ вывести основное положеніе — что трудъ создаетъ цѣнность — изъ анализа дѣйствительно существующихъ цѣнъ? Наконецъ, слѣдуетъ упомянуть о рѣшеніи Lexis'a, который сначала въ замѣткѣ: Zur Kritik der Rodbertus'schen Theorien, Jahrb f. N. Oek. u. St. 1884, т. 43, стр. 462 и сл. коснулся этого вопроса: «Der einzelne Unternehmer jedoch erhalt keineswegs gerade den Theil des gesamten Mehrwertes, den die Arbeit in seinem speziellen Geschäftsbetriebe erzeugt, sondern der eine erhält weniger, der andre mehr, indem sie Gesamtheit des Mehrwerthes auf die einzelnen nach dem von ihnen gestellten Kapitalwert vertheilt; wobei auch die Grundstücke, als Kapitalwerte von gewisser Grösse mitgerechnet werden». И затѣмъ подробнѣе развилъ ту же мысль и пришелъ къ сходному съ Marx'омъ результату въ статьѣ: Die Marx'sche Kapitaltheorie, Jahrb. f. N. Oek. u. Stat., 1885, т. 45, стр. 453. Послѣ выхода третьяго тома «Капитала», **Mühlpfort**, старается дать болѣе точное рѣшеніе вопроса, чѣмъ Marx. Онъ видитъ всю задачу въ томъ, чтобы *точно* опредѣлить уклоненіе цѣны отъ цѣнности, которое онъ и вычисляетъ при помощи $n+1$ уравненій съ такимъ же числомъ неизвѣстныхъ; но дѣло въ томъ, что можно вычислять уклоненія отъ той величины, которая должна была бы существовать, но подъ вліяніемъ какихъ-либо причинъ не существуетъ въ чистомъ видѣ. Если же допустить, что въ дѣйствительности мы имѣемъ дѣло съ «цѣнами», то на чемъ можетъ быть основано доказательство, что должны были бы существовать «цѣнности»? Кромѣ того, нельзя приравнивать, какъ дѣлаетъ авторъ, Werth Marx'a къ «естественной цѣнѣ» классической экономіи, т. к. «естественная цѣна» есть такая, къ которой рыночная стремится, тогда какъ отъ «Wert» Marx'a она уходитъ. (**Mühlpfort**, Karl Marx und die Durchschnittsprofitrate, Jahrb. f. N. Oek. u. St., 1895, стр. 92 и сл.

*) Engels въ предисловіи ко 2-му тому «Капитала».

согласное съ фактами объясненіе обмѣна. И однако, надо признать, что трудовыя теоріи въ своихъ различныхъ видоизмѣненіяхъ имѣютъ наиболѣе послѣдователей и до послѣдняго времени могли считаться даже господствующими. Намъ кажется, что ихъ широкое распространеніе объясняется не столько убѣдительностью доказательствъ, и теоретическою доброкачественностью основныхъ положеній, сколько, прежде всего, ихъ соціальнымъ характеромъ и значеніемъ. Для нашего благосостоянія нужно возрастающее съ каждымъ днемъ количество матеріальныхъ благъ, производство которыхъ составляетъ одну изъ главныхъ заботъ современной соціальной жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ, увеличивается соціальное значеніе всѣхъ факторовъ и условій, отъ которыхъ зависитъ матеріальное богатство, а въ томъ числѣ и значеніе труда Но въ то время, какъ всѣ другіе факторы производства суть *только* факторы производства и имѣютъ единственнымъ назначеніемъ служить ему, coûte que coûte, трудъ есть въ то же время проявленіе дѣятельности свободнаго человѣка, для котораго онъ является средствомъ получить свою долю матеріальныхъ благъ изъ общаго богатства. Отсюда двойственный характеръ труда и двойственный интересъ его для общества. Съ одной стороны важно эксплоатировать трудъ съ возможною выгодою для производства, но, съ другой стороны, еще важнѣе поставить его въ такія условія, которыя обезпечивали бы матеріальное и духовное существованіе работника, сообразное съ его достоинствомъ, какъ свободнаго человѣка и гражданина. Хозяйственная жизнь въ своемъ историческомъ теченіи нашла удовлетворительный путь для разрѣшенія перваго вопроса, и, естественно, вниманіе теоріи и практики обратилось къ тому, чтобы обезпечить удовлетворительное рѣшеніе второй, главной части задачи. Доминирующій интересъ къ труду, какъ источнику благосостоянія значительной части населенія, получилъ особенно острый характеръ послѣ того, какъ выяснилось, что многое, что благопріятствуетъ производительной функціи труда, какъ развитіе крупныхъ предпріятій, свобода хозяйственныхъ отношеній, создаетъ опасность для матеріальнаго и духовнаго благосостоянія рабочаго класса. Этотъ конфликтъ создаетъ рабочій вопросъ. Возростающее вниманіе къ интересамъ труда отражается въ теоріи науки, придаетъ соотвѣтствующую окраску даже чисто абстрактнымъ ея положеніямъ. Какъ въ свое время

практическіе интересы зарождающейся промышленности и внѣшняго торговаго господства вылились въ теорію меркантилизма, затѣмъ борьба съ регламентаціей и стѣсненіями создала физіократію, такъ теперь интересы труда наложили свою печать на теорію, выразились въ системѣ ученій, проникнутыхъ трудовымъ началомъ, въ понократіи. Трудовая теорія цѣнности представляетъ одно изъ такихъ ученій, и въ этомъ соотвѣтствіи съ духомъ времени кроется секретъ ея широкой популярности.

Но здѣсь же лежитъ причина неудовлетворительности этой теоріи. Она, какъ всякое ученіе, выросшее на почвѣ господствующихъ интересовъ своего времени, неизбѣжно страдаетъ односторонностью, выдвигаетъ одинъ элементъ, въ ущербъ другимъ, грѣшитъ противъ объективной истины. Изображая въ нереальномъ видѣ дѣйствительныя соотношенія, трудовая теорія является не только плохой теоріей, но и плохимъ подспорьемъ для практическаго служенія тѣмъ интересамъ, которые ее вызвали къ жизни, такъ какъ практическое рѣшеніе соціальныхъ вопросовъ нуждается прежде всего въ объективно вѣрномъ знаніи дѣйствительности.

Вторая причина широкаго распространенія трудовой теоріи цѣнности, болѣе спеціальнаго характера, состоитъ въ господствующемъ смѣшеніи того свойства предметовъ, которое называютъ цѣнностью, съ самымъ предметомъ, его матеріальнымъ субстратомъ. Трудъ производитъ продуктъ; (мы оставляемъ въ сторонѣ вопросъ, одинъ ли трудъ, или вмѣстѣ съ другими факторами, но во всякомъ случаѣ, въ той или другой мѣрѣ, онъ производитъ продуктъ); продуктъ обладаетъ цѣнностью. Отсюда дѣлаютъ простой выводъ, что трудъ производитъ и цѣнность продукта. Процессъ производства продукта отождествляется съ процессомъ созиданія цѣнности, самая цѣнность отождествляется съ матеріальнымъ субстратомъ, въ которомъ она проявляется, и такимъ образомъ возникаетъ представленіе о трудѣ, какъ источникѣ цѣнности. Но представленіе это ложно. Возникновеніе продукта и возникновеніе его свойства — цѣнности суть два слѣдствія двухъ различныхъ причинъ; одна изъ нихъ упускается изъ вниманія, и оба слѣдствія относятся къ другой. Трудъ дѣйствительно производитъ продуктъ съ его полезными свойствами. Онъ есть причина появленія продукта. Но цѣнность возникаетъ лишь въ силу того, что продуктъ поставленъ въ посредственное

или непосредственное отношеніе къ потребителю; послѣдній сообщаетъ продукту цѣнность, онъ есть причина ея появленія, причина, которая въ трудовой теоріи упускается изъ вниманія. Двойственный характеръ процесса производства продукта и созиданія цѣнности можно пояснить слѣдующимъ примѣромъ. Положимъ, что производитель экспонируетъ свой товаръ на выставкѣ; онъ произвелъ его и всѣ его качества, которыя подвергнутся оцѣнкѣ экспертовъ; но нельзя сказать, что производитель создалъ и эту оцѣнку. Она есть результатъ отношенія къ товару экспертовъ; послѣдніе создаютъ ее.

Для того, чтобы уяснить природу и происхожденіе свойства предметовъ — цѣнности, необходимо обратиться не къ производителю, а къ потребителю, подвергнуть анализу отношеніе *его* къ продукту и его полезнымъ свойствамъ, свести отношеніе между предметами къ отношенію между предметами и человѣкомъ, для котораго они предназначены*). Такой методъ объясненія явленій обмѣна находитъ осуществленіе въ типѣ такъ называемыхъ субъективныхъ теорій цѣнности, которыя своимъ правомъ гражданства въ современной наукѣ обязаны, главнымъ образомъ C. Menger'у **) и затѣмъ Jevons'у ***). Мы изложимъ ученіе перваго, какъ отличающееся большей систематичностью и замѣчательной простотою.

Многіе предметы обладаютъ полезными для человѣка свойствами. Если мы знаемъ эти свойства и можемъ ими воспользоваться, предметы становятся „полезными предметами“, „благами“—Güter. Полезныя свойства предметовъ могутъ заключаться либо въ томъ, что предметъ непосредственно удовлетворяетъ наши потребности — это полезные предметы „перваго порядка“, либо въ томъ, что путемъ извѣстнаго рода процессовъ данный предметъ, негодный для непосредственнаго употребленія,

---

*) **Wieser-Gion**, Ueber den Wert der Arbeit, Tüb. Z. 1895, стр. 618 и сл. Конечная причина всякой цѣнности лежитъ въ отношеніи вещи къ человѣку—потребителю, къ его благосостоянію.

) **C. Menger, Grundsatze der Volkswirthschaftslehre, 1871.

***) **W. St. Jevons**, The theory of Political Economy, 1879 (3 изд. 1888).

превращается въ предметъ перваго порядка; это — предметы „высшихъ порядковъ". Разница между предметами перваго и высшихъ порядковъ, какъ „благами", состоитъ лишь въ томъ, что такая квалификація предметовъ перваго порядка зависитъ отъ ихъ собственныхъ свойствъ, тогда какъ для предметовъ высшихъ порядковъ она обусловливается двумя обстоятельствами: во 1) полезными свойствами предметовъ перваго порядка, въ которые данный предметъ высшаго порядка превращается и во 2) самою возможностью такого превращенія. Благодаря этому, квалификація предметовъ перваго порядка, въ смыслѣ благъ, болѣе точна и положительна, чѣмъ такая же квалификація предметовъ высшихъ порядковъ, подверженная большему числу условій и случайностей.

Для удовлетворенія потребностей человѣка въ настоящее время и въ теченіе того періода времени въ будущемъ, на какой распространяется его предусмотрительность, необходимо извѣстное количество благъ, которое составляетъ его „Bedarf". Отношеніе этого количества къ тому, которымъ человѣкъ располагаетъ на самомъ дѣлѣ, можетъ быть троякое: нужное количество можетъ быть больше дѣйствительно имѣющагося, равно ему и меньше.

Въ первомъ случаѣ отъ всякой практически значительной части благъ зависитъ удовлетвореніе какой-либо потребности, и потому въ отношеніи къ этимъ благамъ человѣкъ прилагаетъ старанія и заботы, чтобы:

во 1) удержать въ своемъ обладаніи всякую часть такихъ предметовъ,

во 2) сохранить ея полезныя свойства,

въ 3) выбрать среди всѣхъ потребностей, которыя могутъ быть удовлетворены этими предметами, наиболѣе важныя,

и въ 4) всякое количество такихъ предметовъ употребить для удовлетворенія этихъ наиболѣе важныхъ потребностей самымъ цѣлесообразнымъ способомъ.

Дѣятельность, руководящуюся такими правилами, мы называемъ *хозяйственною*, а блага, къ которымъ она прилагается — *хозяйственными*.

Если же благъ въ нашемъ распоряженіи больше, чѣмъ намъ надо, то, хотя бы часть ихъ потеряла свои полезныя свойства это для насъ безразлично; намъ нѣтъ надобности примѣнять

здѣсь указанныя выше правила хозяйственной дѣятельности; такія блага суть блага *нехозяйственныя*.

Если хозяйственный характеръ благъ перваго порядка обусловливается непосредственно количественнымъ отношеніемъ наличнаго ихъ количества къ тому, которое намъ нужно, то такой же характеръ благъ высшихъ порядковъ обусловливается хозяйственнымъ характеромъ благъ перваго порядка, въ которыя они превращаются.

Утверждать зависимость противнаго рода значило бы извращать дѣйствительныя соотношенія. Подобное утвержденіе противорѣчитъ опыту, который показываетъ, что изъ благъ высшаго порядка, имѣющихъ хозяйственный характеръ, можно производить блага нисшаго порядка, лишенныя такого значенія. Кромѣ того, оно не рѣшаетъ вопроса, такъ какъ не объясняетъ причины хозяйственнаго значенія благъ высшаго порядка. Въ дѣйствительности дѣло происходитъ такимъ образомъ: „человѣкъ прежде всего испытываетъ потребность въ предметахъ перваго порядка и дѣлаетъ объектомъ своей хозяйственной дѣятельности тѣ изъ нихъ, которыхъ количество въ его распоряженіи меньше того, сколько ему нужно; эти предметы становятся хозяйственными; что же касается всѣхъ другихъ, то онъ не находитъ практическихъ поводовъ вводить ихъ въ кругъ своего хозяйства. Затѣмъ размышленіе и опытъ ведутъ человѣка къ болѣе глубокому познанію причиннаго соотношенія вещей между собой и соотношенія его съ ихъ благополучіемъ; человѣкъ научается познавать блага второго, третьяго и т. д. порядковъ. Но и здѣсь онъ находитъ, какъ и относительно благъ перваго порядка, что количество однихъ предметовъ, имѣющееся въ его распоряженіи, превышаетъ надобность въ нихъ, тогда какъ количество другихъ находится въ обратномъ отношеніи; человѣкъ дѣлитъ и эти предметы на двѣ категоріи: одни онъ вводитъ въ область своей хозяйственной дѣятельности, относительно другихъ не видитъ къ тому повода“ (стр. 69—70).

Если блага имѣютъ хозяйственный характеръ, то отъ каждаго даннаго количества ихъ, какъ мы видѣли зависитъ удовлетвореніе какой-либо потребности; когда человѣкъ это сознаетъ, предметы пріобрѣтаютъ для него значеніе, которое мы называемъ цѣнностью. „*Цѣнность* есть значеніе для насъ конкретныхъ благъ, или ихъ количествъ, которое они пріобрѣтаютъ вслѣдствіе того, что въ удовлетвореніи нашихъ потребностей мы со-

знаемъ себя въ зависимости отъ обладанія этими благами“ (стр. 78). „Цѣнность такимъ образомъ не есть нѣчто присущее благамъ, не есть свойство ихъ, но то значеніе, которое прежде всего мы приписываемъ удовлетворенію нашихъ потребностей, обезпеченію нашей жизни и благополучія, и уже затѣмъ переносимъ на хозяйственныя блага, какъ исключительную причину испытываемаго нами удовлетворенія или вообще нашего душевнаго состоянія“ (стр. 81).

Опытъ обыденной жизни показываетъ намъ, что удовлетвореніе различныхъ потребностей имѣетъ для насъ различное значеніе, смотря по тому, въ какой зависимости находится наше благополучіе отъ удовлетворенія той или другой потребности Удовлетворенію потребности въ пищѣ мы придаемъ бо́льшее значеніе, чѣмъ обладанію каретой. Но и удовлетвореніе потребности въ пищѣ можетъ быть разложено на нѣсколько отдѣльныхъ актовъ. Извѣстное количество пищи необходимо для сохраненія жизни, слѣдующее — для поддержанія здоровья; наконецъ, дальнѣйшія количества употребляются уже исключительно ради удовольствія, сопряженнаго съ ѣдой. Значеніе каждаго такого акта удовлетворенія одной и той-же потребности также различно въ зависимости отъ значенія этого акта для нашей жизни или благополучія. Подобнаго рода наблюденія мы можемъ сдѣлать относительно всякой потребности. Такое соотношеніе между отдѣльными потребностями и отдѣльными актами удовлетворенія каждой потребности мы можемъ изобразить схематически въ видѣ таблицы, гдѣ горизонтальный рядъ цифръ (10, 9, 8 и т. д) изображаетъ потребности, постепенно ослабѣвающія въ своемъ значеніи, а соотвѣтствующій каждой цифрѣ этого ряда вертикальный рядъ нисходящихъ цифръ (9, 8 и т. д.; 8, 7 и т д.) изображаетъ отдѣльные, постепенно понижающіеся въ своемъ значеніи акты удовлетворенія каждой потребности:

10	9	8	7	6	5	4	3	2	1
9	8	7	6	5	4	3	2	1	
8	7	6	5	4	3	2	1		
7	6	5	4	3	2	1			
6	5	4	3	2	1				
5	3	3	2	1					
4	4	2	1						
3	2	1							
2	1								
1									

Если бы при одной потребности человѣкъ обладалъ только однимъ предметомъ для ея удовлетворенія, и этотъ предметъ ни къ чему иному не былъ пригоденъ, то цѣнность его опредѣлялась бы значеніемъ, какое имѣло бы удовлетвореніе этой потребности.

Обыкновенно же мы имѣемъ дѣло съ извѣстнымъ количествомъ полезныхъ предметовъ съ одной стороны и извѣстнымъ комплексомъ потребностей съ другой

Спрашивается, какъ опредѣлить цѣнность какого-либо количества благъ, какъ найти ту потребность, отъ которой она будетъ зависѣть? Стремясь къ возможно полному удовлетворенію потребностей, мы удовлетворяемъ извѣстнымъ количествомъ предметовъ прежде всего тѣ потребности, которыя имѣютъ для насъ наибольшее значеніе; затѣмъ дальнѣйшее количество предметовъ употребляемъ на удовлетвореніе потребностей, ближайшихъ по своему значенію къ первымъ и т. д. Отсутствіе какой-либо части количества предметовъ будетъ причиной неудовлетворенія потребностей въ обратномъ порядкѣ. Сперва останется безъ удовлетворенія наименѣе важная изъ всѣхъ потребностей, при дальнѣйшемъ недостаткѣ новаго количества предметовъ не будетъ удовлетворена ближайшая къ ней болѣе важная потребность и т д.

Вслѣдствіе этого, значеніе, которое мы придаемъ обладанію какимъ-либо количествомъ полезныхъ предметовъ всегда будетъ зависѣть отъ наименѣе важной потребности, той именно, которая остается безъ удовлетворенія при отсутствіи этого количества. Иначе говоря, цѣнность извѣстной части всего количества предметовъ опредѣляется наименѣе важною потребностью (или степенью потребности) изъ числа тѣхъ, которыя могутъ быть удовлетворены такою частью предметовъ.

Существуетъ мнѣніе — говоритъ Menger — будто предметы перваго порядка обладаютъ цѣнностью вслѣдствіе того, что они суть продукты труда или вообще предметовъ высшихъ порядковъ. Такое мнѣніе не можетъ быть признано удовлетворительнымъ объясненіемъ цѣнности, ни съ матеріальной, ни съ формальной стороны: оно противорѣчитъ наблюденію, непримѣнимо въ тѣхъ случаяхъ, когда предметы не являются продуктами производства, не даетъ объясненія цѣнности предметовъ высшихъ порядковъ. Существуетъ, напротивъ, обратное отношеніе.

Предметы высшихъ порядковъ производятъ свою цѣнность отъ цѣнности предметовъ перваго порядка, въ которые они превращаются.

Цѣнность какого-либо предмета, или какой-либо части предметовъ бываетъ различна для разныхъ лицъ, въ зависимости отъ размѣра и силы ихъ потребности, удовлетворяемой данными предметами, и отъ количества послѣднихъ. Различіе въ цѣнности однихъ и тѣхъ же предметовъ для разныхъ лицъ является причиной обмѣна.

Если у одного лица есть блага, представляющія для него меньшее значеніе, чѣмъ блага, которыя имѣются у другого лица, и послѣднее находится въ такомъ же положеніи, то для нихъ возникаетъ интересъ обмѣняться своими благами, или какою-либо ихъ частью. Пусть лицо A имѣетъ шесть лошадей и одну корову, лицо B — наоборотъ, шесть коровъ и одну лошадь. Пусть послѣдовательное значеніе потребностей, удовлетворяемыхъ каждою лошадью и каждой коровой, у одного и другого лица равняется 50, 40, 30, 20, 10, 0. При такихъ условіяхъ состояніе удовлетворенія потребностей до обмѣна у обоихъ лицъ представится въ слѣдующемъ видѣ:

A		B	
Лош.	Кор.	Лош.	Кор.
50	50	50	50
40			40
30			30
20			20
10			10
0			0

Для лица A цѣнность одной лошади $= 0$, цѣнность второй коровы равнялась бы 40; для B — наоборотъ. Для обоихъ имѣется хозяйственное побужденіе къ обмѣну лошади на корову, послѣ чего состояніе удовлетворенія потребностей представится уже въ слѣдующемъ видѣ:

A		B	
Лош.	Кор.	Лош.	Кор.
50	50	50	50
40	40	40	40
30			30
20			20
10			10

Въ результатѣ обмѣна каждое лицо обогатилось предметомъ съ цѣнностью = 40, вмѣсто прежняго предмета, не имѣвшаго цѣнности.

Послѣ обмѣна еще одной лошади на корову результатъ выразится въ слѣдующей таблицѣ:

A		B	
Лош.	Кор.	Лош	Кор.
50	50	50	50
40	40	40	40
30	30	30	30
20			20

Дальнѣйшій обмѣнъ не имѣетъ смысла, такъ какъ вмѣсто предмета, имѣющаго цѣнность 20, получается предметъ такой-же цѣнности. Слѣдовательно, обмѣнъ оканчивается, когда въ распоряженіи обмѣнивающихся лицъ нѣтъ уже болѣе предметовъ съ меньшей цѣнностью, чѣмъ цѣнность тѣхъ предметовъ, которые могутъ быть получены въ обмѣнъ.

Теперь мы можемъ уяснить себѣ, какимъ образомъ устанавливается при обмѣнѣ мѣновое отношеніе предметовъ, другими словами, какъ образуется цѣна. При изолированномъ обмѣнѣ двухъ лицъ этотъ процессъ происходитъ слѣдующимъ образомъ. Положимъ, для лица A 100 мѣръ хлѣба имѣютъ такую же цѣнность, какъ 40 мѣръ вина; для B 40 мѣръ вина имѣютъ такую же цѣнность, какъ 80 мѣръ хлѣба. Для A есть расчетъ дать менѣе 100 мѣръ хлѣба за 40 мѣръ вина, для B есть расчетъ получить болѣе 80 мѣръ хлѣба за 40 мѣръ вина. Слѣдовательно, цѣна 40 мѣръ вина можетъ упасть между 100 и 80 мѣрами хлѣба; она должна быть равна 90 мѣрамъ хлѣба, если ни тотъ, ни другой контрагентъ не имѣетъ никакихъ преимуществъ, чтобы склонить цѣну въ свою пользу.

Если есть нѣсколько конкуррентовъ, желающихъ пріобрѣсти одинъ и тотъ же предметъ, каждый изъ нихъ стремится предложить настолько высокую цѣну, чтобы устранить всѣхъ остальныхъ; предметъ достается тому, кто предлагаетъ наивысшую цѣну, т. е. для кого онъ является эквивалентомъ наибольшаго количества предметовъ, даваемыхъ въ обмѣнъ. Цѣна заключается въ границахъ между наивысшей цѣной, какую можетъ дать наи-

болѣе сильный экономически покупатель и наивысшей цѣной, какую могъ бы предложить ближайшій къ нему конкурренть.

Если къ обмѣну предлагается нѣсколько предметовъ, дѣло, по существу, не измѣняется. Каждый конкурренть старается дать такую цѣну, чтобы, по возможности, устранить своихъ конкурентовъ и пріобрѣсти все нужное ему количество предметовъ. Но каждый новый предметъ, пріобрѣтаемый покупателемъ, представляетъ для него меньшую цѣнность, и потому, съ увеличеніемъ количества продаваемыхъ предметовъ, цѣна ихъ должна понижаться.

Положимъ, что для покупателя B^1 цѣнность первой лошади равна 80 мѣрамъ хлѣба, а цѣнность каждой слѣдующей понижается на 10 мѣръ; для B^2 — тоже, начиная съ 70, для B^3—начиная съ 60 и т. д., какъ показано въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Цѣнность	1-й	2-й	3-й	и т	д.	лошади:		
B^1	80	70	60	50	40	30	20	10
B^2	70	60	50	40	30	20	10	
B^3	60	50	40	30	20	10		
B^4	50	40	30	20	10			
B^5	40	30	20	10	.	.	.	. . мѣръ хлѣба.

Если продавецъ имѣетъ только одну лошадь, она достанется лицу B^1, и цѣна будетъ заключаться между 80 и 70 мѣрами хлѣба. Но если продавецъ предложитъ къ обмѣну три лошади, для B^1 не будетъ уже разсчета пріобрѣсти вторую и третью лошадь по той же цѣнѣ, какъ и первую (т. е. <80 и >70), такъ какъ цѣнность второй лошади для него уже $=70$, а третьей еще меньше. B^1 можетъ пріобрѣсти вторую лошадь только въ томъ случаѣ, если цѣна ея будетъ меньше 70; но тогда и B^2 можетъ участвовать въ обмѣнѣ и можетъ пріобрѣсти одну лошадь. У B^1 нѣтъ хозяйственной возможности устранить своего конкурента, поднявъ цѣну до или выше 70, такъ какъ такая цѣна и для него была бы убыточна. Такимъ образомъ въ обмѣнѣ станутъ участвовать два лица — B^1 и B^2 —, и для нихъ является общій интересъ установить такую цѣну, чтобы устранить третьяго ближайшаго конкурента — B^3. Цѣна должна быть меньше 70 и больше 60. Лицо B^1 пріобрѣтаетъ двѣ лошади и B^2 — одну.

Если продавецъ предложитъ къ обмѣну 6 лошадей, то въ силу тѣхъ же причинъ, B^1 пріобрѣтетъ 3, B^2 — 2 и B^3 — 1 лошадь, и цѣна должна быть ниже 60 и выше 50 мѣръ хлѣба и т. д.

Если, наконецъ, мы предположимъ, что тѣ же три, шесть и т. д. лошадей предлагаются къ обмѣну не однимъ продавцемъ, но двумя, тремя и т. д., опять-таки обмѣнъ, будетъ происходить, по существу, также, какъ и прежде; цѣна, по-прежнему, будетъ устанавливаться въ зависимости отъ количества лошадей, предлагаемыхъ къ обмѣну, и отъ значенія каждой слѣдующей лошади для каждаго покупателя. Если одинъ продавецъ — A^1 — предлагаетъ къ обмѣну двѣ лошади и другой — A^2 — одну, цѣна лошади, какъ и прежде, должна быть меньше 70 и больше 60, B^1 по-прежнему пріобрѣтетъ двѣ лошади, B^2 — одну.

Благодаря обмѣну, предметъ получаетъ возможность служить удовлетворенію не только той потребности, для которой онъ прямо предназначенъ, но и всѣхъ тѣхъ, какія могутъ быть удовлетворены предметами, получаемыми за него въ обмѣнъ. Если значеніе предмета, основанное на прямомъ удовлетвореніи потребности, представляетъ потребительную цѣнность, то значеніе, основанное на удовлетвореніи потребностей путемъ обмѣна, представляетъ мѣновую цѣнность предмета. Всякій предметъ употребляется либо для прямого удовлетворенія потребности, либо для обмѣна на другіе предметы, смотря потому, больше-ли его потребительная или мѣновая цѣнность

Такова сущность теоріи Menger'a, послужившей главнымъ основаніемъ для послѣдующихъ теорій того же типа. Теоріи другихъ типовъ также признаютъ значеніе элемента полезности для цѣнности, но обыкновенно лишь въ видѣ общаго условія, которое только необходимо для существованія цѣнности, но само ея не создаетъ и не опредѣляетъ ея величины. Обыкновенно даже утверждаютъ, что величина полезности находится въ противорѣчіи съ величиною цѣнности. Теорія Menger'a и другія, сходныя съ нею, характеризуются тѣмъ, что ставятъ цѣнность въ прямую и исключительную зависимость отъ полезности и разрѣшаютъ видимое противорѣчіе между этими двумя понятіями Этотъ послѣдній результатъ достигается введеніемъ понятія измѣненія полезности въ зависимости отъ количества предметовъ и идеи зависимости цѣнности отъ полезности, соотвѣт-

ствующей наименѣе важной потребности, или отъ „предѣльной“ полезности (final degree of utility Jevons'a и Grenznutzen Wieser'a). А отсюда и названіе такихъ теорій — теоріи предѣльной полезности.

Противъ теоріи предѣльной полезности представляютъ много возраженій, но не всѣ они справедливы. Особенной критикѣ подвергается главное ея положеніе, состоящее, какъ мы видѣли, въ томъ, что цѣнность ставится въ зависимость отъ различнаго значенія, какое имѣютъ для насъ акты удовлетворенія разныхъ потребностей до различной степени. Правда, съ этой цѣлью никто уже не ссылается на аргументъ, еще сравнительно недавно казавшійся безспорной истиной для многихъ и даже весьма авторитетныхъ представителей науки — будто полезность вещей не заключаетъ въ себѣ моментовъ для сравненія, такъ какъ каждый предметъ также хорошъ, какъ и всякій другой *). Возможность сравненія полезности вещей, въ зависимости отъ значенія удовлетворяемой потребности, можно считать признанной въ наукѣ **); возраженія сводятся только къ тому, что такая различная полезность предметовъ можетъ имѣть только субъективно-индивидуальное значеніе и вовсе непригодна для того, чтобы основать на ней объективную, одинаковую для всѣхъ цѣну ***). Такимъ образомъ утверждаютъ, что скала потребностей, изображаемая схематической таблицей Менгера, должна мѣняться каждую минуту: передъ обѣдомъ первое мѣсто занимаетъ потребность въ пищѣ, послѣ обѣда — потребность въ куреніи, затѣмъ потребность въ отдыхѣ, работѣ и т д.; вслѣдствіе этого и оцѣнка предметовъ должна была бы мѣняться каждую минуту, чего на самомъ дѣлѣ нѣтъ, слѣдовательно индивидуально-субъ-

*) **Зиберъ**, Теорія цѣнности и капитала Д. Рикардо, Кіевъ, 1871: «полезность двухъ предметовъ нельзя сравнивать между собою», такъ какъ каждый изъ нихъ хорошъ на своемъ мѣстѣ (стр. 39); фунтъ хлѣба и мяса удовлетворяютъ одинаковыя потребности, какъ тогда, когда ихъ много, такъ и тогда, когда ихъ мало (стр. 32, прим.).

) **Roscher, System der Volkswirthschaft, 1892, т. I, стр 11 **Neumann**, Die Begriffe Gut, Werth etc., въ Schönberg'a Handbuch, Zw. Aufl., 1885, стр. 160. **M. Block**, Les progrés de la science économique, 1890, стр. 115 и слѣд.

***) **Залѣскій В.**, Ученіе о цѣнности, вып. II, 1893, стр. 137.

ективное значеніе потребности не служитъ основаніемъ для оцѣнки предметовъ *).

Дѣйствительно, если бы человѣкъ руководствовался только потребностями данной минуты, то оцѣнка предметовъ постоянно для него мѣнялась бы: до обѣда онъ больше всего цѣнилъ бы пищу, послѣ обѣда послѣдняя сразу теряла бы для него всякое значеніе, и наибольшее значеніе пріобрѣла бы сигара, затѣмъ постель и т. д. Это дѣйствительно и бываетъ съ дикаремъ, стоящимъ на столь низкой ступени развитія, что онъ живетъ только ощущеніями данной минуты **); отчасти нѣчто подобное представляетъ собою крайне непредусмотрительный человѣкъ. Но обыкновенный человѣкъ нашего времени никогда не отдается ощущенію удовлетворенія потребности одной данной минуты, забывая о тѣхъ потребностяхъ, которыя, правильно чередуясь, будутъ наступать въ послѣдующіе моменты. Испытывая потребность данной минуты, онъ въ то же время сознаетъ потребности будущаго времени, на какое распространяется его предусмотрительность. Испытывая желаніе курить, онъ не тратитъ своихъ средствъ на покупку сигары, если сознаваемая имъ теперь же будущая потребность въ пищѣ сильнѣе его настоящей потребности въ куреніи. Онъ распредѣляетъ свои средства такимъ образомъ, чтобы были удовлетворены всѣ потребности *будущаго* времени, которыя кажутся ему въ *настоящую* минуту важнѣе непосредственно ощущаемой потребности куренія, и если затѣмъ у него останутся еще средства, онъ употребляетъ ихъ на покупку сигары.

Каждая потребность присуща нашему сознанію еще раньше своего непосредственнаго ощущенія и остается въ немъ послѣ своего непосредственнаго удовлетворенія. Уже теперь мы сознаемъ тѣ потребности, которыя будутъ ощущаться нами непосредственно лишь въ будущемъ, и уже теперь мы придаемъ имъ то или другое значеніе, значеніе, правда, уступающее значенію той же потребности въ моментъ ея непосредственнаго ощущенія, но все болѣе приближающееся и наконецъ сливающееся съ этимъ послѣднимъ, по мѣрѣ того, какъ съ теченіемъ времени будущая

*) ibid. стр. 135.

) **Зиберъ, Очерки первобытной экономической культуры. 1883, стр. 155, 161, 167.

потребность превращается въ настоящую *). Чѣмъ ближе будущая потребность, тѣмъ меньше разница между значеніемъ ея въ данную минуту и въ моментъ непосредственнаго ощущенія; чѣмъ предусмотрительнѣе человѣкъ, тѣмъ опять-таки эта разница меньше.

Такимъ образомъ каждая отдѣльная потребность не выростаетъ мгновенно во всемъ своемъ значеніи въ моментъ своего непосредственнаго ощущенія, чтобы затѣмъ мгновенно исчезнуть послѣ удовлетворенія; но она присуща человѣку постоянно, съ извѣстнымъ свойственнымъ ей значеніемъ въ ряду другихъ потребностей; при чемъ это значеніе лишь нѣсколько возрастаетъ съ приближеніемъ момента непосредственнаго ощущенія потребности, достигаетъ максимума въ этотъ послѣдній моментъ и снова понижается послѣ удовлетворенія; эти колебанія тѣмъ меньше, чѣмъ правильнѣе повторяется потребность, чѣмъ короче періоды повторенія и чѣмъ предусмотрительнѣе человѣкъ. Точно также и основанная на значеніи потребности оцѣнка вещи, ея полезность, потребительная цѣнность, не возникаетъ въ нашемъ умѣ мгновенно въ минуту непосредственнаго ощущенія потребности, чтобы потомъ также мгновенно исчезнуть, но существуетъ въ томъ или другомъ размѣрѣ, лишь колеблясь въ бо́льшихъ или меньшихъ предѣлахъ, въ зависимости отъ періодическаго характера потребности и степени нашей предусмотрительности.

Такимъ образомъ скала потребностей и основанная на ней оцѣнка предметовъ хотя и представляется, въ той или другой степени, субъективно-индивидуальной для каждаго отдѣльнаго человѣка, тѣмъ не менѣе не является мимолетной, случайной, безпрестанно измѣняющейся и потому неуловимой; она представляетъ достаточно постоянства и устойчивости для того, чтобы человѣкъ основалъ на ней то или другое хозяйственное отношеніе къ предметамъ, удовлетворяющимъ его потребности, и, въ зависимости отъ количества предметовъ, своей предусмотрительности и этой болѣе или менѣе устойчивой скалы потребностей, приписывалъ предметамъ довольно опредѣленное и устойчивое значеніе, которое мы называемъ цѣнностью.

Къ тому же значеніе потребностей для человѣка вовсе не такъ субъективно-индивидуально, какъ обыкновенно думаютъ; оно

*) Jevons W. St., The Theory of Pol. Econ., 1879, стр. 37.

бо́льшей частью почти цѣликомъ предопредѣляется для отдѣльныхъ индивидовъ установившимся standard of life ихъ класса, обычаями, традиціями, которыя даютъ готовый шаблонъ жизни, въ общемъ довольно консервативный и измѣняющійся лишь постепенно.

Другое возраженіе противъ зависимости цѣны отъ предѣльной полезности состоитъ въ томъ, что, если даже допустить существованіе скалъ потребностей для каждаго индивида, то все-таки остается непонятнымъ и даже неразрѣшимымъ, какимъ образомъ изъ этихъ разнообразно-индивидуальныхъ скалъ возникаетъ одна общая для всѣхъ цѣна? *)

Но и съ этимъ возраженіемъ нельзя согласиться. Если бы обмѣнъ происходилъ такимъ образомъ, что два контрагента, взаимно обмѣнивающіеся своими предметами, имѣли бы дѣло только другъ съ другомъ, безъ всякаго отношенія къ другимъ лицамъ, производящимъ такой же обмѣнъ, то, дѣйствительно, установленіе цѣны зависѣло бы отъ индивидуальныхъ скалъ потребностей этихъ двухъ данныхъ контрагентовъ; цѣнъ могло бы быть столько, сколько есть паръ контрагентовъ. Въ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаяхъ такъ и бываетъ. Но на современномъ рынкѣ, при взаимномъ соперничествѣ покупателей между собою и такомъ же соперничествѣ продавцевъ, существованіе многихъ цѣнъ невозможно. Вещь не можетъ обмѣниваться по болѣе дорогой цѣнѣ между одной парой контрагентовъ, потому что здѣсь покупатель цѣнитъ ее выше, сообразно съ болѣе высокой скалой своей потребности, и по болѣе дешевой цѣнѣ между другой парой контрагентовъ, такъ какъ здѣсь покупатель обладаетъ болѣе низкой скалой потребности: первый покупатель оставилъ бы своего контрагента и обратился бы ко второму. Аналогичнымъ образомъ поступалъ бы и каждый продавецъ. Въ результатѣ на рынкѣ должна была бы установиться одна цѣна для всѣхъ контрагентовъ **). Вопросъ сводится только къ тому, чѣмъ же опредѣляется эта цѣна? Она не можетъ зависѣть отъ оцѣнки тѣхъ изъ участвующихъ въ обмѣнѣ покупателей, которые обладаютъ

---

*) **Залѣскій**, ор. с., стр. 137.

) **Jevons, The Theorie of Pol. Econ., 1879, стр. 99: «in the some open market at any one moment there cannot be two prices for the some kind of article» (The law of indifference).

наиболѣе высокими скалами потребностей, такъ какъ цѣна, основанная на такой оцѣнкѣ, была бы невозможна для покупателей съ болѣе слабыми потребностями въ данномъ предметѣ. Но разъ извѣстное число лицъ участвуетъ въ обмѣнѣ, то это возможно только въ томъ случаѣ, когда цѣна предмета выгодна для всякаго изъ нихъ. Слѣдовательно, она должна опредѣляться оцѣнкой наиболѣе слабаго покупателя, обладающаго наименѣе сильной потребностью въ предметѣ. Процессъ обмѣна представляется въ слѣдующемъ видѣ. Съ одной стороны, мы имѣемъ извѣстное количество предметовъ, предлагаемыхъ къ обмѣну всѣми продавцами; съ другой — извѣстное количество потребностей различной силы и значенія, воплощенныхъ во всѣхъ покупателяхъ. Данное количество предметовъ удовлетворяетъ данныя потребности до извѣстнаго уровня; цѣна предмета не можетъ быть выше послѣдней самой слабой изъ всѣхъ удовлетворяемыхъ потребностей; покупатель, которому эта потребность принадлежитъ, опредѣляетъ цѣнность. Mutatis mutandis тоже относится къ продавцамъ, и такимъ образомъ, цѣна опредѣляется „предѣльной парой“ контрагентовъ *).

Что это объясненіе не есть простое изображеніе фактической стороны обмѣна **) — это очевидно. Оно показываетъ намъ, что существуетъ и должна существовать одна общая для всѣхъ цѣна и затѣмъ сводитъ эту цѣну къ ея простѣйшей конечной причинѣ — скаламъ потребностей одной опредѣленной пары контрагентовъ. А это все, чего можно требовать вообще отъ всякаго объясненія, которое всегда остается *изображеніемъ* дѣйствительности, но только сведенной къ ея конечнымъ простѣйшимъ элементамъ.

---

*) **Böhm-Bowerk**, Gründzuge der Theorie des wirtschaftlichen Güterwerts, Jahrb. f. N. Oek. u. Stat. 1886, т. 47, стр. 501: «Die Höhe des Marktpreises wird begrenzt und bestimmt durch die Höhe der subjektiven Wertschätzungen der beiden Grenzpaare». **G. Ricca Salerno**: «Il valore di scambio appare come qualcose di reale, proprio delle ricchezze e indipendente dal giudizio e dall'opera individuale; e per molta tempo si è cercato invano il segreto della sua obbietività. Ma si è cercato cio che non esiste e non potra mai ritrovarsi». La teoria del valore, 1894, стр. 179. Далѣе слѣдуетъ прекрасное объясненіе кажущейся объективности.

**) Такъ думаетъ г. Залѣскій, ор. с., стр. 137.

Болѣе серьезное возраженіе противъ теоріи предѣльной полезности въ томъ видѣ, какъ она излагается до сихъ поръ, состоитъ въ слѣдующемъ. При объясненіи процесса установленія цѣны эта теорія исходитъ изъ предположенія, что оба обмѣнивающіеся другъ на друга предметы представляютъ извѣстную потребительную цѣнность какъ для одного, такъ и для другого контрагента. Между тѣмъ, такое предположеніе не находитъ себѣ оправданія въ современныхъ условіяхъ обмѣна. При раздѣленіи занятій и труда, лицо, предлагающее къ обмѣну какіе-либо продукты или товары, не употребляетъ и не можетъ ихъ употребить для удовлетворенія собственныхъ потребностей, и потому эти продукты или товары, не имѣютъ для ихъ обладателя потребительной цѣнности. Вмѣстѣ съ тѣмъ исчезаетъ одно изъ основаній для опредѣленія цѣны. Предметы обмѣна представляютъ потребительную цѣнность только для покупателей — потребителей; эта цѣнность опредѣляетъ только максимальный предѣлъ, котораго цѣна не можетъ достигнуть; но нѣтъ минимальнаго предѣла для цѣны на сторонѣ продавцевъ. Правда, цѣна можетъ быть установлена на извѣстномъ уровнѣ взаимной конкурренціей однихъ только покупателей; желающихъ пріобрѣсти товаръ или продуктъ всегда больше, сравнительно съ числомъ тѣхъ, которые его дѣйствительно пріобрѣтаютъ; и эти послѣдніе, дѣйствительные пріобрѣтатели, обезпечиваютъ себѣ пріобрѣтеніе товара только такимъ образомъ, что удерживаютъ цѣну его на извѣстномъ уровнѣ, устраняющемъ лишній спросъ. Но въ дѣйствительности и продавцы не относятся безучастно къ установленію цѣнъ; они не выжидаютъ результата, къ которому приведетъ взаимное соперничество покупателей, но, съ своей стороны, объявляютъ цѣну своего товара. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ, на чемъ основана эта послѣдняя оцѣнка товаровъ и какую роль играетъ она при окончательномъ опредѣленіи цѣны — вопросъ, на который мы пока не находимъ достаточно опредѣленнаго отвѣта въ теоріи Менгера и его послѣдователей.

Въ наиболѣе типичномъ видѣ предстанетъ передъ нами этотъ недостатокъ, если мы представимъ себѣ случай обмѣна въ современномъ денежномъ хозяйствѣ: товаръ обмѣнивается на деньги. Здѣсь только товаръ имѣетъ потребительную цѣнность для покупателя (если предположить, что этотъ покупатель есть

непосредственно потребитель товара); затѣмъ товаръ для продавца, деньги для обоихъ контрагентовъ не имѣютъ потребительной цѣнности, такъ какъ ни тотъ, ни другой не употребляютъ матеріала денегъ для непосредственнаго удовлетворенія своихъ потребностей и обыкновенно ни въ какомъ случаѣ не имѣютъ въ виду такого назначенія металла; если же цѣна устанавливается на основаніи сравненія предѣльныхъ полезностей, то откуда же берутся предѣльныя полезности въ этомъ случаѣ, при отсутствіи потребительной цѣнности? Этотъ вопросъ ждетъ еще своего разрѣшенія.

Сильной критикѣ подвергается въ теоріи предѣльной полезности также объясненіе цѣнности и цѣны предметовъ высшихъ порядковъ. Такъ, напримѣръ, г. В. Ф. Залѣскій *) доказываетъ несостоятельность теоріи Менгера въ этомъ отношеніи посредствомъ слѣдующаго „reductio ad absurdum“: если полезность антрацита относится къ полезности обыкновеннаго каменнаго угля какъ 9 : 8, то цѣнность ихъ также должна быть различна; но мы знаемъ — говоритъ онъ, — это научный фактъ, что условія залеганія всѣхъ сортовъ каменнаго угля въ среднемъ одинаковы, такъ что и трудность добыванія всѣхъ сортовъ одинакова; поэтому Менгеръ долженъ былъ бы заключить, что цѣнность восьми часовъ труда равна цѣнности девяти часовъ такого же труда. Однако этотъ примѣръ нисколько не приводитъ къ абсурду теорію Менгера. Послѣдній вовсе не говоритъ, что цѣнность какого-либо предмета или какой либо части предметовъ равняется значенію потребности, *конкретно* удовлетворяемой даннымъ предметомъ или данной частью предметовъ. Цѣнность извѣстнаго предмета или извѣстной части всего количества предметовъ равняется, по ученію Менгера (l. c., стр. 131), значенію, какое имѣетъ удовлетвореніе потребности, наименѣе важной среди всѣхъ потребностей, удовлетворяемыхъ этимъ предметомъ или этой частью предметовъ. *Предметы высшихъ порядковъ не составляютъ въ этомъ отношеніи исключенія: ихъ цѣнность опредѣляется также предѣльной полезностью.* Поэтому если единица труда въ одномъ случаѣ удовлетворяетъ потребность, значеніе которой равняется 9, а въ другомъ случаѣ — потребность, значеніе которой равняется 8, то изъ этого, по теоріи М.,

*) l. c., стр. 140.

вовсе не слѣдуетъ, что единица труда должна имѣть двѣ различныя цѣнности, а лишь слѣдуетъ, что цѣнность этой единицы будетъ опредѣляться меньшею изъ двухъ потребностей. Хотя такимъ образомъ указанное возраженіе и не приводитъ теоріи Менгера къ абсурду, тѣмъ не менѣе надо признать, что опредѣленіе цѣнности предметовъ высшаго порядка составляетъ наиболѣе слабое и наименѣе разработанное мѣсто этой теоріи. Неудовлетворительность ея въ этомъ вопросѣ состоитъ однако вовсе не въ томъ, что она ставитъ цѣнность факторовъ производства въ зависимость отъ цѣнности продукта — положеніе это вытекаетъ изъ основныхъ опредѣленій этой теоріи и достаточно мотивировано,— но въ томъ, что она не даетъ объясненія, какимъ образомъ цѣнность продукта могла бы распредѣляться между отдѣльными предметами высшаго порядка, чтобы образовать ихъ цѣнность *). Нѣкоторыя попытки дать такое объясненіе страдаютъ крайнимъ несовершенствомъ **).

---

*) См. **Zuckerkandl**, Zur Theorie d. Preises, 1889, стр. 345 и сл.

) Такъ напр. **Wieser (Der Natürliche Werth, 1889,) предлагаетъ слѣдующій способъ опредѣленія цѣнности предметовъ высшихъ порядковъ. Пусть x, y, z и т. д. представляетъ собою тѣ части цѣнности, которыя приходятся на единицу предметовъ высшихъ порядковъ изъ общей цѣнности продукта; для полученія одного продукта эти предметы надо взять въ одной пропорціи, такъ что, напр., $x+y=100$; для полученія другого продукта тѣ же производительные элементы берутся въ другой пропорціи, и тогда уравненіе принимаетъ другой видъ, напр.. $2x+3z=290$; такимъ образомъ, мы всегда можемъ получить столько различныхъ уравненій, сколько у насъ есть неизвѣстныхъ, и рѣшивъ ихъ, мы безъ труда получаемъ цѣнность каждаго производительнаго элемента. Но для того, чтобы этотъ способъ былъ примѣнимъ, необходимо слѣдующее условіе. Необходимо, чтобы цѣнность продукта въ каждомъ конкретномъ случаѣ совпадала съ цѣнностью производительныхъ факторовъ; между тѣмъ на самомъ дѣлѣ такого совпаденія въ отдѣльныхъ конкретныхъ случаяхъ не бываетъ: издержки производства то больше, то меньше цѣнности продукта, и совпаденіе этихъ двухъ величинъ представляетъ собою только идеальный предѣлъ, къ которому дѣйствительность приближается въ тотъ или другой моментъ и отъ котораго во всякое время она можетъ уйти. Если намъ даны цѣны нѣсколькихъ продуктовъ и количественный составъ ихъ изъ производительныхъ элементовъ, то мы не знаемъ, находится ли производство этихъ продуктовъ въ той стадіи отношенія предложенія къ спросу, когда цѣна продукта совпадаетъ съ цѣною издержекъ производства или нѣтъ; а при такомъ условіи мы и не можемъ составить уравне-

Наконецъ, кромѣ вполнѣ вѣрно указываемой зависимости цѣнности производительныхъ факторовъ отъ цѣнности продукта, несомнѣнно существуетъ и обратное воздѣйствіе предметовъ высшаго порядка на цѣнность предметовъ перваго порядка. Такъ какъ первыхъ въ большинствѣ случаевъ ограниченное количество, то ихъ количество опредѣляетъ собою количество предметовъ перваго порядка, отъ количества же послѣднихъ зависитъ ихъ цѣнность. Слѣдовательно, хотя цѣнность предметовъ перваго порядка и не зависитъ отъ предметовъ высшихъ порядковъ въ томъ смыслѣ, чтобы цѣнность каждаго продукта опредѣлялась количествомъ заключенныхъ въ немъ производительныхъ факторовъ, но общее количество предметовъ высшихъ порядковъ опредѣляетъ собою тѣ предѣльныя потребности, какія при этомъ количествѣ могутъ быть удовлетворены, и такимъ образомъ предопредѣляетъ цѣнность предметовъ перваго порядка Вся эта зависимость только въ самыхъ общихъ чертахъ намѣчена въ теоріи предѣльной полезности, что также составляетъ ея довольно существенный недостатокъ. Однако всѣ эти недостатки, какъ бы они ни были важны сами по себѣ, не приводятъ теорію предѣльной полезности къ логическому противорѣчію, или противорѣчію съ дѣйствительностью; они только свидѣтельствуютъ о ея неполнотѣ и недостаточномъ развитіи — недостатки, во всякомъ случаѣ устранимые со временемъ. Этимъ указанная теорія отличается отъ всѣхъ другихъ, изложенныхъ раньше. И мы можемъ думать, что путемъ логическаго развитія ея основныхъ положеній и болѣе глубокаго анализа фактовъ, мы прійдемъ къ вѣрному и точному объясненію самыхъ сложныхъ явленій обмѣна *).

ній Wieser'a (ср. **D. Green**, Wieser's natural value, Publ. of the amer. Ac. of. Pol. a. Soc. Science, 1895, стр. 61). Ученіе **B. Bawerk'a** также не разрѣшаетъ этого вопроса. (**B. Bawerk**, Kapital und Kapitalzins, 1884—1889, т. II, стр. 189 и сл.).

*) Недостатки теоріи предѣльной полезности находятъ себѣ достаточное оправданіе не только въ сравнительно короткомъ періодѣ времени, протекшемъ съ момента, когда она обратила на себя серьезное вниманіе и подверглась разработкѣ, но и въ томъ, что для полнаго своего обоснованія она нуждается въ содѣйствіи другихъ наукъ — психологіи и физіологіи, содѣйствіи, которымъ она до сихъ поръ не имѣла возможности вос-

Наконецъ, существуетъ еще одинъ типъ теорій цѣнности — это теоріи предложенія и спроса. Но онѣ не представляютъ собою ничего оригинальнаго и самостоятельнаго по сравненію съ предъидущими. Теоріи этого типа бываютъ двухъ родовъ: однѣ даютъ просто внѣшнее изображеніе механизма обмѣна и ограничиваются установленіемъ поверхностныхъ эмпирическихъ соотношеній; такъ, напр., онѣ указываютъ на то, что цѣны измѣняются съ измѣненіемъ предлагаемаго и требуемаго количества товаровъ, зависятъ отъ количества покупателей и продавцевъ, отъ ихъ взаимной конкурренціи и т. п.; другія идутъ нѣсколько дальше и даютъ болѣе точныя указанія на элементы, опредѣляющіе спросъ и предложеніе; такими элементами оказываются потребности съ ихъ различіями по качеству и силѣ, полезныя свойства предметовъ, трудность ихъ производства, или пріобрѣтенія и т. д. Если теоріи перваго рода вовсе не даютъ объясненія изслѣдуемыхъ явленій, то теоріи второго рода заимствуютъ его въ концѣ концевъ у теорій другого типа — издержекъ производства, трудовыхъ и теорій предѣльной полезности. Заимствованные элементы онѣ однако не приводятъ

пользоваться въ достаточной степени. Этимъ объясняется то обстоятельство, что нѣкоторыя основныя положенія теоріи весьма мало разработаны съ психологической и физіологической стороны Такъ, напр., процессъ сравненія различныхъ потребностей между собою и процессъ перенесенія значенія потребностей на внѣшніе объекты, въ качествѣ ихъ полезности. Теперь уже можно видѣть, что эти процессы не такъ просты, какъ они представлялись въ схематическомъ видѣ въ первое время возникновенія теоріи предѣльной полезности. Patten (The econ. causes of mor. progr. и др.) указалъ, что полезность предметовъ зависитъ не только отъ ихъ свойствъ и той потребности, которую они изолированно удовлетворяютъ, но и отъ ихъ комбинаціи съ другими предметами, чѣмъ значительно усложняется ученіе о полезности. Затѣмъ, до сихъ поръ объясняютъ полезность безразлично какъ тѣмъ значеніемъ, которое представляетъ удовлетвореніе потребности, такъ и значеніемъ, какое имѣетъ для насъ лишеніе, неудовлетвореніе потребности; можно думать, что эти два момента не всегда совпадаютъ. Вообще здѣсь представляется уже теперь, а современемъ представится еще больше такихъ вопросовъ, которые нельзя будетъ рѣшить на основаніи данныхъ, доставляемыхъ всякому простымъ наблюденіемъ, но которые потребуютъ содѣйствія и участія психологовъ и физіологовъ. Пр. Н. Я. Гротъ (къ вопросу о классификаціи наукъ, 1884, стр. 55) давно указывалъ, что политическая экономія должна быть основана на психологіи — мнѣніе, заслуживающее особаго вниманія, такъ какъ оно высказано спеціалистомъ психологомъ.

въ органическую связь и взаимодѣйствіе, но сопоставляютъ механически другъ съ другомъ. Указывая на то, что цѣна опредѣляется и потребностью, и полезностью, и издержками производства, и количествомъ предметовъ и т. д., теорія предложенія и спроса не указываетъ того способа, какимъ эти различные элементы комбинируются между собой, чтобы совмѣстно произвести одинъ общій результатъ.

Если для объясненія обмѣна дѣйствительно надо воспользоваться элементами разныхъ теорій, а не какой-либо одной, то въ такомъ случаѣ раціональное объясненіе должно состоять въ томъ, чтобы, указавъ способъ дѣйствія каждой отдѣльной причины, вывести равнодѣйствующую всѣхъ ихъ вмѣстѣ, показать, что она можетъ и какъ она можетъ дать тотъ результатъ, который наблюдается въ дѣйствительности. Ничего подобнаго нѣтъ въ теоріяхъ предложенія и спроса, и потому онѣ не могутъ быть признаны удовлетворительнымъ объясненіемъ явленій обмѣна.

Для примѣра мы укажемъ на одну изъ наиболѣе типичныхъ теорій предложенія и спроса — теорію Hermann'a *). Указавъ на то, что мѣновыя отношенія товаровъ, при правильно и постоянно повторяющемся обмѣнѣ, зависятъ отъ предложенія товаровъ продавцами покупателямъ (Ausgebot) и спроса со стороны послѣднихъ (Nachfrage), Hermann указываетъ на слѣдующіе моменты, отъ которыхъ, въ свою очередь, зависятъ предложеніе и спросъ. Спросъ зависитъ отъ потребительной цѣнности: когда послѣдняя увеличивается въ силѣ или объемѣ, спросъ также возростаетъ и цѣна повышается; въ исключительныхъ случаяхъ эта причина можетъ повести въ очень высокой цѣнѣ — pretium affectionis. Затѣмъ спросъ зависитъ отъ платежныхъ средствъ покупателей и, наконецъ, отъ издержекъ пріобрѣтенія того же предмета какимъ-либо другимъ путемъ, напр., у другого продавца (цѣнность вещи у одного продавца опредѣляется цѣнностью ея у другого!) Затѣмъ предложеніе зависитъ также отъ трехъ моментовъ. Прежде всего — отъ издержекъ производства; но здѣсь замѣчается и обратная зависимость: не только издержки производства вліяютъ на предложеніе, а черезъ него на цѣны, но и послѣднія, въ свою очередь, оказываютъ вліяніе на издержки производства. Затѣмъ предложеніе зависитъ отъ цѣны, по кото-

*) Hermann, Staatswirtschaftl. Untersuchungen, 1870. стр. 390 и сл.

рой можно продать тотъ же предметъ въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ, и, наконецъ, — отъ мѣновой цѣнности предметовъ, играющихъ роль цѣны, или платежнаго средства (т. е. цѣна зависитъ отъ предложенія, а предложеніе отъ цѣны!).

Несостоятельность такого объясненія довольно очевидна. Другія теоріи того же типа отличаются только бо́льшимъ количествомъ элементовъ, отъ которыхъ ставится въ зависимость спросъ и предложеніе, болѣе или менѣе подробнымъ ихъ разборомъ, но, по существу, онѣ остаются такимъ же механическимъ сведеніемъ этихъ элементовъ, какъ и теорія Hermann'a *).

Кромѣ попытки свести элементы отдѣльныхъ теорій въ одно общее объясненіе, попытки, неудачное осуществленіе которой представляютъ теоріи предложенія и спроса, подобную же идею мы находимъ въ нѣкоторыхъ теоріяхъ цѣнности, не принадлежащихъ ни къ одному изъ указанныхъ нами типовъ. Но и эти теоріи нельзя считать удовлетворительнымъ объясненіемъ явленій обмѣна. Мы укажемъ прежде всего на оригинальную теорію цѣнности г. Антоновича **). Послѣдній разсматриваетъ цѣнность какъ явленіе т. с. многостороннее и даетъ ей нѣсколько опредѣленій: одно съ точки зрѣнія производителя, другое съ точки зрѣнія потребителя и т д. Мы видимъ прекрасный анализъ явленія цѣнности съ разныхъ точекъ зрѣнія, но не видимъ синтеза; каждое опредѣленіе со своей теоріей остается изолированнымъ и независимымъ отъ другихъ; въ томъ явленіи или въ томъ кругѣ явленій, который характеризуется понятіями цѣнности, дѣйствительно, сталкиваются различные интересы и различныя точки зрѣнія, но въ результатѣ этого столкновенія отдѣльныхъ интересовъ и точекъ зрѣнія получается одно опредѣленное явленіе. Задача изученія послѣдняго должна поэтому заключаться, во 1-хъ, въ томъ, чтобы открыть въ этомъ явленіи отдѣльные слагающіе его элементы и, во 2-хъ, чтобы сообразно съ природой каждаго элемента вывести одну общую равнодѣйствующую всей ихъ совокупности. Теорія цѣнности г. Антоновича не даетъ рѣшенія второй половины задачи, но несомнѣнное ея достоинство состоитъ въ томъ, что она указываетъ на тѣ частицы истины, какія за-

*) См. **В. Залѣскій**, Ученіе о цѣнности, вып. II, 1893, стр. 9 и сл. **Neumann**, въ Schönberg'a Handb., 2-e aufl., I, стр. 286 и сл.

) **Антоновичъ, Теорія цѣнности, 1887.

ключаются въ отдѣльныхъ противорѣчащихъ одна другой теоріяхъ цѣнности.

Затѣмъ Dietzel *) старается комбинировать трудовую теорію цѣнности съ теоріей предѣльной полезности. Онъ признаетъ правильной и удачной эту послѣднюю для объясненія цѣнности предметовъ рѣдкихъ и монопольныхъ; цѣнность же остальныхъ предметовъ опредѣляется, по его мнѣнію, издержками производства, или относительнымъ количествомъ труда. Въ послѣдней части эта теорія должна быть признана неудовлетворительной по тѣмъ же соображеніямъ, по какимъ вообще нельзя согласиться съ такимъ объясненіемъ цѣнности.

Заслуживаетъ особаго вниманія одна изъ новѣйшихъ теорій цѣнности, принадлежащая г. Залѣскому **). Достоинство этой теоріи состоитъ въ томъ, что она смотритъ на явленія цѣнности съ точки зрѣнія ихъ историческаго развитія и для каждой ступени этого развитія указываетъ свои законы и соотношенія Съ того момента, — говоритъ г. Залѣскій, — какъ человѣкъ сталъ относиться сознательно къ окружающей природѣ, онъ замѣтилъ, что одни предметы, необходимые для удовлетворенія его потребностей, находятся въ его распоряженіи въ достаточномъ количествѣ, тогда какъ другихъ сравнительно мало. Замѣтивъ такое отношеніе, онъ оцѣнилъ различное значеніе тѣхъ и другихъ предметовъ; первымъ приписалъ потребительную цѣнность, вторымъ,

---

*) **H. Dietzel.** Die klassiche Werttheorie und die Theorie vom Grenznutzen, Jahrb. f. N. Oec. u. St., 1890, т. 54, стр. 561 и сл. и zur klassischen Wert — und Preistheorie, Jahrb. f N. Oec. и St., 1891, стр. 685 и сл. Первая статья вызвала многочисленныя и энергичныя возраженія, въ которыхъ выразилась борьба новой теоріи предѣльной полезности съ классическимъ ученіемъ о цѣнности (вторая статья представляетъ отвѣтъ на эти возраженія): **J. Lher,** Die Klassische Werttheorie und die Theorie vom Grenznutzen, въ Jahrb. f Nat. Oec. u. St. 1890, т. 54 стр. 561 сл., подъ тѣмъ же заглавіемъ и тамъ же: **R. Auspitz,** стр. 288 и сл., **R. Zuckercandl** стр. 509 и сл., **B. Bawerk,** Ein Zwischenwort zur Werttheorie, ib., стр. 519 и сл. и Wert, Kosten und Grenznutzen, ib. 1892, стр. 321 и сл. Сюда же можно причислить и статью **S. Patten'a,** Die Bedeutung der Lehre vom Grenznutzen, Jahrb. f. N. Oec. u. St., 1891. стр. 481 сл., который старается установить правильную точку зрѣнія на отношеніе объективнаго элемента Kosten къ субъективному — Nutzen.

) **В. Ф. Залѣскій, Ученіе о цѣнности, в. I, часть догматическая, в. II, часть критическая, 1893.

сверхъ того, и мѣновую. Дальнѣйшимъ шагомъ въ развитіи человѣчества явилось сознаніе, что приложеніемъ извѣстныхъ усилій можно увеличить наличность нѣкоторыхъ сравнительно рѣдкихъ благъ; это положило начало производству благъ. Вмѣсто того, чтобы зависѣть рабски отъ природы, отъ случайной рѣдкости благъ, онъ сталъ ставить себя въ менѣе тяготную зависимость отъ собственной дѣятельности.

Сообразно съ этимъ, измѣнялся характеръ причинъ, обусловливающихъ мѣновую цѣнность. Сперва она опредѣлялась потребительной цѣнностью и сравнительной рѣдкостью. Затѣмъ постепенно элементъ сравнительной рѣдкости сталъ уступать мѣсто новому фактору — издержкамъ производства; по мѣрѣ того, какъ власть человѣка надъ природой увеличивается, послѣдній моментъ все болѣе и болѣе парализуетъ вліяніе сравнительной рѣдкости, и современемъ настанетъ день — замѣчаетъ авторъ,— когда природа вполнѣ будетъ побѣждена человѣкомъ, и цѣнность благъ будетъ опредѣляться исключительно потребительной цѣнностью и издержками производства. Въ настоящее же время это имѣетъ мѣсто только по отношенію къ нѣкоторымъ продуктамъ, вообще же цѣнность зависитъ пока отъ трехъ причинъ: потребительной цѣнности, сравнительной рѣдкости и издержекъ производства *).

Идея историческаго развитія явленій цѣнности и соотвѣтствующаго измѣненія причинъ, ее опредѣляющихъ, безъ сомнѣнія должна быть, признана вѣрной. Обмѣнъ, къ которому такъ или иначе относятся различныя опредѣленія цѣнности, есть продуктъ исторіи, какъ и всякое хозяйственное явленіе. Было время, когда его не существовало вовсе, или онъ существовалъ въ зачаточной формѣ. Затѣмъ наступилъ періодъ, когда обмѣнъ сталъ обыкновеннымъ, нормальнымъ и необходимымъ явленіемъ. Разумѣется, законы опредѣлявшіе его въ то время и опредѣляющіе теперь, не могутъ быть одинаковы. Точно также измѣнялся съ теченіемъ времени и характеръ того значенія, какое имѣютъ для человѣка предметы, удовлетворяющіе его потребности, сообразно съ тѣмъ, какъ вообще измѣнялось хозяйственное отношеніе человѣка къ внѣшнему міру.

---

*) op. cit. в. II, стр. 299—300 и в. 1, pass.

Но нельзя сказать, чтобы эта идея нашла себѣ достаточно полное и мотивированное развитіе въ теоріи г. Залѣскаго. Она высказана имъ кратко, вскользь и вызываетъ не мало сомнѣній. Такія сомнѣнія возникаютъ, прежде всего, по поводу перехода отъ оцѣнки предметовъ по потребительной цѣнности и сравнительной рѣдкости къ оцѣнкѣ ихъ по потребительной цѣнности и издержкамъ производства. Этотъ переходъ совершенно не вытекаетъ изъ тѣхъ соображеній, которыми онъ мотивируется. Г. Залѣскій говоритъ, что люди стали приписывать мѣновую цѣнность предметамъ первоначально въ силу ихъ полезности и сравнительной рѣдкости; такимъ образомъ мѣновая цѣнность существовала раньше, чѣмъ трудъ сталъ прилагаться къ производству предметовъ. Затѣмъ трудъ сталъ затрачиваться на добываніе предметовъ именно вслѣдствіе того, что они при своей полезности, обладали сравнительной рѣдкостью. Такимъ образомъ выходитъ, что мѣновая цѣнность была причиной затраты извѣстныхъ усилій, а затрата слѣдствіемъ цѣнности *). Какимъ же образомъ можно перейти отъ этого факта къ заключенію, что затрата усилій есть причина мѣновой цѣнности? Намъ кажется, что логически правильный выводъ долженъ былъ бы привести къ слѣдующему положенію. Послѣ того, какъ люди стали затрачивать трудъ на добываніе предметовъ, обладающихъ мѣновою цѣнностью, они должны были убѣдиться, что трудъ является средствомъ удовлетворенія потребностей; слѣдовательно, они должны были приписать ему потребительную цѣнность. Но такъ какъ труда оказалось недостаточно для полнаго покрытія всѣхъ потребностей, то они должны были приписать ему, сверхъ того, и мѣновую цѣнность. Затѣмъ и въ современныхъ условіяхъ хозяйства сохраняется то же отношеніе между цѣнностью, какъ причиной, и затратою труда, какъ слѣдствіемъ; трудъ и другіе производительные факторы не расходуются случайно на производство того или другого продукта, но по извѣстному разсчету распредѣляются между различными производствами. Причина, обусловливающая это распредѣленіе, лежитъ въ сравнительной рѣдкости предметовъ, въ ихъ мѣновой цѣнности. Такимъ образомъ и въ современныхъ условіяхъ хозяйства цѣнность есть предшествующее, а количество затраченнаго труда послѣдующее явленіе, и, слѣдовательно, не можетъ быть причиной цѣнности. Но разъ такое отношеніе между цѣнностью и трудомъ

*) Op. cit. в. I, стр. 12.

установилось, по количеству затратъ производительныхъ факторовъ (а значитъ, съ извѣстнымъ приближеніемъ, и по количеству труда), какъ по результату извѣстной причины, можно судить и о силѣ дѣйствія послѣдней, т. е. цѣнности. Количество труда является показателемъ, измѣрителемъ цѣнности, но не ея причиной, подобно тому, какъ термометръ измѣряетъ температуру, но ея не создаетъ.

Хотя такимъ образомъ нельзя согласиться съ окончательнымъ выводомъ г. Залѣскаго, но, повторяемъ, самая идея постепеннаго развитія изучаемаго явленія представляется весьма плодотворнымъ отголоскомъ историческаго метода въ его наиболѣе желательной формѣ и заслуживала бы бо́льшаго вниманія и лучшей обработки. Что же касается догматической части теоріи г. Залѣскаго, то, по нашему мнѣнію, ее нельзя признать особенно удачной. Прежде всего укажемъ на слѣдующее обстоятельство. Установивъ три момента, вліяющихъ на мѣновую цѣнность: потребительную цѣнность, сравнительную рѣдкость и издержки производства, авторъ приходитъ къ выводу, что комбинированное ихъ дѣйствіе не поддается точному опредѣленію, вслѣдствіе большой сложности *). Такой выводъ не можетъ считаться рѣшеніемъ вопроса, и г. Залѣскій самъ призналъ его неудовлетворительность, когда, критикуя ученіе одного изъ своихъ предшественниковъ, онъ во второй, критической части своей работы писалъ: „изложенный въ такомъ видѣ законъ спроса и предложенія включаетъ въ себѣ всѣ элементы, слагающіе явленіе мѣновой цѣнности, но для объясненія ихъ вліянія на цѣнность и ихъ взаимоотношенія при совмѣстномъ дѣйствіи — *ровно ничего не сдѣлано*, такъ какъ говорится лишь, что «*взаимодѣйствіе этихъ факторовъ въ разнообразныхъ сочетаніяхъ создаетъ разнообразіе цѣнъ*»“ **).

Анализъ отдѣльныхъ моментовъ, вліяющихъ на мѣновую цѣнность, также нельзя признать удачнымъ. Что касается потребительной цѣнности, то г. Залѣскій находитъ, что попытка Менгера и его учениковъ и послѣдователей основать ее на индивидуальныхъ скалахъ потребности есть „совершенно безплодное

*) Op. cit., в. I, стр. 46.

**) Op. cit., в. II, стр. 15.

усиліе ума" *), почему онъ и замѣняетъ это понятіе понятіемъ соціальной потребительной цѣнности. Послѣдняя представляетъ собою цѣнность извѣстнаго рода благъ „для людей вообще, въ среднихъ условіяхъ ихъ существованія" **). Среднія условія существованія людей въ современномъ обществѣ представляютъ собою то, что въ статистикѣ называютъ „moyenne—indice", абстрактную, нереальную фикцію, которая бываетъ въ извѣстныхъ случаяхъ весьма полезна, но не соотвѣтствуетъ (развѣ только случайно) ни одному реальному случаю. Между человѣкомъ, выбрасывающимъ деньги на прихоти и все-таки имѣющимъ ихъ въ избыткѣ, и тѣмъ, кто не въ состояніи вполнѣ удовлетворить насущныя потребности, средняя дастъ такую величину, которая выразитъ нѣчто, не существующее ни для одного, ни для другого ***). Если бы даже такая средняя случайно совпала съ состоятельностью и условіями жизни какого либо средняго сословія, она выражала бы условія только этого послѣдняго и, слѣдовательно, служила бы основаніемъ для опредѣленія цѣнности по отношенію къ этому одному классу людей, но никакъ не по отношенію къ тѣмъ именно людямъ, изъ условій жизни которыхъ она выведена. Да и для людей этого средняго класса такая средняя имѣетъ значеніе не потому, что она средняя, а потому, что она совпала съ условіями жизни этого класса. Однимъ словомъ, соціальную потребительную цѣнность слѣдуетъ, по нашему мнѣнію, признать фикціей, которая не можетъ, и потому не должна служить основаніемъ для объясненія реальныхъ явленій.

Понятіе сравнительной рѣдкости также представляется не яснымъ; это „отношеніе потребности и покрытія" ****). Если подъ „потребностью" понимать здѣсь потребность, соединенную съ возможностью пріобрѣсти вещь, то такая потребность

---

*) Op. cit., в. I, стр. 18.

**) Op. cit., в. I, стр. 10.

***) «Среднія условія существованія людей» г. Залѣскаго напоминаютъ ту среднюю, о которой говоритъ M. Block (Traité d. Stat., стр. 117): «Nous nous rappelons avoir vu une note rédigée par un statisticien, qui prétendait avoir été témoin de la journée du 10 août 1790; c' est Michelet qui la lui avait demandée. Dans cette note, après avoir indiqué le nombre des combattants tués par le canon, par le fusil et par l'arme blanche, ce statisticien ajoute: moyenne x (nous avons oublié le chiffre)».

****) Op. cit., стр. 12.

для всякой цѣны будетъ иной и постоянно будетъ совпадать съ „покрытіемъ“, такъ какъ извѣстно, что всякому предложенію отвѣчаетъ свой спросъ; при равенствѣ же „потребности“ и „покрытія“, когда отношеніе ихъ составляетъ 1, оно, по мнѣнію автора, перестаетъ вліять на цѣны *). Такимъ образомъ „сравнительная рѣдкость“ почти никогда не должна была бы оказывать вліянія на цѣны, за исключеніемъ случаевъ временнаго перехода отъ одной цѣны къ другой. Между тѣмъ, по представленію г. Залѣскаго, это есть моментъ, дѣйствующій, какъ постоянная и главнѣйшая причина цѣнности **). Если же „потребность“ понимать въ обыкновенномъ смыслѣ, прямо, какъ потребность въ извѣстномъ благѣ, то какъ можно утверждать, какъ это дѣлаетъ г. Залѣскій — что, напр., „потребность въ каменномъ углѣ для населенія всего земного шара надо считать насыщенной всѣмъ добываемымъ его количествомъ“ ***), какъ будто съ пониженіемъ цѣны каменнаго угля не нашло бы себѣ примѣненія бо́льшее его количество, чѣмъ теперь? Повторяемъ, понятіе „отношенія потребности къ покрытію“ совершенно неясно.

Наконецъ, третій моментъ — издержки производства — опредѣляется авторомъ слѣдующимъ образомъ: издержки производства выражаютъ собою *количество труда,* потраченное на добываніе блага, съ прибавленіемъ *прибыли на капиталъ* и *ренты* ****). Неудовлетворительность подобнаго опредѣленія очевидна: количество труда есть *затрата* производительнаго фактора, а прибыль на капиталъ и рента — *вознагражденіе* за участіе въ производствѣ; понятно, что нельзя складывать величины съ различными наименованіями.

Такимъ образомъ и теорія цѣнности г. Залѣскаго не представляетъ удовлетворительнаго рѣшенія вопроса.

Наконецъ, мы позволимъ себѣ указать на теорію цѣнности Effertz'a, одну изъ наиболѣе замѣчательныхъ среди теорій послѣдняго времени *†) Но нельзя дать о ней полнаго представленія, а тѣмъ болѣе вполнѣ выяснить ея достоинства и недостатки

---

*) Op. cit., в. I, стр. 24, 25.
**) Op. cit., в. I, стр. 39.
***) Op. cit., в. I, стр. 24.
****) Op. cit., в. I, стр. 35.
*†) **O. Effertz,** Arbeit und Boden. I—III. 1890—91.

въ тѣхъ немногихъ словахъ, которыя мы можемъ посвятить ей здѣсь: въ этой теоріи правильныя и замѣчательно удачныя мысли переплетаются съ афоризмами и полемическими увлеченіями, обыкновенные научные термины употребляются въ совершенно особомъ значеніи, и все изложеніе сопровождается математическими формулами, такъ что для полнаго разбора теоріи потребовалось бы болѣе или менѣе обстоятельное изслѣдованіе. Мы ограничимся только указаніемъ на основныя положенія и главныя мысли Effertz'a. Основная идея ученія этого автора состоитъ въ томъ, что предметы являются продуктами двухъ первоначальныхъ хозяйственныхъ факторовъ: труда и почвы; „Arbeit ist der Vater, die Erde ist die Mutter des Reichtums"—гласитъ выбранный авторомъ эпиграфъ (Petty), и самое ученіе его названо имъ „поно-физіократіей". Капиталъ можетъ быть факторомъ хозяйства, но онъ не первоначальный его факторъ (kein Urfactor) *). Блага состоятъ, слѣдовательно, изъ затраты труда и почвы — Arbeits- und Bodenkosten. Кромѣ этого признака, блага заключаютъ въ себѣ еще одинъ, а именно цѣнность. (Эту совершенно вѣрную мысль E. выражаетъ, напр., въ видѣ слѣдующаго афоризма: благо дѣлится на три части: цѣнность, трудъ и почву) **). Цѣнность зависитъ отъ элементовъ двоякаго рода: производства и обращенія. Къ первымъ относится трудъ и почва съ ихъ квалифицирующими свойствами, ко вторымъ— соперничество интенсивное и экстенсивное, т. е. отношеніе между предложеніемъ и спросомъ и отношеніе между числомъ предлагающихъ и числомъ спрашивающихъ лицъ ***). Затѣмъ Effertz анализируетъ зависимость цѣнности въ отдѣльности отъ каждаго элемента и выражаетъ ее въ алгебраическомъ видѣ. Несомнѣнно, — говоритъ онъ—что цѣнность зависитъ отъ труда, заключающагося въ предметѣ; если прочіе элементы принять за постоянныя величины, то цѣнность (x) будетъ функціей отъ перемѣнной— труда (a), $x = f(a)$. Въ простѣйшей формѣ эта зависимость выразится слѣдующимъ образомъ:

$$x = ca + C \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad (I)$$

*) Op. cit., в. I, стр. 43.
**) Op. cit., ib., стр. 69.
***) Op. cit., т. 2, стр. 46.

Найти c и C, опредѣлить величину x, значитъ рѣшить проблемму мѣновой цѣнности*). Чтобы опредѣлить C, Effertz поступаетъ такъ: положимъ, что $a=o$, тогда $x=C$; есть-ли предметы, въ которыхъ не заключается труда и которые имѣютъ цѣнность? Есть, напр почва. Отчего зависитъ цѣнность почвы? Цѣнность почвы зависитъ отъ (количества) почвы. Слѣдовательно, C, есть функція почвы (b), или въ простѣйшемъ видѣ:

$$C = kb + C' \text{ и}$$

$$x = ca + kb + C' \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad \text{(II)}^{**}).$$

Затѣмъ если $a=0$ и $b=0$, то

$$x = C'.$$

Но предметы, не заключающіе ни труда, ни почвы, не имѣютъ цѣнности, значитъ $C'=0$.

Прежде чѣмъ продолжать далѣе наше изложеніе, посмотримъ, насколько правильны только что приведенныя положенія. Несомнѣнно, что если подъ почвой — Boden — понимать естественныя силы, проявляющіяся только въ почвѣ, то не трудно найти предметы, которые, не заключая ни труда, ни почвы, тѣмъ не менѣе обладаютъ цѣнностью. Очевидно, что подъ Boden Effertz'a надо понимать больше, чѣмъ это слово значитъ обыкновенно, а именно всѣ вообще естественныя силы природы, находящіяся въ ограниченномъ количествѣ въ нашемъ распоряженіи и среди нихъ почву, какъ главнаго и преимущественнаго ихъ представителя, практически наиболѣе важнаго. Только тогда будетъ вѣрно положеніе, что предметы, не заключающіе ни „Arbeit", ни „Boden", не будутъ обладать цѣнностью, что C' въ формулѣ (II) будетъ равно 0, и формула цѣнности выразится въ видѣ:

$$x = ca + kb \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad \text{(III)}$$

Но при этомъ необходимо имѣть въ виду, что выраженная въ этой формѣ зависимость цѣнности отъ труда не перестаетъ

*) Op. cit., l. c., стр. 46, 47.
**) Ibid., стр. 48.

быть эмпирической Хотя трудъ и почва (говоря точнѣе, ихъ количества) оказываютъ вліяніе на цѣнность, связаны съ ней извѣстной зависимостью, но мы пока не знаемъ конечнаго характера этой зависимости, не знаемъ, вліяетъ ли трудъ и почва на цѣнность въ качествѣ послѣднихъ причинъ, или же это только промежуточныя цѣпи другой конечной причины, не знаемъ также, не является-ли обратно, затрата труда и почвы величиной, зависимой отъ перемѣнной — цѣнности. У Effertz'а мы не видимъ доказательства, что трудъ и почвы суть причины цѣнности, но находимъ только утвержденіе, что измѣненіямъ этихъ элементовъ сопутствуютъ измѣненія цѣнности, и выраженіе этой непосредственной эмпирической зависимости, въ видѣ формулы.

Послѣдуемъ за Effertz'омъ въ дальнѣйшемъ развитіи его формулы Теперь онъ приступаетъ къ опредѣленію коэффиціентовъ c и k. Предположивъ, что въ формулѣ (III) a, k, b — постоянны, спросимъ, всегда ли цѣнность будетъ одинакова? Мы знаемъ, что она зависитъ еще отъ качества труда. Талантливый, квалифицированный трудъ производитъ больше потребительной цѣнности, и въ этомъ заключается причина, почему искусство (skill) вліяетъ на цѣнность; слѣдовательно это вліяніе должно заключаться въ коэффиціентѣ c*). Если нормальную степень квалификаціи пріймемъ за единицу, то всякая другая будетъ $=1+s$, и $c=c'(1+s)$, цѣнность же получитъ выраженіе

$$x=c'(1+s)a+kb.$$

Подобнымъ же образомъ, ceteris constantibus, на цѣнность оказываетъ вліяніе другое свойство труда — его интенсивность; заключая, что это вліяніе выражается въ коэффиціентѣ c', мы, путемъ аналогичнаго съ прежнимъ разсужденія, приходимъ къ выводу, что $c'=c''(1+i)$ и

$$x=c''(1+i)(1+s)a+kb \quad . \quad . \quad . \quad . \quad . \quad \text{(IV)}$$

Здѣсь мы опять позволимъ себѣ сдѣлать замѣчаніе, что если квалифицированный и интенсивный трудъ производитъ больше цѣнности, потому что онъ производитъ больше полез-

*) L. cit., стр. 51, 52.

ности (потребительной цѣнности), то отсюда можно заключить, что вообще трудъ производитъ цѣнность потому, что онъ производитъ полезность. Иначе говоря, цѣнность зависитъ не отъ самаго труда (его количества), а отъ бо́льшей или меньшей полезности, имъ производимой И качество труда вліяетъ на цѣнность лишь постолько, посколько оно выражается въ той или другой мѣрѣ полезности. Такимъ образомъ оказывается, что послѣднимъ основаніемъ цѣнности является не самъ трудъ, не его количество, а мѣра полезности, въ немъ заключающейся. Это выражается и въ формулѣ (IV): a есть количество единицъ труда; что же выражаетъ $1+s$? такъ какъ искусство (skill) труда измѣряется производимой имъ полезностью, то $1+s$ представляетъ собою не что иное, какъ мѣру полезности, производимой единицей труда данной квалификаціи; также $1+i$ — мѣру полезности, соотвѣтствующую единицѣ труда данной интенсивности. Слѣдовательно

$$(1+s)(1+i)a$$

есть величина, представляющая собою *мѣру полезности, производимой даннымъ количествомъ* (a) *единицъ труда извѣстнаго искусства и интенсивности;* цѣнность (x) равняется этой мѣрѣ полезности, съ прибавленіемъ къ ней, какъ сейчасъ увидимъ, такой же мѣры полезности, заключающейся въ почвѣ (kb). Отсюда выводъ, что цѣны относятся другъ къ другу, какъ мѣры полезности, выводъ, согласный съ основной идеей теоріи предѣльной полезности *).

Точно также, какъ по отношенію къ труду, такъ и по отношенію къ почвѣ, Effertz указываетъ квалифицирующіе элементы и включаетъ ихъ въ коэффиціентъ k. Такими элементами являются доброта почвы (Bonitat), проявляющаяся въ бо́льшей мѣрѣ полезности продуктовъ, и интенсивность употребленія почвы; $k=k'(1+s')$; $k'=k''(1+i')$. Слѣдовательно

$$x=ac''(1+s)(1+i)+bk''(1+s')(1+i') \quad . \quad . \quad (V).$$

(при чемъ, какъ уже замѣчено, $bk''(1+s')(1+i')$ выражаетъ собою мѣру полезности, производимой даннымъ количествомъ единицъ данной почвы при данной интенсивности ея употребленія).

*) Ср. Dr. J. Lehr, Wert, Grenzwert und Preis, Jahrb. f. Nat. Oek. u. St. 1890, B. 53, стр. 17 и сл.; Jevons, Theor. of. Pol. Econ., 1879, стр. 149.

До сихъ поръ Effertz понималъ подъ квалифицирующими элементами почвы то, что подъ ними вообще понимается — извѣстныя техническія свойства почвы, извѣстный способъ техническаго ея употребленія, въ результатѣ которыхъ получаются продукты съ бо́льшей суммой полезности *) Теперь Effertz вводитъ въ это понятіе новый элементъ, который вовсе не зависитъ уже отъ свойствъ самой почвы, или ея употребленія, а находится совершенно внѣ ея. Если мы предположимъ, что данное количество почвы, при данныхъ ея качествахъ и употребленіи, произведетъ опредѣленное количество продуктовъ извѣстной технической пригодности, то мѣра потребительной цѣнности, мѣра хозяйственной полезности этихъ продуктовъ не всегда будетъ одинакова. При большомъ числѣ населенія, данное количество продуктовъ будетъ удовлетворять болѣе высокія степени потребности, и, слѣдовательно, продукты будутъ имѣть болѣе высокую потребительную цѣнность или полезность, при маломъ числѣ населенія, тѣхъ же продуктовъ хватитъ для болѣе полнаго удовлетворенія потребностей, единица ихъ представитъ меньшую полезность, меньшую потребительную цѣнность. Такимъ образомъ потребительная цѣнность единицы продуктовъ почвы зависитъ отъ отношенія числа населенія (A) къ общему количеству почвы (B) — $\frac{A}{B}$. Это отношеніе Effertz причисляетъ къ квалифицирующимъ элементамъ почвы, включаетъ въ коэффиціентъ k'', $\left(k'' = k''' \frac{A}{B}\right)$, и такимъ образомъ формула цѣнности получаетъ новый видъ:

$$x = ac''(1+s)(1+i)+b(1+s')(1+i')k''' \frac{A}{B} \quad \ldots \text{(VI)}$$

Но очевидно, что подобнаго рода причисленія отношенія $\frac{A}{B}$ къ квалифицирующимъ элементамъ почвы основано только на ошибочной аналогіи и расширяетъ понятіе квалифицирующихъ элементовъ далѣе его естественныхъ границъ. Силы, дѣйствующія черезъ естественныя свойства почвы опредѣляютъ мѣру потребительной цѣнности, ею производимой, и составляютъ ква-

*) Впрочемъ уже и причисленіе сюда интенсивности употребленія почвы вызываетъ сомнѣнія.

лифицирующія свойства почвы; отношеніе населенія къ почвѣ также опредѣляетъ потребительную цѣнность продуктовъ; но изъ этого не слѣдуетъ, чтобы всякій моментъ, оказывающій такое дѣйствіе, могъ быть отнесенъ къ понятію квалифицирующихъ свойствъ почвы. Сюда могутъ быть отнесены только такіе элементы, которые дѣйствуютъ въ почвѣ, черезъ естественныя силы ея, и такимъ образомъ опредѣляютъ свойство и характеръ ея продуктовъ; тогда какъ отношеніе $\frac{A}{B}$ есть нѣчто постороннее почвѣ, какъ производительному фактору, дѣйствуетъ не черезъ ея техническія свойства и оказываетъ вліяніе уже на готовый продуктъ, независимо отъ присущихъ его технической природѣ свойствъ. Отношеніе $\frac{A}{B}$ не есть такое свойство почвы, которое опредѣляетъ мѣру производимой ею потребительной цѣнности, а есть независящее отъ почвы обстоятельство, которое нарушаетъ правильную пропорціональную зависимость между элементами почвы и мѣрой производимой ею потребительной цѣнности. Поэтому отношеніе $\frac{A}{B}$ не есть квалифицирующее свойство почвы, а есть обстоятельство, модифицирующее зависимость цѣнности отъ почвы. Включеніе $\frac{A}{B}$ въ формулу цѣнности означаетъ, что цѣнность зависитъ не исключительно отъ (труда и) почвы, но также отъ внѣ послѣдней лежащаго элемента — скалы потребностей. Но такъ какъ признаніе этого совершенно правильнаго обстоятельства противорѣчило бы основному положенію Effertz'a, исходящаго изъ мысли, что цѣнность опредѣляется трудомъ и почвой, то онъ думаетъ избѣгнуть этого противорѣчія, принявъ указанное обстоятельство, модифицирующее зависимость цѣнности отъ почвы, за квалифицирующее свойство почвы. Но понятно, что такой пріемъ не можетъ измѣнить существа явленія и какъ бы ни назвать отношеніе $\frac{A}{B}$, оно всегда будетъ указывать на несовпаденіе цѣнности съ одной почвой и элементами, изъ нея только исходящими. Нѣчто совершенно аналогичное съ этимъ выводомъ Effertz'a получилось бы въ томъ, напримѣръ, случаѣ, еслибы мы, желая поставить цѣнность въ зависимость отъ одного труда, нашли, что такая зависимость модифицируется посторонним элементомъ — прибылью на капи-

талъ, и назвали прибыль на капиталъ квалифицирующимъ свойствомъ труда на томъ основаніи, что она оказываетъ вліяніе на цѣнность, и квалифицирующія свойства труда тоже оказываютъ вліяніе на цѣнность. И дѣйствительно, Effertz такъ и поступаетъ: находя, что *время* также оказываетъ вліяніе на цѣнность, онъ признаетъ его квалифицирующимъ свойствомъ труда и почвы. Этотъ новый элементъ онъ вводитъ въ оба коэффиціента c'' и k''' слѣдующимъ образомъ: если возрастъ труда (тоже относительно почвы), равный 0 (т. е. настоящее время), оказываетъ вліяніе $= 1$, то вліяніе возраста t выразится формулой $1 + \psi(t)$, вслѣдствіе чего

$$c'' = c'''(1 + \psi(t) \text{ и } k''' = k''''(1 + \psi(t))$$

и

$$x = \left[ac'''(1+s)(1+i) + bk''''(1+s')(1+i')\frac{A}{B} \right][1+\psi(t)] \quad . \quad . \quad \text{(VII)}$$

Зависимость цѣнности отъ времени можно представить въ болѣе наглядномъ видѣ. Если возрастъ труда и почвы $=0$, то цѣнность $x = ac + bk$; при $t=1$, $x = (ac+bk)(1+\psi(1))$, черезъ слѣдующую единицу времени

$$x = (ac+bk)[1+\psi(1)]^2 \text{ и т. д., или } 1+\psi(t) = [1+\psi(1)]^t \text{ и слѣд. } x = (ac+bk)[1+\psi(1)]^t.$$

Если же приращеніе цѣнности $ac+bk$ въ теченіе года, т. е. $\psi(1)$ выразимъ въ $^0/_0 - \frac{P}{100}$, то формула получитъ видъ:

$$x = (ac+bk)\left(1+\frac{P}{100}\right)^t \quad . \quad . \quad . \quad . \quad \text{(VIII)}$$

Здѣсь намъ приходится только повторить сдѣланное уже раньше замѣчаніе, что время не можетъ быть разсматриваемо, какъ квалифицирующее свойство труда и почвы, по тѣмъ же соображеніямъ, которыя не позволяютъ считать отношеніе $\frac{A}{B}$ квалифицирующимъ свойствомъ почвы. Время, или, какъ Effertz говоритъ, возрастъ труда и почвы, оказываетъ вліяніе на цѣн-

ность, но не какъ свойство труда и почвы, а какъ постороннее имъ начало, нарушающее ихъ непосредственное соотношеніе съ цѣнностью.

Кромѣ того, въ вопросѣ о вліяніи времени на цѣнность Effertz дѣлаетъ еще другого рода ошибку. Онъ считаетъ, что всякое вообще время оказываетъ одинаковое вліяніе на цѣнность: оно столько же прибавляетъ къ цѣнности вина, сколько и къ цѣнности сапоговъ; но въ первомъ случаѣ излишекъ цѣнности остается, во второмъ—онъ идетъ на пополненіе недостатка цѣнности, являющагося результатомъ отрицательной квалификаціи труда: „кто настолько глупъ, чтобы приготовлять сапоги, поступающіе на рынокъ спустя годы, тотъ совершаетъ бездарную работу. Бездарность отнимаетъ у цѣнности столько же или больше, чѣмъ прибавляетъ трудъ“ *). Искусственность такого объясненія очевидна. Свойства труда, производящаго сапоги, одинаковы какъ въ томъ случаѣ, когда продуктъ находитъ быстрый сбытъ, такъ и въ томъ случаѣ, когда онъ сбывается лишь спустя извѣстное время. Конъюнктуры сбыта зависятъ отъ условій рынка, а не отъ свойствъ труда, и вліяніе ихъ на цѣнность продукта также не составляетъ отрицательной квалификаціи труда, какъ вліяніе времени нельзя считать положительной его квалификаціей. Ошибка Effertz'а проистекаетъ изъ того, что онъ признаетъ время элементомъ дѣйствующимъ на цѣнность, въ качествѣ однообразной во всѣхъ случаяхъ причины, въ качествѣ квалифицирующаго свойства труда и почвы; поэтому онъ долженъ приписать ему во всѣхъ случаяхъ однообразное дѣйствіе. Между тѣмъ, время само по себѣ не оказываетъ вліянія на цѣнность, оно не есть какой-либо конечный элементъ цѣнности; время лишь посредствующее звено для конечной причины цѣнности — потребности. Поэтому и своего собственнаго однообразнаго дѣйствія оно не имѣетъ, но вліяніе его различно, въ зависимости отъ различной природы дѣйствующаго черезъ него конечнаго элемента.

Это вліяніе бываетъ слѣдующихъ видовъ: во 1-хъ, съ теченіемъ времени измѣняются свойства предмета подъ вліяніемъ естественныхъ силъ такимъ образомъ, что предметъ становится пригоднымъ для бо́льшаго удовлетворенія той же потребности,

*) Loc. cit., стр. 59.

или для удовлетворенія потребности съ бо́льшимъ значеніемъ; полезность предмета возрастаетъ, и время увеличиваетъ цѣнность (вино, сигары); во 2-хъ, съ теченіемъ времени свойства предмета ухудшаются, полезность его уменьшается, и время оказываетъ обратное вліяніе на цѣнность (сапоги).

Отъ этихъ двухъ случаевъ, когда вліяніе времени на цѣнность зависитъ отъ измѣненія количества удовлетворенія потребности, или отъ измѣненія удовлетворяемой потребности, отличаются два другіе случая вліянія времени на цѣнность, когда это вліяніе зависитъ отъ превращенія настоящей потребности въ будущую:

во 1-хъ, совокупность предметовъ высшихъ порядковъ удовлетворяетъ такую же потребность, какъ и тотъ продуктъ, который можетъ быть полученъ изъ этой совокупности путемъ производства. Но въ то время, какъ готовый продуктъ удовлетворяетъ эту потребность сейчасъ, совокупность предметовъ высшихъ порядковъ можетъ удовлетворять ее только въ будущемъ (т. к. всякое производство требуетъ времени). Значеніе потребности, непосредственно испытываемой, больше значенія той же потребности, предусматриваемой въ будущемъ; поэтому полезность (цѣнность и цѣна) готоваго продукта больше полезности (цѣнности и цѣны) совокупности предметовъ высшихъ порядковъ *). По мѣрѣ того, какъ послѣдняя приближается, путемъ производства, къ своему окончательному виду готоваго продукта, потребность будущая превращается въ настоящую, полезность и цѣнность совокупности предметовъ возрастаетъ Время увеличиваетъ цѣнность. И обратно:

во 2-хъ, если продуктъ употребляется для удовлетворенія потребности въ настоящее время, онъ имѣетъ опредѣленную цѣнность; но еслибы тотъ же продуктъ, будучи въ наличности уже теперь, могъ бы быть употребленъ для удовлетворенія потребности только въ будущемъ, то только въ этотъ послѣдній моментъ онъ имѣлъ бы такую же цѣнность, какую первый имѣетъ уже теперь; въ настоящее же время цѣнность второго продукта подверглась бы дисконту на разницу между значеніемъ потребности въ моментъ ея удовлетворенія и значеніемъ ея за извѣстный промежутокъ времени до момента удовлетворенія. Время, такимъ образомъ обезцѣниваетъ продуктъ, предназначенный въ видѣ запаса для будущаго употребленія.

*) **Böhm-Bawerk,** Kapital und Kapitalzins. 1884—1889, т. 2, стр. 261.

Возвратимся теперь къ изложенію Effertz'а. Указавъ зависимость цѣнности отъ элементовъ производства, онъ переходитъ къ зависимости ея отъ элементовъ обращенія. Послѣдніе состоятъ изъ предложенія, спроса, числа продавцевъ и числа покупателей. Отношеніе между предложеніемъ и спросомъ, $\frac{\text{A(ngebot)}}{\text{N(achfrage)}}$, есть интенсивная конкурренція, отношеніе числа продавцевъ къ числу покупателей, $\frac{\text{V(erkaufer)}}{\text{K(äufer)}}$ — экстенсивная. Цѣнность $x = f\left(\frac{A}{N}, \frac{V}{K}\right)$. Для объясненія зависимости цѣны отъ интенсивной конкурренціи Effertz беретъ простѣйшій случай — монополіи. На монопольномъ рынкѣ продавецъ продаетъ каждый предметъ по цѣнѣ, соотвѣтствующей его полной потребительной цѣнности для покупателя. Количество, выражающее цѣну всѣхъ предметовъ, совпадаетъ съ количествомъ, выражающимъ сумму потребительной цѣнности всѣхъ предметовъ *). Какъ же выражается сумма потребительной цѣнности извѣстнаго количества предметовъ? По общему закону психо-физики (Fechner), интенсивность ощущенія увеличивается въ ариѳметической прогрессіи, когда раздраженіе увеличивается въ геометрической прогрессіи **), по формулѣ

$$\text{E(mpfindung)} = clg\ \text{R(eiz)} + \text{C},$$

гдѣ c и C постоянныя величины, опредѣляемыя характеромъ раздраженія и первоначальнаго состоянія. Слѣдовательно потребительная цѣнность извѣстнаго количества предметовъ будетъ равна:

$$\text{W(erth} = clgm\ \text{(enge der Güter)} + \text{C}.$$

По той же формулѣ должна быть построена цѣнность (и цѣна) всего количества предметовъ на монопольномъ рынкѣ:

$$X = Clg\,M + K\ ***)$$

Если общая сумма потребительной цѣнности M предметовъ

*) Loc. cit., стр. 78.
**) Op. cit., т. 1, стр. 138 и сл.
***) Op. cit., т. 2, стр. 78 и сл.

выражается этой формулой, то величина каждаго послѣдующаго члена (потребительная цѣнность каждаго предмета) будетъ послѣдовательно равна $K, lg2, clg^3/_2 \ldots$ и послѣдняго $Clg \frac{M}{M-1}$. Вмѣстѣ съ тѣмъ это будетъ величина цѣнности (и цѣны) каждаго предмета на монопольномъ рынкѣ.

Но при полной конкурренціи (Pleistopolmarkt), конкуррентъ, предлагающій первый предметъ, спѣшитъ продать его по цѣнѣ второго конкуррента, чтобы обезпечить себѣ болѣе широкій сбытъ, оба вмѣстѣ спѣшатъ продать свои товары по цѣнѣ третьяго и т. д., до тѣхъ поръ, пока, при наиболѣе интенсивной конкурренціи, всѣ продавцы не понизятъ своихъ цѣнъ до цѣны послѣдняго предмета. Такимъ образомъ при полной конкурренціи цѣна каждаго предмета $= Clg \frac{M}{M-1}$, а цѣна всѣхъ $M Clg \frac{M}{M-1}$. Для случаевъ, среднихъ между полной монополіей и полной конкурренціей, часть предметовъ — z — продается по наименьшей цѣнѣ $z+1$-го предмета, а остальная — M—z — часть по цѣнѣ, соотвѣтствующей полной полезности каждаго отдѣльнаго предмета.

Цѣна первой части $= z Clg \frac{z+1}{z}$

цѣна второй $= Clg \frac{M}{z}$

всего количества $= C\left[zlg \frac{z+1}{z} + lg \frac{M}{z} \right]$

Средняя цѣна одного предмета $x = \frac{C\left[zlg \frac{z+1}{z} + lg \frac{M}{z} \right]}{M}$

Такимъ же образомъ, какъ мы вывели зависимость цѣны отъ предложенія, можно вывести и зависимость ея отъ спроса, для чего вмѣсто M надо только подставить $\frac{1}{N}$. Формула же зависимости цѣны отъ отношенія предложенія къ спросу будетъ отличаться отъ указанныхъ двухъ частныхъ формулъ тѣмъ, что вмѣсто M и $\frac{1}{N}$ здѣсь будетъ отношеніе $\frac{M}{N}$. Поэтому для монопольнаго рынка цѣна будетъ выражаться формулой

$$x = \left[Clg\frac{M}{N} + k \right]\frac{N}{M},$$

для плейстополнаго

$$x = Clg\,\frac{M}{M-N}$$

и для среднихъ условій между полной монополіей и полной конкурренціей зависимость цѣны отъ элементовъ обращенія выражается слѣдующимъ образомъ:

$$x = C\left(zlg\frac{z+1}{z} + lg\,\frac{M}{Nz} \right)\frac{N}{M}\ ^{*}).$$

Здѣсь мы должны обратить вниманіе, что и въ этой формѣ цѣнность x выражена въ видѣ количества, представляющаго собою извѣстную мѣру полезности. На монопольномъ рынкѣ цѣна каждаго предмета выражаетъ собою величину его полной полезности (потребительной цѣнности), на рынкѣ, гдѣ господствуетъ полная конкурренція, цѣна выражаетъ предѣльную полезность. Цѣна при среднихъ условіяхъ представляетъ собою также не что иное, какъ извѣстную мѣру полезности, модифицированную сообразно этимъ среднимъ условіямъ.

Итакъ, Effertz пришелъ къ двумъ формуламъ для выраженія цѣнности; въ предположеніи, что постоянны элементы обращенія,

$$x = \left(\frac{bkA}{B}\right)\left(1+\frac{P}{100}\right)^{t};$$

въ предположеніи, что постоянны элементы производства.

$$x = C\left(zlg\frac{z+1}{z} + lg\,\frac{M}{Nz} \right)\frac{N}{M}.$$

Постоянныя первой формулы должны быть функціями перемѣнныхъ второй и обратно. Окончательная задача состоитъ въ

---

*) Отношеніе экстенсивной конкурренціи $\frac{v}{k}$ не вводится особо въ формулу, но предполагается пропорціональнымъ $\frac{M}{N}$.

томъ, чтобы слить обѣ формулы въ одну и выразить цѣну въ видѣ функціи всѣхъ перемѣнныхъ *).

Для этого Effertz поступаетъ слѣдующимъ образомъ **). Предложеніе — говоритъ онъ — вліяетъ на цѣнность такимъ образомъ, что измѣняетъ потребительную цѣнность предметовъ. Напр., при одномъ предметѣ потребительная цѣнность $= K$, потребительная цѣнность второго предмета составитъ $Clg2$, третьяго $Clg^3/_2$ и т. д. M—аго—$Clg\frac{M}{M-1}$ и потребительная цѣнность всей суммы (total utility) $= ClgM + K$. Но мы видѣли — продолжаетъ онъ — что и „skill“ труда и доброта почвы также вліяютъ на цѣнность, измѣняя потребительную цѣнность: искусный трудъ создаетъ больше потребительной цѣнности, тоже хорошая почва. Итакъ, перемѣнное предложеніе предметовъ есть перемѣнная потребительная цѣнность; перемѣнныя „skill“ труда и доброта почвы суть также перемѣнная потребительная цѣнность. Слѣдовательно, заключаетъ Effertz, перемѣнное предложеніе есть перемѣнныя „skill“ труда и доброта почвы. Въ формулѣ:

$$x=\left(ac+\frac{bkA}{B}\right)(1-s)\left(1+\frac{P}{100}\right)^t$$

перемѣнную s надо представить, какъ функцію перемѣнной M (количество) ***).

Но такое разсужденіе заключаетъ въ себѣ логическую ошибку. Оно было-бы вѣрно, еслибы было построено по типу: $A=B$; $B=C$, слѣдовательно $A=C$, или перемѣнное предложеніе *равняется* перемѣнной потребительной цѣнности; перемѣнная потребительная цѣнность *равняется* перемѣннымъ квалифицирующимъ свойствамъ труда и почвы; слѣдовательно, перемѣнное предложеніе *равняется* перемѣннымъ квалифицирующимъ свойствамъ. Но на самомъ дѣлѣ зависимость между этими тремя моментами не можетъ быть выражена въ такомъ видѣ. Правильное соотношеніе между ними состоитъ въ томъ, что перемѣнное предло-

*) Loc. cit., стр. 91.
**) Ibid., стр. 92.
***) Loc. cit., стр. 93.

женіе имѣетъ *слѣдствіемъ* перемѣнную потребительную цѣнность; перемѣнная потребительная цѣнность бываетъ *слѣдствіемъ* перемѣнныхъ квалифицирующихъ свойствъ; единственный правильный выводъ, какой можно сдѣлать отсюда, состоитъ въ томъ, что одно и тоже слѣдствіе — измѣненіе потребительной цѣнности — бываетъ результатомъ двухъ причинъ: измѣненія предложенія и измѣненія квалифицирующихъ свойствъ труда и почвы. Но заключить, что обѣ эти причины суть одно и тоже, а тѣмъ болѣе, что одна изъ нихъ есть ни что иное, какъ другая, нѣтъ достаточныхъ основаній.

Если бы эти обѣ причины можно было объединить въ одну какую либо общую, мы могли бы получить понятіе, которое заключало-бы въ себѣ какъ перемѣнное предложеніе, такъ и перемѣнныя квалифицирующія свойства; оставалось бы только подыскать для него соотвѣтствующій терминъ. Если бы мы назвали это понятіе квалифицирующими свойствами труда и почвы, названіе было бы не совсѣмъ удачно, такъ какъ общее понятіе смѣшивалось-бы съ частнымъ, все съ частью. Если бы можно было понимать въ этомъ смыслѣ дѣлаемое Effertz'омъ совмѣщеніе понятія перемѣннаго предложенія съ перемѣнными „skill“ труда и добротою почвы, то вопросъ сводился бы только къ неудачной терминологіи. Но дѣло въ томъ, что нельзя соединить въ одну общую категорію двухъ указанныхъ причинъ: измѣненія предложенія и измѣненія квалифицирующихъ свойствъ труда и почвы, такъ какъ дѣйствіе ихъ подчинено различнымъ законамъ. А именно, вліяніе ихъ на потребительную цѣнность находится для каждой причины въ различной зависимости отъ количества предметовъ, слѣдовательно, не можетъ быть выражено въ видѣ одной функціи отъ перемѣнной M, какъ этого желаетъ Effertz. Если производительные факторы (трудъ и почва) обладаютъ квалифицирующими свойствами въ обыкновенномъ значеніи этого слова, то потребительная цѣнность, ими производимая, будетъ прямо пропорціональна величинѣ квалифицирующихъ свойствъ и количеству единицъ квалифицированныхъ производительныхъ факторовъ. Она выразится количествомъ, пропорціональнымъ произведенію этихъ двухъ величинъ — напр. a единицъ труда и $(1+s)$ квалифицирующихъ свойствъ: $ac(1+s)$, или если количество производительныхъ факторовъ пропорціонально количеству продуктовъ M, то $Mc(1+s)$. Если же измѣненіе потребительной цѣнности происходитъ вслѣд-

ствіе измѣненія предложенія, то оно не пропорціонально измѣненію количества предметовъ (и слѣдовательно количества производительныхъ факторовъ): когда количество предметовъ будетъ увеличиваться въ пропорціи $1,2,3, \ldots M$, потребительная цѣнность будетъ измѣняться (согласно Effertz'у), какъ мы уже знаемъ, въ пропорціи K, $Clg2$, $Clg^3/_2 \ldots . Clg \frac{M}{M-1}$. Вся потребительная цѣнность выразится въ видѣ $ClgM+K$.

Такимъ образомъ отождествленіе перемѣннаго предложенія съ перемѣнными квалифицирующими свойствами неправильно не только въ смыслѣ терминологіи, но и по самому существу. Перемѣнное предложеніе не есть квалифицирующее свойство производительныхъ факторовъ, но есть элементъ, нарушающій пропорціональную зависимость потребительной цѣнности (а съ нею мѣновой и цѣны) отъ количества производительныхъ факторовъ съ ихъ квалифицирующими свойствами Если мы не будемъ обращать вниманія на предложеніе (т е. количество предметовъ), то каждая единица труда $(1+s)$-ой квалификаціи произведетъ точно пропорціональное себѣ количество потребительной цѣнности; a единицъ труда произведутъ M предметовъ, потребительная цѣнность которыхъ будетъ выражаться формулой $ac(1+s)$. Если же мы пріймемъ во вниманіе измѣненіе потребительной цѣнности, происходящее вслѣдствіе увеличенія количества предметовъ (предложенія), то каждый новый предметъ, производимой каждой слѣдующей единицей производительныхъ факторовъ, долженъ представлять меньшую потребительную цѣнность, сравнительно съ предъидущимъ. Если потребительная цѣнность перваго K, то второго $Clg2$, третьяго $Clg^3/_2$ и т. д. послѣдняго $Clg \frac{M}{M-1}$. Каждый изъ этихъ предметовъ произведенъ одинаковымъ количествомъ производительныхъ факторовъ; слѣдовательно, чтобы изъ этого одинаковаго количества получить всякій разъ иную потребительную цѣнность, его надо множить на послѣдовательный рядъ коэффиціентовъ, постепенно уменьшающихся по тому же закону, какъ уменьшается рядъ потребительной цѣнности; вся полезность выразится суммой

$$ac(1+s)(\varepsilon_1+\varepsilon_2+\varepsilon_3+\ldots.+\varepsilon_m),$$

гдѣ сумма $\varepsilon_1+\varepsilon_2+\varepsilon_3+\ldots.+\varepsilon$ должна быть построена по

формулѣ $ClgM+K$, и, слѣдовательно, вся полезность будетъ равняться:

$$ac(1+s)(ClgM+K)$$

Если мы возьмемъ формулу цѣнности

$$x=\left(ac+\frac{bkA}{B}\right)\left(1+\frac{P}{100}\right)^t,$$

гдѣ цѣнность поставлена въ зависимость отъ количества труда и почвы (a, b), ихъ квалифицирующихъ свойствъ (c, k), отношенія населенія къ почвѣ $\left(\frac{A}{B}\right)$ и времени $\left(\left(1+\frac{P}{100}\right)^t\right)$, то перемѣнное предложеніе уклонитъ цѣнность отъ труда и почвы сверхъ указанныхъ величинъ $\left(\frac{A}{B}\right.$ и $\left.\left(1+\frac{P}{100}\right)^t\right)$ еще на коэффиціентъ $ClgM+K$. Или

$$x=\left(ac+\frac{bkA}{B}\right)\left(1+\frac{P}{100}\right)^t(ClgM+K)$$

Это и будетъ формула цѣнности, выводимая Effertz'омъ для случая монополіи. Ошибка его, какъ видно изъ предъидущаго, состоитъ только въ томъ, что коэффиціентъ $ClgM+K$ онъ считаетъ квалифицирующимъ свойствомъ труда и почвы, тогда какъ на самомъ дѣлѣ это одинъ изъ элементовъ, модифицирующихъ пропорціональную зависимость цѣнности отъ производительныхъ факторовъ.

Для случая полной конкурренціи Effertz выводитъ тотъ же коэффиціентъ слѣдующимъ образомъ. Такъ какъ цѣна каждаго предмета соотвѣтствуетъ здѣсь потребительной цѣнности $Clg\frac{M}{M-1}$, то величина, на которую надо помножить количество производительныхъ факторовъ, чтобы получить эту потребительную цѣнность, должна относиться къ величинѣ, на которую надо помножить тоже количество производительныхъ факторовъ, чтобы получить потребительную цѣнность перваго предмета (K), т. е. единицѣ, какъ указанныя потребительныя цѣнности: $x:1=Clg\frac{M}{M-1}:K$

или $x = \frac{Clg \frac{M}{M-1}}{K}$ и

$$x = \left(ac + \frac{bkA}{B}\right)\left(1 + \frac{P}{100}\right)^t \left(\frac{Clg \frac{M}{M-1}}{K}\right)^{(*)}$$

Наконецъ, на рынкѣ, гдѣ часть предметовъ продается по монопольнымъ цѣнамъ, а часть по цѣнамъ, соотвѣтствующимъ предѣльной полезности, общая формула цѣнности принимаетъ слѣдующій видъ:

$$x = \left(ac + \frac{bkA}{B}\right)\left(1 + \frac{P}{100}\right)^t \left(zlg \frac{z+1}{z} + lg \frac{M}{Nz}\right) \frac{CN}{M}$$

или принимая, что

$$\left(1 + \frac{P}{100}\right)^t = f(t) \quad \text{и}$$

$$\left(zlg \frac{z+1}{z} + lg \frac{M}{Nz}\right) C \frac{N}{M} = Cz$$

получимъ:

$$x = \left(ac + \frac{bkA}{B}\right) f(t)\, Cz\,.$$

Эта общая формула должна имѣть значеніе и для денежной цѣны, такъ какъ послѣдняя есть та же цѣнность, но только выраженная въ одномъ извѣстномъ предметѣ, для котораго вліяніе элементовъ обращенія подвержено наименьшимъ колебаніямъ. Слѣдовательно,

$$g = \left(ac + \frac{bkA}{B}\right) f(t)\, Cz$$

Если мы подвергнемъ анализу эту послѣднюю формулу, то мы найдемъ, что она выражаетъ собою, подобно предъидущимъ формуламъ Effertz'a, не что иное, какъ тоже извѣстную мѣру полезности. Въ самомъ дѣлѣ, a и b суть количества единицъ труда и почвы, c и k ихъ квалифицирующія свойства, по своей

*) Loc. cit., стр. 92, 93.

величинѣ выражающія количество полезности (потребительной цѣнности), произведеніе и сумма $ac+bk$ выражаетъ мѣру полезности, произведенной производительными факторами извѣстной квалификаціи; отношеніе $\frac{A}{B}$ — модифицируетъ эту полезность по отношенію къ почвѣ, $f(t)$ — по отношенію къ обоимъ элемен тамъ; наконецъ, Cz есть модификація той же полезности, проистекающая изъ вліянія количества предметовъ на ихъ потребительную цѣнность и выраженная, какъ функція этого количества.

Съ другой стороны, эта же самая формула выражаетъ собою распредѣленіе потребительной цѣнности (а вмѣстѣ съ тѣмъ мѣновой цѣнности и цѣны) между двумя производительными факторами — трудомъ и почвой. Поэтому если мы пріймемъ въ этой формулѣ одинъ разъ $b=0$ и другой $a=0$, то въ первомъ случаѣ получимъ величину полезности, цѣнности и цѣны, упадающей на долю труда, т. е. рабочую плату, во второмъ — туже величину для почвы, т. е. ренту; первая $= ac\,Cz$, вторая $= \frac{bkA}{B}\,Cz$. Путемъ аналогичныхъ соображеній Effertz получаетъ выраженіе для прибыли на капиталъ. Суммируя всѣ три формулы, онъ находитъ, что цѣнность можетъ быть выражена въ видѣ суммы рабочей платы, ренты и прибыли на капиталъ (Fabricationskosten), умноженной на коэффиціентъ Cz, выражающій прибыль предпринимателя.

Такова теорія цѣнности Effertz'a. Если не обращать вниманія на частности (напр. произвольное предположеніе, что потребительная цѣнность выражается формулой $C lg M+K$), то существенный ея недостатокъ состоитъ въ ошибочной исходной точкѣ, въ предположеніи, что причиной цѣнности является трудъ и почва. Effertz принимаетъ это утвержденіе за аксіому и ставитъ себѣ задачей только найти формулу для выраженія зависимости цѣнности отъ этихъ двухъ элементовъ. Указанная основная ошибка влечетъ за собою рядъ другихъ. Анализируя зависимость цѣнности отъ труда и почвы, онъ наталкивается на рядъ обстоятельствъ, постороннихъ этимъ элементамъ, но также вліяющихъ на цѣнность и, слѣдовательно, модифицирующихъ самостоятельное дѣйствіе труда и почвы. Таковы отношенія числа населенія къ количеству почвы, время, отношеніе предложенія къ спросу. Чтобы остаться вѣрнымъ своей исходной точкѣ,

Effertz опредѣляетъ всѣ эти моменты, какъ квалифицирующія свойства труда и почвы. Но противорѣчіе разрѣшается такимъ путемъ только на словахъ. Какъ бы мы ни назвали время, отношеніе предложенія къ спросу и т. д., сущность дѣла отъ этого не измѣнится; указанные элементы останутся обстоятельствами, посторонними труду и почвѣ и нарушающими зависимость цѣнности отъ однихъ производительныхъ факторовъ. Но если отбросить „понофизіократическое“ толкованіе, какое придаетъ Effertz своей формулѣ цѣнности, она пріобрѣтаетъ совершенно иной, и притомъ правильный смыслъ, а именно выражаетъ зависимость цѣнности отъ полезности Такой результатъ получился благодаря слѣдующему обстоятельству. Для того, чтобы выразить въ одной формулѣ дѣйствіе различныхъ элементовъ на цѣнность, какъ труда, его искусства, напряженности, почвы, времени и т. д., надо было выразить вліяніе каждаго элемента въ какой-нибудь общей для всѣхъ единицѣ. Effertz весьма удачно принялъ за общую единицу полезность (или потребительную цѣнность по его терминологіи); вліяніе каждаго элемента онъ выразилъ въ соотвѣтствующемъ ему количествѣ полезности и, такимъ образомъ, совокупное дѣйствіе всѣхъ элементовъ представило собою извѣстную сумму полезности, величина которой и опредѣляетъ собою цѣнность. Въ этой формулѣ Effertz произвольно и, какъ мы думаемъ, ошибочно принимаетъ трудъ и почву за конечную причину и все остальное—полезность и цѣнность—за слѣдствіе ея. Если отвергнуть такое мнѣніе и признать полезность за первоначальное, само по себѣ существующее явленіе, то формула Effertz'а будетъ показывать, съ одной стороны, мѣру полезности, заключающейся въ цѣнности и, съ другой — мѣру полезности, упадающей на каждый отдѣльный факторъ производства: трудъ и почву съ ихъ квалифицирующими свойствами, въ зависимости отъ размѣра и характера потребностей (количества населенія, потребностей настоящихъ и будущихъ, степени эксплоатаціи потребностей). Послѣднее обстоятельство даетъ возможность воспользоваться идеей Effertz'а (отчасти и его формулой) для опредѣленія цѣнности полезныхъ предметовъ послѣдняго порядка — труда и почвы — съ точки зрѣнія теоріи предѣльной полезности.

Число разсмотрѣнныхъ теорій цѣнности можно было бы пополнить еще многими другими, также представляющими большой интересъ и поучительными. Но мы принуждены ограничиться только теоріями наиболѣе типичными и указывающими главнѣйшіе моменты изучаемаго явленія въ наиболѣе общепризнанной формѣ. Мы разсмотрѣли такимъ образомъ теоріи издержекъ производства, трудовую эмпирическую, трудовую точную, теорію предѣльной полезности, предложенія и спроса и, наконецъ, нѣкоторыя новѣйшія теоріи, представляющія собою попытку комбинировать элементы теорій различныхъ типовъ. Мы видимъ, что ученія различныхъ типовъ видимо противорѣчатъ другъ другу: одни отрицаютъ то, что признаютъ другія и наоборотъ. Это обстоятельство, вмѣстѣ съ слишкомъ большимъ числомъ теорій, отличающихся другъ отъ друга въ частностяхъ, могло бы привести къ заключенію, что ученіе о явленіяхъ т. н. цѣнности находится въ современной наукѣ въ хаотическомъ состояніи и не можетъ дать сколько-нибудь правильнаго объясненія изучаемыхъ фактовъ. Подобное заключеніе было бы однако ошибочно. Правда, современныя теоріи цѣнности противорѣчатъ другъ другу. Но эти ихъ противорѣчія не принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя другъ друга взаимно уничтожаютъ и оставляютъ насъ въ полной неизвѣстности относительно истины Противорѣчія и ошибочность различныхъ теорій цѣнности проистекаютъ не изъ того, что каждая теорія представляетъ одно только заблужденіе, но въ большинствѣ случаевъ изъ того, что каждая представляетъ только начало или часть истины, которыя она выдаетъ за всю истину. Такимъ образомъ каждая теорія приноситъ свою долю пользы въ дѣлѣ правильнаго пониманія изслѣдуемыхъ явленій, и всѣ вмѣстѣ даютъ довольно полное представленіе о предметѣ, которое нуждается только въ правильномъ размѣщеніи и координированіи отдѣльныхъ элементовъ, сообразно съ тою ролью, какую они играютъ въ дѣйствительности. Теорія издержекъ производства даетъ несомнѣнно правильное указаніе на дѣйствительно существующую связь между цѣнностью и издержками; но это только первое видимое звено дальнѣйшей цѣпи причинъ и слѣдствій, только начало объясненія явленія, и мы вступаемъ на ложный путь, когда первое соотношеніе принимаемъ за конечную причину и начало объясненія за всю истину.

Трудовая теорія также заключаетъ свою долю истины, ука-

зывая на зависимость между цѣнностью и трудомъ. Но она ошибается, когда, оставаясь на почвѣ эмпирическихъ соотношеній, считаетъ ихъ за точное объясненіе явленія, и ошибается, когда придаетъ этой зависимости характеръ точнаго закона, игнорируя вліяніе всѣхъ другихъ элементовъ. Теорія предѣльной полезности даетъ правильное объясненіе субъективнаго отношенія человѣка къ средствамъ удовлетворенія потребностей и въ этомъ отношеніи указываетъ послѣднюю причину особаго значенія предметовъ — цѣнности и общій законъ ихъ обмѣна. Она даетъ точное объясненіе послѣдняго для предметовъ перваго ближайшаго порядка при простѣйшихъ условіяхъ. Но въ первоначальномъ своемъ видѣ она вовсе не даетъ объясненія, а въ позднѣйшихъ теоріяхъ не даетъ простого и полнаго объясненія обмѣна въ сложныхъ условіяхъ раздѣленія труда (когда предметы теряютъ потребительную цѣнность для производителей) и правильнаго производства (когда возникаетъ зависимость между издержками производства и цѣнностью). Наконецъ, теорія предложенія и спроса, помимо неудачной попытки комбинировать элементы другихъ теорій, даетъ правильное изображеніе внѣшняго механизма обмѣна.

Задача правильной и всесторонней теоріи цѣнности состояла бы, по нашему мнѣнію, въ томъ, чтобы, исходя изъ вполнѣ правильныхъ и въ настоящее время болѣе или менѣе признанныхъ положеній теоріи предѣльной полезности, дать внутреннее объясненіе, указать конечное основаніе всѣхъ тѣхъ внѣшнихъ и эмпирическихъ соотношеній и законовъ обмѣна, которые разработаны и установлены другими теоріями.

Объясненіе явленій обмѣна, которое мы находимъ у писателей древней эпохи и затѣмъ среднихъ вѣковъ, должно отличаться и дѣйствительно отличается отъ современнаго объясненія тѣхъ же явленій въ двухъ направленіяхъ: формальномъ и матеріальномъ. Формальное отличіе состоитъ въ томъ, что современныя объясненія болѣе совершенны по формѣ въ томъ случаѣ, когда они согласны по существу съ первоначальными, древнѣйшими ученіями. Разница вполнѣ понятная и необходимая; то, что первоначальныя ученія излагаютъ въ простѣйшей, элементарной, такъ сказать, зачаточной формѣ, то въ современныхъ теоріяхъ является въ разработанномъ видѣ, мотивируется и анализируется. Матеріальная разница состоитъ въ томъ, что древнѣйшія ученія совершенно умалчиваютъ о нѣкоторыхъ моментахъ, играющихъ видную роль въ современныхъ объясненіяхъ обмѣна. Чему приписать это обстоятельство? Слѣдуетъ ли его отнести, подобно формальному отличію, исключительно на счетъ историческаго развитія *теоріи* цѣнности? Несомнѣнно, что усовершенствованіе самой теоріи съ теченіемъ времени играетъ здѣсь извѣстную роль. Но, кромѣ развитія теоріи, имѣетъ значеніе, и притомъ болѣе существенное, историческое развитіе *самаго явленія*, подлежащаго изученію. Обмѣнъ въ первобытную эпоху, обмѣнъ въ хозяйствѣ древнихъ народовъ, и въ средніе вѣка не былъ явленіемъ вполнѣ тождественнымъ, и, тѣмъ болѣе, онъ не тождественъ по своему значенію въ хозяйствѣ и по своей природѣ съ обмѣномъ въ современной стадіи хозяйственнаго развитія. Это обстоятельство необходимо имѣть въ виду для правильной оцѣнки первоначальныхъ объясненій обмѣна. Не все, что въ послѣднихъ отсутствуетъ, по сравненію съ современными теоріями, должно быть отнесено на счетъ несовершенства первыхъ теорій обмѣна и цѣнности; многое есть необходимый результатъ и прямое послѣдствіе отличія первоначальнаго обмѣна отъ современнаго.

Идея историческаго развитія явленій обмѣна пріобрѣла полное право гражданства въ наукѣ только въ позднѣйшее сравнительно время, вмѣстѣ съ идеей историческаго развитія вообще явленій хозяйства. Мы не находимъ ея, напримѣръ, у А. Смита и Рикардо Для нихъ обмѣнъ въ первобытномъ хозяйствѣ есть тотъ же современный обмѣнъ, но только нѣсколько упрощенный. Поэтому они воспроизводятъ его *a priori* изъ данныхъ современнаго хозяйственнаго строя, какъ своего рода робинзонаду.

Опытъ однако показалъ, что такого рода гипотетическое воспроизведеніе прошлыхъ явленій значительно расходится съ дѣйствительностью, и что эти явленія могутъ быть возстановлены только путемъ историческаго ихъ изученія. Послѣднее показываетъ намъ, что обмѣнъ въ первобытное время имѣлъ иной характеръ и значеніе въ экономической жизни, чѣмъ теперь.

Мы имѣемъ достаточно основаній думать, что было время, когда люди обходились совершенно безъ обмѣна и не имѣли о немъ никакого представленія *). Средства удовлетворенія потребностей исчерпывались только тѣми предметами, которые добывались въ собственномъ хозяйствѣ лица или общины. Война и грабежъ послужили первымъ источникомъ для ознакомленія съ чужими продуктами и вызвали желаніе обладать ими. Такое желаніе не всегда могло быть осуществлено путемъ силы. Когда война не приводила къ побѣдѣ одной или другой стороны, возникала, по всей вѣроятности, идея получить желаемые предметы путемъ обмѣна. Такимъ образомъ война послужила первымъ источникомъ возникновенія обмѣна **), который долго еще со-

*) Подобнаго рода состояніе хозяйства констатировано у дикарей Cook'омъ, Dampier'омъ и др. путешественниками. **A. Sartorius von Walterhausen,** Die Entstehung des Tauschhandels in Polynesien, Zeitschr. f. Soc. und Wirthschaftsgesch, 1895, IV, 1 стр. 5, передаетъ наблюденіе **Dampier'a** Neue Reise um die Welt, 1702, I, стр. 843, III, стр. 182, что съ жителями Новой Голландіи нельзя было завязать сношеній, такъ какъ обмѣнъ былъ для нихъ непонятенъ; тотъ-же фактъ подтвержденъ **Cook'омъ**, Erste Reise, изд. Hawkesworth, 1774, II, стр. 83, 172, 235 (ibid. стр. 6), который нашелъ подобное отсутствіе представленія объ обмѣнѣ, и у другихъ дикарей: «hatten sie wirklich nicht den allergeringsten Begriff, was Handel oder Tausch sei», см. также **Зиберъ**, Очерки первобытной экономической культуры, 1883, стр. 370, и **S. Cognetti de Martiis,** Le forme primitive, 1881, стр. 217.

) **A Sartorius v. Walterhausen, l. c., стр. 38 и сл.

вершается при обстановкѣ, напоминающей взаимный страхъ, недовѣріе и вражду *). Быть можетъ, возникновенію и развитію обмѣна содѣйствовалъ отчасти также и обычай обмѣниваться подарками, установившійся на почвѣ гостепріимства у первобытныхъ народовъ **).

Во всякомъ случаѣ обмѣнъ въ этой стадіи былъ явленіемъ случайнымъ и не могъ играть сколько-нибудь значительной роли въ хозяйствѣ Благодаря такой случайности и нехозяйственнымъ источникамъ происхожденія обмѣна, самыя мѣновыя отношенія предметовъ также не могли подчиняться какимъ-либо постояннымъ правиламъ или быть устойчивыми. Прежде всего, мѣновыя отношенія не могли опредѣляться какими-либо моментами, относящимися къ затратамъ производства или добыванія продуктовъ; во-первыхъ потому, что главнымъ предметомъ мѣны были вещи, составлявшія спеціальную особенность чужой страны или чужого труда и каждая изъ сторонъ не знала, какимъ количествомъ труда и затратъ добыты такого рода продукты противной стороны, и во вторыхъ, потому что для возникновенія идеи эквивалентности затратъ въ обмѣниваемыхъ предметахъ во всякомъ случаѣ нужно болѣе или менѣе продолжительное время.

Поскольку мѣновыя отношенія не устанавливались подъ вліяніемъ преобладанія силы, или хитрости, единственнымъ масштабомъ для обмѣна служило сравненіе пользы и значенія своихъ продуктовъ съ пользой и значеніемъ продуктовъ другой стороны. Мѣновое отношеніе предметовъ опредѣлялось исключительно субъективной полезностью вещи. „Первобытный человѣкъ — говоритъ Зиберъ — разсматриваетъ вещь исключительно съ точки зрѣнія ея кажущейся или дѣйствительной полезности, новизны и т. п. качествъ, и готовъ отдать за нее результатъ гораздо бо́льшаго собственнаго труда“ ***). При этомъ на первой

*) См. **Зиберъ**, l. c., стр. 374—375 Этимъ же объясняется обычай такъ называемаго нѣмого торга, при которомъ обѣ стороны старательно избѣгаютъ непосредственныхъ личныхъ сношеній.

) **Schrader, Handelsgeschichte und Warenkunde, 1886, 1 Th., стр. 10—11.

***) **Зиберъ**, Очерки первобытной культуры, 1883, стр. 371. **A. Sart. v. Walterhausen**, l. c., стр. 61: «der Tausch findet da statt, wenn jede Partei nach ihrer Meinung den zu erwerbenden Gegenstand höher achtet, als den wegzugebenden. Beide Parteien können daher wohl die Ansicht haben, den Gegner gehörig übervortheilt zu haben».

ступени развитія человѣка такая субъективная оцѣнка вещи находится цѣликомъ подъ вліяніемъ непосредственно ощущаемой потребности, безъ сравненія съ другими, и подъ вліяніемъ потребности одной данной минуты. Отсюда крайняя неустойчивость и случайность мѣновыхъ отношеній *). Подобная грубая оцѣнка, зависящая отъ однихъ непосредственныхъ эмоцій, скоро однако должна была уступить мѣсто болѣе сознательной, основанной на разсудочномъ сравненіи непосредственно ощущаемыхъ въ данную минуту потребностей съ значеніемъ другихъ присущихъ индивиду потребностей. Благодаря этому, приписываемая предметамъ полезность пріобрѣтаетъ характеръ болѣе постоянный, приближается къ тому, что называютъ „родовою“ полезностью **), и мѣновыя отношенія становятся болѣе устойчивыми ***). Еще бо́льшую устойчивость они получаютъ послѣ того, какъ индивидъ начинаетъ сообразовать свою оцѣнку съ оцѣнкой другихъ членовъ общины, вслѣдствіе чего возникаетъ своего рода *communis aestimatio* ****).

---

*) **Зиберъ**, l. c., стр. 372: карибы не продадутъ гамаковъ передъ сномъ ни за какую цѣну, такъ какъ понимаютъ ихъ значеніе, но поутру не размышляютъ о пользѣ гамаковъ — ихъ предусмотрительность не такъ велика—и готовы отдать ихъ за всякую цѣну. (Labat, Nouveau Voyage aux isles de l'Amerique, 1722). **A. Sartorius v. Walterhausen**, l. c, стр. 62: «sie (Marquesas-Insulaner) waren wie Kinder unmässig und ganz unvernünftig in ihren Wünschen und wenn sie dann in den Besitz des ersehnten Gegenstandes kamen, so behandelten sie ihn mit vollendeter Gleichgiltigkeit» (Featherman, Social history of the Races of Mankind, 1888, стр. 63).

) «... Glaskorallen haben ebenfalls ihren Werth: von den letzteren zieht man die blauen allen vor (независимо, слѣдовательно, отъ настроенія минуты) und achtet weisse am geringsten» (Cook, Dritte Reise, стр. 264, цит. **A. Sartorius v. Walterhausen, l. c., стр. 62); желѣзныя издѣлія являются вообще наиболѣе вѣрнымъ товаромъ при обмѣнѣ съ дикарями Полинезіи (ibid, стр. 62, 63).

***) Примѣры установившихся мѣновыхъ отношеній приводятъ Krusenstern, Reise um die Welt, 1811, стр. 162. Portlock и Dixon, Reise um die Welt 1790, стр. 105, цит. **A. Sartorius v. Walterhausen** стр. 64. Приводимыя Stanley цѣны товаровъ, цит. S. Cognetti de Martiis, le forme primitive, 1881, стр. 236—237, относятся уже къ болѣе высокой стадіи развитія обмѣна.

****) Общая оцѣнка является результатомъ того, что каждый индивидъ справляется съ оцѣнкой другихъ: Cook жаловался «wenn wir ihnen etwas feil boten, wollte kein Einziger unter ihnen auf sein eigenes Urtheil kau-

Но неизмѣнность мѣновыхъ отношеній сохраняется только до тѣхъ поръ, пока остается неизмѣнной степень полезности предметовъ обмѣна. Послѣдняя измѣняется, когда измѣняется значеніе потребности, удовлетворяемой даннымъ предметомъ *), или данный предметъ, вслѣдствіе лучшаго знакомства съ его свойствами, употребляется для удовлетворенія болѣе важныхъ потребностей **), или, наконецъ, когда, при неизмѣнномъ характерѣ потребности и ея значенія, измѣняется степень ея удовлетворенія, вслѣдствіе измѣненія количества предметовъ ***). Съ измѣненіемъ степени полезности измѣнялись и мѣновыя отношенія. Послѣднія находились въ особенно очевидной и сильнѣйшей зависимости отъ количества товаровъ, предлагаемыхъ къ обмѣну ****).

Итакъ характерныя черты первобытнаго обмѣна состоятъ въ томъ, что онъ не основанъ на хозяйственной *организаціи* дѣ-

---

fen, sondern sammelte allemal vorher die Meinungen von 20—30 Leuten ein, darüber viel Zeit verloren ging», Cooks, Erste Reise, стр. 249, цит. **A Sartorius v. Walterhausen** l. c. стр. 59, или же возникаетъ такимъ образомъ, что торгъ ведется всей общиной сообща, либо непосредственно, либо черезъ своего начальника, см. **Зиберъ**, Очерк. перв. культ., 1883, стр. 379 и сл.

*) Cook, Dritte Reise, стр. 264 Portlock и Dixon, Reise um die Welt, 1790, стр. 54, передаютъ, что стеклянныя бусы употреблялись дикарями (Тонга и Сандвичевыхъ острововъ) для украшеній сперва неохотно, но затѣмъ на нихъ явилась мода и они значительно поднялись въ цѣнѣ, цит. **A. Sartorius v. Walterhausen,** l. c., стр. 62, 63.

) Такъ, напр., желѣзо сперва мало цѣнится (см. **Cognetti de Martiis l. c., стр. 221) и употребляется исключительно въ видѣ украшеній, но затѣмъ дикари знакомятся съ его настоящимъ употребленіемъ, и желѣзныя издѣлія пріобрѣтаютъ высокую и устойчивую цѣнность, см. **A. Sartorius v. Warterhausen,** l. c., стр. 63 (Vancouvers Reise 1, 86) и **Зиберъ,** l. c., стр. 373 (Marchand, Bibl. Univ. des Voyages, XV, 420).

***) См. **A Sartorius v Walterhausen,** l c , стр. 58, **Cognetti de Martiis,** l. c., стр 218.

****) Этотъ фактъ рѣзко бросался въ глаза всѣмъ путешественникамъ, и предупрежденіе переполненія рынковъ товарами составляло заботу капитановъ, см предыд. цит. **A. Sartorius v. Walterhausen'а.** Колебанія цѣны съ измѣненіемъ количества бывали очень значительны: «Fur eine nicht grössere Portion (rother) Federn, als man zur Noth von einer Meise rupfen könnte, erkauften wir anfanglich Schweine von 40—50 Pfd., allein zum Unglück hatte Jedermann im Schiffe einen Vorrath von diesen Kostbarkeiten und folglich verloren sie, noch ehe es Abend wurde, mehr als 500 Procent von ihrem Werthe» (Cooks, dritte Reise, 1, 313) цит. ibid. стр 64.

ленія занятій и труда, зависитъ отъ внѣшнихъ болѣе или менѣе случайныхъ обстоятельствъ и въ народномъ хозяйствѣ играетъ только побочную, дополнительную роль; мѣновыя отношенія предметовъ неустойчивы и находятся въ ближайшей и непосредственной зависимости отъ субъективной оцѣнки полезности обмѣниваемыхъ вещей.

Обмѣнъ у народовъ древняго Востока и, впослѣдствіи, Греціи стоитъ, разумѣется, несравненно выше по своему развитію. Здѣсь нѣтъ уже случайно возникающихъ и также случайно прекращающихся сношеній, обмѣнъ ведется въ видѣ правильной и постоянной торговли; по сухому пути передвигаются постоянно и въ опредѣленномъ направленіи караваны съ товарами, по морю — корабли; между сосѣдними народами поддерживаются живыя торговыя сношенія *). Но и здѣсь обмѣнъ отличенъ отъ современнаго и въ значительной части сохраняетъ извѣстныя черты своего первоначальнаго состоянія: онъ также имѣетъ т. с. побочное значеніе въ хозяйствѣ и мѣновыя отношенія также находятся въ сильнѣйшей зависимости отъ субъективной оцѣнки предметовъ.

Жизнь древнихъ народовъ построена на основѣ натуральнаго хозяйства. Главныя занятія — земледѣліе и скотоводство — доставляли каждому все необходимое для пропитанія и матеріалы, которые обрабатывались въ собственномъ же хозяйствѣ. Каждое хозяйство представляло поэтому самостоятельную единицу, которая могла существовать собственными силами и средствами, не прибѣгая къ обмѣну **). Средства существованія и доходъ хозяй-

---

*) **Ed. Meyer,** Die wirtschaftliche Entwickelung des Altertums, Jahrb. f. Nat. Oek. und Stat., 1895, т. 64, стр. 701.

) **K. Bücher, Die Entstehung der Volkswirtschaft, 1893, стр. 15 и сл. Въ бѣдномъ хозяйствѣ работы производились членами семьи, въ богатыхъ — распредѣлялись между рабами; каждое богатое хозяйство имѣло своихъ ткачей, прядильщиковъ, хлѣбопековъ, мясниковъ и т. д. Нѣкоторыя работы выдѣлились, правда, въ особыя ремесла (χαλκεῖς, κεραμεῖς и т. д.), но ремесленники сперва были δημιουργοί въ собственномъ смыслѣ слова, т. е. работали не на себя, а на общину, слѣдовательно, безъ обмѣна продуктовъ на продукты, а затѣмъ работали изъ чужого матеріала и даже чужими орудіями, такъ что получали только плату за трудъ **Ed. Meyer,** Die wirtschaftliche Entwickelung des Altertums, Jahrb. f. Nat. Oek. und St., 1895, 64, стр. 708.

ства не реализировались путемъ обмѣна, какъ въ современномъ экономическомъ строѣ, но существовали уже до обмѣна и помимо него. Обмѣнъ только пополнялъ и разнообразилъ средства хозяйства, перемѣщая *излишекъ* продуктовъ, составляющихъ спеціальное богатство одной страны, въ другую и обратно. Онъ былъ весьма полезенъ и благотворенъ, но не составлялъ насущнаго и необходимаго условія существованія народовъ, за исключеніемъ развѣ нѣкоторыхъ небольшихъ государствъ и городовъ, создавшихъ свое богатство на посредничествѣ въ тогдашней международной торговлѣ. Сообразно съ такимъ характеромъ торговли, главными предметами обмѣна были въ значительной степени предметы не первой необходимости. Такимъ образомъ на востокѣ караваны развозили золото изъ Нубіи, ладанъ изъ Сомалійскаго берега, разнаго рода благовонныя вещества, мастику, москательные товары, драгоцѣнные камни *); предметами торговли финикіянъ съ греками были разнаго рода драгоцѣнности и рѣдкія украшенія, которыя женщины трогали руками и пожирали глазами **), рабы, слоновая кость, олово, χιτῶνες и ὀθόναι, производству которыхъ греки выучились только впослѣдствіи, пурпуровая краска, янтарь, тростникъ ***). Когда Грецiя, въ свою очередь, сравнялась и затѣмъ опередила въ торговомъ развитіи государства востока, она стала вывозить спеціальныя богатства своей страны и своего труда: оливковое масло, вино, пурпуръ,

---

*) Напр. караванъ, которому былъ проданъ братьями Іосифъ; см. **Meyer**, Die Wirtsch. Entwick. d. Altert., Jahrb. f. Hat. Oek. u. St., 1895, 64, стр. 701 Царица Савская «на верблюдахъ привезоша ароматы, злата много и каменье драгое», «и сотвори царь престолъ отъ костей слоновыхъ велій». Въ то же время все «потребное» Соломону, какъ мука, тельцы, волы, овцы, олени, серны и птицы, ячмень и плевы — все это доставлялось безъ посредства обмѣна: «и Соломонъ бѣ начальствуй во всѣхъ царствахъ и бяху приносяще дары и работающе Соломону во вся дни живота его» (Книга Царствъ).

) «χερσίν τ' ἀμφαφόωντο καὶ ὀφθαλμοῖσιν ὁρῶντο (Одисс. XV, 562)... Auch auf das Schiff des fremden Kaufmanns selbst werden zuweilen die Weiber in übergrosser Neugier geführt, und dann bietet sich für jene die willkommene Gelegenheit, durch das Lichten ihrer Anker auf die billigste Weise in den Besitz ihres wertvollsten Handelsgegenstandes, griechischer Sklavinnen, zu gelangen (Herodot I, 1)» **Schrader, Handelsgeschichte und Warenkunde, 1886, I Th. стр. 70.

***) **Schrader**, l. c., стр 70, 71, 72.

мѣдь, серебро; шерстяныя издѣлія, пурпуровыя ткани, ковры, металлическія и глиняныя издѣлія и украшенія *); получала спеціальные и рѣдкіе продукты всѣхъ странъ **).

Другая особенность торговли древняго міра состояла въ томъ, что бо́льшая часть предметовъ торговли обладала монопольнымъ характеромъ Все это были товары, которые составляли спеціальную особенность одной или немногихъ странъ, добывались въ ограниченномъ количествѣ, тогда какъ спросъ на нихъ былъ весьма значителенъ. Таковы указанные выше товары, составлявшіе предметъ торговли на востокѣ: золото, москательные товары, драгоцѣнные камни, слоновая кость; таковы пурпуръ, янтарь, серебро, мѣдь, вино, всякаго рода произведенія искусства, предметы роскоши; продукты обрабатывающей промышленности, какъ ткани лучшаго качества, производившіяся только въ немногихъ мѣстахъ Но даже товары, которые добывались въ достаточномъ количествѣ и, сами по себѣ, вовсе не имѣли монопольнаго характера, становились монопольными, благодаря монопольной организаціи торговли. Съ того момента, какъ мѣновыя сношенія вышли изъ состоянія полной случайности и неопредѣленности, какъ обмѣнъ получилъ нѣкоторую организацію, первой ступенью такой организаціи была, по-видимому, монополія: торговля попадала въ руки одного какого-либо народа, государства или города, который подчинялъ своему исключительному вліянію болѣе или менѣе обширный рынокъ и устранялъ всякую постороннюю конкурренцію. Такими монополистами были, какъ извѣстно, финикійцы. Затѣмъ, съ возвышеніемъ греческихъ государствъ, нѣкоторыя изъ нихъ стали принимать болѣе активное участіе въ международной торговлѣ и, выходя изъ-подъ чужой торговой зависимости, сами старались завладѣть монополіей обмѣна въ извѣстномъ районѣ. Такъ безплодный небольшой островъ Эгина подчинилъ одно время своему торговому вліянію почти весь Пелопонессъ, греческіе острова, среднюю Грецію и даже Аттику; его корабли плавали по всѣмъ

*) **Ed. Meyer**, l. c., стр. 709—710.

). **Ed Meyer, l. c., стр. 725: «Was es von Delicatessen in Sicilien oder Unteritalien, oder Cypern, oder Aegypten, oder Lydien, oder am Pontos, oder im Peloponess, oder sonts wo gibt, kommt durch die Seeherschaft alles nach Athen zusammen».

морямъ, купцы пріобрѣтали несмѣтныя богатства, для защиты торговыхъ интересовъ возникъ сильный военный флотъ *).

Затѣмъ торговое могущество Эгины пало, и она должна была уступить свое мѣсто Аѳинамъ Политика Аѳинъ преслѣдовала туже цѣль монополизаціи рынковъ. Опираясь на свое морское могущество и богатство, Аѳины всѣми средствами старались концентрировать у себя международную торговлю, не отступая передъ тѣмъ, чтобы войной и силой заставить другія государства сбывать свои товары въ Аѳины и отсюда получать чужія произведенія **). И дѣйствительно, благодаря огромнымъ затратамъ на флотъ, удачнымъ войнамъ, Аѳины достигли такого торговаго могущества, что со всѣхъ концовъ извѣстнаго тогда міра сюда свозилось множество товаровъ, чтобы затѣмъ отправиться на окончательные рынки своего сбыта.

На западѣ такимъ же образомъ господствовали Сиракузы и затѣмъ Карѳагенъ; послѣдній подчинилъ своему вліянію западную часть Средиземнаго моря, южную Испанію, сѣверо-западную Африку и совершенно устранилъ здѣсь торговую конкурренцію другихъ народовъ, пока не палъ въ борьбѣ съ Римомъ.

Монопольный характеръ торговли проявлялся не только въ томъ, что она сосредоточивалась въ рукахъ купцовъ одного какого-либо государства или народа, но и въ томъ, что тѣ или другія ея отрасли монополизировались отдѣльными лицами. Хлѣбная торговля была такою отраслью, въ процвѣтаніи и правильной организаціи которой особенно были заинтересованы Аѳины. Аттика не могла прокормиться собственнымъ хлѣбомъ и нуждалась въ значительномъ его ввозѣ. Хлѣбъ доставлялся изъ многихъ удаленныхъ другъ отъ друга странъ: Тавриды, Босфора, Ѳракіи, Сиріи, Египта, Ливіи, Сициліи; заботы правительства были направлены къ обезпеченію страны этимъ продуктомъ; купцовъ заставляли направлять свои суда съ хлѣбомъ въ Пирей и здѣсь оставлять бо́льшую часть груза ***). Тѣмъ не менѣе торговля хлѣбомъ была въ сильнѣйшей степени монополи-

---

*) **Ed Meyer**, Die wirtsch. Entw. d. Altertums, Jahrb. f. Nat. Oek. u. St., 1895, 64, стр. 715.

) **Ed. Meyer, Die wirtsch. Entw. d. Altertums, Jahrb. f. Nat. Oek. u. St., 1895, 64, стр. 725.

***) Двѣ трети, Arist. pol. Ath. 51, 4 цит. **Ed Meyer**, l. c., стр. 725, пр. 3.

зирована, снабженіе населенія крайне несовершенно, и цѣны въ высшей степени неустойчивы. Не говоря уже о томъ, что цѣны на хлѣбъ сильно поднимались во время неурожая въ самой Аттикѣ, или странахъ, снабжавшихъ ее зерномъ, и во время войны, когда транспорты захватывались непріятелемъ, но даже и въ мирное время, при обыкновенныхъ обстоятельствахъ и хорошемъ урожаѣ, хлѣбные торговцы умѣли вызывать искусственное повышеніе цѣнъ, распуская ложные слухи и прибѣгая къ другимъ уловкамъ. Иногда они складывали хлѣбъ и прямо отказывались его продавать, даже во время сильнѣйшаго недостатка, чѣмъ доводили потребителей до такого состоянія, что „всякій былъ радъ купить зерно по любой цѣнѣ *)“. Случалось, что купцы соединялись въ большія монопольныя компаніи, въ которыхъ принимали участіе и правители тѣхъ странъ, откуда шелъ вывозъ хлѣба **). Грандіозное предпріятіе монополизаціи хлѣбной торговли удачно провелъ Клеоменъ Александрійскій ***). Если крупные монополисты устанавливали высокія цѣны въ оптовой торговлѣ, то болѣе мелкіе перекупщики, конкуррируя другъ съ другомъ, еще болѣе возвышали цѣны, что, впрочемъ, не мѣшало имъ, пользуясь дѣйствительнымъ спросомъ и искусственнымъ возбужденіемъ рынка подъ вліяніемъ сильной конкурренціи, продавать хлѣбъ въ тотъ же день съ значительнымъ барышемъ въ одну драхму на медимну, хотя было запрещено покупать сразу болѣе 15 мѣръ и продавать съ прибылью болѣе обола на медимну ****). Ни строгость наказаній *†), ни учрежденіе особой хлѣбной полиціи нисколько не помогали дѣлу.

Такой же монопольный характеръ носили и другія отрасли торговли Извѣстны случаи монополизаціи торговли оливковымъ масломъ, желѣзомъ *††). Въ Аттикѣ существовали различныя от-

---

*) Рѣчь Лизія, противъ хлѣбныхъ торговцевъ, цит. **Boekh**, Staatshaushaltung der Athener, 1851, стр. 117.

) **Du Mesnil-Marigny, Histoire de l'économie polit. des anciens peuples, 1878, т. 3, стр. 193.

***) **Boeckh**, l. c., стр. 119.

****) Ibid.

*†) Смертная казнь за покупку большаго количества хлѣба, чѣмъ дозволено, **Ed. Meyer**, l. c., стр. 725.

*††) Arist. pol. 1, 4, 7, цит. **Ed Meyer**, ibid. прим. 4.

расли обрабатывающей промышленности, организованныя въ большія предпріятія, работающія при помощи труда рабовъ. Но такъ какъ для сбыта ихъ продуктовъ открыты были обширные рынки, поглощавшіе легко все производство, то и здѣсь производители были въ слабой зависимости отъ потребителей и могли требовать большія цѣны за свои товары Такъ, не смотря на развитое производство шерстяныхъ издѣлій, самимъ же Аѳинянамъ приходилось переплачивать за шерстяные плащи — эскомиды *). Насколько монополіи въ торговлѣ и промыслахъ были обычнымъ явленіемъ свидѣтельствуетъ и тотъ фактъ, что многія монополіи составляли постоянный доходъ греческихъ государствъ, и къ этому-же средству часто обращались въ критическія минуты финансовой жизни.

Результатомъ монопольнаго характера товаровъ и монопольной организаціи торговли было то, что мѣновыя отношенія предметовъ опредѣлялись исключительно субъективнымъ значеніемъ товаровъ для потребителей, въ зависимости отъ ихъ богатства, силы и значенія потребности, удовлетворяемой предметами, и отъ количества послѣднихъ. Цѣны вовсе не зависѣли или зависѣли очень мало отъ издержекъ производства товаровъ. Кромѣ монопольнаго характера обмѣна, этому содѣйствовала и самая неопредѣленность издержекъ производства. Послѣдняя являлась слѣдствіемъ того, что производство нарушалось частыми войнами, перевозка товаровъ страдала отъ морскихъ разбоевъ и, наконецъ, слабое развитіе промышленности дѣлало капиталъ мало подвижнымъ, вслѣдствіе чего рядомъ существовали предпріятія разной доходности, и одинаковые товары часто производились съ различными издержками **).

Итакъ, хотя торговля древняго востока, а затѣмъ Греціи достигла значительнаго развитія, но обмѣнъ того времени совсѣмъ не имѣлъ того значенія, какъ теперь. Онъ скользилъ по поверхности народнаго хозяйства, сравнивалъ излишекъ съ недостаткомъ, не проникая въ самую глубь каждаго отдѣльнаго

---

*) **Du Mesnil-Marigny,** Histoire de l'économie polit. des anc. peuples, 1878, стр 271.

) **Boeckh, l. c., стр. 102, 103, доходность предпріятій колебалась отъ 16 до 47%, сообразно съ этимъ и % на отдаваемый взаймы капиталъ отъ 10% и до 50%, ibid., стр. 175.

хозяйства, не лишая его полной самостоятельности и не превращая въ составную часть общаго механизма Объектомъ обмѣна были полезныя вещи, пополнявшія и разнообразившія хозяйство, но не составлявшія для него насущной потребности. Предметы первой необходимости добывались почти исключительно собственнымъ производствомъ. Товары обладали монопольнымъ характеромъ, и самая торговля была въ рукахъ монополистовъ. Издержки производства были неравномѣрны и неопредѣленны. Благодаря этому мѣновыя отношенія предметовъ отличались неустойчивостью, зависѣли въ сильнѣйшей степени отъ количества товаровъ и субъективнаго значенія ихъ для потребителей и не сообразовались съ издержками производства или затратою труда.

Всѣ эти особенности не могли не отразиться на первыхъ ученіяхъ объ обмѣнѣ, его значеніи и законахъ.

Матеріалъ, который представляетъ намъ по этому вопросу греческая литература, крайне скуденъ, если не считать замѣчательной теоріи Аристотеля. Причина этого заключается не только въ томъ, что самый обмѣнъ мало интересовалъ мыслителей того времени, но и въ томъ, что они мало занимались хозяйственною жизнью вообще. Народъ, создавшій замѣчательныя произведенія искусства, философіи и политики, оставилъ ничтожный матеріалъ по вопросамъ экономическимъ. Это тѣмъ болѣе удивительно, что хозяйственныя условія жизни греческихъ государствъ, должны были, казалось, сами наталкивать на экономическіе вопросы значительной важности. Множество мелкихъ государствъ, отличаясь другъ отъ друга складомъ своей хозяйственной жизни, находились въ близкихъ сношеніяхъ; одни занимались исключительно земледѣліемъ, другіе—сверхъ того торговлей и промыслами; здѣсь господствовалъ капиталъ, тамъ — крупное землевладѣніе; общность имуществъ существовала рядомъ съ частною собственностью. Внутри отдѣльныхъ государствъ шла политическая борьба классовъ, видимо основанная на экономическомъ антагонизмѣ. Значительное число рабовъ угрожало хозяйственному строю и самому существованію государствъ. Все это вызывало измѣненія государственнаго устройства, нерѣдко революціи, въ которыхъ значительную роль должна была играть и хозяйственная сторона народной жизни. И при всемъ томъ такая бѣдность литературы по экономическимъ вопросамъ! L. Stein думаетъ, что экономическая литература должна

была существовать и дѣйствительно существовала, но только не дошла до насъ *) Эта гипотеза не находитъ себѣ достаточнаго подтвержденія, и намъ остается лишь предположить, что экономическая сторона явленій народной жизни не отдѣлилась въ представленіи народовъ того времени отъ политической и этической стороны ихъ жизни настолько, чтобы стать предметомъ особаго изученія, и что, въ общей суммѣ, политика и этика занимали преобладающее мѣсто въ народномъ сознаніи и отодвигали на задній планъ экономику. Такого рода соотношеніе между указанными тремя сторонами жизни мы видимъ во всѣхъ экономическихъ воззрѣніяхъ греческихъ авторовъ. Типичный примѣръ представляетъ намъ споръ о принципѣ распредѣленія богатствъ, приводимый Аристотелемъ Уже самая постановка вопроса весьма характерна· распредѣленіе матеріальныхъ благъ не отдѣляется отъ распредѣленія всякихъ другихъ благъ — почестей, власти и т. д. — и то и другое должно подчиняться одному принципу. По нашимъ современнымъ понятіямъ казалось бы, что распредѣленіе матеріальныхъ благъ естественно слѣдуетъ поставить въ извѣстную зависимость отъ участія въ созданіи этихъ благъ, отъ роли лица въ хозяйственной жизни народа. Ничего подобнаго мы не находимъ у Аристотеля. Распредѣленіе должно происходить κατ' ἀξίαν — по достоинству, и въ этой ἀξία не имѣетъ никакого значенія хозяйственная роль лица Распредѣленіе должно сообразоваться, по мнѣнію однихъ, съ свободой, по мнѣнію другихъ, съ благородствомъ происхожденія, по мнѣнію третьихъ, съ богатствомъ. Аристотель думаетъ, что главнымъ критеріемъ здѣсь должна быть признана добродѣтель, которая одна способна сообщить устойчивый и совершенный характеръ государственной организаціи и потому составляетъ главное достоинство гражданъ. Масштабомъ распредѣленія матеріальныхъ благъ является, такимъ образомъ, мѣра содѣйствія благу государства, принципъ политическаго и этическаго характера; участіе въ производствѣ отодвинуто на задній планъ и не играетъ никакой роли Очевидно, писатели того времени стояли на точкѣ зрѣнія отличной отъ нашей и, обращая главное вниманіе на вопросы политики и

*) **L. Stein**, Die Staatswissenschaftliche Theorie der Griechen vor Aristot. und Platon, Tüb. Zeitschr., 1853., IX.

этики, обходили молчаніемъ экономическую сторону явленій народной жизни.

Но если греческая литература представляетъ мало матеріала по вопросамъ хозяйственнымъ вообще, то неудивительно, что мы находимъ въ ней совсѣмъ мало указаній по вопросу объ обмѣнѣ, который, какъ мы видѣли, не имѣлъ особенно большого значенія въ то время. Даже у Платона и Ксенофонта нѣтъ сколько-нибудь полной и развитой теоріи этого явленія, и мы вправѣ думать, что въ предшествующей этимъ писателямъ литературѣ ея тѣмъ болѣе не было. Поэтому мы не сдѣлаемъ большого упущенія, если начнемъ наше изслѣдованіе съ Платона.

Платонъ имѣлъ ясное представленіе о выгодахъ раздѣленія занятій и, слѣдовательно, о значеніи обмѣна въ хозяйствѣ, основанномъ на этомъ принципѣ. Его государство является результатомъ хозяйственной несостоятельности отдѣльнаго лица въ изолированномъ состояніи, несостоятельности, которая заставляетъ людей соединяться вмѣстѣ для лучшаго удовлетворенія своихъ потребностей: „*exsistit igitur, inquam, urbs, ut arbitror, quia nostrum nemo per se satis opibus valet, communicat igitur alius cum alio, si quid communicat, vel accipit, arbitrans sibi melius esse* *)“. Лучшее удовлетвореніе потребностей достигается въ общественномъ союзѣ путемъ раздѣленія занятій; благодаря послѣднему всякій достигаетъ въ своемъ дѣлѣ бо́льшаго успѣха, и всѣ вмѣстѣ сдѣлаютъ больше и лучше, чѣмъ каждый порознь, если онъ принужденъ заботиться самъ обо всемъ для себя необходимомъ. Мало того, въ общественномъ союзѣ, при раздѣленіи занятій, всѣ произведутъ не только то, что необходимо имъ самимъ для собственнаго употребленія, но и такіе предметы, которые нужны другимъ государствамъ, а эти послѣднія снабдятъ, въ свою очередь, данное государство, своими произведеніями. Очевидно, что при такой организаціи хозяйства взаимный обмѣнъ продуктовъ является необходимымъ условіемъ; онъ осуществляется, по мнѣнію Платона, путемъ продажи и покупки: „*vendendo et*

*) Цит. по Fridericus Astius, Platonis opera, Lipsiae, 1822, стр. 93.

emendo". Но такъ какъ лица, приносящія товары на рынокъ, желая сберечь время, не ожидаютъ сами покупателей, то возникаетъ особый классъ купцовъ, которыми должны быть люди „*imbecillimi ad corpus et inhabiles ad aliud quod opus faciendum*" *). Такимъ образомъ торговля является необходимымъ звеномъ совмѣстной жизни въ государствѣ и по природѣ своей не только не вредна, но, напротивъ, полезна; люди, занимающіеся ею, имѣютъ полезное и благородное назначеніе: „*ut omnium necessitatibus opem ferant et aequalitatem rebus adducant*" **).

Но такой почетной и необходимой роли торговли въ идеальномъ состояніи общества вовсе не соотвѣтствуетъ положеніе ея въ дѣйствительности. На самомъ дѣлѣ торговли есть занятіе презрѣнное и лица, ею занимающіяся, также подвергаются презрѣнію. Такое видимое противорѣчіе легко объясняется, если принять во вниманіе дѣйствительное состояніе торговли въ современномъ Платону государствѣ. Торговля того времени, какъ уже было указано, отличалась монопольнымъ характеромъ; вотъ въ этихъ-то условіяхъ ея существованія крылась та причина, которая мѣшала ей вполнѣ осуществить свое полезное назначеніе и дѣлала ее занятіемъ презрѣннымъ.

Особенность монополіи на сторонѣ продавцевъ состоитъ, между прочимъ, въ томъ, что послѣдніе, не будучи принуждены продавать товары какъ можно дешевле, не имѣютъ надобности сообразовать цѣны товаровъ съ расходами на ихъ пріобрѣтеніе. Единственной границей, выше которой не можетъ подняться цѣна товара, имѣющаго монопольный характеръ, является только субъективное значеніе этого товара для потребителя, субъективная оцѣнка его въ зависимости отъ значенія удовлетворяемой этимъ товаромъ потребности и отъ средствъ и богатства покупателя. Эта субъективная оцѣнка товара у каждаго потребителя бываетъ своя особая. Однако оптовый торговецъ, желающій сбыть большое количество товара въ возможно непродолжительное время, не можетъ сообразоваться съ индивидуальнымъ значеніемъ товара для каждаго отдѣльнаго потребителя. Онъ можетъ назначить одну общую цѣну, и притомъ настолько высокую,

*) Ibid. стр. 97.

**) Leges, XI.

чтобы дальнѣйшее повышеніе ея уже не возмѣщало уменьшенія выручки отъ сокращенія количества продаваемыхъ предметовъ. Такая цѣна будетъ равна субъективному значенію товара для того покупателя, который съ возвышеніемъ ея принужденъ былъ бы отказаться отъ покупки. Для всѣхъ же прочихъ болѣе состоятельныхъ потребителей цѣна оптоваго торговца окажется ниже субъективнаго значенія для нихъ товара. Но мелочной торговецъ, который, съ одной стороны, можетъ ждать и искать покупателей, и, съ другой, знаетъ ихъ индивидуальное положеніе, можетъ назначать различныя цѣны для отдѣльныхъ потребителей, сообразуясь съ ихъ индивидуальной оцѣнкой товара, если, разумѣется, увѣренъ, что, при общемъ ограниченномъ количествѣ товара, на его долю всегда останется нужное количество покупателей. Такимъ образомъ, при недостаточномъ количествѣ товара, крупный монополистъ, при участіи искусныхъ мелочныхъ торговцевъ, могутъ заставить потребителя заплатить за товаръ, если не всю сумму денегъ, какая соотвѣтствуетъ индивидуальному значенію удовлетворяемой этимъ товаромъ потребности, то, во всякомъ случаѣ, цѣну, болѣе или менѣе близкую къ этой величинѣ. И притомъ тѣмъ болѣе близкую, чѣмъ меньше общее количество товаровъ, чѣмъ сильнѣе монополизація, чѣмъ интенсивнѣе спросъ, чѣмъ меньше извѣстны издержки производства товара. Подобнаго рода высокія монопольныя цѣны, будучи *абсолютно* выгодны для потребителя, такъ какъ значеніе пріобрѣтаемаго предмета все же больше значенія уплачиваемой суммы денегъ, тѣмъ не менѣе *относительно* крайне невыгодны и несправедливы, такъ какъ основаны на одностороннемъ преобладаніи продавца, который извлекаетъ изъ обмѣна максимальную выгоду, предоставляя потребителю минимальную. Отсюда возникаетъ чувство неудовольствія противъ продавцевъ, нападки на ихъ корыстолюбіе и жадность. И вотъ, необходимое и полезное дѣло торговли, благодаря условіямъ ея существованія въ первое время, ведетъ къ рѣзкому антогонизму между интересами потребителей и продавцевъ. Отсюда становится понятнымъ, почему Платонъ, считая торговлю полезной и лицъ, ею занимающихся, исполняющими полезное назначеніе въ государствѣ, въ то-же время относится съ презрѣніемъ къ торговцамъ. Эти лица не исполняютъ, по его мнѣнію, своей полезной функціи, какъ слѣдуетъ. Это люди, не знающіе мѣры своему корыстолюбію. Если бы за тор-

говлю взялись люди порядочные, подобнаго рода занятіе было бы почтенно и желательно.

Но, къ несчастью, зло непоправимо; непоправимо потому, что лучшіе, вполнѣ порядочные люди не могутъ заняться торговлей; всѣ силы и время ихъ должны быть посвящены служенію государству на другихъ болѣе важныхъ поприщахъ, сравнительно съ хозяйственною дѣятельностью, и послѣдняя, такимъ образомъ, по необходимости, достается на долю худшихъ, неспособныхъ безкорыстно служить общему благу „*Quamquam si quis* — говоритъ Платонъ — *quod absit nec umquam fiet, cogeret (ridiculum quidem dictu, tamen dicetur) artem cauponiam exercere viros omnino optimos ad aliquod tempus vel nundinari, vel tale quid facere, vel etiam mulieres ex necessitate quadam fatali hujusmodi vitae institutum sequi, cognosceremus quam gratum et exoptatum horum quodque esset, et si modo incorrupto fierent, matris et nutricis loco hujusmodi omnia colerentur*“. (Leg. XI).

Но если торговлю нельзя сдѣлать занятіемъ лицъ достойныхъ, то, очевидно, слѣдуетъ принять мѣры къ тому, чтобы поставить границы корыстолюбію недостойныхъ и устранить возможность обмана въ мѣновыхъ сдѣлкахъ. Этой цѣли достигаютъ, по мнѣнію Платона, слѣдующія мѣры. Продажа и покупка должны совершаться на наличныя деньги, продажа въ кредитъ запрещается — очевидно, потому, что при продажѣ въ кредитъ присоединяется еще одинъ лишній элементъ неопредѣленности: процентъ за отсрочку платежа. Мѣна натурою допускается лишь при взаимномъ довѣріи участвующихъ въ сдѣлкѣ лицъ, причемъ государство не принимаетъ на себя ручательства за послѣдствія сдѣлки; и здѣсь причина отрицательнаго отношенія къ мѣнѣ натурой опять-таки заключается въ неопредѣленности мѣнового отношенія *). Запрещается купцу уступать товаръ дешевле первоначально объявленной цѣны; эта мѣра имѣетъ цѣлью устранить попытки сообразовать цѣны со средствами и силой потребности покупателей, путемъ объявленія имъ возможно высокой цѣны и лишь постепеннаго пониженія ея, только послѣ очевидной невозможности и нежеланія покупателей согласиться на болѣе высокую.

---

*) При денежной формѣ обмѣна «tollitur in commutando materia litis», говоритъ Ѳома Аквинскій (De princ. reg., l. II, c. XIII).

Наконецъ, для упорядоченія торговли Платонъ предлагаетъ установить законную оцѣнку товаровъ „*Congredi oportet* — говоритъ онъ — *legum custodes cum hominibus cujusque artis cauponiae peritis .. re. cognata congressosque expendere reditus et impensae quodnam cauponi modicum lucrum afferant, verumque expensum acceptumque prescriptum proponere .. et hoc fere ratione res cauponia singulis proderit minimeque oberit in urbe eam exercentibus*“ (ib.). Иначе говоря, Платонъ предлагалъ опредѣлить доходы и расходы торговца и установить цѣну въ такомъ размѣрѣ, чтобы ему оставалась умѣренная прибыль. Можно было бы думать, что Платонъ, такимъ образомъ, ставитъ мѣновое отношеніе въ зависимость отъ издержекъ производства; но подобное мнѣніе было бы ошибочно. Онъ имѣетъ въ виду только чисто практическую цѣль; онъ лишь хочетъ нормировать вознагражденіе торговцевъ, какъ посредниковъ обмѣна, за ихъ услуги: вознагражденіе это должно быть умѣреннымъ, и потому цѣна, выручаемая торговцемъ, не должна слишкомъ превышать ту цѣну, которую онъ самъ уплатилъ производителю. Чѣмъ-же опредѣляется послѣдняя — а въ этомъ вся суть дѣла — этого вопроса Платонъ не касается. Онъ только утверждаетъ, что слишкомъ большой барышъ купцовъ объясняется ихъ жадностью, и противъ этой жадности предлагаетъ бороться таксами.

Насколько подобнаго рода мѣра свидѣтельствуетъ о правильномъ пониманіи законовъ обмѣна? Мы знаемъ, что высокая цѣна и слишкомъ большой барышъ купца могутъ обусловливаться двумя обстоятельствами: либо искусственной монополіей товара, либо естественнымъ его недостаткомъ. Если въ первомъ случаѣ высокія цѣны являются результатомъ излишней „жадности“ купцовъ, съ которой можно и слѣдуетъ бороться таксами, то во второмъ случаѣ онѣ суть результатъ столько же „жадности“ купцовъ, сколько и потребителей, которые стремятся устранить другъ друга съ рынка возможно высокими цѣнами. Противъ „жадности“ въ послѣднемъ случаѣ нельзя бороться таксами и регламентаціей, такъ какъ въ исключительномъ развѣ случаѣ такса можетъ устоять противъ совокупнаго интереса въ нарушеніи ея какъ для продавца, такъ и для покупателя. Въ современномъ Платону государствѣ дороговизна предметовъ первой необходимости происходила либо исключительно, либо въ значительной степени отъ монопольной организаціи тор-

говли. А въ такомъ случаѣ установленіе таксъ на товары могло бы дѣйствительно оказать нѣкоторое полезное дѣйствіе. Но проектированіе подобной мѣры можно приписать столько же пониманію особенностей тогдашней организаціи торговли, сколько наивной вѣрѣ въ могущество государственнаго вмѣшательства въ народное хозяйство. Вообще тотъ скудный матеріалъ, какой мы находимъ у Платона по вопросу объ обмѣнѣ, не даетъ намъ никакого права приписать ему какіе либо опредѣленные взгляды на этотъ счетъ.

Нѣсколько больше матеріала даетъ намъ Ксенофонтъ *). У него мы уже находимъ нѣкоторыя основныя понятія теоріи цѣнности и ясныя указанія на извѣстныя эмпирическія соотношенія, которымъ подчиняется мѣновое отношеніе. Но все это въ такомъ отрывочномъ, фрагментарномъ видѣ, что мы все-таки не можемъ говорить *о теоріи* цѣнности или обмѣна. Тѣмъ не менѣе отдѣльныя мнѣнія этого писателя весьма интересны и заслуживаютъ полнаго вниманія.

Прежде всего ему принадлежитъ заслуга ясной формулировки понятія полезности, съ подраздѣленіемъ его — что особенно замѣчательно — на два вида: полезность вслѣдствіе непосредственнаго употребленія, то, что теперь называютъ полезностью, или потребительной цѣнностью, и полезность вслѣдствіе возможности обмѣна, то, что теперь обозначается терминомъ мѣновой цѣнности. „Благо есть все то, говоритъ Ксенофонтъ, что полезно **)". Но понятіе „полезно" опредѣлялось для него не одними только экономическими признаками; оно совмѣщало въ себѣ, кромѣ хозяйственнаго момента, также и нравственный. Полезнымъ съ хозяйственной точки зрѣнія онъ считаетъ все то, что удовлетворяетъ извѣстную потребность, что служитъ полезному назначенію ***); такъ флейта полезна потому, что служитъ для игры. Полезнымъ же съ нравственной стороны является то,

*) **Xenophontis** Scripta quae supersunt, graece et latine, Parisiis, 1853.

**) Memorabilium, l. IV, c VI, 8: «ὠφέλιμον ἀγαθόν ἐστιν ὅτῳ ἂν ὠφέλιμον».

***) Oekonomici, c. 1, 7: «Ἔοικας τὰ ἑκάστῳ ὠφέλιμα κτήματα καλεῖν»; ibid., 8: «χρήματα ἐστὶν ἀγαθόν»; ibid., 9: «τὰ ὠφελοῦντα χρήματα, τὰ βλάπτοντα οὐ χρήματα».

что не заключаетъ въ себѣ нравственнаго вреда *) Такого рода смѣшеніе области хозяйственной съ нравственною не является исключительною особенностью одного Ксенофонта; это, какъ мы видѣли, общая черта всѣхъ воззрѣній того времени; хозяйственная сторона жизни не успѣла еще выдѣлиться въ умѣ человѣка въ отдѣльную категорію понятій и представлялась не иначе, какъ вмѣстѣ съ политическою и нравственною ея стороною. Понятія богатства, полезности опредѣлялись не только признаками хозяйственными, но и признаками, взятыми изъ области морали и политики: богатствомъ была не только извѣстная сумма хозяйственныхъ благъ, но благъ служащихъ непремѣнно извѣстной нравственной цѣли; полезнымъ предметомъ признавалось то, что не только удовлетворяло потребности человѣка, но было вмѣстѣ съ тѣмъ полезно для государства **).

Полезность, по мнѣнію Ксенофонта, не есть какое-нибудь внутреннее, прирожденное свойство вещи; оно есть лишь послѣдствіе извѣстнаго отношенія предмета къ человѣку. Флейта не всегда представляетъ собою полезный предметъ; она является таковымъ лишь для умѣющаго ею пользоваться; въ рукахъ человѣка, не умѣющаго играть, флейта перестаетъ быть полезной, и даже если она продана, то становится полезной лишь тогда, когда попадаетъ въ руки музыканта ***). Очевидно, такой взглядъ на полезность представляетъ собою характерный отголосокъ той эпохи хозяйства, когда всякій продуктъ употреблялся, по-преимуществу, въ собственномъ хозяйствѣ, имѣлъ почти исключительно потребительное значеніе. Но такъ какъ обмѣнъ игралъ уже извѣстную роль въ современномъ Ксенофонту хозяйствѣ, то

---

*) Ibid., c. 1, 13.

) Впрочемъ, надо замѣтить, что и въ современной наукѣ нѣкоторые экономисты, при опредѣленіи чисто экономическихъ понятій, какъ благо, трудъ, не считаютъ возможнымъ обойтись безъ признаковъ этическаго или юридическаго свойства, напр., **Roscher, Grundl. der Nat. Oek., 1892, стр. 2: «Güter nennen wir alles dasjenige was zur mittelbaren oder unmittelbaren Befriedigung eines *wahren* menschlichen Bedürfnisses anerkannt brauchbar ist.», и въ примѣчаніи: «Der Zusatz «wahr» scheidet nicht allein dasjenige was nur unvernünftige und unsittliche Bedürfnisse befriedigen könnte... etc.».

***) Ibid., c. 1, 9: «τῷ ἐπισταμένῳ χρῆσθαι χρήματα ἐστιν, τῷ δὲ μὴ ἐπισταμένῳ οὐ χρήματα etc.». и c. 1, 12.

и понятіе полезности не могло ограничиваться исключительно потребительнымъ значеніемъ вещей, оно должно было распространиться и на значеніе ихъ, возникающее изъ возможности обмѣна. Кромѣ той пользы, которую предметъ приноситъ своимъ непосредственнымъ употребленіемъ, онъ полезенъ еще тѣмъ, что можетъ быть проданъ. Отсюда два вида полезнаго значенія предметовъ для человѣка — значеніе предмета вслѣдствіе его непосредственнаго употребленія сообразно назначенію, и значеніе, пріобрѣтаемое благодаря возможности продажи *).

Полезность, въ смыслѣ потребительной цѣнности, является, по мнѣнію Ксенофонта, необходимымъ спутникомъ способности предмета къ обмѣну (мѣновой цѣнности); всякій предметъ, обладающій послѣдней, непремѣнно обладаетъ, въ представленіи Ксенофонта, и полезностью, т. е. непремѣнно служитъ удовлетворенію какихъ-либо потребностей. Но составляетъ ли полезность причину того, что называютъ мѣновою цѣнностью, и вліяетъ ли она на опредѣленіе мѣнового отношенія, по этому вопросу мы не находимъ никакихъ прямыхъ указаній у Ксенофонта. Одно только несомнѣнно, что Ксенофонтъ понималъ полезность предметовъ въ родовомъ ея значеніи, т. е. какъ полезность извѣстнаго рода предметовъ для извѣстной категоріи человѣческихъ потребностей; съ этой точки зрѣнія онъ сравниваетъ полезность двухъ родовъ предметовъ, говоря, что полезность золота, по крайней мѣрѣ, не меньше полезности серебра **). При такомъ взглядѣ на полезность, Ксенофонтъ, разумѣется, не могъ вывести ближайшаго соотношенія ея съ мѣновой пропорціей предметовъ. Поэтому для объясненія цѣны онъ прибѣгаетъ къ соотношенію предложенія и спроса: онъ указываетъ на то, что съ увеличеніемъ предложенія цѣна предметовъ уменьшается, съ увеличеніемъ спроса увеличивается; когда увеличивается производство мѣди и продуктовъ почвы, эти товары падаютъ въ цѣнѣ ***); если сразу заявить вездѣ спросъ на рабовъ, ихъ прійдется покупать гораздо дороже ****). Одинъ только товаръ,

*) Ibid., c. 1, 11: «μὴ πωλούμενοι μὲν γὰρ οὐ χρήματά ἐισιν οἱ ἀδλοί· οὐδὲν γαρ χρήσιμοί εἰσι· πωλούμενοι δε χρήματα».

**) De vectigalibus, c. IV, 10: «εἰ δέ τις φήσειε καὶ χρυσίον μηδὲν ἧττον χρήσιμον εἶναι ἢ ἀργύριον, τοῦτο μὲν οὐκ ἀντιλέγω».

***) Ibid., c. IV, 6.

****) Ibid., c. IV, 36.

по мнѣнію Ксенофонта, съ увеличеніемъ количества, не падаетъ въ цѣнѣ — это серебро*). На первый взглядъ могло бы показаться, что этотъ фактъ противорѣчитъ общему правилу, и что серебро не подчиняется закону предложенія и спроса. Однако, это не такъ, цѣна серебра также подчиняется этому закону, и если она остается неизмѣнной съ увеличеніемъ количества, то вовсе не вопреки общему закону, а вполнѣ согласно съ нимъ. По мнѣнію Ксенофонта, съ увеличеніемъ количества этого товара увеличивается и потребность въ немъ, вслѣдствіе чего отношеніе предложенія къ спросу не измѣняется, а слѣдовательно не измѣняется и цѣна серебра. Серебра никогда—говоритъ онъ—никто не имѣетъ такъ много, чтобы не желать больше; „когда государство процвѣтаетъ, люди въ особенности нуждаются въ серебрѣ, расходуютъ деньги на красивое оружіе, хорошихъ лошадей, великолѣпные дома; роскошно живутъ; женщинамъ нужны золотые уборы, дорогія платья; когда государство страдаетъ отъ неурожая или войны, земля обрабатывается менѣе, и серебро необходимо для того, чтобы покупать съѣстные припасы и содержать союзниковъ **)".

Но если фактъ неизмѣнности цѣны серебра и не составляетъ исключенія изъ закона предложенія и спроса, то спрашивается, насколько вѣрно то положеніе, будто потребность въ серебрѣ увеличивается, сообразно съ увеличеніемъ его количества? Возможно ли подобнаго рода явленіе по отношенію къ какому-либо предмету? Разумѣется, утверждать, что спросъ на тотъ или другой товаръ можетъ возрастать неопредѣленно и притомъ въ такомъ же отношеніи, въ какомъ возрастаетъ количество предмета, было бы ошибкой. Но взглядъ Ксенофонта заключаетъ въ себѣ долю истины: дѣйствительно, при нѣкоторыхъ особыхъ условіяхъ, увеличеніе предложенія можетъ оставаться безъ вліянія на цѣну. Представимъ себѣ, что мы имѣемъ десять покупателей какого-либо рода предметовъ; изъ нихъ первый, наиболѣе состоятельный, готовъ заплатить за предметъ, въ крайнемъ случаѣ, 10 денежныхъ единицъ, второй 9 такихъ же единицъ, третій 8, четвертый 7, а пятый, шестой и т. д. по

*) Ibid., c. IV, 10: «καὶ χρυσίον, ὅταν πολὺ παραφανῇ, αὐτὸ μὲν ἀτιμότερον γίγνεται, τὸ δὲ ἀργύριον τιμιώτερον ποιεῖ».

**) Ibid., c. IV, 8,9.

6 единицъ; въ такомъ случаѣ, если къ продажѣ будетъ предложенъ одинъ предметъ, онъ будетъ пріобрѣтенъ наиболѣе состоятельнымъ покупателемъ по цѣнѣ, не выше и не ниже 10 денежныхъ единицъ; не выше — потому, что въ такомъ случаѣ обмѣнъ былъ бы невыгоденъ для покупателя, а слѣдовательно, невозможенъ; не ниже — потому, что въ такомъ случаѣ предметъ могъ бы достаться и второму покупателю, для устраненія котораго первый долженъ поднять цѣну до 10. При продажѣ двухъ предметовъ, цѣна каждаго должна быть равна 9, трехъ — 8 единицамъ. Иначе говоря, съ увеличеніемъ предложенія, цѣна предметовъ понижается. Но когда число предметовъ дойдетъ до пяти, а цѣна одного предмета до 6 единицъ, то дальнѣйшее увеличеніе количества предметовъ не понизитъ, очевидно, ихъ цѣны, такъ какъ прибавляющееся количество товара послѣдовательно встрѣчаетъ покупателей съ одинаковыми предѣльными цѣнами. Трудность осуществленія подобной гипотезы въ дѣйствительности заключается въ томъ, что на одномъ и томъ же рынкѣ почти невозможно найти сколько-нибудь значительнаго числа покупателей съ одинаковыми предѣльными цѣнами; при стеченіи нѣсколькихъ подобныхъ покупателей, одинъ изъ нихъ предложитъ нѣсколько высшую цѣну и устранитъ отъ покупки другихъ конкурентовъ, такъ какъ трудно предположить, чтобы всѣ конкурренты находились въ совершенно тождественныхъ хозяйственныхъ условіяхъ. Но въ такомъ случаѣ увеличеніе предложенія не будетъ болѣе сопровождаться устойчивостью цѣны. Если мы, однако, допустимъ, что пятый, шестой и т. д. покупатели являются на рынкѣ не одновременно, а по мѣрѣ увеличенія количества товаровъ, то не будетъ препятствія къ тому, чтобы цѣна товара оставалась неизмѣнной. Нѣчто подобное, дѣйствительно, представляли собою условія торговли въ древнемъ мірѣ. Небольшіе города, или государства играли роль такихъ воображаемыхъ покупателей, поступавшихъ на рынокъ послѣдовательно одинъ за другимъ. Обладая приблизительно одинаковою потребностью въ серебрѣ, одинаково цѣнили этотъ товаръ, они не заявляли активно своего спроса на всемірномъ рынкѣ, вслѣдствіе отсутствія торговой иниціативы; по мѣрѣ, однако, того, какъ производство серебра увеличивалось, производители сами искали новыхъ рынковъ для сбыта и послѣдовательно находили ихъ одинъ за другимъ. Спросъ расширялся въ той же мѣрѣ, какъ предложеніе,

условія образованія цѣнъ оставались безъ измѣненія, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, оставалась безъ измѣненія цѣна. Этотъ фактъ постоянства цѣны серебра былъ замѣченъ Ксенофонтомъ, который и далъ ему указанное выше объясненіе, довольно близкое къ дѣйствительности.

Кромѣ того, отъ Ксенофонта не скрылась и другая причина бо́льшаго постоянства цѣны серебра, сравнительно съ цѣною другихъ товаровъ: это разнообразіе употребленія; большо́е количество разнообразныхъ потребностей, для удовлетворенія которыхъ служитъ серебро, приводится Ксенофонтомъ, какъ основаніе постояннаго спроса на этотъ предметъ. Въ этомъ отношеніи Ксенофонтъ вполнѣ вѣрно подмѣтилъ фактъ, что предметы, допускающіе широкое и многостороннее употребленіе, всегда бываютъ болѣе устойчивы въ цѣнѣ, чѣмъ предметы, пригодные для удовлетворенія только одной какой-либо потребности.

И такъ, подводя итогъ взглядамъ Ксенофонта, мы приходимъ къ слѣдующему результату. Ксенофонтъ признавалъ наличность полезности необходимымъ коррелятивомъ способности предмета къ обмѣну; полезность онъ понималъ не только въ смыслѣ хозяйственномъ — какъ пригодность къ удовлетворенію потребности, но и въ этическомъ, какъ нравственную безвредность. Полезность вещи проявляется, по его мнѣнію, либо въ непосредственномъ употребленіи вещи, согласно съ ея назначеніемъ, либо въ томъ значеніи, какое имѣетъ она, благодаря возможности продажи. Наконецъ, Ксенофонтъ представилъ намъ изображеніе внѣшней зависимости цѣны отъ предложенія и спроса. Но это изображеніе фактическихъ соотношеній не переходитъ въ изученіе ихъ конечныхъ причинъ; точно также оно не поставлено въ связь съ понятіемъ полезности.

Остается коснуться вопроса, какъ представлялъ себѣ Ксенофонтъ отношеніе цѣны къ издержкамъ производства. Въ этомъ отношеніи надо замѣтить, что онъ ясно указалъ, какое воздѣйствіе имѣютъ колебанія цѣны на производство; когда увеличивается производство мѣди и продуктовъ почвы — говоритъ онъ*) — эти товары падаютъ въ цѣнѣ, предпріятія перестаютъ давать прибыль, и предприниматели обращаются къ другимъ родамъ

*) De vectigalibus, c. IV, 6

промышленности. Если бы мы къ этому прибавили, что съ уменьшеніемъ предпріятій, занятыхъ добываніемъ мѣди и продуктовъ почвы, количество этихъ предметовъ уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ уменьшается ихъ предложеніе, что, въ свою очередь, возвышаетъ ихъ цѣну, то не трудно было бы прійти уже къ выводу, что цѣна зависитъ отъ издержекъ производства. Какъ ни ясно подобнаго рода соотношеніе для насъ, мы однако не видимъ никакихъ указаній, чтобы оно было извѣстно Ксенофонту. Все, что мы находимъ у него по этому поводу, ограничивается приведеннымъ замѣчаніемъ о томъ, что цѣна должна давать извѣстную прибыль предпринимателю. Если это замѣчаніе представляетъ все-таки хотя бы нѣкоторый намекъ на зависимость цѣны отъ издержекъ производства (такъ какъ если цѣна должна давать прибыль, то, слѣдовательно, она, тѣмъ болѣе, должна покрывать расходы производства), то зависимость цѣны отъ затраты труда совершенно уже оставлена безъ вниманія. И это не только у Ксенофонта, но, какъ мы видѣли, и у Платона. Между тѣмъ нельзя сказать, чтобы значеніе труда въ созданіи матеріальныхъ благъ было совершенно неизвѣстно въ то время. Доказательствомъ противнаго служитъ, напримѣръ, одинъ изъ діалоговъ Сократа, приводимый Ксенофонтомъ: „Какимъ образомъ — говоритъ Сократъ — Керамонъ, содержа столько людей, имѣетъ средства прокормить и себя и ихъ и даже дѣлаетъ сбереженія, тогда какъ ты боишься погибнуть отъ нужды, вслѣдствіе того, что тебѣ приходится кормить нѣсколько человѣкъ“? — Онъ кормитъ рабовъ, отвѣчаетъ собесѣдникъ, а я свободныхъ людей. — „Кого-же ты больше уважаешь, продолжаетъ Сократъ, тѣхъ ли лицъ, которыя гостятъ у тебя, или рабовъ Керамона“? — Понятно, свободныхъ лицъ, которыя у меня. — „Не стыдно-ли тебѣ, что Керамонъ получаетъ средства существованія при помощи людей низкихъ, а ты испытываешь нужду съ лицами, гораздо болѣе достойными уваженія“? — Но онъ содержитъ рабовъ, а я благородно воспитанныхъ родственниковъ — *).

Если такимъ образомъ производительная роль труда была извѣстна, то чѣмъ, спрашивается, объяснить игнорированіе этого элемента при объясненіи явленій обмѣна, тогда какъ въ

*) Memorabilium, l. II, c. VII.

современныхъ теоріяхъ трудъ занимаетъ, какъ мы видѣли, такое выдающееся мѣсто? Мы уже сказали, что преобладающее значеніе труда въ современныхъ теоріяхъ цѣнности вытекаетъ не столько изъ экономической роли его въ явленіяхъ обмѣна, сколько изъ соціальныхъ условій современной организаціи хозяйства; исключительное значеніе, приписываемое этому элементу въ теоріи, есть результатъ и отголосокъ современнаго соціальнаго положенія рабочаго въ жизни общества Въ разсматриваемую нами эпоху рабочаго вопроса въ современномъ смыслѣ не было; работникъ—рабъ былъ средствомъ удовлетворенія потребностей, наравнѣ со всѣмъ другимъ имуществомъ. Если Сократъ выдѣлялъ трудъ, какъ производительный факторъ, въ самостоятельную экономическую категорію, отдѣльную отъ прочаго имущества, то его собесѣдникъ, а съ нимъ и общественное мнѣніе, отрицали существованіе такой категоріи. Для нихъ не существовало труда, какъ производительнаго фактора въ современномъ смыслѣ, а былъ только трудъ рабовъ, слѣдовательно, извѣстное средство удовлетворенія потребностей, не выходящее изъ ряда другихъ имущественныхъ благъ. Благодаря этому, трудъ не могъ играть особой роли въ производствѣ и тѣмъ болѣе въ обмѣнѣ; онъ раздѣлялъ общую судьбу всего имущества. Понятно, поэтому, что не могло быть рѣчи объ особомъ вліяніи труда на цѣну, на мѣновое отношеніе предметовъ; въ крайнемъ случаѣ онъ могъ оказывать такое же дѣйствіе, какъ затрата всякихъ другихъ матеріальныхъ средствъ въ производствѣ. Могла быть рѣчь только о вліяніи затратъ или издержекъ производства на цѣну Если же и этотъ моментъ не выдвигается въ объясненіяхъ явленій обмѣна, то это уже объясняется, какъ мы указывали, тѣмъ обстоятельствомъ, что издержки производства не играли роли при установленіи мѣновыхъ отношеній. Послѣднія зависѣли отъ иныхъ моментовъ, и игнорированіе издержекъ производства въ теоріи есть прямое отраженіе условій обмѣна въ дѣйствительности. По этой же самой причинѣ мы не встрѣчаемся съ понятіемъ издержекъ производства въ теоріи цѣнности Аристотеля.

Если у Платона мы находимъ отрывочныя указанія на извѣстные моменты, опредѣляющіе мѣновыя отношенія, у Ксенофонта—уже гораздо болѣе полное изображеніе внѣшняго взаимнаго соотношенія этихъ моментовъ, то Аристотель даетъ намъ

теорію цѣнности въ полномъ смыслѣ этого слова. Признаемъ ли мы эту теорію правильной или ошибочной, во всякомъ случаѣ безспорно, что она даетъ намъ замѣчательное объясненіе изучаемаго явленія и, по своей идеѣ, носитъ печать глубокоо бдуманнаго и оригинальнаго произведенія.

Исходнымъ пунктомъ для ученія о цѣнности въ современной теоріи является понятіе „блага", полезнаго предмета. У Аристотеля мы не встрѣчаемъ отдѣльнаго ученія о благѣ въ хозяйственномъ смыслѣ. Вполнѣ согласно съ духомъ своего времени, Аристотель не выдѣляетъ полезныхъ для хозяйственной жизни предметовъ изъ общаго родового понятія благъ. Послѣднее понятіе онъ опредѣляетъ такими признаками, подъ которые подходятъ, какъ блага моральныя, такъ и хозяйственныя; благо или полезность есть то, „чего люди желаютъ ради него самого, и ради чего желаютъ все остальное..... благо есть то, что разумъ долженъ указывать всѣмъ, и для каждаго въ частности благо — то, что разумъ указываетъ ему въ каждомъ частномъ случаѣ; *благо есть то, обладаніе чѣмъ доставляетъ возможность удовлетворенія потребностей*" *). Къ числу благъ принадлежатъ счастье, справедливость, мужество, умѣренность и т. п. добродѣтели души, здоровье, красота и другія добродѣтели тѣла, *богатство*, дружба и т. д. **). Богатство состоитъ въ деньгахъ, земляхъ и другихъ владѣніяхъ, въ движимыхъ вещахъ, животныхъ, рабахъ, во всемъ, что полезно свободному человѣку, полезно, либо благодаря непосредственному употребленію и употребленію для производства другихъ полезныхъ предметовъ, либо, наконецъ, благодаря возможности продажи ***). Аристотель ****) ближе уясняетъ природу разныхъ благъ посредствомъ анализа частныхъ случаевъ блага и излагаетъ тѣ основанія, по которымъ одно благо признается нами больше или меньше другого; здѣсь онъ, между прочимъ, говоритъ: „благо, которое отличается рѣдкостью, превосходитъ благо, которое имѣется въ изобиліи и является общераспространеннымъ; золото, такимъ

*) Oeuvres d' **Aristote**, par Barthélemy Saint-Hilaire. La Rhétorique, 1870, кн. 1, гл. VI, т. 1, стр. 63.

**) Ibid., стр. 65

***) Ibid., стр. 54.

****) Ibid., кн. 1, гл. VI и VII

образомъ, превосходитъ желѣзо, не смотря на то, что оно менѣе полезно; обладаніе золотомъ есть бо́льшее благо, такъ какъ оно достается съ бо́льшимъ трудомъ. Но, съ другой точки зрѣнія, имѣющееся въ изобиліи предпочтительнѣе рѣдкаго, такъ какъ употребленіе перваго болѣе широко; вотъ почему поэтъ говоритъ:

„Нѣтъ ничего лучше воды"

Вообще, болѣе трудное важнѣе болѣе легкаго, такъ какъ оно болѣе рѣдко; и обратно, болѣе легкое важнѣе болѣе труднаго, такъ какъ мы имѣемъ его въ такой мѣрѣ, какъ желаемъ" *).

Такимъ образомъ мы видимъ, что Аристотель, съ одной стороны, впалъ въ общую своему времени ошибку, а именно, опредѣлялъ понятіе блага въ хозяйственномъ отношеніи признаками не только хозяйственными, но и этическими; онъ разсматривалъ полезные для хозяйственной жизни предметы, какъ одно изъ средствъ для достиженія счастія, благополучія, которыя, по его воззрѣніямъ, неразлучны съ добродѣтелью; поэтому все, что противорѣчило добродѣтели, а слѣдовательно, было не совмѣстимо съ конечной цѣлью человѣческой жизни, не могло быть благомъ, а потому и хозяйственныя блага должны были удовлетворять признакамъ нравственнаго порядка. Но если оставить въ сторонѣ эту особенность взглядовъ Аристотеля, то, съ другой стороны, мы находимъ у него правильное и довольно полное ученіе о благѣ въ хозяйственномъ значеніи этого слова, или о полезномъ предметѣ. Такимъ образомъ понятію полезный предметъ вполнѣ соотвѣтствуетъ данное Аристотелемъ опредѣленіе блага, какъ того, что удовлетворяетъ наши потребности; самое удовлетвореніе потребностей можетъ происходить троякимъ образомъ: или непосредственнымъ потребленіемъ предмета, или производительнымъ его употребленіемъ, или, наконецъ, употребленіемъ его для обмѣна. Аристотель, далѣе, указываетъ на то, что полезные предметы имѣютъ бо́льшее или меньшее для насъ *значеніе*, въ зависимости отъ характера и значенія удовлетворяемой предметомъ потребности. Все это истины, которыя въ настоящее время составляютъ исходную точку экономическихъ ученій. Наконецъ, Аристотелю принадлежитъ заслуга изложенія

*) Ibid., кн. 1, гл. VII, стр. 76, 77.

различія между родовою полезностью какихъ-либо предметовъ и полезностью конкретной ихъ части, въ зависимости отъ общаго количества предметовъ. Желѣзо вообще полезнѣе золота, если понимать полезность въ смыслѣ всей совокупности примѣненій того или другого рода предметовъ; но обладаніе даннымъ количествомъ золота неизмѣримо важнѣе такого же обладанія желѣзомъ, благодаря тому, что желѣза имѣется большое количество, тогда какъ золота крайне ограниченное; чѣмъ больше общее количество полезныхъ предметовъ, тѣмъ меньше значеніе данной ихъ мѣры, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, тѣмъ больше общая сумма удовлетворяемыхъ этими предметами потребностей Въ этихъ взглядахъ не трудно увидѣть тѣ основныя положенія, логическое развитіе которыхъ приводитъ къ понятію такъ наз. предѣльной полезности, играющему столь важную роль въ современной наукѣ.

Мы уже говорили о томъ, что Аристотель дѣлаетъ различіе между употребленіемъ вещи для непосредственнаго потребленія и производства съ одной стороны и для обмѣна съ другой. Перейдемъ теперь къ изложенію взглядовъ Аристотеля на характеръ и значеніе обмѣна *). Обмѣнъ составляетъ одинъ изъ видовъ пріобрѣтательной дѣятельности. Пріобрѣтательная дѣятельность (κτητική) бываетъ двухъ родовъ: естественная и искусственная. Къ первой (κτητική κατὰ φύσιν) относятся всѣ виды пріобрѣтенія благъ безъ помощи мѣны и торговли: скотоводство, земледѣліе, разбойничество, рыболовство, охота; „οἱ μὲν οὖν βίοι τοσοῦτοι σχεδόν εἰσιν, ὅσοι γε αὐτόφυτον ἔχουσι τὴν ἐργασίαν καὶ μὴ δ' ἀλλαγῆς καὶ καπηλείας κομίζονται τὴν τροφήν, νομαδικὸς γεωργικὸς λῃστρικὸς ἁλιευτικὸς θηρευτικός“ (стр. 112). Сюда же отчасти надо причислить и войну, которая составляетъ видъ пріобрѣтенія, подобно охотѣ: и тутъ и тамъ примѣняется военное искусство, въ одномъ случаѣ противъ дикихъ звѣрей, въ другомъ противъ людей, которые, по природѣ будучи назначены къ подчиненію, не хотятъ добровольно подчиниться (ibid. 114). Этотъ видъ пріобрѣтательной дѣятельности указанъ всѣмъ какъ бы самой природой — говоритъ Аристотель; поэтому онъ и долженъ быть названъ естественнымъ (κατὰ φύσιν). Другой видъ пріобрѣта-

*) Политика, кн. 1, цит. по **Aristoteles'** Politik her. von Dr. Franz Susemihl, 1879.

тельной дѣятельности есть дѣло искусства и опыта (δι' ἐμπειρίας τινὸς καὶ τέχνης γίνεται μᾶλλον) и можетъ быть названъ хрематистикой (χρηματιστική). Такъ какъ при естественномъ пріобрѣтеніи однихъ предметовъ бываетъ больше, а другихъ меньше, чѣмъ нужно для собственнаго употребленія, то возникаетъ взаимный обмѣнъ и торговля (стр. 119). Употребленіе каждаго предмета становится двоякимъ: одно употребленіе собственное, сообразное съ назначеніемъ предмета, другое несобственное — для обмѣна; такъ напр., обувь можетъ быть употребляема для ношенія и какъ предметъ обмѣна: „ἑκάστου γὰρ κτήματος διττὴ ἡ χρῆσις ἐστίν, ἀμφότεραι δὲ καθ' αὐτὸ μὲν ἀλλ' οὐχ ὁμοίως καθ' αὐτό, ἀλλ' ἡ μὲν οἰκεία ἡ δ' οὐκ οἰκεία τοῦ πράγματος, οἷον ὑποδήματος ἥ τε ὑπόδεσις καὶ ἡ μεταβλητική“ (стр. 118).

Но и въ самой хрематистикѣ слѣдуетъ различать два вида, въ зависимости отъ цѣли, къ которой направленъ обмѣнъ. Въ одномъ случаѣ обмѣнъ направленъ къ пріобрѣтенію предметовъ, необходимыхъ для собственнаго употребленія (ὅσον ἱκανὸν αὐτοῖς), для поддержанія жизни (οἰκονομικὴ περὶ τὴν τροφήν), и въ этомъ отношеніи пріобрѣтеніе путемъ обмѣна лишь восполняетъ тотъ недостатокъ, благъ, какой ощущается при исключительно естественномъ пріобрѣтеніи средствъ къ жизни (εἰς ἀναπλήρωσιν τῆς κατὰ φύσιν αὐταρκείας ἦν). Поэтому этотъ видъ пріобрѣтенія путемъ обмѣна—μεταβλητική *)—служитъ какъ бы продолженіемъ и восполненіемъ естественной пріобрѣтательной дѣятельности (κτητικὴ κατὰ φύσιν) и въ этомъ смыслѣ также является естественнымъ видомъ хозяйственной дѣятельности (οἰκονομικὴ κατὰ φύσιν). Другой видъ обмѣна предпринимается съ цѣлью пріобрѣтенія предметовъ не для собственнаго употребленія, а для дальнѣйшей перепродажи и имѣетъ въ виду путемъ покупки и продажи получить барышъ, заработать деньги, — это хрематистика въ тѣсномъ смыслѣ слова или торговля (καπηλική). Въ то время какъ первый видъ хрематистики имѣетъ свои естественныя границы въ разумныхъ предѣлахъ человѣческихъ потребностей, второй видъ безграниченъ въ своемъ стремленіи къ пріобрѣтенію денегъ ради денегъ.

---

*) Аристотель не выдерживаетъ строго принятой имъ терминологіи—χρηματιστική, μεταβλητική и пр., объ этомъ см. Susehmihl, op. cit., 2 ч., nota, 69ab.

Отсюда у Аристотеля возникаетъ, рядомъ съ дѣленіемъ пріобрѣтательной дѣятельности на естественную и искусственную по признаку присутствія и отсутствія мѣны, дѣленіе на естественную и противоестественную по признаку этическому — цѣли, къ которой направлена хозяйственная дѣятельность. Въ то время, какъ побужденіемъ къ естественной хозяйственной дѣятельности, обнимающей пріобрѣтеніе безъ мѣны и естественный видъ пріобрѣтенія путемъ обмѣна, служитъ и должно служить стремленіе къ удовлетворенію потребностей, согласное съ добродѣтельною жизнью, стремленіе къ добродѣтельно-счастливой жизни (τὸ εὖ ζῆν), побужденіемъ къ противоестественной хозяйственной жизни, хрематистикѣ въ узкомъ значеніи этого слова, является страсть къ жизни, не руководимая нравственнымъ идеаломъ (τὸ σπουδάζειν περὶ τὸ ζῆν, ἀλλὰ μὴ τὸ εὖ ζῆν), стремленіе къ ложному счастію, усматриваемому въ чувственныхъ удовольствіяхъ. И страсть къ наживѣ также безгранична, какъ эти послѣднія.

Разсмотрѣвъ взглядъ Аристотеля на обмѣнъ, его происхожденіе и значеніе, перейдемъ къ изложенію тѣхъ законовъ, которыми опредѣляются, по мнѣнію этого автора, взаимныя отношенія сторонъ при обмѣнѣ и пропорція, въ которой обмѣниваются предметы. Теорія цѣнности у Аристотеля составляетъ часть его ученія о справедливости и изложена въ Никомаховой этикѣ *). Трудность пониманія этой теоріи зависитъ отчасти отъ неясности изложенія нѣкоторыхъ мыслей, отчасти отъ испорченности текста. То и другое служитъ причиной весьма различнаго толкованія и перевода этой части сочиненій Аристотеля **). Общая ошибка многихъ переводчиковъ и комментаторовъ заключается въ томъ, что они хотятъ найти въ ученіи Аристотеля вполнѣ законченную теорію со всѣми выводами, извѣстными современной наукѣ. У Аристотеля мы находимъ тѣ же положенія, тѣ же аксіомы, которыя признаются современной наукой, но значеніе и роль ихъ здѣсь и тамъ весьма различны. Между тѣмъ, какъ

*) **Aristotelis**, Ethica Nicomachea, ab Jmm. Bekkero, III ed., 1861, **книга** V, гл. 8.

) Болѣе или менѣе значительно разнятся другъ отъ друга переводы **I. B. Saint-Hilaire'a (Morale d' Aristote, t. 1, 1856), **R. W. Browne'a** (The Nicomachean Ethics of Aristotle, 1865), **W M. Hath'a** (The Moral Philosophy of Aristotle, 1879), **комментаріи I. A. Stewart'a** (Notes on the Nicomachean Ethics of Aristotle, 1892).

въ настоящее время извѣстныя положенія являются исходными точками для развитія цѣлаго ряда выводовъ, и мы не можемъ представить себѣ тѣхъ или другихъ истинъ иначе, какъ со всѣми вытекающими изъ нихъ послѣдствіями, у Аристотеля тѣ же истины, тѣ же положенія высказываются безъ всякаго указанія на дальнѣйшее ихъ развитіе, на возможность послѣдующихъ выводовъ И это вполнѣ понятно. Всѣ извѣстные намъ выводы изъ той или другой истины кажутся намъ вполнѣ ясными и неизбѣжными только потому, что они намъ уже извѣстны; въ дѣйствительности же каждый выводъ явился не самъ собою, въ силу своей логической правильности, а благодаря упорной умственной работѣ нерѣдко многихъ людей. Вотъ почему даже великимъ мыслителямъ, высказывающимъ извѣстныя идеи въ первый разъ, очень часто остается совершенно неизвѣстнымъ ближайшее и логически необходимое развитіе этихъ идей. Такъ и Аристотель упоминаетъ о χρεία, не представляя себѣ всѣхъ тѣхъ широкихъ результатовъ, какіе могутъ быть получены, и въ настоящее время дѣйствительно получены, изъ логическаго развитія этого понятія. Считать всѣ эти выводы несомнѣнно извѣстными Аристотелю, единственно въ силу ихъ логической правильности и неизбѣжности, было бы ошибкой, и толкованіе тѣхъ или другихъ неясныхъ мѣстъ въ такомъ предположеніи приводитъ къ ошибочному представленію взглядовъ этого писателя.

Другая ошибка, въ которую впадаютъ при изученіи этого автора, заключается въ желаніи привести его взгляды къ той именно теоріи, которую комментаторъ самъ считаетъ правильною. Такимъ образомъ *Stewart* *) толкуетъ ученіе Аристотеля о цѣнности такъ, какъ еслибы оно представляло собою опредѣленно выраженную и вполнѣ развитую теорію издержекъ производства (въ смыслѣ народно-хозяйственномъ) Онъ говоритъ: „Качественно различные продукты двухъ лицъ *A* и *B* должны быть уравнены (τὸ κατὰ τὴν ἀναλογίαν ἴσον § 8) такимъ образомъ, что уравненіе исходитъ изъ оцѣнки труда и искусства, которые *A* и *B* вложили въ соотвѣтствующіе продукты, т. е. изъ оцѣнки издержекъ производства въ каждомъ случаѣ, въ результатѣ чего получается то, что экономисты называютъ естествен-

*) **Stewart**, Notes on the Nicomachean Ethics of Aristotle, 1892, v 1, стр. 449, 453, 459.

ною цѣнностью каждаго продукта. (Потребность или спросъ всегда принимается за конечную причину производства. Вещь, производство которой сопряжено съ большими издержками, будучи произведена, вызываетъ сильный спросъ... *)" И далѣе: „Пусть *A* представляетъ особенно искуснаго работника, дневной трудъ котораго стоитъ недѣльнаго труда *B*. Экономическое ἀξία работника *A* будетъ такимъ образомъ въ шесть разъ больше чѣмъ *B*... и вся выручка *A* будетъ въ шесть разъ больше выручки *B*; но та часть всей выручки, которую *A* получаетъ въ формѣ продуктовъ *B*, и та часть всей выручки, которую *B* получаетъ въ формѣ продуктовъ *A*, должны быть произведены равными количествами труда *A* и *B*: то, что *A* получаетъ (πάσχει) отъ *B* и то, что онъ производитъ (ποιεῖ), т. е. заставляетъ *B* получить, должно взаимно уравновѣшиваться такимъ образомъ, что качественное превосходство продуктовъ *A* должно быть уравнено количественнымъ превосходствомъ продуктовъ *B*". Правда, изложенную здѣсь теорію цѣнности можно считать почти господствующей въ современной наукѣ; но у Аристотеля нельзя найти даже отдаленныхъ указаній на это ученіе. Онъ, дѣйствительно, признаетъ, что произведенія одного лица могутъ быть лучше произведеній другого, и что поэтому произведенія эти нужно привести къ извѣстному равенству (οὐθὲν γὰρ κωλύει κρεῖττον εἶναι τὸ θατέρου ἔργον ἢ τὸ θατέρου δεῖ οὖν ταῦτα ἰσασθῆναι V, 8); но Аристотель никакъ не считаетъ трудъ единицей для сравненія цѣнности различныхъ продуктовъ, напротивъ того, такой единицей онъ признаетъ χρεία — потребность. *Stewart* старается доказать, что эту χρεία — потребность можно свести къ издержкамъ производства и, слѣдовательно, къ труду; что вещь, которая стоитъ большихъ издержекъ, вмѣстѣ съ тѣмъ соотвѣтствуетъ сильной потребности. Не касаясь вопроса, насколько такой взглядъ правиленъ, нужно сказать, что Аристотель нигдѣ не понимаетъ слова „χρεία" въ такомъ смыслѣ, и что подобное толкованіе этого термина исходитъ изъ взглядовъ, чуждыхъ Аристотелю, точно также, какъ чуждо ему, какъ мы сейчасъ увидимъ, и все ученіе о трудѣ, какъ основаніи или мѣрилѣ цѣнности. Толкованіе *Stewart'a* не можетъ найти подтвержденія ни въ понятіи „ἀξία", которому самъ Аристотель не придаетъ опредѣленнаго разъ на всегда значенія, ни въ довольно темной фразѣ текста „ἐποίει τὸ

*) Ibid., стр. 449.

ποιοῦν καὶ ὅσον καὶ οἷον, καὶ τὸ πάσχον ἔπασχε τοῦτο καὶ τοσοῦτον καὶ τοιοῦτον", фразѣ которая по своей неясности не можетъ служить основаніемъ для того или другого толкованія взглядовъ Аристотеля, а напротивъ, сама должна быть объяснена согласно съ общимъ смысломъ ученія этого автора.

Болѣе близокъ къ подлиннику переводъ *Hatch'a* *), но и онъ страдаетъ тѣмъ недостаткомъ, что нѣкоторымъ положеніямъ Аристотеля дано слишкомъ опредѣленное выраженіе и притомъ прямо въ духѣ современныхъ научныхъ теорій.

Теорія обмѣна составляетъ у Аристотеля частный случай примѣненія понятія справедливости. Для бо́льшей ясности изложимъ вкратцѣ ходъ разсужденій Аристотеля по этому вопросу **).

Справедливость проявляется въ двухъ формахъ: въ одной формѣ она составляетъ руководящее начало при распредѣленіи почестей, богатства и всѣхъ другихъ благъ между сочленами государства; въ другой—осуществляется въ соотношеніяхъ, возникающихъ изъ взаимнаго воздѣйствія членовъ государства (ἐν τοῖς συναλλάγμασι); но такъ какъ взаимныя соотношенія бываютъ либо основанныя на взаимномъ согласіи, либо не основанныя на согласіи, то и эта форма справедливости имѣетъ два вида; добровольныя соотношенія—это купля, продажа, ссуда, заемъ, залогъ, наемъ и т. п.; соотношенія, не основанныя на взаимномъ согласіи, бываютъ или обманныя, какъ кража, прелюбодѣяніе, лжесвидѣтельство и т. п, или насильственныя, какъ убійство и т. п. Ту форму справедливости, которая составляетъ руководящее начало при распредѣленіи благъ, можно назвать распредѣлительною справедливостью, а ту, которая дѣйствуетъ при взаимныхъ соотношеніяхъ между членами государства — исправительною справедливостью.

Какова же сущность распредѣлительной справедливости? Отвѣтъ на это даетъ Аристотель въ 6 главѣ V книги. Справедливое (δίκαιον) есть равное (ἴσον), а равное есть среднее (μέσον), между двумя крайностями — бо́льшимъ и меньшимъ; поэтому равное, какъ среднее, предполагаетъ, по меньшей мѣрѣ, два предмета — бо́льшее и меньшее. Въ то же время справедливое есть понятіе, указывающее на соотношеніе между лицами. „Изъ этого слѣдуетъ, что справедливое заключаетъ, по крайней мѣрѣ,

*) **Hatch**, The moral phylosophy of Aristotle, 1879.
) **Aristotelis, Ethica Nicom., изд. Bekkeri, кн. V, гл. 6—8.

четыре члена: два предмета и два лица И отношеніе между предметами должно быть такое же, какъ между лицами. Равныя лица должны получать равныя доли, неравныя лица—неравныя доли". Несоблюденіе этого принципа въ государствѣ — прибавляетъ Аристотель, ведетъ къ междоусобіямъ и спорамъ. Но чѣмъ опредѣляется равенство или неравенство лицъ? „Всѣ признаютъ, — говоритъ Аристотель, что справедливость въ распредѣленіи должна быть сообразна съ нѣкоторой ἀξία (κατ' ἀξίαν); но различно понимаютъ эту ἀξίαν; въ демократіи усматриваютъ ее въ свободѣ, въ олигархіи — въ богатствѣ или рожденіи, въ аристократіи въ добродѣтели". Что всѣ такіе взгляды односторонни, это доказываетъ Аристотель въ своей Политикѣ. Ошибка заключается въ томъ, что равенство по отношенію къ одному признаку — свободѣ, богатству и т. п. — считаютъ за равенство во всѣхъ отношеніяхъ. Свобода, богатство, рожденіе — все это качества, которыя имѣютъ большое вліяніе на благосостояніе государства и поэтому ихъ требованія должны быть приняты во вниманіе при распредѣленіи благъ. Но всѣ эти качества исполняютъ свое назначеніе лишь тогда, когда они координируются добродѣтелью. Эта послѣдняя поэтому имѣетъ наибольшее право на вниманіе при распредѣленіи и должна занимать высшее мѣсто; при ея отсутствіи, остальные элементы — свобода, рожденіе, богатство — борятся за первенство въ государствѣ и, временно пріобрѣтая верховенство, создаютъ менѣе совершенныя формы государства и даютъ несовершенный масштабъ для ἀξία *). Такимъ образомъ, по мнѣнію Аристотеля, распредѣленіе всѣхъ благъ — какъ почестей, власти, такъ и богатства — должно подчиняться одному и тому же принципу. Оно должно находиться въ извѣстномъ соотношеніи съ ἀξία — достоинствомъ или оцѣнкой лица. Мѣриломъ достоинствъ, ἀξία, лица могутъ быть различныя качества — свобода, рожденіе, богатство или всѣ эти качества вмѣстѣ, координированныя добродѣтелью. И замѣчательно то, что въ числѣ этихъ качествъ не имѣетъ мѣста хозяйственно-производительная роль лица въ государствѣ; распредѣленіе богатствъ должно совершаться, по мнѣнію Аристотеля, не сообразно съ производительною ролью, съ значеніемъ лица въ производствѣ богатствъ, а сообразно съ политическимъ его положеніемъ въ госу-

*) Stewart, Notes, etc., т. I, стр. 424.

дарствѣ. Причина этого заключалась въ томъ, что хозяйственная дѣятельность вообще считалась недостойной свободнаго гражданина. Каждый членъ государства, *какъ таковой*, имѣлъ право на извѣстную долю всѣхъ благъ, въ томъ числѣ и матеріальныхъ; но участіе въ производствѣ позорно для свободнаго гражданина, слѣдовательно, оно и не можетъ служить масштабомъ для распредѣленія благъ; такимъ масштабомъ (διανεμητικὸν δίκαιον τῶν κοινῶν) могутъ быть лишь тѣ качества, которыя опредѣляютъ положеніе лица въ государствѣ, такъ какъ это, именно, положеніе даетъ ему право участвовать въ распредѣленіи всѣхъ благъ; а эти качества суть свобода, рожденіе, богатство и добродѣтель,—каждое изъ нихъ въ той мѣрѣ, въ какой оно привноситъ свою часть въ общее дѣло преуспѣянія государственной жизни (κατὰ τὸν λόγον τὸν αὐτὸν ὅνπερ ἔχουσι πρὸς ἄλληλα τὰ εἰσενεχθέντα).

Пренебреженіе къ производительной дѣятельности, къ производительному труду было вполнѣ естественно для государства, въ которомъ война и грабежъ считались естественными способами пріобрѣтенія имущества, а вся производительная дѣятельность лежала на рабахъ. Древнее государство, говоритъ *Oncken* *), требовало отъ своихъ полноправныхъ гражданъ столько свободнаго времени, сколько нельзя было совмѣстить съ работой въ полѣ или мастерской; а между тѣмъ эти работы были необходимы; ничего не оставалось дѣлать, какъ прибѣгнуть къ труду рабовъ; потребность въ работникахъ для домашняго хозяйства и для промышленныхъ предпріятій нельзя было удовлетворить инымъ путемъ. Но, благодаря тому, что всѣ работы исполнялись несвободными людьми, на которыхъ лежало пятно безправности, прикосновенность къ труду соединялась съ понятіемъ позора; свобода отъ хозяйственной дѣятельности стала необходимымъ правомъ каждаго гражданина. За исключеніемъ Аѳинъ, гдѣ господствовали болѣе свободныя понятія, (но гдѣ, впрочемъ, была своя партія крайнихъ аристократовъ, считавшихъ даже игру на флейтѣ позорнымъ занятіемъ), во всей остальной Эллядѣ законъ или обычай требовалъ отъ полноправныхъ гражданъ возможности располагать досугомъ; невозможность удовлетворить этому условію была равносильна потерѣ политическихъ правъ **).

---

*) **Oncken,** Die Staatslehre des Aristoteles, 1870—1875, кн. 1, стр. 78, 79.

) Ср. **Roscher, Ansichten der Volkswirthschaft, 1861, Ueber das Verhältniss der Nationalökonomik zum klassischen Alterthume, гл 3, гдѣ

Понятно, что при такихъ взглядахъ, ἀξία, достоинство, сообразно съ которымъ всякій получалъ свою долю благъ, не могло зависѣть отъ участія въ хозяйственной дѣятельности.

Итакъ отношеніе между лицами выражается посредствомъ отношенія между ихъ ἀξία; но такъ какъ „справедливое“ есть „пропорціональное“ и состоитъ изъ четырехъ членовъ съ равными отношеніями, то отношеніе между объектами должно быть таково же, какъ между субъектами. Иначе говоря, какъ α относится къ β, такъ γ къ δ, или $\alpha : \beta = \gamma : \delta$; переставивъ члены — $\alpha : \gamma = \beta : \delta$, и отсюда: $(\alpha + \gamma) : (\beta + \delta) = \alpha : \beta$. Въ этой послѣдней формѣ пропорція выражаетъ понятіе справедливости въ распредѣленіи. Если справедливое выражается въ пропорціи, то несправедливое не соотвѣтствуетъ пропорціи, слѣдовательно, въ пропорціи одинъ членъ ставовится больше, другой меньше, какъ это и бываетъ въ дѣйствительности. Тотъ, кто совершаетъ несправедливость, имѣетъ больше блага, подвергающійся ей — меньше; и обратно по отношенію ко злу.

Исправительная справедливость имѣетъ характеръ отличный отъ распредѣлительной. Распредѣлительная справедливость проявляетъ свое дѣйствіе въ пропорціи геометрической: при распредѣленіи богатства доли каждаго должны быть въ такомъ же отношеніи другъ къ другу, какъ участіе этихъ лицъ въ общемъ преуспѣяніи государственной жизни, какъ ихъ ἀξία, выражающая собою оцѣнку этого участія; исправительная справедливость также осуществляетъ извѣстное равенство, но въ пропорціи ариѳметической; она не обращаетъ вниманія на относительное достоинство лицъ, она разсматриваетъ ихъ, какъ равныя и имѣетъ въ виду исправить лишь ту разницу въ положеніи лицъ, которая произошла послѣ сдѣлки. Если послѣ сдѣлки или воздѣйствія одного лица на другое, одно пріобрѣтаетъ больше, чѣмъ имѣло, а другое имѣетъ меньше, чѣмъ прежде, исправительная справедливость требуетъ, чтобы отъ перваго была взята часть

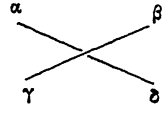
Roscher объясняетъ рабство недостаткомъ капитала; съ этой точки зрѣнія интересно слѣдующее замѣчаніе Аристотеля: «εἰ αἱ κερκίδες ἐκέρκιζον αὐταί, καὶ τὰ πλῆκτρα ἐκιθάριζεν (очевидно, Аристотель не надѣялся на возможность чего-либо подобнаго) οὐδὲν ἂν ἔδει οὔτε τοῖς ἀρχιτέκτοσιν ὑπηρετῶν οὔτε τοῖς δεσπόταις δούλων» Pol. 1, 2, § 5.

и присоединена ко второму, и чтобы положеніе лицъ стало такимъ же, какимъ оно было до сдѣлки.

Къ какому же виду справедливости относитъ Аристотель то начало, которое опредѣляетъ отношенія сторонъ при обмѣнѣ? Нѣкоторые *) думаютъ, что рядомъ съ распредѣлительною и исправительною справедливостью Аристотель признаетъ еще третій видъ справедливости, дѣйствующій при обмѣнѣ (ἐν ταῖς ἀλλακτικαῖς κοινωνίαις) Такое мнѣніе, однако, не находитъ себѣ оправданія, такъ какъ Аристотель категорически признаетъ только два вида справедливости: распредѣлительную и исправительную. Да и по существу, справедливость, дѣйствующая при обмѣнѣ, представляетъ собою лишь частный случай совмѣстнаго проявленія распредѣлительной и исправительной справедливости. Распредѣлительная справедливость признаетъ за всякимъ лицомъ право на извѣстную долю всѣхъ благъ, соотвѣтствующую достоинству лица (ἀξία), основанному на содѣйствіи его общему преуспѣянію государства. Справедливость при обмѣнѣ, сохраняя за каждымъ эту соотвѣтствующую достоинству долю, уплачиваетъ, реализируетъ ее въ произведеніяхъ или услугахъ другихъ лицъ. Въ силу распредѣлительной справедливости каждый владѣетъ извѣстною совокупностью матеріальныхъ благъ, соотвѣтственно своей ἀξία; путемъ обмѣна всякій получаетъ, вмѣсто этихъ благъ, равное имъ количество благъ, составляющихъ продуктъ труда или предметъ владѣнія другихъ лицъ. Такимъ образомъ каждому воздается соотвѣтственно его ἀξία, но не въ продуктахъ его собственнаго труда, а въ равномъ имъ количествѣ произведеній и услугъ другихъ лицъ. Такое воздаяніе каждому не тождественнымъ (т. е. не тѣмъ, что онъ производитъ, или что у него есть), а лишь пропорціонально равнымъ (т. е. равнымъ количествомъ произведеній другихъ лицъ) или ἀντιπεπονθὸς κατ' ἀναλογίαν καὶ μὴ κατ' ἰσότητα составляетъ связующее звено общества, основаннаго на раздѣленіи занятій и обмѣнѣ. Если домостроитель α, его произведеніе — домъ γ, сапожникъ β и его продуктъ — обувь δ, то въ силу дистрибутивной справедливости, при отсутствіи обмѣна, α получаетъ свою долю матеріальныхъ благъ въ произведеніи своего труда — γ, а β — соотвѣтствующее ему количество въ продуктахъ δ. При наличности

*) См. объ этомъ у **Stewart'a**, l. c., стр. 449.

обмѣна, въ силу той же распредѣлительной справедливости, а получаетъ ту же, соотвѣтствующую своей ἀξία, долю, но уже въ продуктахъ δ, тогда какъ β получаетъ свою часть въ произведеніяхъ γ. Происходитъ, какъ выражается Аристотель, воздаяніе по діагонали:



Но для того, чтобы такое воздаяніе было возможно, необходимо, чтобы возможно было установить равенство между произведеніями одного лица и произведеніями другого, чтобы γ могло быть приравнено тому или другому количеству δ. Что произведеніе одного лица γ можетъ не равняться произведенію другого — δ, это представляется для Аристотеля вполнѣ понятнымъ. Продуктъ одного можетъ быть лучше или хуже продукта другого лица — говоритъ онъ — „οὐθὲν γὰρ κωλύει κρεῖττον εἶναι τὸ θατέρου ἔργον ἢ τὸ θατέρου“, вѣдь общество состоитъ не изъ однихъ врачей, но изъ врачей и земледѣльцевъ и многихъ другихъ лицъ, совершенно другъ отъ друга отличныхъ и неравныхъ, Но если лица эти различны и не равны, то и дѣйствія ихъ различны и не равны; а такъ какъ въ каждой отрасли промышленной дѣятельности, въ каждомъ искусствѣ подвергающаяся дѣйствію матерія воспринимаетъ это дѣйствіе въ такомъ же количествѣ и качествѣ, въ какихъ его производитъ дѣйствующая сила, то и произведенія разныхъ лицъ должны быть различны (ἑποίει τὸ ποιοῦν καὶ ὅσον καὶ οἷον, καὶ τὸ πάσχον ἔπασχε τοῦτο καὶ τοσοῦτον καὶ τοιοῦτον).

Но если произведенія разныхъ лицъ различны и должны быть поэтому приведены къ равенству, то необходимо, чтобы они были сравнимы. Какимъ-же образомъ происходитъ это сравненіе? На практикѣ для сравненія предметовъ при обмѣнѣ употребляются деньги; онѣ измѣряютъ и излишекъ и недостатокъ, измѣряютъ какъ значеніе тѣхъ предметовъ, которыхъ у насъ больше, чѣмъ надо, такъ и потребность въ тѣхъ, которыхъ у насъ недостаетъ (καὶ ὑπεροχὴν καὶ ἔλλειψιν). Деньги даютъ возможность установить, сколько, напр., паръ обуви равняются одному дому или извѣстному количеству пищи. Разъ есть у насъ уже должная оцѣнка предметовъ, разъ сравненіе предметовъ стало

возможно, возможно установить и пропорцію обмѣна: какъ строитель относится къ сапожнику, такъ количество паръ обуви къ дому. (Если, напр, 100 паръ обуви = 1 дому, а ἀξία строителя вдвое больше ἀξία сапожника, то строитель: сапожнику = 200 паръ обуви: дому). Но деньги представляютъ собою товаръ, подобный другимъ товарамъ, и если онѣ выбраны служить мѣрою оцѣнки другихъ товаровъ, то только потому, что матеріалъ ихъ болѣе пригоденъ для обращенія; деньги—лишь условная мѣра оцѣнки. Въ дѣйствительности же единицей сравненія относительнаго достоинства предметовъ, мѣрой ихъ оцѣнки является потребность; она составляетъ общій всѣмъ предметамъ элементъ, дѣлающій ихъ сравнимыми между собой (τοῦτο δ' ἐστὶ τῇ μὲν ἀληθείᾳ ἡ χρεία, ἣ πάντα συνέχει). Цѣна денегъ также измѣряется потребностью, а деньги уже, въ свою очередь, измѣряютъ цѣну всѣхъ другихъ предметовъ и являются такимъ образомъ представителемъ потребности (ὑπάλλαγμα τῆς χρείας). Что потребность является опредѣляющимъ началомъ при установленіи пропорціи обмѣна, это явствуетъ изъ того, что еслибы потребности не было, не было бы и обмѣна, еслибы потребность ощущалась въ иной степени, обмѣнъ происходилъ бы въ другой пропорціи (εἰ γὰρ μηθὲν δέοιντο ἢ μὴ ὁμοίως, ἢ οὐκ ἔσται ἀλλαγὴ ἢ οὐχ ἡ αὐτή). Операція обмѣна покоится такимъ образомъ, по мнѣнію Аристотеля, на слѣдующихъ основаніяхъ. Всѣ предметы сравнимы, благодаря тому, что всѣ они измѣримы одной общей единицей—потребностью; въ числѣ другихъ товаровъ потребностью измѣряется и сравнительное достоинство или значеніе денегъ; извѣстное количество денегъ становится представителемъ опредѣленной мѣры потребности, и въ этой своей роли деньги являются мѣрою значенія и средствомъ оцѣнки всѣхъ другихъ товаровъ. Какъ только дана возможность сравненія, при помощи общей мѣры, относительнаго достоинства товаровъ и установленія равенства какого-либо количества одного товара извѣстному количеству другого товара, является возможность воздать каждому слѣдующую ему часть благъ въ продуктахъ и услугахъ другихъ лицъ, не нарушая при этомъ относительнаго равенства лицъ, выражающагося въ присвоеніи каждому той доли всѣхъ благъ, какая соотвѣтствуетъ его достоинству, его ἀξία (ὅταν ἔχουσι τὰ αὑτῶν, οὕτως ἴσοι καὶ κοινωνοί) — и этимъ держится общественный союзъ.

Какимъ же образомъ, по мнѣнію Аристотеля, χρεία, потребность, можетъ быть единицей мѣры цѣнности всѣхъ предметовъ; этотъ вопросъ, особенно интересенъ, такъ какъ значеніе потребности въ ученіи о цѣнности всегда являлось вопросомъ существеннымъ и крайне спорнымъ.

По мнѣнію *Alessio* *), Аристотелевъ законъ цѣнности можно было бы выразить, примѣняясь къ современной терминологіи, слѣдующимъ образомъ: „продуктъ A' обмѣнивается на продуктъ B' въ такомъ же отношеніи, въ какомъ потребности производителя A относятся къ потребностямъ производителя B“. Намъ, однако, кажется, что подобное выраженіе общаго смысла Аристотелева закона цѣнности крайне не точно и совершенно произвольно. Прежде всего приводимый *Alessio* законъ обмѣна не находитъ себѣ никакого оправданія въ реальныхъ явленіяхъ: изъ того, что потребности производителя A вдвое больше потребностей производителя B, не слѣдуетъ, чтобы продуктъ B' обмѣнивался на двойное количество продукта A'; по крайней мѣрѣ, это не есть фактъ, самъ по себѣ очевидный; слѣдовательно, Аристотель не могъ высказать его, какъ аксіому, не требующую дальнѣйшихъ разъясненій. Поэтому, еслибы мы желали понимать пропорцію Аристотеля „ὅπερ οἰκοδόμος πρὸς σκυτοτόμον τοσαδὶ ὑποδήματα πρὸς οἰκίαν“ въ смыслѣ приведенной *Alessio* формулы, намъ было бы необходимо указать въ изложеніи Аристотеля доказательства подобнаго вывода. Между тѣмъ у Аристотеля мы не находимъ никакихъ указаній на то, чтобы онъ придавалъ такой, именно, смыслъ своей формулѣ, какъ говоритъ *Alessio*. Толкованіе послѣдняго исходитъ изъ совершенно произвольной подстановки въ формулѣ Аристотеля понятія „потребности производителя“ (дома) вмѣсто понятія „производителя“ (οἰκοδόμος), подобно тому какъ комментаторъ *Stewart* также произвольно подставляетъ въ той же фразѣ подъ терминъ „οἰκοδόμος“ понятіе „трудъ, необходимый для производства дома **)“.

Ошибочность всѣхъ этихъ толкованій заключается, по-видимому, въ томъ, что они изъ отношенія лицъ: „οἰκοδόμος πρὸς σκυτοτόμον“ непосредственно хотятъ вывести заключеніе о томъ,

*) **Giulio Alessio**, Alcune riflessioni intorno ai concetti del valore nell' antichità classica, 1889, стр. 23.

) **Stewart, Notes, т. 1, стр. 462, § 10, a. 22.

какое количество произведеній домостроителя должно соотвѣтствовать извѣстному количеству произведеній сапожника, т. е. ставятъ цѣнность продуктовъ въ зависимость отъ отношенія между производителями Между тѣмъ первая часть Аристотелевой пропорціи, т. е. οἰκοδόμος πρὸς σκυτοτόμον, нисколько не предрѣшаетъ вопроса о цѣнности ихъ продуктовъ, т. е. πόσα ἄττα ὑποδήματα ἴσον οἰκίᾳ; послѣднее равенство устанавливается совершенно независимо отъ отношенія οἰκοδόμος πρὸς σκυτοτόμον. Отношеніе домостроителя къ сапожнику входитъ цѣликомъ въ область распредѣленія богатствъ, это есть отношеніе ихъ ἀξία, извѣстнаго достоинства, соотвѣтственно которому опредѣляются ихъ части (τὰ αὐτῶν) въ общемъ распредѣленіи благъ; каждый изъ нихъ долженъ получить свою часть въ тѣхъ, либо другихъ продуктахъ, либо въ своихъ, либо въ чужихъ; но какія количества пищи, обуви и другихъ предметовъ соотвѣтствуетъ данной величинѣ ἀξία домостроителя — этого отношеніе οἰκοδόμος πρὸς σκυτοτόμον не предрѣшаетъ; для этого необходимо совершенно отдѣльный процессъ сравненія этихъ предметовъ и приведенія ихъ къ извѣстному равенству, независимо отъ отношенія οἰκοδόμος πρὸς σκυτοτόμον (πρῶτον ἢ τὸ κατὰ τὴν ἀναλογίαν ἴσον и δεῖ ταῦτα ἰσασθῆναι). Единицей сравненія служитъ нѣчто совершенно независимое отъ указаннаго отношенія — χρεία, потребность, или представляющій эту единицу мѣры товаръ — деньги. Представимъ себѣ, что земледѣлецъ имѣетъ избытокъ въ хлѣбѣ и чувствуетъ недостатокъ въ обуви; кожевникъ имѣетъ избытокъ въ обуви и ощущаетъ недостатокъ въ хлѣбѣ. Между ними произойдетъ обмѣнъ. Но прежде, чѣмъ установится то или иное отношеніе между обмѣниваемыми товарами, земледѣлецъ сравниваетъ ощущаемую имъ потребность въ обуви съ потребностью въ излишнемъ хлѣбѣ — онъ ту и другую выразитъ въ какомъ-либо одномъ условномъ товарѣ — деньгахъ; такимъ образомъ потребность или ея представитель измѣрятъ какъ потребность въ недостающемъ предметѣ, такъ и потребность въ излишкѣ (πάντα γὰρ μετρεῖ (τὸ νόμισμα), ὥστε καὶ τὴν ὑπεροχὴν καὶ τὴν ἔλλειψιν), и только послѣ такого сравненія возможно будетъ установить, какое количество одного предмета (πόσα ὑποδήματα) равно извѣстному количеству другого предмета (τροφῇ). Когда, такимъ образомъ, равенство между предметами установлено, т. е. когда опредѣлена ихъ цѣнность, тогда уже для образованія пропорціи

γεωργὸς πρὸς σκυτοτόμον etc. берутся такія количества, съ одной стороны, обуви и, съ другой, хлѣба, чтобы цѣнность (уже установленная) этихъ количествъ предметовъ дала отношеніе, равное отношенію γεωργὸς πρὸς σκυτοτόμον, или отношенію ἀξία земледѣльца къ ἀξία кожевника.

Итакъ, у Аристотеля основаніемъ цѣнности является потребность; пропорція, въ которой обмѣниваются предметы, зависитъ отъ сравнительной оцѣнки потребности въ нихъ, иначе говоря, отъ ихъ сравнительной полезности. Въ этихъ положеніяхъ нельзя не видѣть тѣхъ основныхъ понятій, изъ которыхъ развивается одно изъ наиболѣе новыхъ ученій о цѣнности, т. н. теорія предѣльной полезности. Но ими только и ограничивается сходство ученія Аристотеля съ теоріей предѣльной полезности. Далѣе этихъ общихъ основаній Аристотель не пошелъ. Указавъ на то, что цѣнность устанавливается на основаніи оцѣнки полезности избыточнаго и недостающаго предметовъ, онъ не развилъ этого положенія дальше и не показалъ, что такого рода оцѣнка производится обѣими участвующими въ обмѣнѣ сторонами, и что, такимъ образомъ, цѣнность есть какъ бы функція отъ четырехъ элементовъ. Главнымъ же образомъ, теорія Аристотеля является незаконченной: въ ней нѣтъ никакого указанія на то, какимъ образомъ возможенъ переходъ отъ субъективной оцѣнки предмета на основаніи его полезности, по необходимости весьма различной для каждаго лица, къ объективной цѣнѣ вещи, для всѣхъ одинаковой. Но эта незаконченность не можетъ быть даже поставлена въ вину теоріи Аристотеля—она составляетъ явленіе вполнѣ нормальное и необходимое: нельзя требовать отъ первой по времени теоріи цѣнности, какъ бы великъ ни былъ ея авторъ, той полноты и законченности, какія могутъ быть лишь результатомъ продолжительной умственной работы цѣлаго ряда ученыхъ изслѣдователей и безконечнаго ряда обсужденій предмета съ самыхъ разнообразныхъ точекъ зрѣнія. Несомнѣнно, много помѣшала ясности изложенія и законченности выводовъ точка зрѣнія, съ которой Аристотель приступилъ къ своему изслѣдованію, точка зрѣнія, совершенно чуждая экономической сторонѣ предмета. Имѣя цѣлью уяснить понятіе справедливости въ распредѣленіи, при наличности обмѣна, Аристотель опредѣлялъ отношеніе между обмѣниваемыми предметами, не упуская все время изъ виду совершенно постороннаго этому от-

ношенію другого отношенія, которымъ опредѣляется *справедливое* участіе лицъ въ распредѣленіи благъ, въ томъ числѣ и хозяйственныхъ.

Во всякомъ случаѣ теорія Аристотеля отличается необыкновенною шириною взгляда: она предусматриваетъ всѣ элементы, имѣющіе то или другое отношеніе къ обмѣну, и приводитъ ихъ въ опредѣленное взаимодѣйствіе и связь. Прежде всего, она ясно указываетъ на то обстоятельство, что *въ области производства* предметы суть продукты труда и притомъ труда, различнаго по своимъ свойствамъ; этотъ различный трудъ производитъ различнаго рода продукты и услуги; одни бываютъ лучше, другіе — хуже. Но, для обмѣна, ихъ нужно сравнить между собою; весьма просто было бы прійти къ мысли (на нашъ взглядъ ложной), что сравнительное достоинство продуктовъ при обмѣнѣ опредѣляется количествомъ и качествомъ труда, и мы имѣли бы трудовую теорію цѣнности. Аристотель, однако, не пошелъ по этому пути. Признавая, что всякій специфическій видъ труда производитъ продуктъ, соотвѣтствующій своей природѣ, продуктъ съ тѣми или другими полезными качествами, онъ оцѣнку этихъ качествъ ставитъ въ зависимость отъ субъективнаго отношенія вещи къ удовлетворенію потребностей человѣка. Потребность — χρεία — опредѣляетъ сравнительное значеніе продукта, приравниваетъ извѣстное количество однихъ продуктовъ извѣстному количеству другихъ. Трудъ создаетъ продукты съ ихъ полезными свойствами, потребность опредѣляетъ ихъ субъективное значеніе, субъективное значеніе опредѣляетъ ихъ мѣновое отношеніе. Трудъ — это элементъ производства, потребность — элементъ обмѣна; но ни тотъ, ни другой элементъ не опредѣляютъ собою распредѣленія. Количество благъ, достающихся каждому, не зависитъ ни отъ потребности, ни отъ труда; оно не опредѣляется одними моментами хозяйственнаго характера, но стоитъ въ зависимости и отъ моментовъ этическаго и политическаго свойства. Только общая сумма всякаго рода содѣйствія — нравственнаго, политическаго и хозяйственнаго — цѣли совмѣстной жизни опредѣляетъ степень участія лица въ пользованіи благами, въ томъ числѣ и матеріальными.

Сравнивъ ученіе Аристотеля со взглядами Платона и Ксенофонта, мы можемъ констатировать то обстоятельство, что идеи этихъ авторовъ по интересующему насъ вопросу не находятся

въ преемственной связи и не представляютъ никакого генетическаго развитія. Случайныя мысли Платона не имѣютъ никакого отношенія къ идеямъ Ксенофонта и Аристотеля. Ученіе послѣдняго далеко оставило за собой элементарные взгляды Ксенофонта. Оно, по степени своего развитія и совершенства, не только стоитъ изолированно, какъ случайный проблескъ геніальной мысли, среди своей эпохи, но переросло на цѣлыя столѣтія ученія и взгляды послѣдующаго времени.

Такимъ образомъ исторически, преемственно развивающагося ученія о цѣнности мы не находимъ въ греческой классической литературѣ, точно также, какъ нѣтъ здѣсь преемственнаго развитія вообще экономической науки.

Въ классической литературѣ Рима мы также не находимъ исторически развивающейся теоріи цѣнности. Даже болѣе, здѣсь мы не находимъ хотя бы отдѣльныхъ, сколько-нибудь удовлетворительныхъ теоретическихъ взглядовъ на явленія обмѣна. Встрѣчаются только случайныя указанія на тотъ или другой моментъ, опредѣляющій цѣну, указанія, дѣлаемыя мимоходомъ по тому или другому случаю. Когда, напр., Цицеронъ говоритъ: „*advexi, exposui, vendo meum non pluris, fortasse etiam minoris, cum major est copia: cui fit injuria?*“ *) то изъ этого, какъ и многихъ другихъ подобныхъ замѣчаній, разбросанныхъ по всѣмъ его сочиненіямъ **), нельзя составить никакой сколько-нибудь опредѣленной теоріи. Точно также нельзя назвать ученіемъ о цѣнности тѣ отдѣльныя мнѣнія, которыя высказываетъ Плиній въ различныхъ мѣстахъ своихъ 37 книгъ *Historiae naturalis* по тому или другому поводу. Въ 33-ей книгѣ, трактующей о благородныхъ металлахъ, мы находимъ наиболѣе мѣстъ, имѣющихъ нѣкоторое отношеніе къ вопросамъ цѣнности. Такъ во 2-й главѣ Плиній восклицаетъ: „*Heu prodigiosa ingenia! quot modis auximus pretia rerum? accessit ars picturae ad aurum et argentum, quae caelando cariora fecimus*“ ***). Подобное замѣчаніе мы находимъ далѣе: „*multis hoc modis.... luxuria variavit....*

---

*) **Ciceronis**, De officiis, l. III, 8.
) **Kautz, Die Gesch. Entwickel. d. Nat. Oek., 1860, стр. 153.
***) **C. Plinii** secundi, Historiae naturalis libri XXXVII, l. 33, 2.

mox et effigies varias caelandi, ut alibi ars, alibi materia esset in pretio" *). Говоря о причинахъ высокой цѣнности золота, Плиній указываетъ исключительно на физическія свойства этого металла — „*nihil igne deperit*" „*minimum usu deteri*" „*nec aliud laxius ddlatur nec numerosius dividitur*", „*netur ae texitur*" *etc* **); объ экономической же функціи этого металла онъ замѣчаетъ: „*proximum scelus fecit qui primus ex auro denarium signavit*" ***). Наконецъ, въ концѣ книги мы находимъ слѣдующее замѣчаніе: „*pretia rerum, quae usquam posuimus, non ignoramus alia in aliis locis esse, et omnibus paene annis mutari, prout navigationes constiterint, aut ut quisque mercatus sit, aut aliquis praevalens manceps annonam flagellet*" ****) *etc.*

Если всѣ эти отдѣльныя положенія, высказанныя безъ всякаго отношенія другъ къ другу, мы сведемъ вмѣстѣ, какъ напр. это сдѣлалъ *Kautz* *†), то, съ одной стороны, мы, благодаря такому искусственному пріему, получимъ, по всей вѣроятности, больше того, что думалъ по вопросу о цѣнности самъ Плиній, и, съ другой стороны, даже въ такомъ видѣ взгляды Плинія не получатъ характера сколько-нибудь цѣльнаго, теоретически обоснованнаго ученія.

Еще менѣе матеріала по вопросу о цѣнности представляютъ *scriptores rei rusticae* конца республики и императорскаго періода, Катонъ, Варронъ и Колумелла *††).

Такое отсутствіе теоретической разработки одного изъ важнѣйшихъ вопросовъ политической экономіи является результатомъ, прежде всего, той скудости политико-экономическаго матеріала, который вообще характеризуетъ римскую литературу. Нельзя думать, что эта скудость объясняется недостаточностью дошедшихъ до насъ сочиненій римскихъ писателей. Дѣло въ томъ, что политико-экономическіе вопросы не составляли особой науки ни въ то время, ни значительно позже, и потому

*) Op c., l. 33, 5.
**) Hist. nat., XXXIII, 19.
***) Ibid., 13.
****) Ibid., 57.
*†) **Kautz**, Op. c., 158.
*††) **G. Alessio**, Alc. rifless. i. ai conc. d. valore, 1889, стр. 27, гдѣ собраны цитаты; ср. **Kautz**, op. cit., стр. 159 и слѣд

экономическій матеріалъ долженъ былъ, по необходимости, распредѣляться въ сочиненіяхъ, трактующихъ о политикѣ, морали, домоводствѣ или хозяйствѣ съ технической стороны, какъ это мы видимъ, напримѣръ, у греческихъ авторовъ. Но такого рода сочиненій мы, во всякомъ случаѣ, имѣемъ довольно много и тѣмъ не менѣе политико-экономическихъ вопросовъ мы находимъ въ нихъ поразительно мало. Очевидно, что причина подобнаго явленія кроется уже прямо въ отсутствіи интереса и вниманія къ политико-экономическимъ явленіямъ вообще. Та же судьба въ частности постигла и вопросъ о цѣнности.

Слабый интересъ къ экономическимъ вопросамъ находитъ себѣ вполнѣ естественное объясненіе въ исторически сложившемся характерѣ хозяйственной дѣятельности Рима. Сперва грабежъ, затѣмъ военная добыча долгое время составляли если не исключительный, то, во всякомъ случаѣ, главный видъ пріобрѣтательной дѣятельности римскаго гражданина, и притомъ видъ весьма почетный: „*maxime sua esse credebant, quae ex hostibus cepissent*“ — замѣчаетъ Гай (IV, 16). „Пріобрѣтательная дѣятельность Рима—говоритъ Ihering *)—выражалась въ *capere*, собственность для него то, что взято рукою, *manu-captum*, *mancipium*, онъ самъ — „берущій“ — *herus* (одного корня съ χείρ); переходъ собственности совершается не передачей, какъ въ позднѣйшее время (*trans-datio*, *traditio*), но разсматривается и по формѣ, и по содержанію, какъ односторонній актъ: пріобрѣтающій *беретъ* вещь (*mancipatio*, *manu capere*).... *Emere* значитъ въ позднѣйшей латыни покупать, но тамъ, гдѣ римляне позднѣйшаго времени покупали, ихъ предшественники брали; таково именно первоначальное значеніе *emere*. *Rapere* (нѣмецкое rauben) въ позднѣйшемъ языкѣ имѣетъ то же значеніе, какъ въ нѣмецкомъ, и *rapina* является преступнымъ дѣйствіемъ, но въ древнюю эпоху не извѣстно было особое преступленіе грабежа, и *rapere* означало лишь хватать, насильно увлекать, безъ всякаго оттѣнка чего-либо недозволеннаго“ **).

Въ теченіе всего времени, пока Римъ распространялъ свое владычество надъ другими народами путемъ войны и насилія, римскому гражданину не было ни времени, ни охоты заниматься

*) **Ihering**, Geist d. röm. Rechts, 1866, 1 ч., стр. 110

) Ср. **Ihering, d. geist d. röm. Rechts, 2 изд., 2 т., стр. 222.

производительною дѣятельностью и вопросы народнаго хозяйства его мало интересовали. Безпрерывное участіе въ продолжительныхъ и далекихъ походахъ разоряло хозяйство бѣднаго гражданина и заставляло его видѣть источникъ доходовъ въ военной добычѣ въ походѣ, и требовать пособій отъ правительства и подачекъ отъ знати въ Римѣ. Та же война обогащала богатыхъ, доставляя имъ львиную долю доходовъ отъ побѣжденныхъ народовъ и снабжая ихъ хозяйство дешевыми рабами *)

Но и послѣ того, какъ владычество римлянъ установилось, дѣло не измѣнилось къ лучшему. Провинціи перестали служить военной добычей — *praeda* — римскихъ легіоновъ, но онѣ превратились въ „*praedia populi Romani*“ и по-прежнему служили главнымъ источникомъ доходовъ какъ для государства, такъ и для отдѣльныхъ гражданъ. Доходы эти извлекались въ формѣ реквизицій, контрибуцій, содержанія римскихъ войскъ, обязательной поставки хлѣба по опредѣленнымъ цѣнамъ, въ формѣ законныхъ и незаконныхъ поборовъ проконсуловъ и правителей, въ формѣ процентовъ (нерѣдко ростовщическихъ) за занятые у римскихъ гражданъ капиталы **). Въ то время какъ римская знать обогащалась на счетъ провинцій, остальное населеніе, подъ тяжестью военной службы, несовершенной податной системы и благодаря конкурренціи рабскаго труда и дешеваго хлѣба изъ провинцій, выдѣляло изъ себя все бо́льшее и бо́льшее число пролетаріевъ, людей лишенныхъ всякихъ средствъ существованія ***).

И люди эти не только не могли снискать себѣ пропитанія работой, но они и не хотѣли работать: будучи римскими гражданами, они раздѣляли общее презрѣніе къ производительному труду. На трудѣ лежало пятно рабства. Рабы не только подавляли свободнаго работника дешевизной своего труда — они покрывали позоромъ самую производительную дѣятельность, направленную на пріобрѣтеніе средствъ къ существованію. Только занятія, дающія крупные доходы, ведущія къ богатству, были

*) Ср. **Schrader**, Handelsgeschichte und Warenkunde, 1 Th., 1886, стр. 59—60.

) **Bruder, Zur ökonomischen Charakteristik des römisch. Rechtes, въ Zeitschr. f. d. ges. Staatsw., Tübingen, 1876—1879, т. 32, стр. 635

***) **K. Bücher**, Die inneren Wanderungen und das Städtewesen, въ Die Entstechung der Volkswirtschaft, 1893, стр. 286.

въ этомъ отношеніи исключеніемъ. Замѣчательно выраженъ взглядъ римлянъ на различные роды производительной дѣятельности у Цицерона *): „*Jam de artificiis et quaestibus, qui liberales habenti, qui sordidi sint haec fere accepimus. Primum improbantur ii quaestus, qui in odia hominum incurrunt, ut portitorum* (сборщики податей — низшіе чиновники, но не *publicani* — откупщики податей изъ сословія *nobiles*), *ut faeneratorum. Inliberales autem et sordidi quaestus mercennariorum omnium, quorum operae, non quorum artes emuntur: est enim in illis ipsa merces auctoramentum servitutis. Sordidi etiam putandi, qui mercantur a mercatoribus, quod statim vendant* (мелкіе торговцы): *nihil enim proficiant nisi admodum mentiantur; nec vero est quicquam turpius vanitate* (ложи). *Opificesque omnes in sordida arte versantur: nec enim quicquam ingenuum habere potest officina. Minimeque artes eae probandae quae ministrae sunt voluptatum;*

cetarii, lanii, coqui, fartores, piscatores,

ut ait Terentius. Adde huc si placet, unguentarios, saltatores, totumque ludum talarium. In quibus autem artibus aut prudentia major inest, aut non mediocris utilitas quaeritur, ut medicina, ut architectura, ut doctrina rerum honestarum, hae sunt iis, quorum ordini conveniunt, honestae (но вмѣстѣ съ тѣмъ обыкновенно и безвозмездны). *Mercatura autem si tenuis est, sordida putanda est: sin magna et copiosa, multa undique apportans, multisque sine vanitate impertiens, non est admodum vituperanda, atque etiam, si satiata quaestu, vel contenta potius, ut saepe ex alto in portum, ex ipso portu se in agros possessionesque contulit, videtur jure optimo posse laudari*".

Понятно, что при такомъ взглядѣ на трудъ и промыслы при отсутствіи организованной на здравыхъ началахъ народной производительности, при указанномъ общемъ направленіи хозяйственной дѣятельности Рима, намъ нечего искать въ литературѣ его особеннаго интереса къ экономическимъ вопросамъ, и мы его дѣйствительно не находимъ.

Уже это одно обстоятельство достаточно объясняетъ, почему римская литература даетъ намъ такъ мало матеріала во вопросу объ обмѣнѣ и его законахъ. Но есть еще другая при-

*) De officiis, l. 1, c. 42.

чина, которая, въ частности, объясняетъ, почему спеціально это явленіе хозяйственной жизни въ особенности мало разработано. И эта причина заключается въ томъ, что въ хозяйственной жизни Рима обмѣнъ игралъ слишкомъ ничтожную роль. Экономическая жизнь Рима была основана на системѣ натуральнаго хозяйства. Народное хозяйство состояло изъ совокупности отдѣльныхъ, замкнутыхъ въ себѣ частныхъ хозяйствъ, удовлетворяющихъ свои нужды собственными средствами и обходящихся безъ обмѣна. Мелкое хозяйство производило всѣ необходимые сырые продукты трудомъ самого хозяина и такимъ же образомъ обработывало ихъ въ грубыя издѣлія для собственнаго потребленія. Богатые люди выручали себя рабами, которые продуктами своего труда удовлетворяли всѣ ихъ потребности: „*omnia domi nascuntur*“ *); здѣсь, въ собственномъ хозяйствѣ, безъ посредства обмѣна, обрабатывались сырые матеріалы въ самые разнообразные продукты. Частное хозяйство императора представляло собою обширнѣйшее и многостороннее предпріятіе съ добывающими и обрабатывающими отраслями производства **). И все это добывалось и обрабатывалось для своей надобности, почти всѣ потребности удовлетворялись безъ обмѣна; земледѣліе, ремесла, мануфактура были соединены въ одномъ хозяйствѣ. Частныя хозяйства отдавали часть своихъ продуктовъ въ натуральной формѣ, въ видѣ подати, на государственныя нужды, и изъ этихъ продуктовъ опять таки въ натуральной формѣ, выплачивалось содержаніе чиновникамъ и войску ***). Наконецъ, бѣднѣйшій классъ пролетаріевъ жилъ на счетъ публичныхъ и частныхъ *largitiones* ****). Правда, въ Римъ свозилось огромное количество продуктовъ со всѣхъ концовъ государства, но они получались не путемъ обмѣна, а въ видѣ податей и контрибуцій. Эта подавляющая масса продуктовъ всякаго рода убивала воз-

*) **Rodbertus**, Zur Geschichte der röm. Tributsteuern seit Augustus, Jahrb. f. Nat. und Stat., 1865, IV, стр. 304.

) **K. Bücher, Die Diokletianische Taxordnung vom Jahre 301, Tüb. Zeitschr., 1894, 50, стр. 198.

***) Praesides provinciarum получали все натурою до «concubinae» включительно, см. **Rodbertus**, op. cit., Jahrb. f. Nat. Oek. und Stat., 1867, VIII, стр. 410. **K. Bücher** приводитъ приказъ объ удовлетвореніи содержаніемъ въ натурѣ Клавдія, начальника легіона, op. cit., стр. 205.

****) **K. Bücher**, Die Entstehung der Volkswirtshaft, 1893, стр. 286.

можность мѣстнаго производства на сбытъ и еще болѣе усиливала натуральный характеръ народнаго хозяйства, ограничивая поле дѣятельности производительныхъ силъ каждаго хозяйства тѣснымъ кругомъ своихъ собственныхъ потребностей. Ничтожное значеніе обмѣна въ жизни отразилось ничтожной разработкой его въ теоріи

Разумѣется, было бы преувеличеніемъ сказать, что въ Римѣ вовсе не было торговли; здѣсь не было того оживленнаго обмѣна, который возникаетъ изъ органической связи и взаимодѣйствія хозяйствъ, построенныхъ на дѣленіи занятій и труда. Но была торговля, которая пополняла тѣ недостатки хозяйства, которыя не могли быть пополнены инымъ способомъ; обмѣнъ игралъ второстепенную, дополнительную роль въ хозяйствѣ. Въ Римъ свозились предметы роскоши, разнообразныя рѣдкія произведенія чужихъ странъ; здѣсь поступало на рынокъ все то, что оставалось излишнимъ въ собственномъ хозяйствѣ. Производившаяся этими предметами торговля требовала извѣстныхъ юридическихъ нормъ для обмѣна. И римскіе юристы, со свойственнымъ имъ талантомъ, создали систему правовыхъ положеній для отношеній, вытекающихъ изъ обмѣна. Но такъ какъ всякая правовая норма основана на извѣстномъ представленіи о сущности и законахъ того отношенія, которое она опредѣляетъ, то очевидно, что и стройная система римскаго права должна дать намъ извѣстныя указанія на то, какъ представляли себѣ римляне законы, управляющіе явленіями обмѣна. И, дѣйствительно, положенія римскихъ юристовъ даютъ намъ наиболѣе обильный матеріалъ для возстановленія взглядовъ того времени на явленія обмѣна.

Взгляды римскихъ юристовъ на обмѣнъ отличаются тѣми же самыми характерными признаками, какъ и вся разсмотрѣнная нами литература по этому вопросу: цѣны ставятся въ исключительную зависимость отъ предложенія и спроса, моментъ издержекъ производства играетъ ничтожную роль. Такая точка зрѣнія вполнѣ объясняется характеромъ обмѣна въ ту эпоху, природой мѣновыхъ отношеній. Но особенно рѣзко проявляющаяся черта ученій римскихъ юристовъ состоитъ въ полномъ игнорированіи какого-бы то ни было соотношенія между трудомъ, производящимъ продуктъ, и оцѣнкой послѣдняго. Такое игнорированіе вполнѣ естественно возникало, какъ мы уже указывали,

изъ соціальнаго характера труда, изъ его рабскаго состоянія, исключившаго возможность выдѣлить этотъ моментъ изъ другихъ факторовъ производства. Но здѣсь эта особенность ясно проявилась въ хозяйственномъ строѣ жизни и также ясно отразилась въ системѣ права.

Весь хозяйственный трудъ въ Римѣ лежалъ на рабахъ. „Благодаря рабству — говоритъ Rodbertus *) — работникъ былъ вещью и принадлежалъ на ряду съ другими вещами къ вещному имуществу. Собственникъ земли, который трудомъ рабовъ добывалъ сырые продукты, посредствомъ другихъ рабовъ обрабатывалъ ихъ и даже въ томъ случаѣ, когда производилъ что-либо на сбытъ, посредствомъ рабовъ же доставлялъ товаръ на рынокъ; такимъ образомъ весь продуктъ народнаго производства, въ теченіе всего продуктивнаго процесса, ни разу не мѣнялъ своего владѣльца. Благодаря этому, происходило слѣдующее. Не только личное имущество, трудъ, сливалось въ одно цѣлое съ вещнымъ владѣніемъ, но и въ послѣднемъ поземельная собственность не различалась отъ капитала, въ капиталѣ не различались части, обращенныя на обработку продуктовъ и на торговлю и даже сначала, согласно съ идеей такого состоянія, товарный торговый капиталъ не различался отъ денежнаго торговаго капитала. Понятно, что при такихъ условіяхъ, могъ быть только одинъ видъ имущества, которое я назвалъ бы „*Oikenvermögen*“... одинъ классъ владѣльцевъ „*die Oikenherrn*“ или *patresfamilias* — это нераздѣльные владѣльцы работниковъ, земли и капитала въ одномъ лицѣ“.

Такимъ образомъ хотя римское имущество дѣлилось на *familia* — заключающееся въ людяхъ, и *pecunia* — въ вещахъ, но рабы въ хозяйственномъ отношеніи не отличались отъ прочаго приносящаго плоды имущества, и плодами этого имущества — *fructus* — были *operae* рабовъ, точно такъ, какъ доходы, приносимые движимымъ имуществомъ, были плодами этого послѣдняго, а рента, приносимая землею, была *loco fructuum*. При такомъ отсутствіи выдѣленія рабовъ изъ состава всего имущества въ особую категорію, очевидно, не могло быть и рѣчи о томъ, чтобы

*) **Rodbertus**, Untersuch. auf. dem Geb. d. Nat. Oek. d klass. Altert., Hildebr. Jahrb., 1865, IV т., стр. 343.

приписывать этой несуществующей категоріи какое-либо особое вліяніе на цѣну. И дѣйствительно, римская юриспруденція, въ особенности въ первые періоды своего развитія, не даетъ намъ ни малѣйшихъ указаній на какое-либо особое соотношеніе между явленіемъ цѣны и трудомъ, какъ ея элементомъ. Во все время полнаго господства рабства, не было никакой возможности уяснить себѣ особенность экономической природы труда: *paterfamilias* или „*Oikenherr*“, какъ называетъ его Rodbertus, не могъ отличать экономическихъ результатовъ труда рабовъ отъ работы прочаго хозяйственнаго инвентаря, отъ рабочаго скота, инструментовъ и всего вообще капитала; рабъ былъ для него только *instrumentum fundi* или мастерской. Единственное отличіе, какое могло быть сдѣлано при такихъ условіяхъ, это отличіе техническихъ особенностей дѣятельности работника, какъ части имущества, обладающей живой силой и умомъ, въ противоположность мертвому матеріалу и орудіямъ и лишенному разума скоту. Подобнаго рода выдѣленіе производительной дѣятельности человѣческаго труда съ технической стороны мы находимъ уже у Цицерона. „*Ea enim ipsa*— говоритъ онъ — *quae inanima diximus, pleraque sunt hominum operis effecta, quae nec haberemus nisi manus et vis accessisset, nec his sine hominum administratione uteremur. Neque enim valetudinis curatio, neque navigatio, neque agricultura, neque frugum fructuumque reliquorum perceptio et conservatio sine opera hominum ulla esse potuisset. Jam vero et earum rerum, quibus abundaremus, exportatio, et earum, quibus egeremus, invectio, certe nulla esset, nisi his muneribus homines fungerentur. Eademque ratione nec lapides e terra exciderentur ad usum nostrum necessarii, nec ferrum, aurum, aes, argentum effoderentur sine hominum labore et manu*“ *).

На основаніи приведенной цитаты и другого мѣста сочиненій Цицерона, Kautz **) полагаетъ, что этотъ авторъ имѣлъ представленіе о трудѣ, его значеніи и достоинствѣ, сходное съ современными господствующими взглядами. Ошибочность подобнаго мнѣнія давно указана ***). Дѣйствительно, что Цицеронъ былъ далекъ отъ пониманія нравственнаго значенія производительнаго труда,

*) **Cicero**, De offic., II, 2.

) **Kautz, Op. cit., стр. 152.

***) **Scheel**, Die wirthsch. Grundb. im Corp. jur. civ., Hildebrand. Jahrb., 1866, стр. 343; **Jhering**, d. Geist. d. röm. Rechts., т. II, 229 и сл.

несомнѣнно явствуетъ изъ его представленія о *artes illiberales* и *sordidi quaestus*, о томъ, что „*ipsa merces est auctoramentum servitutis*“. Изъ словъ Цицерона также не видно, чтобы онъ выдѣлялъ трудъ въ особую *хозяйственную* категорію, и заключеніе въ этомъ смыслѣ было бы противно общему состоянію экономическихъ воззрѣній того времени. Но несомнѣнно, что техническая сторона человѣческаго труда, какъ начала живого и направляющаго, въ противоположность пассивной роли прочаго имущества, уже выяснялась, а это первый шагъ къ разграниченію экономическихъ функцій этихъ двухъ категорій хозяйственныхъ предметовъ.

За нимъ послѣдовали и дальнѣйшіе По мѣрѣ накопленія богатства въ рукахъ капиталистовъ и римской знати, прежній способъ веденія хозяйства оказывался слишкомъ громоздкимъ и мало прибыльнымъ Весь капиталъ, принадлежащій извѣстному лицу, вмѣсто того, чтобы скопляться въ цѣломъ рядѣ разнообразныхъ предпріятій подъ управленіемъ одного и того же главы хозяйства, сталъ выдѣлять изъ себя мелкія хозяйственныя единицы — *peculium*. Институтъ *peculium* значительно измѣнилъ положеніе работника; изъ простого орудія послѣдній превратился въ болѣе или менѣе самостоятельное лицо, если не юридически, то, по крайней мѣрѣ, фактически. Въ сельскомъ хозяйствѣ такое же значеніе имѣлъ колонатъ *). Далѣе, по мѣрѣ накопленія богатства, исчезала одна изъ главныхъ причинъ существованія рабства — недостатокъ капитала, и это отражалось не только въ общемъ облегченіи положенія раба **), но проявлялось въ возрастающемъ числѣ случаевъ освобожденія рабовъ ***). Вольноотпущенники создали многочисленный классъ свободныхъ работниковъ, который пополнялся и обѣднѣвшими гражданами Рима. Однимъ словомъ, трудъ мало-по-мало сталъ обособляться въ особую категорію хозяйственныхъ предметовъ.

Но какъ далеки были римскіе юристы даже въ это время отъ представленія о причинной связи между трудомъ и явле-

---

*) О колонатѣ и адсприптиціяхъ см. **Rodbertus**, Untersuchungen auf dem Geb. der Nat. Oekonom. d. klass. Altert., Hildebr. Jahrb., II т., стр. 206—268.

**) Servi sund immo homines (Seneca).

***) **Roscher**, Ansichten, 1861, стр. 20 и слѣд.

ніями цѣны, лучше всего видно изъ ученія о спецификаціи *). Пока трудъ и матеріалъ составляли собственность одного и того же лица — главы хозяйства, вопросъ о спецификаціи имѣлъ ничтожное практическое значеніе; но какъ только классъ работниковъ обособился, и въ особенности послѣ того, какъ въ немъ стало возникать дѣленіе занятій, сейчасъ же получилъ первостепенную важность вопросъ о томъ, кому принадлежитъ вещь, сдѣланная изъ чужого матеріала: собственнику ли труда или собственнику матеріала? Древнее право разрѣшало этотъ вопросъ весьма просто: за трудомъ не признавалось никакихъ правъ; если чужая шерсть будетъ обработана чьимъ-либо пурпуромъ— говоритъ Лабеонъ,—то для собственника шерсти это также безразлично, какъ если бы она потеряла свой первоначальный цвѣтъ, упавъ въ грязь **). Такое рѣшеніе вопроса не могло, однако, удержаться во всей строгости, и вотъ Нерва и Прокуллъ выставили новое положеніе, цѣликомъ клонящееся въ пользу труда: *quum quis ex aliena materia speciem aliquam fecerit, hunc dominum esse, qui fecerit.* Это положеніе было основано на томъ соображеніи, что при обработкѣ матеріалъ уничтожается, является новый предметъ, который *antea nullius fuerat*, и, какъ *res nullius*, *cedit primo occupanti.* Новый взглядъ встрѣтилъ, однако, серьезныя возраженія со стороны Сабина и Кассія, которые на всѣ доводы противниковъ вполнѣ основательно возражали, что *sine materia nulla species effici possit.* Такимъ образомъ возникъ продолжительный споръ Прокуліанцевъ и Сабиніанцевъ ***), не приведшій ни къ какому удовлетворительному результату, такъ какъ „*media sententia*" Гая не можетъ считаться ни юридическимъ, ни практическимъ рѣшеніемъ вопроса. Сущность спора сводилась къ тому, что важнѣе: форма или матерія? Но для того, чтобы дать преимущество тому или другому элементу, нужно ихъ сравнить; для сравненія необходима единица мѣры, общая обоимъ элементамъ, а такой общей мѣры формы и матеріи римскіе юристы не дали. За отсутствіемъ же общей мѣры, пред-

*) См **Sulzer**, d. Eigenthumserwerb durch Specification, 1884; **Danckwardt**, Nat. Oek. und Jurispr., 1857—59, стр. 29 и сл.

**) § 33. I. de div. rer. 2, 1: literae quoque licet aureae sint perinde hartis membranisque cedunt.

***) Ibid., § 25.

почтеніе матеріи формѣ или формы матеріи является ничѣмъ не мотивированнымъ, является дѣломъ личнаго усмотрѣнія, которое всегда остается болѣе или менѣе произвольнымъ, хотя бы въ томъ или другомъ случаѣ оно и соотвѣтствовало требованіямъ жизни. Точно также не можетъ разрѣшить вопроса тотъ признакъ, можетъ ли новый продуктъ быть возвращенъ въ прежній видъ матеріала, или нѣтъ — *si species ad materiam reverti possit... etc.* *), такъ какъ этотъ признакъ не совпадаетъ съ признакомъ преимущественной важности въ продуктѣ труда или матеріала. По существу дѣла споръ шелъ между представителями интересовъ владѣльцевъ труда и владѣльцевъ матеріала, между трудомъ и капиталомъ; для того, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, что важнѣе въ продуктѣ: трудъ ли, его создавшій, или матеріалъ, изъ котораго сдѣланъ предметъ, нужно имѣть представленіе объ общей мѣрѣ труда и матеріала. Но такой общей мѣрой можетъ служить только степень участія того или другого элемента въ созиданіи хозяйственнаго значенія предмета, въ созиданіи того, что въ немъ цѣнится, или, скажемъ короче,—его цѣнности. Эта способность одна и можетъ служить *tertium comparationis* въ разрѣшеніи вопроса о преимущественномъ значеніи въ продуктѣ труда или капитала. Что матеріалъ представляетъ собою нѣчто цѣнное и можетъ передавать свою цѣнность продукту— въ этомъ не было сомнѣнія, но чтобы трудъ обладалъ такою же способностью, чтобы онъ помимо цѣнности матеріала могъ создавать и передавать продукту свою особую цѣнность, этого римляне не признавали Лучшимъ доказательствомъ служитъ способъ аргументаціи Прокуліанцевъ. Вмѣсто того, чтобы основывать право собственности работника на той цѣнности продукта, которая создана трудомъ, они основываютъ его на формѣ, т. е. все же на извѣстномъ свойствѣ матеріи, ея внѣшнемъ видѣ, въ томъ очевидномъ убѣжденіи, что все значеніе труда исчерпывается лишь передѣлкой матеріи въ *nova species*; они не признавали, что трудъ можетъ сообщать продукту такую же матеріальную цѣнность, какая заключается и въ обрабатываемомъ матеріалѣ **). Такимъ

*) l. 7, § 7 D. (41, 1).

**) Изъ современныхъ законодательствъ, реципировавшихъ римское право, одинъ французскій кодексъ рѣшаетъ вопросъ о спецификаціи прямо по признаку цѣнности труда и матеріала. Другія законодательства

образомъ, очевидно, римская юриспруденція не выдѣлила труда изъ числа прочихъ факторовъ производства и не признавала за нимъ какой-либо особенной роли въ созиданіи хозяйственнаго значенія предметовъ и въ явленіямъ обмѣна. Въ правоотношеніяхъ, опредѣляющихъ эти явленія, трудъ не играетъ особой роли.

Какое же представленіе о цѣнности даютъ намъ римскіе юристы?

Римляне различали двѣ категоріи вещей. Къ первой относились *res omnium communes*, какъ воздухъ, вода въ морѣ *), т. е. предметы, которыхъ имѣется неограниченное количество; присваивать себѣ какую-либо часть этихъ предметовъ никому нѣтъ расчета **). Противоположность имъ составляютъ *res singulorum*, предметы, которыхъ бываетъ ограниченное количество, и въ присвоеніи которыхъ имѣется извѣстный интересъ. Только предметы второй категоріи могутъ подлежать *commercium* и *recipiunt aestimationem* ***). Такимъ образомъ условіемъ оцѣнки является извѣстное отношеніе количества предметовъ къ потребностямъ людей.

Всѣ предметы, подвергающіеся оцѣнкѣ, непремѣнно суть *bona*, т. е. обладаютъ особенностью удовлетворять ту или другую потребность — „*beant, hoc est beatos faciunt, beare est prodesse*“ — говоритъ Ульпіанъ ****). Свойство, благодаря которому предметы становятся „*bona*“, ихъ *utilitas*, полезность, крайне субъективно; полезность одной и той же вещи для разныхъ лицъ бываетъ различна (*utilitas singulorum*), и иногда для извѣстнаго лица достигаетъ исключительно большого значенія (*affectio*). Это различіе конкретной полезности предметовъ для различныхъ лицъ является причиной обмѣна: „*unus quisque se-*

стараются комбинировать аргументацію римскаго права такимъ образомъ, чтобы она соотвѣтствовала требованіямъ современной науки, вслѣдствіе чего получается система положеній слишкомъ громоздкая, и все же не вполнѣ покрывающая эти требованія (см. Sulzer, стр. 175, § 12).

*) § I. Inst., de divis. rer. 2, 1.

**) Nec solem proprium natura nec aera fecit Nec tenuas undas. (Ovid. Metam. l. VI).

***) l. 9, § 5. D. d. divis. rer. (1. 8).

****) l. 49. D. de V. S. (50, 16). и: «proprie bona dici non possunt quae plus incommodi quam commodi habent» — l. 83. D. eod.

cundum necessitatem temporum ac rerum utilibus inutilia permutabat, quando plerumque evenit, ut, quod alteri superest, alteri desit" *).

Конкретно-субъективная полезность могла служить исключительнымъ основаніемъ обмѣна лишь въ то время, когда самый обмѣнъ былъ явленіемъ болѣе или менѣе случайнымъ въ хозяйственной жизни народа; но какъ только онъ сталъ повторяться часто, превратился въ явленіе обыденное, было замѣчено, что, кромѣ конкретно-субъективнаго значенія вещи, она подвергается еще нѣкоторой объективной оцѣнкѣ, независимой отъ субъективнаго отношенія вещи къ *данному* лицу, и что основаніемъ цѣны предмета служитъ именно эта объективная оцѣнка, устанавливаемая, по представленію юристовъ, какъ бы всей совокупностью *(communiter)* лицъ, участвующихъ въ гражданскомъ оборотѣ, и относимая уже къ самой вещи. „*Pretia rerum non ex affectu, nec utilitate singulorum, sed communiter funguntur*", «*quanti omnibus valeret*" *(servus)* „*non qua filius (naturalis) alicujus* (т. е. независимо отъ субъективнаго значенія для даннаго лица — *affectio*), *sed qua homo* (но какъ вещь сама по себѣ) *aestimatur*" **).

Но даже въ то время, когда основаніемъ цѣны служила эта общая всѣмъ объективная оцѣнка, субъективно-конкретная полезность вещи для даннаго лица не потеряла своего правоваго значенія; для законности сдѣлки обмѣна было совершенно достаточно, если получаемая при обмѣнѣ вещь была для даннаго лица болѣе важна, необходима или полезна, независимо отъ ея объективной, общей оцѣнки, чѣмъ отдаваемый въ обмѣнъ за нее предметъ, лишь бы стороны дѣйствовали при этомъ сознательно и безъ обмана: „*in emendo et vendendo naturaliter concessum est, quod pluris sit minoris emere, quod minoris sit, pluris vendere et ita invicem se circumscribere*" ***).

Чѣмъ болѣе развивался гражданскій оборотъ, тѣмъ чаще вещь переходила изъ рукъ въ руки, тѣмъ чаще цѣнилось въ ней исключительно мѣновое значеніе и субъективная полезность все болѣе и болѣе отодвигалась на задній планъ. Предметы стали цѣниться не по своей субъективной полезности, а по количеству

*) l. 1 pr. D. 18, 1.
**) l. 63 pr. D. 35, 2.
***) l. 22 § 3 D 19,2.

единицъ цѣны, какая заключалась въ нихъ на случай обмѣна; предметы стали цѣниться на деньги и сами стали *pecunia*: „*pecuniae nomine non solum numerata pecunia, sed omnes res continentur*“ *); „*pecuniae significatio ad ea referatur, quae in patrimonio sunt*“ **).

Соотвѣтственно новому качеству вещи — значенію вслѣдствіе возможности обмѣна, должно было установиться и новое понятіе объ обмѣнѣ. Прежде объ вещи, и получаемая и отдаваемая въ обмѣнъ, каждая представляла свое особое, совершенно различное субъективное значеніе; никакой объективной эквивалентности между ними не существовало. Но когда и тотъ и другой предметъ сталъ измѣряться одной и той же единицей мѣновой оцѣнки, обмѣнъ долженъ былъ представляться въ формѣ сдѣлки, гдѣ получаются и даются два предмета одинаковой цѣны, два эквивалента. И дѣйствительно, мы находимъ въ римскомъ правѣ понятіе объ эквивалентности при обмѣнѣ: „*qui pretio fruitur, non minus habere intelligitur, quam qui principali re utitur fruitur*“ ***).

Какъ только цѣна стала устанавливаться на основаніи нѣкоторой *communis aestimatio* вещи, и обмѣниваемые предметы стали разсматриваться, какъ эквиваленты, сейчасъ же должно было образоваться и понятіе *verum pretium*, какъ цѣны, соотвѣтствующей *communis aestimatio* и условію эквивалентности обмѣниваемыхъ предметовъ. *Verum pretium* стало объективнымъ масштабомъ для сужденія о выгодности обмѣна. Если въ какомъ-либо случаѣ цѣна устанавливалась на основаніи конкретно-субъективной полезности вещи для даннаго лица, и основанная на этой полезности цѣна не соотвѣтствовала *communis aestimatio*, равновѣсіе мѣнового отношенія считалось нарушеннымъ, хотя бы обмѣнъ для данныхъ лицъ все-таки представлялся выгоднымъ. Сторона, давшая въ обмѣнъ болѣе того, что считалось эквивалентомъ на основаніи *communis aestimatio*, признавалась потерпѣвшей *laesio*, и если *laesio* было *enormis*, т. е. *ultra dimidium (veri pretii)*, рескриптъ Діоклетіана давалъ право требовать или правовой отмѣны сдѣлки, или соотвѣтствующаго измѣненія отношенія между количествами обмѣниваемыхъ предметовъ. „*Cui majoris pretii si*

*) l. 222. D. 50, 16.
**) l. 5 pr., l. 178 pr. D. eod.
***) l. 39 D. 7, 1; тоже l. 12. § 2. D. eod.

tu vel pater tuus minoris distraxerit, humanum est ut vel pretium te restituente emptoribus, fundum venditum recipias auctoritate judicis intercedente, vel si emptor elegerit, quod deest justo pretio, recipias. Minus autem pretium esse videtur si nec dimidia pars veri pretii soluta sit" *). Такимъ образомъ мы видимъ, что на положеніяхъ римскаго права отразились слѣды того историческаго развитія, которое прошли явленія обмѣна, начиная отъ полнаго господства индивидуально-конкретнаго значенія вещи для обмѣнивающихся сторонъ и кончая установленіемъ объективной, истинной цѣны, основанной на общей всѣмъ оцѣнкѣ предметовъ **)

Резюмируя все изложенное, мы приходимъ къ слѣдующимъ выводамъ. Римляне не придавали какого-либо особеннаго значенія труду при оцѣнкѣ предметовъ, и отношеніе между трудомъ и цѣною представляли крайне неопредѣленно; представленіе объ оцѣнкѣ предметовъ не отдѣлялось у нихъ отъ представленія о самой вещи и ея матеріалѣ. Они имѣли вполнѣ ясное представленіе о полезности вещи, причемъ различали полезность конкретно-субъективную отъ нѣкоторой общей родовой полезности, относимой къ самой вещи, независимо отъ значенія ея для тѣхъ или другихъ лицъ. Послѣдняя полезность выражалась въ извѣстной объективной оцѣнкѣ и служила основаніемъ для установленія цѣны. Но и конкретно-субъективная полезность не была

*) L. 2, C. de resc. vend (4. 44).

**) Въ этомъ отношеніи нельзя, кажется, согласиться съ Scheel'емъ (Hildebr. Jahrb., 1863, стр. 335), когда онъ, цитируя изреченіе Paulus «concessum est in emendo et vendendo etc.. se circumscribere», находитъ, что «echt antike Jurisprudenz... den Consumptionswerth der Waaren ganz bei Seite lasst» и что только въ позднѣйшемъ «zum Kanonischen neigenden» правѣ потребительная цѣнность положена въ основу цѣны въ ученіи о laesio enormis и ultra dimidium. Напротивъ, цитируемое Scheel'емъ мѣсто свидѣтельствуетъ о противоположномъ; а именно, что въ классическую эпоху въ сдѣлкѣ купли-продажи признавалась полная свобода исключительно субъективной оцѣнки потребительной цѣнности, и что потребительная цѣнность въ такой своей крайней формѣ составляла основаніе цѣны; лишь въ позднѣйшее время субъективная оцѣнка потребительной цѣнности стала сдерживаться въ извѣстныхъ границахъ объективной мѣрой мѣновой цѣнности, пока, наконецъ, мѣновая цѣнность получила преобладаніе и привела къ ученію о эквивалентности при обмѣнѣ, о laesio enormis и ultra dimidium и ко всѣмъ тѣмъ дальнѣйшимъ выводамъ изъ этихъ взглядовъ, которые характеризируютъ каноническое право.

лишена всякаго вліянія на цѣну: она могла вызывать отклоненія отъ „истинной“ цѣны, устанавливаемой на основаніи общей всѣмъ оцѣнки, при чемъ право считало своей обязанностью поставить извѣстные предѣлы такимъ отклоненіямъ. Вопросъ о связи общей всѣмъ объективной или родовой оцѣнки съ конкретно субъективною полезностью вещи, вопросъ объ источникѣ происхожденія объективной или родовой полезности, какъ выходящій за предѣлы права, не нашелъ себѣ разрѣшенія въ римскомъ правѣ. Но ему извѣстенъ былъ тотъ фактъ, что оцѣнкѣ подвергались только тѣ предметы, которыхъ количество было ограничено по отношенію къ потребностямъ. Вліяніе этого количественнаго отношенія на высоту цѣны было извѣстно лишь въ грубыхъ чертахъ.

Всѣ эти во многихъ отношеніяхъ замѣчательныя мысли и при томъ выраженныя въ необыкновенно простой и ясной формѣ, свидѣтельствуютъ о томъ, что римляне не дали намъ теоретическаго изложенія ученія о цѣнности не потому, чтобы явленія обмѣна и законы, ими управляющіе, были имъ совершенно неизвѣстны, но единственно благодаря особенному складу хозяйственной жизни націи, который отвлекалъ вниманіе отъ вопросовъ экономической теоріи и въ частности отъ теоріи обмѣна, какъ явленія маловажнаго по своему значенію.

Взгляды римскихъ юристовъ на отношенія, возникающія изъ обмѣна, получили дальнѣйшее развитіе въ богословской и канонической литературѣ среднихъ вѣковъ, которая представляла собою энциклопедію знаній своего времени. Ученія канонистовъ о явленіяхъ хозяйственной жизни изслѣдованы въ замѣчательной работѣ *Endemann'a* *). Изслѣдованія *Endemann'a* отличались большимъ талантомъ, еще бо́льшей эрудиціей и надолго упрочили ту характеристику, какую далъ этотъ авторъ политико-экономическому ученію канонистовъ. Эта характеристика не была лестна для канонистовъ. Въ ихъ воззрѣніяхъ *Endemann* видѣлъ множество противорѣчій, логическихъ ошибокъ, прекло-

*) **Endemann**, Die Nationalökon. Grundsätze der Kanonist. Lehre, Jahrb. f. Nat. Oek. und Stat., 1 B., 1863 (и отдѣльно: Jena, 1863) и Studien in der Romanisch-Kanon. Wirtsch. und Rechtslehre, 1, 2, 1874, 1883.

неніе передъ авторитетомъ, въ ущербъ разсудку, невниманіе къ требованіямъ жизни. Однимъ словомъ политико-экономическія воззрѣнія канонистовъ изображаютъ, по его мнѣнію, тотъ классическій „*Chaos magnum*“, который по недавнему еще представленію, видѣли въ средневѣковой философіи и наукѣ.

Въ области философіи такой взглядъ на теолого-схоластическую литературу уступилъ мѣсто болѣе справедливому къ ней отношенію и теперь можетъ быть объясненъ, говоритъ *Stöckl*, развѣ духомъ партійности или незнаніемъ. „*Die mächtige Systeme*, замѣчаетъ этотъ авторъ, *welche in diesen Werken* (періода схоластики) *uns gegenübertreten, und in welchen das ganze Gebiet des spekulativen Wissens umspannt ist, legen Zeugniss ab von der Kraft und Fülle des Geistes, welcher in den Urhebern derselben lebte und von der Grossartigkeit und Macht der Ideen, durch welche damals das Leben der abendländischen Völker bewegt und getragen wurde*“ *).

Не меньше признаютъ заслугъ за предшественницей схоластики — патристической литературой, не только въ области чистаго богословія, но и въ области политическихъ наукъ. „Въ апологіяхъ Юстина и Тертуліана, говоритъ по этому поводу *Blackey*, въ посланіяхъ Лактанція и Минуція Феликса, въ градѣ Божіемъ Св. Августина, въ Царствѣ Божіемъ Сальвіана мы находимъ политическія, общественныя и философскія воззрѣнія, изложенныя въ краснорѣчивой формѣ съ мощью и глубиной мысли, которыя наполняли умы современниковъ почтительнымъ и благоговѣйнымъ вниманіемъ. Идеи этихъ людей не расточались на мимолетныя злобы дня, но глубоко западали въ умы и проявляли свою животворящую силу еще долго послѣ того, какъ сами авторы покинули земную арену своихъ ревностныхъ трудовъ. Высказываемыя ими истины, увѣщанія, укоры проникали въ царственныя палаты и поражали сердца тирановъ страхомъ и угрызеніями совѣсти. Всѣ эти люди дали логическое единство и силу великимъ доктринамъ раціональнаго государства, открыли имъ путь къ человѣческому разуму и сердцу, обезпечили ихъ постепенное практическое примѣненіе, по мѣрѣ того, какъ разрушались одинъ за другимъ оплоты язычества“ **).

---

*) **Stöckl**, Geschichte der Philos. des Mittelalt., 1865, B. II, стр. 3.

) **R. Blackey, The history of Politic. Literat., 1855, т. 1, стр. 151.

Было бы совершенно непонятно, какимъ образомъ писатели, съумѣвшіе занять выдающееся для своего времени мѣсто въ другихъ областяхъ человѣческаго знанія и мысли, интересовавшіеся въ то же время вопросами хозяйственной жизни, въ этой одной области оказались совершенно несостоятельными, высказывали одни абсурды и путались въ очевидныхъ и грубыхъ противорѣчіяхъ. Намъ кажется, что подобнаго рода выводъ является результатомъ совершенно ложнаго отношенія къ экономическимъ ученіямъ того времени. *Endemann* впалъ здѣсь въ ту самую ошибку, которую онъ приписываетъ совершенно неосновательно канонической литературѣ: онъ приступилъ къ своему изслѣдованію слишкомъ схоластически, исключительно съ формальной, внѣшней стороны. Онъ оцѣнивалъ идеи того времени съ точки зрѣнія понятій, выработанныхъ современной теоріей, и нашелъ, что эти идеи во многомъ противорѣчатъ тому, что мы теперь признаемъ правильнымъ, что они вовсе не могутъ объяснить многихъ хозяйственныхъ явленій, извѣстныхъ намъ. Но наши понятія, наши опредѣленія относятся къ современному намъ хозяйственному строю, они объясняютъ хозяйственныя явленія въ томъ видѣ, какъ послѣднія происходятъ теперь. Если идеи канонистовъ не согласны съ современной теоріей, отсюда еще не слѣдуетъ, что они непремѣнно ложны. Это несогласіе можетъ быть результатомъ того, что подлежавшія объясненію *явленія* того времени отличны отъ современныхъ. Критеріемъ правильности объясненія хозяйственныхъ явленій извѣстной эпохи должно служить не согласіе этого объясненія съ объясненіемъ хозяйственныхъ явленій другой эпохи, не соотвѣтствіе его съ какими-либо абсолютными истинами, которыхъ мы не знаемъ, а соотвѣтствіе и согласіе съ природой тѣхъ явленій, которыя подлежатъ объясненію. Хозяйственныя явленія средневѣковой жизни были совершенно отличны отъ современныхъ. Весьма понятно, что и объясненіе ихъ не можетъ быть таково же, какъ современная теорія. Множество понятій, имѣющихъ существенное значеніе въ современной теоріи, совершенно отсутствовали и должны были отсутствовать въ средневѣковыхъ экономическихъ ученіяхъ, потому что самыхъ явленій, соотвѣтствующихъ этимъ понятіямъ, въ то время не было. Другія понятія имѣли совершенно иное содержаніе. Понятіе, напримѣръ, промышленнаго предпріятія, въ смыслѣ соединенія въ рукахъ одного лица

факторовъ производства, принадлежащихъ другимъ лицамъ, совершенно отсутствовало въ началѣ среднихъ вѣковъ; понятіе капитала имѣло иное значеніе *). Особенно должны были отличаться отъ современныхъ понятія, имѣющія отношеніе къ обмѣну При системѣ натуральнаго хозяйства обмѣнъ не имѣлъ значенія необходимаго звена между производствомъ и потребленіемъ, онъ представлялся явленіемъ случайнымъ, привходящимъ; мѣновыя отношенія подчинялись своимъ особымъ законамъ, несходнымъ съ тѣми, которые проявляются въ современномъ хозяйствѣ.

Очевидно, что, прилагая современныя понятія къ изученію средневѣковыхъ ученій, мы должны впасть въ цѣлый рядъ ошибокъ и недоразумѣній. Яркимъ подтвержденіемъ этого служитъ результатъ, къ которому пришелъ *Endemann*, изслѣдуя каноническое ученіе о ростѣ. Послѣднее онъ считаетъ центромъ всѣхъ экономическихъ воззрѣній канонистовъ **). Оно послужило *Endemann'y* главнымъ основаніемъ для общей характеристики всей канонической доктрины. Вѣрный своей основной идеѣ, *Endemann* не ищетъ тѣхъ особенныхъ условій средневѣковой жизни, которыя вызвали запрещеніе роста; онъ смотритъ на него съ точки зрѣнія современныхъ понятій, осуждаетъ и лишь ищетъ тотъ формальный источникъ, на которомъ могло быть основано подобное запрещеніе. Такимъ источникомъ, по его мнѣнію, являются слова Св. Писанія (Ев. отъ Луки, гл. 6, 34—35); вся работа канонистовъ заключается въ повтореніи и толкованіи этихъ словъ, безъ малѣйшей попытки логическаго или реальнаго обоснованія, такъ какъ считалось, будто бы, дерзостью искать объясненія Божественной волѣ ***). Но мы знаемъ — и самъ *Endemann* указываетъ на это ****) — что канонисты искали подтвержденія запрещенію роста въ сочиненіяхъ языческихъ авторовъ: Платона, Аристотеля, Плавта, Цицерона, Сенеки и др., и нашли, что выводы этихъ авторовъ, основанные на разумѣ, вполнѣ согласны съ Божественнымъ откровеніемъ. Мало того, они не до-

*) Ср. **K. Bücher**, Die Entstechung der Volkswirtschaft, 1893, стр. 40, 41

) **Endemann, Die nat.-ökon. Grunds., Jahrb. f. Nat. Oek. und Stat., 1863, I, стр. 30, ср. его-же Studien etc., введеніе.

***) Ibid., стр. 35.

****) Ibid., стр. 37.

кольствовались чужими разсужденіями, они сами строили длинный рядъ доказательствъ въ пользу запрещенія роста и находили, независимо отъ словъ Св Текста, *naturalis ratio* такого запрещенія *). Даже больше, они пришли къ убѣжденію, „что запрещеніе роста, если бы даже оно не было положительно выражено въ Священномъ Писаніи и канонахъ Церкви, все таки должно имѣть мѣсто, такъ какъ ростъ противенъ природѣ“ **).

Такимъ образомъ оказывается, что канонисты не только не отрицали допустимости логическаго обоснованія Священнаго Текста, но даже усиленно старались доказать несправедливость роста ссылками на литературу, не зависящую отъ Св. Писанія, логическими доводами и фактами, „*ex sui ipsius natura*“. Не слѣпая вѣра въ Откровеніе или авторитетъ, въ ущербъ разуму, характеризуетъ средневѣковыхъ богослововъ и юристовъ схоластическаго направленія, а непоколебимое убѣжденіе въ согласіи Божественной Воли съ разумомъ. Они не только не уклонялись отъ обоснованія своего ученія на доводахъ разсудка, не только не закрывали глаза на факты, напротивъ, желали, искали, непремѣнно требовали разумнаго обоснованія каждаго догмата и были твердо увѣрены, что путемъ разсужденій, путемъ изученія фактовъ, они всегда и непремѣнно прійдутъ къ тѣмъ же положеніямъ, которыя даны въ Св. Писаніи ***). Очевидно, что ученіе канонистовъ о ростѣ основывалось не на авторитетѣ, не на произвольномъ измышленіи, но вытекало изъ природы хозяйственныхъ отношеній того времени, которыя казались имъ столь же непреложными и естественно необходимыми, какъ намъ законы нашего хозяйственнаго строя.

Такимъ же внѣшнимъ формальнымъ отношеніемъ характеризуются взгляды *Endemann*'а на каноническую теорію цѣны. Вмѣсто того, чтобы искать ея основаній въ средневѣковомъ характерѣ обмѣна, *Endemann* разсматриваетъ ее, какъ простую логическую дедукцію изъ ученія о ростѣ, которое онъ считаетъ, какъ уже было сказано, за центръ всѣхъ политико-экономическихъ воз-

---

*) Ibid., стр. 39.

**) Ibid., стр. 40

***) См., напр., рядъ доказательствъ противъ usura у Covarruvias, Opera omnia, 1723, v. 2, Variarum resolutionum, l. III, c 1, § 5: «quo jure prohibita sit usura», и затѣмъ особенно § 6.

зрѣній канонистовъ. Такая формальная и при томъ произвольная точка зрѣнія опять таки приводитъ къ недоразумѣніямъ и противорѣчіямъ, въ которыхъ каноническое ученіе о цѣнности вовсе неповинно. Запрещеніе роста, проявившееся въ договорѣ займа, распространилось, по мнѣнію *Endemann'a*, прежде всего, на всѣ вообще сдѣлки кредита. Такое распространеніе понятія *usura* было бы вполнѣ понятно. Но *Endemann* этимъ не ограничивается; онъ находитъ, что то же понятіе было затѣмъ распространено на всѣ вообще сдѣлки: куплю-продажу, мѣну, наемъ и т. д.*).

Прилагать понятіе о ростѣ, т. е. о наростаніи *съ теченіемъ времени* прибавочной суммы къ капитальной, къ такимъ сдѣлкамъ, гдѣ нѣтъ вовсе теченія времени — это несомнѣнный абсурдъ, и *Endemann* ставитъ его въ вину канонистамъ. Но самая очевидность подобной ошибки вызываетъ сомнѣнія въ ея существованіи. И дѣйствительно, канонисты вовсе не распространяли идеи роста — *usura* — отъ сдѣлокъ кредита на сдѣлки наличнаго обмѣна. Для нихъ *usura* въ сдѣлкахъ кредита и *usura* въ сдѣлкахъ наличнаго обмѣна были два соподчиненныя понятія; оба вытекали изъ одного высшаго родового понятія, которое являлось противоположностью *justitia, aequalitas* послѣднее было доминирующимъ началомъ всѣхъ сдѣлокъ гражданскаго оборота и всѣхъ отношеній хозяйственной жизни вообще.

Мы уже видѣли, какимъ образомъ римское право, приспособляясь къ историческому развитію явленій обмѣна, перешло отъ полнаго произвола въ установленіи цѣны подъ вліяніемъ индивидуальныхъ интересовъ сторонъ, къ идеѣ объективной, истинной и равной для всѣхъ цѣны, основанной на общей всѣмъ оцѣнкѣ предметовъ. Въ такомъ положеніи застало вопросъ каноническое право. Послѣднее, съ своимъ стремленіемъ водворить основы нравственности, любви къ ближнему и справедливости во всѣхъ отношеніяхъ человѣка къ человѣку, ни на минуту не могло допустить безконтрольной возможности „*invicem se circumscribere*“ при обмѣнѣ. Было бы противно основнымъ требованіямъ христіанской морали допустить, чтобы цѣна устана-

*) Слѣдуя Endemann'y, **Neumann**, Geschichte des Wuchers in Deutschland, 1865, также считаетъ положеніе о запрещеніи роста первоначальной и основной идеей каноническихъ воззрѣній, которая затѣмъ распространялась на всѣ сдѣлки обмѣна (стр. 14 и сл.).

вливалась путемъ борьбы эгоистическихъ интересовъ, въ которой одна сторона могла преобладать (и въ то время обыкновенно преобладала) надъ другою и диктовать ей свои условія. Цѣна должна быть результатомъ средней, общей всѣмъ оцѣнки, основанной на справедливости, но не на нуждѣ ближняго. Римское ученіе объ истинной, объективной цѣнѣ реципируется каноническимъ правомъ, и „*verum pretium*“, подъ вліяніемъ христіанской морали, принимаетъ нравственную окраску, становится, сверхъ того, еще „*justum pretium*“, справедливой цѣной. Рецепція средневѣковой экономической литературой римской идеи „*verum pretium*“—объективной цѣны—явилась вполнѣ естественнымъ результатомъ экономическихъ явленій средневѣковой жизни.

Когда исчезъ внѣшній блескъ Рима съ его огромнымъ скопленіемъ богатствъ, стекавшихся со всѣхъ концовъ міра, съ роскошью и разнообразіемъ потребленія, ясно выступила скрывавшаяся подъ этимъ блескомъ натуральная система хозяйства. Каждое частное хозяйство было замкнутой единицей; цѣлью его были свои собственныя потребности, средствами ихъ удовлетворенія — свои собственныя производительныя силы. Каждый хозяинъ добывалъ въ своемъ хозяйствѣ сырые матеріалы, самъ ихъ обрабатывалъ *). Земледѣлецъ былъ въ то же время въ своемъ собственномъ хозяйствѣ каменьщикомъ, плотникомъ, печникомъ, ткачемъ, портнымъ сапожникомъ и т д. **). То, что превышало силы одного человѣка, дѣлалось общиной ***). Хозяйство крупныхъ владѣльцевъ отличалось такимъ же потребительнымъ характеромъ; всѣ продукты производились для собственныхъ нуждъ и почти всѣ получались безъ обмѣна. Предметомъ торговли было

*) **K. Bücher**, Die Gewerbliche Betriebssysteme, въ Entst. d. Volksw., 1893, стр. 91 и слѣд.

) **K. Lamprecht, Deutsches Wirtschaftsleben im Mittelalter, 1886, I, 1, стр. 16. **K. Bücher**, Die Entst. d. Volksw., 1893, стр. 58, цитируетъ Beckmann'a (Beytragen zur Oekonomie, Technologie, Polizey-und Kameralwissenschaft): «Bei Errichtung der Universität Göttingen waren hier Land und Stadtwirtschaft noch mehr, als jetzt, dergestalt vermischt, dass jeder Handwerker nicht allein Gartenland, sondern auch meistens Getreideland besass und selbst bauete. Damals waren von Schustern keine Schuhe, von Schneidern keine Kleider zu erhalten, wenn beide zu ackern hatten».

***) Поэтому мельницы устраивались обыкновенно на общественный счетъ (Lamprecht, l. c., стр. 17).

то, что вовсе не могло быть добыто въ собственномъ хозяйствѣ; слѣдовательно, товары болѣе или менѣе монопольнаго характера; для богатыхъ людей — рѣдкіе продукты и дорогія издѣлія чужихъ странъ, для простого народа — также спеціальныя произведенія извѣстныхъ странъ, но добывавшіяся въ бо́льшемъ количествѣ и потому дешевыя, какъ вино, соль, сушеная и соленая рыба, шерстяныя издѣлія *). Издержки производства такихъ предметовъ были обыкновенно неизвѣстны потребителямъ; издержки доставки крайне неопредѣленны, благодаря необезпеченности путей сообщенія, пошлинамъ и поборамъ, которымъ подвергались купцы. Отсутствіе капиталовъ и предпріимчивости дѣлало положеніе купцовъ монопольнымъ; правовая необезпеченность предпріятія ограничивала кругъ лицъ, желающихъ рискнуть капиталомъ, и, съ другой стороны, понуждала рискнувшихъ стремиться къ возможно большому вознагражденію за рискъ. Всѣ эти обстоятельства вели къ тому, что цѣны товаровъ не могли сообразоваться съ издержками производства, зависѣли отъ многихъ случайныхъ причинъ, были подвержены колебаніямъ; что прибыль купцовъ была значительна; что занятіе торговлей требовало большого искусства и хитрости, какъ для того, чтобы скоро сбыть товаръ съ большимъ барышомъ, такъ и для того, чтобы барышъ, а часто и самый капиталъ, сохранить отъ чужихъ посягательствъ. Такой характеръ имѣла крупная торговля. Мелочная торговля того времени отличалась тѣми же особенностями, какими она, по-видимому, отличается во всѣ времена въ странахъ, стоящихъ на низкой степени хозяйственнаго развитія: торговцы запрашиваютъ возможно высокія цѣны, расхваливаютъ товаръ, обманываютъ на вѣсѣ и счетѣ, вообще „*sine mendacio et periurio esse non possunt*“.

Къ эпохѣ среднихъ вѣковъ относится постепенное возникновеніе профессіональнаго дѣленія занятій; извѣстныя отрасли хозяйства, извѣстные процессы обработки продуктовъ выдѣлялись въ особыя занятія и становились достояніемъ спеціальнаго класса производителей. Вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялся характеръ народнаго хозяйства. Ремесла и обрабатывающая промышленность стали сосредоточиваться въ городахъ; между городомъ и окрестнымъ райономъ сельскаго населенія возникалъ уже не случайный, но

*) K. Bücher, Die Entst. d. Volksw., 1893, стр. 37, 56—57.

органически необходимый обмѣнъ. Обмѣнъ становился необходимой частью народнаго хозяйства. Однако первоначальная организація профессіональнаго дѣленія занятій, какъ въ свое время первая организація торговли, была проникнута монопольнымъ духомъ. Первые профессіональные ремесленники, благодаря своему искусству и малочисленности, силою обстоятельствъ были поставлены внѣ конкурренціи. Общность интересовъ привела ихъ къ корпоративной организаціи, которая, устраняя взаимную конкурренцію, дала имъ возможность сохранить свое монопольное положеніе на рынкѣ въ теченіе продолжительнаго времени. Благодаря этому, ремесленники, при обмѣнѣ своихъ продуктовъ, экономически господствовали надъ потребителями, и это господство было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ дальше и безповоротнѣе выдѣлялись извѣстныя профессіи изъ общаго состава прежняго натуральнаго хозяйства. Мѣновое отношеніе и теперь сохраняетъ свой прежній характеръ односторонняго преобладанія одного контрагента надъ другимъ. Цѣны, по-прежнему, не зависятъ отъ издержекъ производства, опредѣляются субъективной полезностью вещи, находятся въ сильной зависимости отъ количества продуктовъ. Но теперь обмѣнъ составляетъ насущную потребность. Отсюда усиливающееся стремленіе водворить порядокъ въ сдѣлкахъ обмѣна, устранить или поставить границы преобладанію одного класса контрагентовъ надъ другимъ. Установленіе мѣноваго отношенія не должно быть дѣломъ личнаго усмотрѣнія сторонъ, при которомъ нуждающійся въ товарѣ подчиняется произволу своего болѣе сильнаго конкуррента, но должно происходить подъ контролемъ общественнаго мнѣнія, на основаніи *communis aestimatio*. Вмѣсто „*invicem se circumscribere*“ при обмѣнѣ, стороны должны руководствоваться объективной оцѣнкой предметовъ. Такой объективной оцѣнкѣ вполнѣ соотвѣтствовало римское „*verum pretium*“. *Verum pretium* и *communis aestimatio* были естественнымъ исходомъ для хозяйства, въ которомъ мѣновыя отношенія не регулировались самодѣйствующимъ аппаратомъ двусторонней развитой конкурренціи, и гдѣ они въ то же время не могли быть предоставлены произволу сторонъ.

Сообразно, однако, съ новымъ болѣе важнымъ значеніемъ обмѣна въ народномъ хозяйствѣ, возникаютъ новые способы установленія истинной и справедливой цѣны. Въ римскомъ правѣ достаточно было предоставить потерпѣвшей сторонѣ возможность

юридической защиты. Теперь этого мало; общественная власть и церковь активно вмѣшиваются въ сдѣлки обмѣна; первая подчиняетъ ихъ своему контролю, устанавливаетъ правительственныя таксы или обязательную оцѣнку черезъ свѣдущихъ людей, вторая требуетъ обязательнаго соблюденія христіанскаго принципа любви къ ближнему. Истинная цѣна римскаго права становится обязательной по закону, обычаю и въ силу христіанской морали. Каноническое ученіе является характернымъ выразителемъ этого нравственно-объективнаго принципа въ явленіяхъ обмѣна.

Первыми источниками каноническаго ученія объ обмѣнѣ являются творенія Отцовъ Церкви, посланія и декреты папъ, постановленія соборовъ. Весь этотъ матеріалъ, послужившій основаніемъ для *Corpus juris canonici*, содержитъ уже въ себѣ всѣ характерныя положенія будущей канонической теоріи цѣнности. Но эти положенія, хотя и проникнутыя общей идеей, представляютъ пока разрозненныя мнѣнія, не приведенныя въ систему и потому не представляющія собою теоріи. Каноническая теорія обмѣна выработана только впослѣдствіи въ трудахъ богослововъ, канонистовъ и юристовъ, гдѣ мы встрѣчаемъ ее въ видѣ развитого стройнаго ученія.

Основная идея богословскихъ и каноническихъ воззрѣній на обмѣнъ состоитъ въ томъ, что цѣна не должна быть только результатомъ субъективнаго отношенія двухъ участвующихъ въ обмѣнѣ лицъ, но всегда должна удовлетворять извѣстной объективной справедливости. Отступленіе отъ этой объективно справедливой цѣны всегда есть актъ несправедливости и достигается путемъ обмана, лжи и насилія. Чаще всего такое отступленіе происходитъ, какъ мы видѣли, въ ущербъ покупателямъ—потребителямъ; купцы за свои товары и продавцы вообще за свои издѣлія стараются получить возможно высокую цѣну всякими правдами и неправдами; „*omnes artifices mentiuntur sutores, agricolae*“ *). Но, понятно, къ такимъ средствамъ болѣе всего прибѣгаютъ тѣ лица, которыя спеціально живутъ обмѣномъ—купцы. Они не могутъ обходиться безъ лжи: „*qui emit et vendit sine mendacio et perjurio esse non potest*“ **) и получаютъ свой заработокъ „*plus perjuriis onerando, quam pretiis*“ ***).

*) c. 12. D. 88 Decr. Grat.
**) c. 11. D. 88 Ioannes Chrys.
***) c. 13. D. 88.

Признавая невозможнымъ отступленіе отъ нѣкоторой справедливой цѣны, каноническое ученіе могло воспользоваться, для устраненія послѣдствій такого отступленія, прежде всего, институтомъ *laesio enormis, ultra dimidium*, выработаннымъ въ позднѣйшую эпоху римскаго права *). Примѣненіе этого института не вызывало никакихъ затрудненій: онъ былъ выработанъ уже римскимъ правомъ и обязателенъ для свѣтскихъ судовъ. Но каноническое ученіе не остановилось на этомъ Оно вообще осудило всякую покупку или продажу по цѣнѣ, слишкомъ дешевой или дорогой, т. е. отступающей отъ справедливой цѣны: „*quicunque in Clero esse voluerit, emendi vilius vel vendendi carius studio non utatur*“ **). Это спеціальное запрещеніе, установленное сначала для духовенства, было затѣмъ распространено на „*laicos*“, вмѣстѣ съ общимъ запрещеніемъ *foenerari* ***). Наконецъ, въ самой общей формѣ каноническое право говоритъ: „*si plus quam dedisti expectas accipere foenerator es et in hoc improbandus non laudandus* ****), а извѣстно, какими ощутительными послѣдствіями угрожало это „*improbandus, non laudandus*“ церкви, не говоря уже о томъ, что съ церковнымъ покаяніемъ часто соединялась обязанность реституціи, или возмѣщенія убытковъ *†).

Этими положеніями была окончательно установлена догма эквивалентности обмѣниваемыхъ предметовъ. Отсюда слѣдовало три вывода. Первый изъ нихъ состоялъ въ слѣдующемъ. Если извѣстный предметъ эквивалентенъ опредѣленной суммѣ денегъ, то и обратно, эта сумма денегъ эквивалентна данному предмету. Иначе говоря, если предметъ продается за извѣстную цѣну, то за ту же цѣну онъ долженъ быть покупаемъ: продажа и покупка

---

*) c. 3. X. III, 18: «cum ei per testes constitisset, quod praedicti fratres silvam minus dimidii justi pretii comparassent pronuntiavit venditionem non tenere ..» и c. 6. X III, 17: «monasterium.. ultra dimidium justi pretii fuisse deceptum... aut recepto pretio possessiones restituerent... aut supplerent, quantum constaret legitimae venditiones tempore justo pretio defuisse».

**) c. 3. C. 14. q. IV.

***) c. 7. C. 14. q. IV.

****) c. 1. C. 14. q. III.

*†) **Stintzing**, Gesch. d. popul. Literatur d. röm.-kanon. Rechts in Deutschl, 1867, стр. 491.

должны совершаться по одной цѣнѣ. Если нельзя продавать по несправедливой цѣнѣ, то нельзя по такой цѣнѣ и покупать *).

Второй выводъ состоялъ въ томъ, что сколько бы разъ данный предметъ ни былъ объектомъ мѣновой сдѣлки, цѣна его отъ этого не можетъ измѣниться, если только самый предметъ и условія рынка остаются безъ перемѣны. Каноническое право не находило никакихъ основаній къ тому, чтобы вещь, купленная по одной цѣнѣ, продавалась затѣмъ по другой, если въ то же время она не подвергалась никакому измѣненію: „*qui autem comparat rem, ut illam ipsam integram et immutatam dando lucretur, ille est mercator, qui de templo Dei ejicitur*“ **). Зарабатываемый такимъ образомъ излишекъ въ цѣнѣ есть *turpe lucrum*: „*aut ex quo libet negotio turpe lucrum quaesierit, aut per diversas species vini, vel frugis, vel cujus libet rei, emendo vel vendendo aliqua incrementa susceperit...* ***). Такой заработокъ можетъ быть приписанъ только лжи и обману. Даже въ томъ случаѣ, когда цѣна вещи увеличивалась сама собою, вслѣдствіе измѣнившихся условій рынка, безъ всякаго обмана или особыхъ стараній владѣльца такой вещи, обогащеніе послѣдняго было все-таки предосудительно, если только онъ въ самый моментъ покупки вещи предвидѣлъ ея послѣдующее вздорожаніе, тѣмъ болѣе если пріобрѣлъ вещь именно въ виду этого обстоятельства. Поэтому каноническое право говоритъ: „*quicunque tempore messis vel vindemiae non necessitate, sed propter cupiditatem comparat annonam vel vinum, verbi gratia de duobus denariis comparat modium unum et servat usque dum vendatur denariis quattuor aut sex, aut amplius* (!), *hoc turpe lucrum dicimus*“ ****).

Можно было бы думать, что такого рода положеніемъ окончательно осуждается всякого рода барышъ купца, извлекаемый путемъ продажи товара дороже, чѣмъ онъ былъ купленъ. Подобное мнѣніе было бы однако ошибочно. Каноническое право признавало за купцомъ право на извѣстный заработокъ, но основы-

*) c. 3 и 4. C. 14. q. IV; въ разн. мѣст. cc. X, 5, 19.

**) c. 11. D. 88.

***) c. 4. C. 14. q. IV.

****) c. 9 C. 14. q. IV. Возможность подобнаго рода колебаній цѣны, единственно въ зависимости отъ времени года, безъ всякихъ другихъ особенныхъ причинъ, замѣчательно характеризируетъ случайность обмѣна, отсутствіе правильной организаціи торговли и тяжелое положеніе покупателей-потребителей даже самыхъ обыденныхъ предметовъ.

вало послѣдній на вознагражденіи за трудъ (доставки, перевозки, сохраненія и вообще за трудъ снабженія потребителей товаромъ); оно лишь не могло понять возможности существованія двухъ различныхъ цѣнъ на одинъ и тотъ же предметъ, остающійся неизмѣннымъ, при неизмѣнныхъ условіяхъ рынка; оно приписывало подобный фактъ исключительно недобросовѣстности купца и на немъ не могло основывать барыша въ торговлѣ. Такимъ образомъ, торговецъ могъ заявлять свое право на извѣстный заработокъ: „*affero ex longinquo merces; mercedem laboris mei, unde vivam, peto: dignus est operarius mercede sua*“, и такое требованіе не встрѣчало возраженія, такъ какъ осуждается не сама торговля, а лишь царствующая въ ней недобросовѣстность: „*de mendacio, de perjurio agitur, non de negotio. Ego enim mentior, non negotium*“ *).

Третій выводъ изъ ученія объ эквивалентности при обмѣнѣ представляется наиболѣе важнымъ какъ по своимъ практическимъ послѣдствіямъ, такъ и по тому вниманію, которое удѣлила ему наука. Сдѣлка обмѣна заключается въ томъ, что дается одинъ предметъ, и въ обмѣнъ получается другой, ему эквивалентный. Если между моментомъ передачи вещи и полученія эквивалента вставляется извѣстный промежутокъ времени, то одно теченіе времени, по ученію канонистовъ, не можетъ служить основаніемъ къ тому, чтобы, вмѣсто эквивалента, давалось или требовалось въ обмѣнъ нѣчто бо́льшее; „*vendens rem plus quam valeat, quia solutionem differt, peccat*“ **). Но если каноническое право не находило основаній къ тому, чтобы одно теченіе времени могло увеличивать эквивалентъ даннаго предмета, уплачиваемый въ другихъ предметахъ, то тѣмъ болѣе не могло оно допустить, въ частномъ случаѣ, того, чтобы количество однихъ и тѣхъ же вещей, даваемое въ одинъ моментъ и получаемое въ другой, могло увеличиться безъ всякой иной причины, кромѣ присутствія нѣкотораго промежутка времени между моментами передачи и обратнаго полученія. Отсюда болѣе спеціальное запрещеніе роста при займѣ и ссудѣ — фактъ общеизвѣстный въ исторіи каноническаго права.

Какъ общее запрещеніе продавать дороже, въ виду отсрочки платежа, такъ и спеціальное запрещеніе занимать или

*) c. 12. D. 88.

**) c. 6. X. 5, 19.

ссужать какіе-либо предметы или деньги, съ условіемъ полученія ихъ при возвратѣ съ нѣкоторымъ излишкомъ, не были безусловны. Изъ общаго запрещенія продавать дороже съ отсрочкой уплаты исключался вполнѣ основательно тотъ случай, когда ко времени, назначенному для платежа, цѣна вещи по разсчетамъ контрагентовъ могла измѣниться, въ силу измѣненія условій рынка. Тогда разрѣшалось продавать или покупать въ настоящее уже время по той цѣнѣ, какая предполагалась возможной въ моментъ платежа эквивалента: въ такомъ случаѣ цѣна, отступающая отъ истинной цѣны настоящаго времени, „*excusatur ratione dubii*“ *). Но, собственно говоря, въ этомъ случаѣ нѣтъ никакого отступленія отъ требованій „*justi pretii*“; только сдѣлка обсуждается по справедливой цѣнѣ не того момента, когда вещь дается, а по цѣнѣ момента полученія эквивалента.

Спеціальное запрещеніе взиманія роста допускало многочисленныя исключенія. Прежде чѣмъ указать послѣднія, надо замѣтить, что многіе случаи извлеченія прибыли изъ капитала вовсе не подходятъ подъ понятіе роста и потому не запрещаются канонической доктриной. Такіе случаи имѣютъ мѣсто тогда, когда капиталъ обращается въ доходное предпріятіе самимъ владѣльцемъ; такимъ образомъ капиталистъ можетъ извлекать доходъ изъ капитала черезъ посредство нанятаго лица — *ex conducto*, или въ предпріятіи, основанномъ на *contractus societatis*. Всѣ такіе случаи не будутъ исключеніемъ изъ положенія о запрещеніи роста, такъ какъ здѣсь вовсе нѣтъ кредитной сдѣлки. Настоящими исключеніями будутъ случаи разрѣшенія роста *ratione damni emergentis*, *lucri cessantis*, *periculi sortis*, *ratione* расходовъ и трудовъ, связанныхъ съ оказываніемъ кредита, и наконецъ допущеніе роста въ формѣ извѣстныхъ сдѣлокъ, какъ *contractus trinus* и, въ особенности, *emptio census* *).

Внутренняя связь между отдѣльными положеніями канонической права станетъ для насъ ясной, когда мы перейдемъ къ изученію канонической доктрины въ изложеніи канонистовъ-теоретиковъ.

---

*) c. 6 и c. 19. X. 5, 19.

) См. **Neumann, Geschichte des Wuchers in Deutschland, 1865.

Экономическія воззрѣнія канонической доктрины, въ частности ученіе объ обмѣнѣ, нашли себѣ теоретическое выраженіе въ сочиненіяхъ цѣлаго ряда богослововъ и юристовъ. Сначала ученіе объ обмѣнѣ излагалось казуистически, по поводу тѣхъ или другихъ случаевъ, или въ формѣ комментаріевъ къ догматическимъ положеніямъ канонического права. Затѣмъ изъ казуистики отдѣльныхъ случаевъ были сдѣланы общіе выводы, догматическія положенія получили объясненіе и были приведены въ систему. Однако и фрагментарное изложеніе первыхъ богослововъ и стройная система послѣднихъ канонистовъ явно носятъ черты одного и того же ученія. Развитіе канонической теоріи обмѣна коснулось, насколько можно судить, только внѣшней формы—системы изложенія. Изъ фрагментарной и казуистической она превратилась въ стройную и связную. Мы говоримъ: „насколько можно судить“ въ виду того, что изъ обширной канонической литературы прошлыхъ вѣковъ въ настоящее время изслѣдовано сравнительно небольшое число авторовъ и сочиненій; тѣмъ не менѣе сходство основныхъ положеній теоріи обмѣна у всѣхъ изученныхъ писателей разнаго времени настолько характерно, что, по-видимому, безъ особенной ошибки можетъ быть распространено на всю вообще каноническую литературу. Исключеніе составляетъ только каноническое ученіе о ростѣ. Оно носитъ очевидные слѣды историческаго развитія не только по своей внѣшней формѣ, но и по содержанію. Это обстоятельство находитъ себѣ полное объясненіе въ томъ фактѣ, что самыя явленія, служившія реальнымъ основаніемъ для канонической теоріи роста, подвергались въ то время полному историческому метаморфозу. Совершенное отсутствіе капиталистическаго производства въ началѣ среднихъ вѣковъ мало-по-мало уступало мѣсто отдѣльнымъ случаямъ производительнаго употребленія капитала, которые затѣмъ, повторяясь, стали довольно обыкновеннымъ явленіемъ и, наконецъ, превратились въ нормальное явленіе, по крайней мѣрѣ, для извѣстныхъ категорій предпріятій. Исключительно потребительный кредитъ превращался въ кредитъ для производительныхъ цѣлей. Каноническое ученіе о ростѣ подвергалось историческому развитію, сообразно съ указаннымъ процессомъ развитія хозяйственныхъ явленій.

Мы уже сказали, что каноническая экономическая литература прошлаго времени изслѣдована пока только въ незначи-

тельной части; причина этого состоитъ, во 1-хъ, въ томъ, что эта литература чрезвычайно обширна *); во 2 хъ, что бо́льшая часть сочиненій составляетъ библіографическую рѣдкость, и, наконецъ, въ 3-хъ, въ томъ, что интересъ къ экономическимъ доктринамъ прошлаго времени вообще, а каноническимъ въ особенности, возникъ очень недавно. Въ современной экономической литературѣ изслѣдованы сравнительно немногіе писатели, излагавшіе каноническое ученіе объ обмѣнѣ. Среди авторовъ, оказавшихъ сильнѣйшее вліяніе на все послѣдующее развитіе канонической доктрины занимаетъ первое по времени и значенію мѣсто великій доминиканецъ *Ѳома Аквинскій* (1227—1274). Его сочиненія оказали огромное вліяніе на всю науку вообще, и въ особенности на каноническое право. Полное собраніе сочиненій въ новѣйшее время издано въ 1852 году: *Thomae Aquinatis Opera, Parmae*, въ 50 т. Главное значеніе для теоріи обмѣна имѣетъ *Summa Theologica* (послѣднее изданіе *Migne*, Paris, 1864, въ 4 томахъ)—энциклопедія знаній своего времени. Экономическія воззрѣнія Ѳомы Аквинскаго изложены въ прекрасной работѣ *Ashley*, монографіи *Baumann'a*, у *V. Brants'a*, *Kautz'a* **). Необыкновенный умъ, глубокая эрудиція, близкое знакомство съ сочиненіями Аристотеля выдѣляютъ Ѳому Аквинскаго изъ ряда современныхъ и послѣдующихъ писателей, для которыхъ его сочиненія въ теченіе долгаго времени служили главнымъ источникомъ и пособіемъ.

Въ 14 вѣкѣ ученіе объ обмѣнѣ мы встрѣчаемъ у извѣстнѣйшаго канониста *Iohannes Andreae* († 1348), выдающагося зна-

---

*) См. перечисленіе канонистовъ и писателей, имѣвшихъ отношеніе къ канонической литературѣ, у **Dr. Ioh. Fr. v. Schulte**, Die Geschichte der Quellen und Literatur des kanonischen Rechts, 1875 — 1880, въ трехъ обширныхъ томахъ.

) **Ashley, An introduction to english economic History and Theory, 1888, стр. 133—148; **Baumann**, Die Staatslehre des h. Thomas von Aquino, 1873; **V. Brants**, Les theories économiques aux XIII et XIV siècles, 1895; **Kautz**, Die geschichtliche Entwickelung der Nation. Oekon. und ihrer Literatur, 1860, т. 2, стр. 112 и сл. Также **Contzen**, Geschichte der Volksw. Liter. im Mittelalter, 1869. У другихъ изслѣдователей средневѣковой литературы также встрѣчаются указанія на взгляда Ѳомы Аквинскаго, но нѣтъ ихъ спеціальнаго изложенія или характеристики. Особое изслѣдованіе о теоріи цѣнности этого автора цитировано у **V. Brants'a**, l. c., стр. 69: **Hohoff**, въ Monatschrift f. Christliche Social Reform, Wien, 1893.

тока литературы и каноническаго права *); его „*tractatus varii*“ содержатъ особое изслѣдованіе „*de emptione et venditione*“. Къ тому же вѣку относятся богословы *Henricus de Hassia (Langenstein)* (1325—1397) и *Henricus de Hoyta (Oyta)* († 1397); оба были сперва въ Парижѣ, а затѣмъ преподавали богословіе въ Вѣнѣ; *Langenstein* пользовался въ Парижѣ, какъ профессоръ и ученый, большимъ почетомъ и извѣстностью. Онъ написалъ сочиненіе „*Tractatus de contractibus et de origine censuum*“, которое вмѣстѣ съ „*Tractatus de contractibus scilicet reddituus*“ *Henricus de Hoyta* помѣщено въ общемъ изданіи сочиненій *Gerson'a*: „*Tractatus diversi*“. Краткое изложеніе взглядовъ обоихъ ученыхъ находится у Рошера **). *Johannis Buridanus* — ректоръ парижскаго университета въ 1327 году и *Johannis Gerson* (1363—1429)— канцлеръ того же университета, написавшій „*Tractatus de contractibus*“, также останавливались на явленіяхъ обмѣна, при чемъ первый изъ нихъ, подъ вліяніемъ Аристотеля, придавалъ особое значеніе потребностямъ человѣка ***). Здѣсь же можно упомянуть и *Nicolaus Oresmius'a* (1384), трактатъ котораго о деньгахъ хотя прямо и не содержитъ изложенія теоріи цѣнности, но въ общемъ основанъ на господствовавшемъ въ то время каноническомъ ученіи о цѣнности, какъ это въ особенности становится очевиднымъ, если сравнить ученіе о деньгахъ этого автора съ ученіями позднѣйшихъ писателей (напр. *Lessius'a*), основывающихъ свои мнѣнія уже прямо на канонической теоріи цѣнности ****).

---

*) **Schulte**, op. cit., т. 2, стр. 205 и слѣд Мнѣнія Ioh. Andr. цитируются во всѣхъ изслѣдованіяхъ по исторіи экономическихъ ученій канонистовъ.

) **Roscher, Geschichte der National-Oekonomik in Deutschland, 1874, стр. 18—21; также **Stintzing**, Geschichte der populären Literatur des römisch-kanonischen Rechts in Deutschland, 1867, стр 541; **Schulte**, op. c., стр. 432—434.

***) **L. Cossa**, Saggi di Economia Politica, 1878: Sulle teorie economiche nel medio evo, стр. 31—32; **его-же**, Introduzione allo studio dell' economia politica, 1892, стр. 169; **Ch. Jourdain**, Mémoires sur les commencements de l'économie politique dans les écoles du moyen-âge, 1874 (судя по отзыву Cossa, весьма интересное сочиненіе, котораго однако нѣтъ въ продажѣ); **V. Brants**, Les theor. écon. aux XIII et XIV ss., 1895, стр. 69—71.

****) **M. Wolowski**, Traictie de la première invention des Monnoies de Nicole Oresme etc., 1864; ср. также **Endemann**, Die nationalökonomischen Grundsatze d. canonistischen Lehre, въ Jahrb. Hildebrand'a 1 B., 1863, стр. 333 и 334, прим. 331.

Въ 15 столѣтіи мы находимъ весьма замѣчательные взгляды по теоріи цѣнности у *Antonius de Forciglione* или, какъ его называли, *Antoninus*, архіепископа Флорентійскаго (1389—1459), въ сочиненіи *Summa Theologiae* и *De usuris*; весьма близко по своимъ взглядамъ стоитъ къ этому автору *Bernhardinus Senensis* (1380—1444), написавшій *tractatus de contr et usuris*; тому и другому *Funk* посвятилъ прекрасную монографію *). Во многихъ отношеніяхъ замѣчательно изложенная теорія цѣнности доминиканца *Johannis Nider'a* (1380—1438) въ его „*Compendiosus tractatus de contractibus mercatorum*" особенна интересна въ томъ отношеніи, что обращаетъ большое вниманіе на субъективныя основанія цѣнности **). Роль потребности и отношеніе ея къ другимъ моментамъ, опредѣляющимъ цѣнность весьма удачно указаны также въ сочиненіи „*Collectorium Sententiarum*" *Gabriel'a Biel'a* († 1495), профессора богословія Тюбингенскаго университета, выдающагося и пользовавшагося широкою извѣстностью ученаго ***). Менѣе интереса представляетъ теорія цѣнности въ изложеніи *Conrad'a Summenhart'a* (1465—1511), въ его „*Opus septempartitum de contractibus pro foro conscientiae*" ****) и *Christoph'a Kuppener'a* (1466—1511) въ сочиненіи: „*Consilia elegantissima in materia usurarum et contractuum usurariorum*" *†); оба автора смотрятъ болѣе на внѣшніе факторы, опредѣляющіе цѣнность, не углубляясь въ анализъ ихъ конечнаго дѣйствія.

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ ученыхъ богослововъ и юристовъ 16 и отчасти 17 вѣка, въ сочиненіяхъ которыхъ каноническое ученіе о цѣнности достигло полнаго развитія; это — *Martinus Navarrus* (1493—1586), *Didacus Covarruvias de Leyva* (1512—1586), *Ludovicus Molina* (1535—1600), *Leonardus Lessius* (1554—1623), *Johannes Azorius* (1600), *Sigismundus Scaccia* (1618), *Gonzalez Tellez* († 1649), *Raphael de Turri* (1645), *Johannes Marquard* (1662) Сочиненія бо́льшей части этихъ авторовъ и, въ осо-

*) **Funk**, Ueber die ökonomischen Anschauungen der mittelalterlichen Theologen, въ Tübing. Zeitschrift, 1869, стр. 125 и сл.; также **Stintzing**, op. cit., стр. 529.

) **Endemann, Studien in der Romanisch-Kanonistischen Wirthschafts- und Rechtslehre, 1 B., 1874, стр. 32.

***) **Roscher**, op. cit., стр. 21—28.

****) **Stintzing**, op., cit., стр. 545.

*†) **Roscher**, op., cit., стр. 29—31.

бенности, *Scaccia* послужили главнымъ источникомъ для обширнаго, цѣннаго и снабженнаго множествомъ цитатъ труда *Endemann'a* объ основныхъ политико-экономическихъ положеніяхъ каноническаго ученія *); обиліе фактическаго матеріала и цитатъ даетъ возможность составить полное представленіе о взглядахъ приводимыхъ *Endemann'омъ* писателей, хотя не всегда можно согласиться съ тѣмъ освѣщеніемъ, какое онъ даетъ ихъ мнѣніямъ. Наконецъ, вопросъ объ обмѣнѣ съ канонической точки зрѣнія разсматривался въ сборникахъ, предназначенныхъ для извѣстныхъ практическихъ цѣлей и всеобщаго употребленія, какъ *summae poenitentiae*, *manuale confessorium* и т п. **)

Нѣтъ возможности излагать теоріи и взгляды на обмѣнъ всѣхъ канонистовъ, касавшихся этого вопроса, какъ по обширности литературы, такъ и по недоступности источниковъ; но, съ другой стороны, въ этомъ нѣтъ и особенной надобности, въ виду указаннаго уже сходства въ этихъ теоріяхъ, нерѣдко граничащаго съ полнымъ тождествомъ, и, главнымъ образомъ, въ виду того, что для насъ представляетъ интересъ каноническое ученіе о цѣнности въ его полномъ и развитомъ видѣ. Поэтому въ основаніе дальнѣйшаго изложенія мы положимъ сочиненія нѣсколькихъ позднѣйшихъ писателей. Среди нихъ видное мѣсто занимаетъ *Scaccia*, какъ потому, что ортодоксальность его ученія несомнѣнна (*doctrina admodum catholica*), такъ и потому, что, отличаясь большой эрудиціей, этотъ авторъ лишенъ особой оригинальности; это обстоятельство дѣлаетъ сочиненіе *Scaccia* особенно цѣннымъ для насъ, такъ какъ превращаетъ его какъ бы въ воплощеніе господствующаго, общепризнаннаго ученія. Только въ одномъ вопросѣ объ обмѣнѣ въ сдѣлкахъ кредита намъ прійдется указать на историческое развитіе канонической доктрины, такъ какъ здѣсь оно коснулось не только формы, но и содержанія ученія.

---

*) Op. cit., въ Jahrbüch. für Nationalökonomie und Statistik, 1863, также въ особомъ изданіи: Jena, 1863. Endemann цитируетъ, по преимуществу Scaccia, Gonz. Tellez, Covarruvias, Lessius, Raph. de Turr., Navarr., Azorius.

) **Stintzing, op. cit., стр. 493 и сл., 510 и сл., 519—523, также **Roscher**, op. cit., стр. 22; **Ashley**, op. cit., стр. 161—163.

Чтобы уяснить себѣ исходную точку зрѣнія ученыхъ канонистовъ на теорію цѣнности и связанные съ нею вопросы, не мѣшаетъ бросить общій взглядъ на отношеніе канонической доктрины къ явленіямъ обмѣна и торговли.

Вопросъ о томъ, насколько торговля отвѣчаетъ требованіямъ нравственности и религіи или можетъ быть терпима съ точки зрѣнія права и закона, въ началѣ среднихъ вѣковъ смущалъ весьма многихъ. Прежде всего враждебное отношеніе къ торговлѣ и занимающимся ею лицамъ вызывалось корыстолюбіемъ торговцевъ, людей обыкновенно состоятельныхъ, ихъ стремленіемъ къ наживѣ, находившимъ себѣ обильную пищу въ монопольномъ положеніи торговли того времени. Но, кромѣ того, отрицательное отношеніе къ торговлѣ основывалось еще и на томъ, что она казалась явленіемъ, не отвѣчающимъ требованіямъ идеальнаго состоянія человѣческаго общества. Казалось бы — говоритъ *Scaccia* *) — что всякое *commercium* и *negotiatio* должны быть запрещены по многимъ основаніямъ: во 1-хъ, *de jure naturae* все должно быть общее, а между тѣмъ торговля основана на отрицаніи этого принципа; во 2-хъ, начало, на которомъ зиждется торговля — различіе между моимъ и твоимъ — противно общественному благу; наконецъ, торговля способствуетъ накопленію богатства, въ то время какъ „*actio Christi diligit paupertatem*“. И дѣйствительно, торговля была бы излишня и неумѣстна, еслибы мы имѣли дѣло съ идеальнымъ состояніемъ человѣчества, съ тѣмъ „*status naturae incorruptae*“, когда человѣкъ, съ одной стороны, подчинялъ свои потребности божественному разуму и волѣ и, съ другой, былъ свободенъ отъ необходимости трудиться въ потѣ лица для поддержанія своего существованія. Но теперь, „*post lapsam naturam*“, торговля и весь гражданскій оборотъ сталъ также необходимъ и полезенъ для поддержанія человѣческаго общества, какъ прежде былъ вреденъ и ненуженъ, и, въ силу этой своей необходимости, долженъ быть терпимъ и допускаемъ **). Правда, и теперь, при всей своей неизбѣжности, торговля не перестаетъ быть опасной для спасенія души — „*negotiatio et mercatura animarum saluti magnum minan-*

*) **Sigismundi Scacciae,** Iurisconsulti Rom. Tractatus de Commerciis et Cambio, 3 изд., Genevae, 1664, § 1, qu. 1. n. 39 и сл.

**) Ibid., n. 48.

tur periculum" *); но такого рода опасность присуща не одной только торговлѣ, она присуща и многимъ другимъ явленіямъ, напр., богатству, которыя однако, въ силу этого своего свойства, не считаются запрещенными и никѣмъ не отвергаются. Въ торговлѣ и всякихъ сдѣлкахъ гражданскаго оборота нѣтъ такихъ элементовъ, которые дѣлали бы самый гражданскій оборотъ, при настоящемъ устройствѣ человѣческаго общества, недозволеннымъ въ принципѣ. Безразличный самъ по себѣ съ точки зрѣнія права, гражданскій оборотъ становится дозволеннымъ или недозволеннымъ въ зависимости отъ соотвѣтствія содержанія каждой данной сдѣлки съ идеей справедливости. „*Communis omnium commercium conditio est ut servetur aequalitas*" **). Это понятіе „*aequalitas*" составляетъ основной и исходный принципъ ученія канонистовъ о гражданскихъ сдѣлкахъ и явленіяхъ обмѣна.

„*Aequalitas*" въ гражданскихъ сдѣлкахъ и обмѣнѣ есть ничто иное, какъ справедливость въ примѣненіи къ явленіямъ хозяйственной жизни. Средневѣковые богословы и канонисты, разсматривавшіе идею справедливости въ примѣненіи къ хозяйственнымъ явленіямъ, находились въ этомъ вопросѣ подъ сильнымъ вліяніемъ Аристотеля ***). Мы познакомимся съ ихъ взглядами по замѣчательному изложенію *Lessius'a* ****).

Въ государствѣ устанавливаются, говоритъ *Lessius*, отношенія троякаго рода: во 1-хъ, части къ части — гражданина къ гражданину; во 2 хъ, цѣлаго къ частямъ — государства къ гражданамъ и въ 3-хъ, частей къ цѣлому — гражданъ къ государству. Принципъ, регулирующій всѣ эти отношенія, представляетъ собою справедливость, состоящую въ стремленіи воздать каждому свое, въ стремленіи „*ad aequalitatem*" *†). Отношенія частей къ цѣлому, гражданъ къ государству, составляютъ предметъ „*justitiae generalis*", задача которой заключается въ опредѣленіи обязанностей и поведенія гражданъ по отношенію къ государству, въ томъ, что она „*hominem in habitudine ad Rempub. perficit*" *††).

*) Ibid., n. 82.

**) Ibid., § 1, qu. VII, par. II, ampl. 10, n. 5.

***) Какъ Thom. Aquin., Navar., см. Scaccia, § 1, q VII, p. III, lim. V, n. 7.

****) **Leonardus Lessius,** De justitia et jure etc., libri IV, Lovanii, 1606, L. 2, c. 1, Dub. 1—4.

*†) L. 2, c. 1, d. 1. n. 2.

*††) Ibid., d. 3, n. 10.

Отношенія первыхъ двухъ родовъ, т. е. части къ части и цѣлаго къ частямъ, составляютъ предметъ частной справедливости „*justitiae particularis*“, которая, въ свою очередь, дѣлится на „*justitia commutativa*“, регулирующую взаимныя отношенія гражданъ между собою, и „*justitia distributiva*“, опредѣляющую отношенія государства, какъ цѣлаго, къ гражданамъ, какъ его частямъ *).

Принципъ первой заключается въ томъ, чтобы „*constituere aequalitatem inter datum et acceptum*“ въ сношеніяхъ между гражданами; второй, чтобы установить такую пропорцію между распредѣляемыми благами и обязанностями (*res communes, officia, onera*), какая существуетъ между лицами по отношенію къ признаку, служащему мѣриломъ распредѣленія (*conditiones personarum, dignitas, dives an pauper, nobilis an ignobilis, doctus an indoctus* и т. п.). Въ силу дистрибутивной справедливости каждый получаетъ блага въ той же пропорціи, въ какой обладаетъ даннымъ качествомъ; въ силу коммутативной справедливости — всякій получаетъ воздаяніе, равное его даянію.

Дистрибутивная справедливость дѣйствуетъ при распредѣленіи. Коммутативная же представляетъ собою то именно начало, которое опредѣляетъ и регулируетъ явленіе обмѣна и должно быть присуще всѣмъ сдѣлкамъ гражданскаго оборота **).

Особенность всякой справедливости, а въ томъ числѣ и коммутативной, заключается въ ея объективности; этимъ она отличается отъ другихъ добродѣтелей Справедливость не зависитъ отъ нравственной квалификаціи умысла или намѣренія, она состоитъ исключительно во внѣшней эквивалентности вещей и дѣйствій ***). Справедливое представляетъ собою нѣчто соразмѣрное

---

*) Ibid., d. 4, nn. 20—23.

) **Lessius, ibid., d. 4; **Scaccia**, l. c., § 1, q. 5, n. 99. **Covarruvias**, Opera Omnia. Genevae 1724 l 1. p. II, in 6, § 7 (стр. 622): «etenim justitia distributiva tractat de distribuendis bonis communibus, alicujus nempe communitatis, inter eos, qui ejusdem sunt communitatis: commutativa autem agit de bonis privatis unicuique, cujus ea propria sunt, dandis: atque ita in hoc tendit ut unusquisque habeat a privatis et particularibus quod suum est. Unde prior justitia constituitur respectu communitatis ad privatos, posterior vero respectu privati ad privatum».

***) **Scaccia**, l. c., § 1, q. VII, P. III, l. V, n 7: «justum et injustum non consistit in bonitate aut pravitate animorum et intentionum, sed consistit in rerum et operum externorum aequalitate ut ex Arist. et S. Thom. sequitur Navar....» etc.

съ самою вещью*), нѣчто объективно-среднее („*attingit medium rei*“), независимое отъ субъекта и состоящее въ равенствѣ предмета съ предметомъ: „*in aequalitate rei ad rem*“ **).

Первой и главной формой коммутативной справедливости есть тотъ видъ ея, который имѣетъ мѣсто въ сдѣлкѣ купли-продажи и воплощается въ „*justitia pretii*“. Договоръ купли-продажи является основной формой гражданскаго оборота: „*emptio et venditio fit materia ex qua conficitur negotiatio*“ ***); *justitia pretii* служитъ исходной и основной формой коммутативной справедливости. Подобно тому, какъ договоръ купли-продажи, измѣняя одни признаки и присоединяя другіе, даетъ новые виды сдѣлокъ, такъ и *justitia pretii*, приспособляясь къ этимъ сдѣлкамъ, превращается въ новые виды справедливости и всѣ они объединяются въ одномъ общемъ высшемъ понятіи коммутативной справедливости: „*justitia commutativa, quae est necessaria in contractu, oritur principaliter ex justitia pretii*“ ****).

Такъ какъ всякая коммутативная справедливость выражается въ эквивалентности между даяніемъ и воздаяніемъ, то и справедливость цѣны должна состоять въ эквивалентности обмѣниваемыхъ предметовъ. Въ чемъ же заключается эта эквивалентность?

Въ куплѣ—продажѣ мы имѣемъ, съ одной стороны, продаваемый товаръ — *merx, res vendibilis*, съ другой — то или иное количество денегъ *(nummus, pecunia)*, которое выражаетъ цѣну товара —*pretium* *†). Эквивалентность между товаромъ и его цѣною не можетъ, очевидно, состоять во внѣшнемъ, механическомъ равенствѣ по числу, вѣсу или мѣрѣ, такъ какъ въ этомъ отношеніи товаръ и цѣна совершенно несоизмѣримы. Эквивалентность эта можетъ заключаться только въ равенствѣ оцѣнки съ

---

*) **Lessius**, l. c., d. 1: «quid sit commensum rei, vel juri alterius, ut nec minus nec amplius praestitetur, sed aequale».

**) Ibid.: «Justitia attingit medium rei» .... «in justitia autem semper est idem medium, qualecunque tandem sit subjectum, quod medium consistit in aequalitate rei ad rem (ut pretii ad rem venditam)».

***) **Scaccia**, l. c., § 1, q. 1, n. 83.

****) **Scaccia**, l. c., § 1, q. 1, n. 240.

*†) **Lessius**, l. c., L. 2, c. XXI, d. 1; **Straccha**, Tractatus de mercatura seu mercatore, Lugduni, 1558, p. 1, § 76.

одной стороны, товара, съ другой, того количества денегъ, которое составляетъ цѣну *).

Для опредѣленія справедливой цѣны въ куплѣ-продажѣ и, вообще, во всякой сдѣлкѣ обмѣна, необходимо произвести, по воззрѣніямъ канонистовъ, не одну оцѣнку, а двѣ: съ одной стороны, вещи и, съ другой — вознагражденія за эту вещь — денегъ; эквивалентность этихъ двухъ величинъ, даетъ *justum pretium* — истинную, справедливую цѣну. Что деньги подлежали такой же оцѣнкѣ, какъ товаръ, и что послѣдняя зависѣла отъ тѣхъ же причинъ, какъ и оцѣнка всякаго другого предмета—на это ученые канонисты указываютъ весьма ясно. Хотя нарицательная, установленная закономъ цѣна денегъ, *valor legalis*, остается неизмѣнной — говоритъ *Scaccia* — до тѣхъ поръ, пока она не будетъ измѣнена закономъ или волею государя, тѣмъ не менѣе дѣйствительная оцѣнка денегъ можетъ быть въ то же время различна, въ зависимости отъ качествъ, присущихъ монетѣ; и онъ указываетъ восемь причинъ, по которымъ одна монета можетъ цѣниться иначе, чѣмъ другая, не смотря на одинаковую законную и нарицательную цѣну **). Весьма часто и обстоятельно разъясняетъ *Scaccia* также и то, что одна и та же монета можетъ имѣть различную цѣну въ разныхъ мѣстахъ и въ разное время,

*) Endemann, излагая взглядъ канонистовъ на роль денегъ въ обмѣнѣ, употребляетъ выраженія, дающія возможность думать, будто, по ученію канонистовъ, при куплѣ—продажѣ сравнивалась не оцѣнка товара съ оцѣнкою денегъ, а товаръ, какъ вещь, съ *количествомъ* монеты, разсматриваемой также какъ вещь опредѣленной формы и вида. Онъ говоритъ: «Nach unseren heutigen und im Ganzen auch nach den römischen Begriffen ist der Kauf Austausch einer Sache gegen Geldeswerth, nach kanonischer Idee Umtausch einer Sache.... die Waare heisst, gegen eine Quantität absonderlicher, Münze oder Geld genannter körperlicher Sachen, welche den Preis bilden» и «Sie (Münze) ist, so wie sie daliegt, durch ihre aussere Gestalt und Prage Alles, was sie sein soll» (Die Nat.-Oek. Grunds. d. con. Lehre, Jahrb. f. Nat. Oek., 1863, стр. 340 и 339). Самая возможность подобнаго рода взглядовъ представляется крайне невѣроятной послѣ ученія о происхожденіи денегъ Аристотеля и римскихъ юристовъ, ученія, прекрасно извѣстнаго канонистамъ; и дѣйствительно, канонической доктринѣ совершенно чужды приписываемые ей Endemann'омъ воззрѣнія на деньги. Напротивъ того, канонисты весьма ясно видѣли и отмѣчали присутствіе въ монетѣ цѣнности, подчиненной тѣмъ же законамъ, какъ и цѣнность всякаго другого предмета, какъ мы увидимъ это дальше.

**) Scaccia, op. cit., § 1, q. IV, n. 28.

подобно всякому другому товару *), что цѣнность денегъ можетъ быть различна въ зависимости отъ условій предложенія и спроса **); вообще, всѣ тѣ причины, которыя, какъ мы увидимъ ниже, вліяютъ на оцѣнку предметовъ, оказываютъ вліяніе, по его мнѣнію, и на цѣну денегъ; деньги подлежатъ такой же оцѣнкѣ — *aestimatio* — какъ и всѣ другіе предметы, и въ этомъ отношеніи ничѣмъ не отличаются отъ всѣхъ *res vendibiles* ***).

Другой авторъ, *Lessius*, даже не дѣлаетъ особаго различія между оцѣнкой денегъ со стороны закона и свободной оцѣнкой ихъ путемъ *communis consuetudo*; и та и другая основаны на внутреннемъ достоинствѣ монеты, на качествѣ металла и его вѣсѣ. Но эта „внутренняя“ *(intrinseca)* цѣнность, которую онъ называетъ вмѣстѣ съ тѣмъ законною, имѣетъ значеніе только по отношенію къ самой монетѣ и другимъ сортамъ монеты той же страны, законная оцѣнка которыхъ, очевидно, покоится на тѣхъ же основаніяхъ. По отношенію же къ товарамъ и деньгамъ другихъ странъ, монета, не смотря на присущую ей законную цѣну, цѣнится въ зависимости отъ ея количества и вообще отъ условій предложенія и спроса ****). Однимъ словомъ, никакой существенной разницы въ оцѣнкѣ денегъ и другихъ товаровъ не существуетъ *†). И это весьма понятно. Хотя деньги отличаются отъ другихъ товаровъ тѣмъ, что волею государя или закономъ имъ присваивается извѣстная законная цѣна, но эта цѣна не произвольна: она должна равняться цѣнѣ металла, содержащагося въ монетѣ, съ присоединеніемъ незначительныхъ издержекъ на чеканку, и, монета, даже если бы она была лишена установленной властью оцѣнки, должна сохранить свою прежнюю цѣну, за вычетомъ только упомянутыхъ издержекъ чеканки. Несоблюденіе этого условія при установленіи законной

*) **Scaccia**, op. cit., § 1, q. IV, n. 26.

**) Ibid., § 1, q. VII, p. 1, n. 48.

***) Ibid., § 1, q. IV, n. 25; § 1, q. 1, n 212, n. 424, 432; § 1, q. 7, p. 1, n. 48 и во многихъ другихъ мѣстахъ.

****) **Lessius**, op. cit., l. 2, c. 23, d. 4, nn. 34—38 и др.

*†) **Endemann**, op. cit., стр. 342: «Ex eo, quod non est ejusdem metalli, ex inaequali bonitate, ex inaequali figura, ex pondere, ex diversitate loci, ubi est, ex majori abundantia traten bei dem Umtausch verschiedener Geldsorten Werthdifferenzen ein. Der valor der einen oder der anderen Geldsorte stieg oder fiel unter dem Einfluss solcher Umstände und nöthigte zu der Annahme, dass das Geld mensura und mensuratum zugleich sei».

цѣны дѣлаетъ монету негодной къ обращенію *) Не во власти государя — говоритъ *Biel* — установить цѣну монеты по своему произволу; онъ долженъ сообразоваться при этомъ съ дѣйствительнымъ отношеніемъ золота къ серебру и чистаго серебра къ серебру съ лигатурой. Оцѣнка денегъ, въ концѣ-концовъ, принадлежитъ обществу **).

Хотя, такимъ, образомъ, цѣна денегъ и не представляется разъ на всегда установленной и неизмѣнной, тѣмъ не менѣе *данное время и въ данномъ мѣстѣ* деньги имѣютъ нѣкоторую общеизвѣстную, точно установленную закономъ или обычаемъ оцѣнку, съ которой и сравнивается оцѣнка всѣхъ другихъ товаровъ и вещей. Въ этомъ смыслѣ деньги являются орудіемъ измѣренія цѣнности всѣхъ другихъ предметовъ — *mensura*, эквивалентомъ ихъ цѣнности — *pretium* ***). Благодаря способности выражать въ своей цѣнности цѣнность всякаго другого предмета, деньги какъ бы содержатъ въ себѣ „*in virtute*“ всякій предметъ, который можетъ быть выраженъ въ денежной оцѣнкѣ ****). Служить мѣрою и эквивалентомъ цѣнности всѣхъ предметовъ — въ этомъ заключается существенное назначеніе денегъ *†).

Такимъ образомъ, взглядъ канонистовъ на роль денегъ въ дѣлѣ измѣренія цѣнности другихъ предметовъ представляется для насъ яснымъ; деньги не представляютъ какого-либо абсолютно неизмѣннаго мѣрила цѣнности; онѣ не обладаютъ произвольно установленною закономъ или властью цѣною; цѣнность ихъ можетъ измѣняться и опредѣляется тѣми же законами, какъ

---

*) **Scaccia**, op. cit., § II, Gl. III, n. 91. **Nic. Oresmius** (Traictie de la première invention des Monnoies de Nicole Oresme. M. Wolowski. Paris. 1864) настоятельно указываетъ на независимость цѣны денегъ отъ воли государя; деньги, по его мнѣнію, общественное достояніе и оцѣнка ихъ зависитъ только отъ communis aestimatio.

) **Gabriel Biel, de monetarum potestate simul et utilitate libellus, 1542, см. **Schmoller**, въ Tüb. Zeitschr., 1860, стр. 600.

***) **Lessius**, op. cit., L. 2, c. XXI, d. 1.

****) **Scaccia**, op. cit., § 1, q. VII, par. 1, n. 14.

*†) **Scaccia**, ibid., n. 13: «proprius pecuniae usus est ut ipsa fit mensura, regula et pretium omnium rerum». **G. Biel**, op. cit.: «quanto enim re aliqua plus indiget humana necessitas, tanto plus valet et valor pretii crescit et ideo, secundum relationem numismatis et commutabilium ad indigentiam humanam, *numisma est certa mensura omnium commutabilium et venalium*» см. Schmoller, Tüb. Zeitschr., 1860, стр. 602.

и цѣнность другихъ предметовъ; но въ данное время и въ данномъ мѣстѣ, она принимается за единицу сравненія для всѣхъ прочихъ предметовъ. Справедливая цѣна заключается въ совпаденіи этой данной, опредѣленной цѣнности денегъ съ цѣнностью товара или продаваемой вещи.

Очевидно, разъ цѣнность денегъ принималась за величину извѣстную, за единицу сравненія, то для отысканія справедливой цѣны, необходимо было только опредѣлить цѣнность вещи и взять соотвѣтствующее этой цѣнности количество денегъ. Такимъ образомъ, вопросъ сводился къ оцѣнкѣ продаваемой вещи, а слѣдовательно, къ уясненію тѣхъ законовъ, которымъ подчиняется цѣнность вещи.

Можно было бы думать, что изученіе условій образованія „справедливой“ цѣны вводитъ въ наше изслѣдованіе посторонній экономическимъ законамъ элементъ справедливости, даетъ намъ понятіе о томъ, какъ должна опредѣляться цѣна вещи, чтобы быть справедливой, а не о томъ, какъ она опредѣляется на самомъ дѣлѣ. Такое опасеніе является, однако, неосновательнымъ. Правда, *justum pretium* это такая цѣна, которая *должна* существовать, и отъ которой *не слѣдуетъ* отступать Но вмѣстѣ съ тѣмъ это есть та, именно, цѣна, которая можетъ установиться на рынкѣ сама собою всякій разъ, когда стороны вступаютъ въ сдѣлку не по принужденію, незнанію, или въ силу неизбѣжности, „*non quia fatui, arctati vel decepti*“, а по собственному свободному выбору, „*ex libertate et electione*“ *), когда въ своей взаимной, свободной и добросовѣстной оцѣнкѣ предмета **) онѣ руководствуются не свойственными имъ индивидуальными, случайными побужденіями, а тѣми общими соображеніями, подъ вліяніемъ которыхъ обыкновенно дѣйствуютъ всѣ вообще или большинство лицъ, вступающихъ въ сдѣлки даннаго рода; однимъ словомъ, справедливая цѣна — это обыкновенная цѣна для нормальнаго продавца и нормальнаго покупателя ***).

*) **J. Nider,** Compendiosus tractatus de contractibus mercatorum, Lugduni, 1558, c. 2, n. 5.

) **Nider, op. cit., c. 1, n. 9: «sit autem aequalitas nihil aliud, quam aestimatio mutua voluntaria bona fide facta».

***) **Scaccia,** op. cit., § 1, q. VII, p. II, ampl. 10, n. 56: «in re mobili justum pretium dicitur illud quod communiter a non constituto in egestate reperitur similis rei; et sic res tanti valet, quanti communiter

Напротивъ, несправедливая цѣна, *injustum pretium*, образуется подъ вліяніемъ какихъ-либо случайныхъ причинъ, дѣйствующихъ не при всякой, вообще, сдѣлкѣ обмѣна, а въ томъ или другомъ частномъ случаѣ. Такія причины ставятъ одну изъ участвующихъ въ обмѣнѣ сторонъ въ болѣе выгодное, другую въ менѣе выгодное положеніе, сравнительно съ положеніемъ соотвѣтствующихъ сторонъ во всѣхъ другихъ сдѣлкахъ того же рода. Такъ, напр., несправедливой будетъ цѣна, устанавливающаяся подъ вліяніемъ бо́льшей нужды продать или купить вещь, сравнительно съ той, какая вообще имѣетъ мѣсто при всѣхъ другихъ обыкновенныхъ сдѣлкахъ того же рода. Несправедливой будетъ также цѣна, основанная на особенной неопытности покупателя или его чрезмѣрной страсти къ предмету *).

Однимъ словомъ „справедливая“ цѣна устанавливается подъ дѣйствіемъ причинъ общихъ и нормальныхъ, „несправедливая“— есть результатъ отклоненій, производимыхъ въ томъ или другомъ частномъ случаѣ причинами случайными и ненормальными.

Очевидно, что изслѣдованіе воззрѣній канонистовъ на условія и законы образованія справедливой цѣны и на причины, вызывающія отклоненія отъ послѣдней, приводятъ насъ къ самой цѣли нашего изслѣдованія, заключающейся въ томъ, чтобы изложить взгляды изучаемыхъ нами авторовъ на общіе и частные законы, управляющіе, по ихъ мнѣнію, явленіями обмѣна въ дѣйствительности.

Здѣсь необходимо сдѣлать нѣкоторую оговорку. Мы только что указали на то, что, по понятіямъ канонистовъ, *justum pretium* представляетъ собою такую цѣну, которая свободно устанавливается подъ дѣйствіемъ общихъ экономическихъ законовъ.

---

vendi potest non constituto in egestate et intelligenti, et scienti conditionem rei et habenti aetatem perfectam et plenum judicium ...» **Lessius**, op. cit., L. 2, c. XXI, d. 2, § 9: «non ex affectu nec utilitate singulorum, sed communiter....». **Nider**, op. cit., c. II, n. 2: «....secundum Albertum.... justum pretium est, quod secundum aestimationem fori istius temporis potest valere res vendita».

*) **Scaccia**, op. cit.: «augere et minuere pretium propter urgentem necessitatem...» etc. § 1, q. 7, p. 3, lim. 6, n. 3; ibid., § 1, q. 7, p. 2, ampl. 10, nn. 60, 62; «.. pretium non debet augeri ex qualitate emptoris... non minuatur ex qualitate venditoris...» etc.; Thomas Aqu. см. **Ashley**, an Introduction to english economic History and Theory, 1888, стр. 140.

Между тѣмъ, какъ извѣстно, канонисты считали справедливой — *justum pretium* — и такую цѣну, которая устанавливалась закономъ или правительствомъ *) Казалось бы, что такая законная цѣна — *pretium legale* —, какъ свободный актъ законодательной или административной дѣятельности, не можетъ быть лишь простымъ проявленіемъ дѣйствія экономическихъ законовъ, подобно рыночной цѣнѣ — *pretium vulgare seu naturale* **) —, которая составляетъ естественный результатъ дѣйствія этихъ законовъ. Не таковъ, однако, былъ взглядъ канонистовъ на *pretium legale*. Для нихъ не существовало принципіальной экономической разницы между законной оцѣнкой и справедливой цѣной, устанавливающейся по свободному соглашенію сторонъ. Законная цѣна не была, по представленію канонистовъ, произвольной; законъ или административное распоряженіе не выдумывали ея. Это была та же самая справедливая цѣна, которая установилась бы сама собою при данныхъ условіяхъ и помимо всякаго вмѣшательства власти, съ тою только разницею, что эта справедливая цѣна путемъ законодательнаго или административнаго постановленія закрѣплялась во всеобщее свѣдѣніе, для обязательнаго исполненія. Задача власти заключалась единственно лишь въ томъ, чтобы опредѣлить ту справедливую цѣну, которая должна была бы установиться при данныхъ условіяхъ само собою, и сдѣлать ее общеизвѣстною и общеобязательною. Законъ въ *pretium legitimum* исполнялъ ту роль, которая во всѣхъ прочихъ случаяхъ доставалась на долю обычая, житейской практики и общественнаго мнѣнія; но, принявъ на себя эту роль, законъ исполнялъ ее сообразно съ своей природой: въ то время, какъ справедливая цѣна, установленная самою жизнью, могла свободно измѣняться путемъ той же житейской практики, законная цѣна была обязательна и могла измѣниться не иначе какъ путемъ закона ***). Такимъ образомъ процессъ образованія цѣны и причины,

*) **Lessius**, op. cit. L. 2, c. XXI, d. 2: «Justum pretium censeri, quod vel a potestate publica ob bonum commune est taxatum, vel communi hominum aestimatione determinatum».

) **Lessius, op. cit., L. 2, c. XXI, d. 2, n. 9.

***) **Lessius**, L 2, c. XXI, d. 2. **Scaccia**, op. cit., § 1, q. VII, p. II, ampl. 10, n. 56: «aequipararem taxationem, factam a lege, et factam a consuetudine, quia consuetudo est lex non scripta» etc.

въ зависимости отъ которыхъ она устанавливалась въ томъ или иномъ размѣрѣ, были одинаковы какъ для справедливой цѣны, устанавливающейся свободно, такъ и для *pretium legale*; разница начиналась лишь съ момента констатированія цѣны; въ одномъ случаѣ оно происходило путемъ обычая или общественнаго мнѣнія, въ другомъ — путемъ закона. Очевидно, что подобное представленіе о „законной" цѣнѣ могло возникнуть лишь въ силу убѣжденія, будто государство въ состояніи правильно и безошибочно опредѣлить всѣ моменты, вліяющіе на цѣну и дать имъ точное выраженіе въ той или другой справедливой оцѣнкѣ. Нѣкоторые авторы даже полагали, что государство лучше можетъ исполнить эту задачу, чѣмъ кто бы то ни было *). Ошибочность такого мнѣнія въ настоящее время очевидна; государство не въ состояніи ни уловить всѣхъ моментовъ опредѣляющихъ цѣну предметовъ въ данное время, ни услѣдить за постоянными ея колебаніями. Грубая ошибка канонистовъ въ этомъ вопросѣ проистекала, однако, не изъ экономическаго заблужденія относительно законовъ обмѣна, а изъ ошибочнаго представленія о задачахъ свѣтской и духовной власти и о способности и средствахъ ея къ осуществленію этихъ задачъ **) ***).

---

*) **Lessius**, op. cit., L. 2, c. XXI, d. 2: «... Superiores possunt melius caeteris omnes nosse circumstantias, ex quibus aestimatio rerum crescit, vel decrescit...»

) **Cusumano, Dell' Economia politica nel Medio-Evo въ Arch. Giuridico v. XVI, 1876, стр. 468 и сл.) полагаетъ, что на практикѣ всѣ предметы были раздѣлены на три категоріи: предметы первой необходимости, предметы удобства и роскоши (di commodità e di ornamento) и предметы рѣдкости. Цѣна первыхъ опредѣлялась, по его мнѣнію, закономъ, вторыхъ — свѣдущими людьми и третьихъ — свободнымъ соглашеніемъ контрагентовъ; такимъ образомъ получались «prezzo legale», «prezzo prudentiale» и «prezzo convenzionale». При этомъ Cusumano совершенно ошибочно полагаетъ, будто, по мнѣнію средневѣковыхъ богослововъ и канонистовъ, только «prezzo conventionale» опредѣлялось и измѣнялось подъ вліяніемъ моментовъ, дѣйствующихъ на цѣну, тогда какъ «prezzo legale» и «prudentiale» не зависѣло отъ этихъ моментовъ и было постоянно. Да и самое дѣленіе предметовъ по отношенію къ цѣнѣ на указанныя три категоріи установлено Cusumano произвольно.

***) Однимъ изъ первыхъ Sabba di Castiglione (Ricordi di Frate Sabba di Castiglione 1560 цит у **Cusumano**: ibid., стр. 472 и 473) указалъ на то, что ни власть, ни свѣдущіе люди не въ состояніи при устано-

Итакъ, изложеніе тѣхъ моментовъ, которые опредѣляютъ „справедливую“ и „несправедливую цѣну, уяснитъ намъ взглядъ канонистовъ на законы обмѣна и цѣнности. Къ изученію этихъ моментовъ мы и обратимся.

Цѣна, по воззрѣніямъ канонистовъ, какъ мы видѣли, представляетъ то количество денегъ, оцѣнка котораго, принимаемая за величину извѣстную, равняется оцѣнкѣ даннаго предмета. Чѣмъ же опредѣляется оцѣнка даннаго предмета?

Всякій предметъ можетъ представлять для извѣстнаго лица свою особую полезность, основанную на спеціально этому лицу присущемъ складѣ потребностей, вкусовъ и даже способностей; благодаря такой полезности, предметъ пріобрѣтаетъ для этого лица свое особое значеніе, быть можетъ, отличное отъ значенія того же предмета для другихъ. Однако, это чисто субъективное, индивидуальное значеніе вещи не служитъ, по мнѣнію канонистовъ, мѣриломъ ея цѣны *); послѣдняя устанавливается безъ всякаго вниманія къ этой особой индивидуальной полезности **).

Цѣна является результатомъ нѣкоторой общей всѣмъ оцѣнки предмета — *communis aestimatio*, независимой отъ индивидуальныхъ сужденій и основанной на извѣстныхъ объективныхъ признакахъ и условіяхъ, относимыхъ къ самому предмету.

Къ числу послѣднихъ принадлежатъ полезныя свойства предмета. Средневѣковые богословы и канонисты даютъ въ общемъ полное и правильное представленіе о полезности, какъ элементѣ оцѣнки предмета и основанной на ней цѣны. Прежде всего полезность основана на извѣстныхъ присущихъ самому предмету качествахъ и въ этомъ смыслѣ является нѣкоторымъ объективнымъ свойствомъ предмета. Такимъ образомъ *Scaccia* говоритъ о внутренней добротѣ — „*bonitas intrinseca*“, какъ основаніи оцѣнки ***), — *Bernardinus Senensis* — о „*virtus*“ полезнаго пред-

---

вленіи цѣны услѣдить за всѣми моментами, ее опредѣляющими, и что поэтому таксы вызываютъ недостатокъ товаровъ. На этомъ основаніи онъ осуждалъ учрежденія, имѣющія цѣлью установленіе таксъ.

*) **Lessius**, l. c., n. 9, цит.: «non ex affectu nec utilitate singulorum, sed communiter funguntur . . .» etc.

) **Scaccia, op. cit., § 1, q. VII, p. II, ampl. 10, n. 60: «nulla habita consideratione futurae utilitatis, quam *peculiariter* percepturus est ipse emptor, propter aliquam *particularem* qualitatem, quam habet».

***) **Scaccia**, op. cit., § 1, q. 1, n. 436.

мета *). Эта доброта не есть, однако, достоинство предмета самого по себѣ, его, такъ сказать, іерархическое положеніе въ природѣ; она есть лишь достоинство предмета по отношенію къ человѣческимъ потребностямъ. „*Mus naturaliter melior est, quam aurum vel panis*“ — говоритъ *Nider* **), однако такое превосходство не имѣетъ никакого отношенія къ оцѣнкѣ; послѣдняя соразмѣряется съ добротой вещи, какъ свойствомъ служить человѣческимъ потребностямъ — *secundum quod melior est usui humano* ***). Съ этой точки зрѣнія полезность вещи не есть лишь объективно присущее предмету свойство, а признанная человѣкомъ способность служить удовлетворенію его потребностей. Насколько это основное понятіе теоріи цѣнности правильно понималось уже въ то время, видно изъ дальнѣйшаго изложенія *Nider'a*, подкрѣпляющаго свое мнѣніе ссылками на другихъ авторовъ. Между прочимъ, онъ указываетъ на то обстоятельство, что полезность вещи можетъ увеличиться, хотя объективныя свойства вещи остаются безъ измѣненія; происходитъ же это либо отъ того, что полезныя свойства предмета прежде не были извѣстны, а теперь стали извѣстны, либо отъ того, что прежде не было той потребности, которую вещь можетъ удовлетворять, а теперь такая потребность явилась ****).

Канонисты, далѣе, указывали различныя степени полезности, въ зависимости отъ значенія для человѣка потребностей, удовлетворяемыхъ полезнымъ предметомъ. Въ этомъ смыслѣ различалась: *necessitas, utilitas* *†) и *delectabilitas* *††) предметовъ.

---

*) **Funk,** Ueber d. ökonomisch. Anschauungen der mittel-allerlichen Theologen, Tübing. Zeitsch., 1869, т. 25, стр. 154, цитируется Bernard. (изд. 1745. Венеція) т. II, стр. 203, т. III, стр. 236. «Res potest plus et minus valere tribus modis. Primo modo, secundum suam virtutem: quia panis bonus plus valet, quam malus».

) op. cit., гл. 2, n. 3; Buridanus, цит. у **V. Brants', op. cit., стр. 69.

***) Ibid., также **Endemann,** Nat. Grunds., цитата на стр. 360.

****) **Nider.,** op. cit., c. 2, n. 4: «...ante nesciebatur, quod bona esset: et jam scitur. Aut quia est jam ejus indigentia et prius non fuit, ut si res valens contra infectionem aëris carius emeretur tempore pestilentiae, quam extra illud». Въ такихъ случаяхъ, по словамъ Nider'a, «res aestimatione melioratur».

*†) **Lessius,** op. cit., L. 2, c. XXI, d. 2, n. 8.

*††) **Bernard.,** т. 2, стр. 205, (цит. у **Funk'a,** стр. 155, прим.).

Что касается вопроса о способѣ и мѣрѣ вліянія полезности вещи на ея цѣну, вопроса, кстати сказать, не вполнѣ разрѣшеннаго и по настоящее время, то въ этомъ отношеніи мы не находимъ у канонистовъ никакихъ указаній Пока еще дѣло касается сравненія предметовъ одного и того же рода, напр., лучшаго хлѣба съ худшимъ и т. п., вопросъ разрѣшается весьма просто тѣмъ, что предметъ съ лучшими качествами, способный лучше удовлетворять потребности, цѣнится выше однороднаго предмета съ худшими качествами *). Но уже въ томъ случаѣ, когда приходится сравнивать предметы разнаго рода, оказывается, что предметы удовлетворяющіе самыя насущныя потребности, цѣнятся часто, и даже обыкновенно, дешевле предметовъ менѣе необходимыхъ. Каноническая доктрина нигдѣ не ставила себѣ задачи болѣе точно формулировать законъ зависимости цѣны отъ полезности. Она ограничивалась лишь тѣмъ, что при сравненіи предметовъ одного и того же рода указывала на возрастаніе оцѣнки предмета съ увеличеніемъ полезныхъ свойствъ, а въ остальныхъ случаяхъ констатировала лишь вообще вліяніе полезности, не вдаваясь въ болѣе точное его изслѣдованіе. Такое положеніе этого вопроса нисколько не должно удивлять насъ, если мы вспомнимъ, что и впослѣдствіи въ теченіе долгаго еще времени большинство писателей совершенно не задавались вопросомъ о природѣ зависимости цѣнности отъ полезности, ограничиваясь такимъ же общимъ констатированіемъ этой зависимости, какую мы находимъ у канонистовъ, а въ позднѣйшее время экономисты даже прямо отрицали всякое правильное соотношеніе между полезностью и цѣнностью, или потребительною и мѣновою цѣнностью; первая была признана необходимымъ условіемъ послѣдней, но каждая измѣнялась по своему особому закону, независимо одна отъ другой. Впрочемъ уже и въ разсматриваемой нами литературѣ мы находимъ указаніе на то, что оцѣнка предметовъ, выражающаяся въ цѣнѣ, и полезность подчиняются различнымъ, какъ бы противоположнымъ законамъ **). Вообще же

*) **Nider**, l. c., n. 1; также ср. **Funk**, стр. 154.

**) Bernard. t. II, стр. 205, цит. у Funk'a стр. 155: «...communis aestimatio in pretiis praefert ultima (т. е. res delectabiliores) primis (т. е. res utiliores) et talis aestimatio est sequenda». Здѣсь же мы находимъ и указаніе на невозможность цѣнить нѣкоторыя вещи по ихъ полезности, или потребительной цѣнности, такъ многія блага неоцѣнимы — pretium impretiabile, какъ напр. совѣтъ врача (т. II, стр. 204 и т. III, стр. 237) (Funk. стр. 154).

изучаемая нами литература того времени никакихъ дальнѣйшихъ выводовъ изъ понятія полезности не дѣлала и для ближайшаго объясненія явленій оцѣнки и обмѣна переходила къ другимъ моментамъ.

Слѣдующимъ такого рода моментомъ обыкновенно являются расходы, трудъ и заботы по перемѣщенію товара изъ одного мѣста въ другое, его храненію, а также рискъ и потери, сопряженные съ такого рода операціями *). Сюда же относятся тотъ трудъ, искусство и заботы, которые прилагаются съ цѣлью сдѣлать вещь болѣе доступной, полезной и пріятной для покупателя **). Всѣ эти обстоятельства не измѣняютъ объективныхъ признаковъ самой вещи, тѣмъ не менѣе дѣлаютъ ее болѣе цѣнною и этотъ излишекъ въ цѣнѣ составляетъ заработокъ купца, лавочника, трактирщика и вообще всякаго лица, прилагающаго къ вещи трудъ, старанія и издержки и подвергающагося риску ***). При этомъ, однако, принимаются во вниманіе не всякій вообще трудъ и расходы, потраченные въ дѣйствительности, а только такіе, которые *обыкновенно* производятся и должны производиться или, выражаясь современной терминологіей, *общественно-необходимые трудъ и издержки* ****).

Послѣдніе поднимаютъ цѣнность вещи вслѣдствіе того, что должны быть вознаграждены. Вознагражденіе за затраты и по-

---

*) **Scaccia,** Op. cit., § 1, q. 1, n. 436: «pretium justum cujusque rei dicitur illud in quo aestimantur et considerantur bonitas intrinseca ipsius rei, copia et inopia, *impensa et labor, qui in transportatione de uno ad alium locum requiruntur, item solicitudo et impensa, quae in ejus conservatione sunt adhibendae,* et demum considerari debet periculum quod vendens in illius rei acquisitione et transportatione subiit.»; **Lessius,** op. cit., L. 2, c. XXI, d. 2, n 8: «... labores exspensae, pericula, damna in illis comparandis, adducendis et conservandis», **Nider,** op. cit., c. 2, n. 9 и 10 и др.

) **Nider, l. c.: «ratione servitii quod circa eam fecit vel per industriam, prudentiam; sollicitudinem ae periculum, quod circa eam habuit», или «.. exponendo ad commune forum et ibi standO, ut quilibet indigens prompte possit habere».

***) **Nider,** l. c., n 9: «collectores hospitum, campsores, institores, caupones, penestici et quicunque stationarii possunt rem nullo modo etiam mutatam nec in se, nec in aestimatione vendere carius, quam emerunt».

****) **Lessius,** l. c., n. 29: «quae ordinarie fieri solent» и «si ab aliquo plures factae sunt, ipsius est infortunium, nec ideo pretium commune audere potest; sicut nec tenetur minuere etiamsi nullas expensas fecerit». **Scaccia,** § 1, q. 1, n. 428, 521 и мн. др.

тери заключается, очевидно, въ возмѣщеніи ихъ денежной стоимости; кромѣ дѣйствительно понесенныхъ потерь, самая ихъ возможность также можетъ быть оцѣнена на деньги и страховая премія должна быть возмѣщена въ цѣнѣ товара *). Болѣе всего, однако, интересенъ вопросъ о вознагражденіи за трудъ.

Прежде всего, трудъ, по взглядамъ канонистовъ, увеличиваетъ цѣнность предмета и можетъ требовать вознагражденія только въ томъ случаѣ, если онъ полезенъ; ни одинъ разумный покупатель не согласиться дать, что-либо за безполезную или вредную услугу **). При этомъ одни, сверхъ того, требовали, чтобы трудъ былъ честенъ и непозоренъ ***), другіе, однако, отвергали такое требованіе ****).

Вознагражденіе за трудъ соразмѣряется съ его количествомъ и качествомъ; „*unusquisque secundum suum laborem mercedem recipiet*“; одинъ трудъ сравнивается съ другимъ, съ одной стороны, по своей тягости для работника, и съ другой—по своему полезному дѣйствію *†); квалифицированный трудъ вознаграждается выше простого, искусство и опытность требуютъ особаго соотвѣтствующаго имъ вознагражденія; сверхъ того, вознагражденіе должно соотвѣтствовать и риску, сопряженному съ трудомъ и подготовленіемъ къ нему *††).

---

*) **Scaccia** доказываетъ это во многихъ мѣстахъ цитир. трактата, напр., § 1, q. 1, n. 436.

) **Nider, op. cit., c. 3, n. 8.

***) **Scotus,** цит. у Nider'a, c. 2, n. 10: «dixit propter meretrices et histriones».

****) Обширныя указанія на литературу этого спорнаго вопроса у **Scaccia** (§ 1, q. VII, p. II, ampl. 19, n. 98 и *сл.*), который самъ держится того мнѣнія, что meretrix и mathematicus имѣютъ право, какъ съ точки зрѣнія закона, такъ и совѣсти, не возвращать вознагражденія за свои услуги, если они его получили и требовать, если не получили. Въ подтвержденіе своего мнѣнія онъ приводитъ различныя юридическія соображенія.

*†) **Nider,** op. cit., c. 2, n. 9: «tam graviter laboret unus sicut alius; et tam gratus ac desideratus est hominibus labor hujus ut illius».

*††) Ibid., n. 10: «unusquisque potest industriam et sollicitudinem juste vendere», «industriam et peritiam locare»; **Scaccia,** op. cit., § 1, q. 7, p. 2, amp. 6, n. 14; относительно высокой платы за квалифицированный трудъ высшихъ чиновниковъ у **Bernardinus:** «major peritia et industria et amplior sollicitudo mentalis» этихъ лицъ пріобрѣтается «multo et diuturno studio atque experientia et labore multisque periculis et expensis» (цитир. у Funk'a, стр. 156).

Кромѣ этого относительнаго масштаба, соизмѣряющаго вознагражденіе за трудъ съ тѣми или другими его качествами, канонисты указываютъ и другую болѣе абсолютную мѣру этого вознагражденія. Оно должно дать работнику и его семьѣ необходимыя средства къ жизни; *sustentatio necessaria* — это минимумъ рабочей платы, и на нее можетъ и долженъ расчитывать всякій полезный работникъ *). Въ силу этого, минимумъ рабочей платы какъ бы считается соотвѣтствующимъ вознагражденію за простой трудъ, а все превышающее необходимыя для жизни средства соотвѣтствуетъ уже особымъ качествамъ труда и работника **).

Такимъ образомъ, изъ всего изложеннаго ясно видно, что положеніе „*dignus est operarius mercede sua*“ было построено у канонистовъ на широкомъ и правильномъ принципѣ вознагражденія за трудъ, обнимающемъ всѣ существенные элементы рабочей платы.

Перейдемъ къ слѣдующему моменту, вліяющему по ученію канонистовъ, на цѣнность — къ предложенію и спросу.

Въ предложеніи и спросѣ канонисты различали, прежде всего, его экстенсивность и притомъ въ двухъ направленіяхъ — объективномъ и субъективномъ. Объективная экстенсивность предложенія и спроса — т. е. количество предметовъ, предлагаемыхъ къ сбыту, и количество, на которое заявляется спросъ, является однимъ изъ моментовъ, наиболѣе рѣзко проявляющихъ свое вліяніе на цѣнность, и канонисты придавали этому моменту особенно важное значеніе въ образованіи цѣны. *Copia vel inopia, abundantia vel penuria mercium, raritas* — со стороны предложенія, и размѣръ предполагаемыхъ покупокъ, со стороны спроса, всегда и всюду указываются ими какъ существенные элементы оцѣнки предметовъ и ихъ цѣны. Недостатокъ товаровъ при большомъ спросѣ поднимаетъ цѣну, избытокъ ихъ, при ограниченномъ спросѣ, понижаетъ ее ***).

---

*) **Nider**, l. c., n. 10: «unumquemque in opere honesto reipublicae servientem oportet de labore vivere» — авторъ подкрѣпляетъ цитату (изъ Scotus) своими разсужденіями.

**) Ibid. «... potest juste *ultra sustentationem necessariam* pro se et familia sua .... recipere pretium correspondens *industriae* suae et ultra hoc aliquid tertio correspondens *periculis* suis».

***) **Lessius**, op. cit., c. XXI, d. 2, nn. 8, 30; **Scaccia**, § 1, q. 1, nn. 429, 436; q. VII, nn. 47, 48; также q. V, n. 65: «lanarum Hispanica-

Далѣе канонисты указывали на вліяніе субъективной экстенсивности предложенія и спроса, т. е. числа конкурррентовъ; цѣна зависѣла какъ отъ того, „*sintne multi an pauci emptores*“ *), такъ и отъ того, насколько велика конкурренція на сторонѣ *продавцевъ*, и если покупатели были принуждены обращаться къ одному только продавцу, то послѣдній легко могъ требовать цѣну, превышающую дѣйствительную стоимость его товара или труда **). Естественное или искусственное ограниченіе числа продавцевъ или покупателей, или стачка тѣхъ и другихъ создаютъ монополію и даютъ возможность монополистамъ повышать или понижать цѣны. Монополіямъ *Scaccia* посвящаетъ особую главу, въ которой весьма вѣрно рисуетъ характерные признаки этого экономическаго явленія. Монополія является, говоритъ *Scaccia*, въ тѣхъ случаяхъ, когда „*quis emit a principe privilegium ut solus ipse vendat, vel duo aut tres, reliquam mercatorum multitudinem antevertentes, mercium acervum coemunt, ut universi ad ipsos confluere cogantur, vel jurata fide constituunt, ut nullus eorum nisi tanti vendat, hinc enim raritate venditorum pretiumacc rescit et oritur monopoliorum iniquitas*“ ***) Отъ монополій часто терпѣли и сами государи, когда имъ приходилось заключать невыгодные займы у монополизировавшихъ денежный рынокъ банкировъ, но, въ особенности, вредными оказывались, по мнѣнію *Scaccia*, монополіи въ тѣхъ случаяхъ, когда онѣ направлялись на предметы первой необходимости и вызывали возвышеніе цѣны въ ущербъ несостоятельнымъ людямъ, „*qui non inveniunt unde emant ad sui sustentationem*“ ****) Искусственныя монополіи *Scaccia* считаетъ

---

rum pretium crescat et decrescat ex copia et inopia commissionum a Genuensibus emanantium; quia si *multae* atque *amplae* sint commissiones Genuensium ad emendas lanas *accrescit* lanarum pretium, si vero sunt *paucae, minusque amplae decrescit* pretium....› Самые необходимые предметы, если имѣются въ избыткѣ, стоятъ дешево или ничего не стоятъ, какъ напр. вода; и тѣ же предметы, когда въ нихъ ощущается недостатокъ, сильно поднимаются въ цѣнѣ — см. **Funk**, l. c., стр. 154, 155.

*) **Lessius**, l. c., d. 2, nn. 8, 30; **Scaccia**, въ разныхъ мѣстахъ.

) **Nider, op. cit., c. 3, n. 8.

***) **Scaccia**, op. cit., § 1, lim X, n. 12

****) Ibid., n. 2.

несправедливыми, недозволенными и „*tanquam diabolica extirpanda*“ *).

Кромѣ экстенсивности предложенія и спроса канонисты различали также его интенсивность. Въ этомъ отношеніи они указывали, что цѣна зависитъ отъ того, насколько настоятельна для продавцевъ необходимость сбыть товары — „*an ultro offerant an rogati vendant*“ **) — и какъ сильно покупатели желаютъ пріобрѣсти эти товары или нуждаются въ нихъ: „*avidi ad emendum*“, или „*quaeruntur aut rogantur*“ ***).

Наконецъ, послѣдній элементъ предложенія и спроса — это состоятельность или покупныя средства покупателей; цѣна тѣмъ выше, чѣмъ болѣе состоятельны покупатели — *opulenti, pecunia abundant* ****).

Такимъ образомъ канонисты имѣли довольно полное и правильное представленіе о разныхъ элементахъ предложенія и спроса; они указывали вліяніе на цѣну размѣровъ и интенсивности предложенія и спроса, числа продавцевъ и покупателей, платежныхъ средствъ покупателей *†).

---

*) Ibid., n. 1. Замѣчательно, что Scaccia считаетъ ремесленниковъ пользующимися монополіей въ установленіи цѣнъ на свои продукты: «valde injustam esse aestimationem, quam hic in Urbe, orta differentia super pretio mercedis et rei fabrifactae faciunt ejus artis artifices, hi namque ut experientia compertum est, super pretio rerum, quas fabrefaciunt, quasi monopolium contrahunt» (ibid. n. 12)

) **Lessius, l. c., d. 2, n. 8.

***) Ibid., n 33.

****) Ibid., n. 30.

*†) Для иллюстраціи взглядовъ канонистовъ можно привести слѣдующее мѣсто изъ **Lessius**'a (l. c., d. 4, n. 30): «ratione copiae emptorum et pecuniarum et penuriae mercium possunt res pluris vendi, quam alioquin venderentur si emptorum vel pecuniarum esset raritas vel mercium abundantia. *ratio est quia ex his crescit aestimatio communis mercium*. id enim pluris aestimatur, quod a pluribus quaeritur, quodque difficilius vel minore copia invenitur. minoris vero cujus major est copia vel quod minus quaeritur.... repente rerum pretia valde augescant superveniente magna emptorum, qui opulenti sunt et avidi ad emendum copia.... res carius vendantur externis illis, quam indigenis, si pro utrisque sit satis magna copia, nam respectu externorum illorum, qui pecunia abundant, et plurima emere volunt, res istae censentur pluris valere, quam respectu indigenarum. Si tamen res non sufficerent pro utrisque accresceret pretium absolute respectu omnium».

Правда, все это не есть еще объясненіе цѣнности, а лишь констатированіе эмпирической зависимости цѣны отъ извѣстныхъ обстоятельствъ, но не слѣдуетъ забывать, что и впослѣдствіи политическая экономія долгое время ограничивалась въ теоріи цѣнности такимъ же констатированіемъ фактовъ, безъ дальнѣйшей попытки найти внутреннія, конечныя причины ихъ зависимости. Съ другой стороны нельзя не указать на то, что и въ канонической литературѣ встрѣчаются нѣкоторыя попытки дать болѣе точное объясненіе того, какимъ образомъ соотношеніе предложенія и спроса ведетъ къ установленію той, или другой цѣны. По мнѣнію *Lessius'a*, обиліе покупателей и денегъ и недостатокъ товаровъ ведетъ къ возвышенію цѣнъ въ силу того, что „*ex his crescit aestimatio communis mercium*“; дѣло, слѣдовательно, уже сводится къ тому, что извѣстныя объективныя обстоятельства, какъ число покупателей, количество товаровъ и т. п. вліяютъ на *оцѣнку* предмета. Но здѣсь мы еще не видимъ, какъ это вліяніе происходитъ. У *Nider'a*, однако, встрѣчается уже болѣе проникающее въ суть дѣла объясненіе зависимости цѣны отъ производящихъ ее факторовъ предложенія и спроса Онъ представляетъ себѣ лицо, обладающее какимъ-нибудь предметомъ для продажи, и, съ другой стороны, нѣсколько покупателей; при слабомъ спросѣ, вещь приходится продавать дешево; но когда спросъ усиливается, каждый покупатель старается дать бо́льшую цѣну, сравнительно съ другими, и вещь продается тому, кто даетъ больше другихъ; такимъ образомъ цѣна возвышается; различные же покупатели даютъ разную цѣну, потому что различно оцѣниваютъ вещь, а оцѣнка — *aestimatio* — въ свою очередь, зависитъ отъ силы потребности — *desiderium*. Итакъ, количество предметовъ или число конкурентовъ не есть конечная дѣйствующая причина; это лишь посредствующій моментъ, опредѣляющій ту потребность, которая уже въ качествѣ послѣдней причины устанавливаетъ извѣстную оцѣнку и создаетъ цѣну. Слѣдовательно, въ конечномъ результатѣ „*desiderium hominum videtur rebus pretium imponere*“ *).

*) **Nider**, op. cit., c. 2, n. 6. Ср. **Gabriel Biel**, Collectorium Sententiarum, 4 l., 15 dist, 10 q. цит **Roscher**, Geschichte, 1874, стр. 24. Тоже **Buridanus**, цит. **Brants**, op. cit., стр. 71.

Итакъ, мы видѣли, что въ канонической доктринѣ три момента опредѣляютъ цѣну: доброта или полезность, трудъ и издержки и отношеніе предложенія къ спросу. Какъ же комбинируются между собой эти три момента, и въ какомъ отношеніи они находятся другъ къ другу? Прежде всего, очевидно, что трудъ и издержки играютъ въ этой теоріи второстепенную роль; это не тотъ трудъ и не тѣ издержки, которые производятъ вещь, это лишь трудъ и издержки перевозки, храненія, приспособленія вещи къ потребностямъ и вкусамъ потребителей; они лишь увеличиваютъ цѣну предмета, создаютъ нѣкоторую добавочную цѣну, но не производятъ всей цѣны предмета. Послѣдняя обусловливается двумя другими моментами. При этомъ полезность вещи, ея доброта составляетъ какъ бы основаніе, базисъ оцѣнки, но не опредѣляютъ ея высоты. Послѣдняя зависитъ отъ соотношенія предложенія и спроса, т. е. отъ количества предметовъ, силы потребностей, числа конкуррентовъ, ихъ покупной способности и т. п. Наконецъ, мы видимъ нѣкоторую попытку свести дѣйствіе предложенія и спроса къ ихъ конечному элементу—потребности

Таковы причины, опредѣляющія, по ученію канонистовъ, цѣну въ нормальныхъ случаяхъ. Нормальная, справедливая цѣна не представляетъ собою, однако, величины, опредѣленной съ совершенной точностью. За исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда точно опредѣленная цѣна, въ видѣ таксы, устанавливалась закономъ, справедливая цѣна во всѣхъ прочихъ случаяхъ представляетъ нѣкоторую такого рода оцѣнку, что извѣстное умѣренное увеличеніе или уменьшеніе ея не нарушаетъ эквивалентности обмѣна *). Справедливая цѣна заключается въ нѣкоторыхъ предѣлахъ, внутри которыхъ каждый можетъ выбрать ту или другую цѣну, сообразно съ качествомъ товара и своимъ хозяйственнымъ усмотрѣніемъ: „*censetur quaedam bonitatis latitudo infra quem sicut infra latitudinem pretii sit licitum contrahentibus meliorare suam conditionem*“ **). Такимъ образомъ, *justum pretium* могло быть *summum*, *medium* или *infimum*.

Выходя за эти предѣлы, цѣна переставала быть справедливой, но не дѣлалась, однако, незаконной. Какъ свѣтское, такъ

*) **Thom. Aq.**, Summ. Theol., sec, sec., 9, 77, 1 цит. **Ashley**, стр. 209, прим. 22.

) **Scaccia, § 1, q. VII, p. 2, a. X, n. 3.

и каноническое право допускало уклоненіе отъ средней справедливой цѣны (*medium justum pretium*) на половину ея вверхъ и внизъ: „*si laesio non excedat dimidium justi pretii, contractus remanet validus*“ *). Въ этихъ болѣе широкихъ границахъ примѣнялось положеніе римскаго права: „*in emptione et venditione licitum est naturaliter contrahentibus se decipere*“ **); благодаря чему представлялась свобода воздѣйствія индивидуальныхъ и случайныхъ причинъ на образованіе цѣны. Писателямъ, ближе принимавшимъ къ сердцу интересы торговаго класса, такая возможность колебанія цѣны въ обширныхъ предѣлахъ казалась даже вполнѣ естественной, такъ какъ она давала возможность купцу получать прибыль, ради которой и производилась торговля: „*licet enim quaestus causa mercatura exerceatur, et naturalis fit deceptio*“ ***).

Лишь въ томъ случаѣ, когда цѣна выходила уже за эти предѣлы и уклонялась отъ справедливой цѣны больше, чѣмъ на половину, она становилась незаконной и давала право обиженной сторонѣ требовать либо уничтоженія договора, либо соотвѣтствующаго измѣненія цѣны.

Нельзя не видѣть, что каноническое ученіе терпѣло и допускало слишкомъ большія уклоненія отъ средней, нормальной цѣны. При современномъ развитіи обмѣна въ нашей хозяйственной жизни, колебанія цѣны на половину вверхъ и внизъ отъ средней ея нормы представляются явленіемъ слишкомъ случайнымъ и неправильнымъ, и если бы современная экономическая теорія допускала возможность регулированія цѣнъ въ интересахъ справедливости, допущеніе подобныхъ колебаній слишкомъ противорѣчило бы нашимъ понятіямъ. Очевидно, что въ этомъ отношеніи каноническая доктрина является цѣликомъ отраженіемъ своей эпохи, когда, при слабомъ развитіи обмѣна, значительныя колебанія цѣнъ были явленіемъ вполнѣ обыденнымъ и неизбѣжнымъ ****). Впрочемъ, уже и въ то время въ городахъ, гдѣ хозяйственная жизнь развивалась быстрѣе, допускаемые рим-

---

*) **Scaccia**, § 1, q. VII, p. 2, a. X. n. 59.

**) Ibid., n. 6.

***) **Straccha**, op. cit., p. II, § 6.

****) Напр., колебанія цѣнъ на хлѣбъ, см. **Lamprecht**, Deutsch. Wirtschaftsleben, 1888, I, 1, стр. 591, 592 Въ первую половину среднихъ вѣковъ самая высокая цѣна хлѣба превышала самую низкую въ 40 разъ.

скимъ и каноническимъ правомъ предѣлы колебанія цѣнъ оказывались слишкомъ широкими и спеціальныя муниципальныя постановленія замѣняли *laesio ultra et infra dimidium justi pretii* болѣе узкимъ институтомъ *laesio minor ultra et infra tertiam justi pretii.*

Нужно, однако, замѣтить, что хотя законъ допускалъ всякія уклоненія отъ справедливой цѣны, лишь бы они не выходили за предѣлы „*medietatis justi pretii*“, и только значительный ущербъ — *damnum notabile* — влекъ за собою извѣстныя юридическія послѣдствія, но съ точки зрѣнія Божескихъ законовъ и по совѣсти даже малое уклоненіе отъ справедливой цѣны, нарушавшее эквивалентность обмѣна, не должно быть, по мнѣнію канонистовъ, терпимо, какъ противное добродѣтели *); „*in foro conscientiae* — говоритъ *Scaccia* — *coram Deo deceptio non est tolerandа etiam in parva quantitate*“ **).

Таково каноническое ученіе о цѣнности. Мы видѣли, что исходнымъ пунктомъ его является требованіе эквивалентности между даяніемъ и воздаяніемъ; для установленія этой эквивалентности въ сдѣлкѣ купли—продажи, необходимо было сравнить оцѣнку извѣстной суммы денегъ съ оцѣнкой товара, а это, въ свою очередь, приводило къ необходимости уяснить тѣ моменты, которые опредѣляли оцѣнку предметовъ. И мы видѣли, какъ каноническая доктрина разрѣшила эту задачу Теперь намъ остается вкратцѣ показать, какъ та же идея эквивалентности проводилась въ спеціальномъ видѣ сдѣлокъ обмѣна, и именно въ кредитныхъ сдѣлкахъ.

Если всѣ элементы, опредѣляющіе оцѣнку какъ товара, такъ и денегъ, остаются безъ измѣненія, то, очевидно, что и справедливая цѣна товара не можетъ и не должна измѣняться, иначе она станетъ несправедливой. Отсюда, прежде всего слѣдуетъ тотъ выводъ, что вещь, купленная по извѣстной цѣнѣ, не могла быть продана по другой высшей, если въ самой вещи не произошло никакого улучшенія, и если условія рынка остались тѣже. Разумѣется, если измѣняются условія рынка, то эти новыя условія создаютъ соотвѣтствующую имъ новую справедли-

*) **Thom. Aq.**, Summ. Theol., sec. sec., l. c., цитировано у **Ashley**, стр. 209, пр. 22.

) **Scaccia, l. c., n. 41.

вую цѣну, по которой предметъ можетъ быть проданъ безъ ущерба для кого бы то ни было. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи канонисты совѣтуютъ крайнюю осторожность; допуская возможность продажи по болѣе дорогой цѣнѣ, при измѣнившемся отношеніи предложенія къ спросу, они строго осуждаютъ такую операцію, если измѣненіе условій рынка было вызвано искусственно, путемъ монополіи, или если такая покупка и продажа представляли собою заранѣе разсчитанную спекуляцію.

Точно также можно продать дороже вещь, къ которой приложенъ извѣстный трудъ, расходы, или рискъ; въ такомъ случаѣ излишекъ въ цѣнѣ составляетъ, какъ мы уже видѣли, справедливое вознагражденіе за трудъ, расходы, рискъ.

Но если условія рынка остаются безъ измѣненія, если вещь нисколько не улучшается, если къ ней не приложены ни трудъ, ни расходы, ни рискъ, то продажа ея по болѣе дорогой цѣнѣ, сравнительно съ пріобрѣтеніемъ, нарушаетъ эквивалентность обмѣна Вещь, правда, пріобрѣтена въ одинъ моментъ и продана въ другой; но въ теченіе этого промежутка времени ни одно изъ условій, опредѣляющихъ ея цѣну, не измѣнилось; слѣдовательно, возвышеніе цѣны дѣлаетъ ее несправедливой. Одно теченіе времени, при неизмѣнности всѣхъ другихъ условій, не можетъ измѣнять цѣны. Будетъ ли вещь продана сейчасъ, будетъ ли она продана спустя нѣкоторое время — *это одно обстоятельство* не можетъ сдѣлать ее болѣе дорогой.

Но если теченіе времени не измѣняетъ цѣны предмета, то, очевидно, что и отсрочка платежа не можетъ быть причиной вздорожанія вещи. Если товаръ передается покупателю теперь, а уплата денегъ происходитъ спустя нѣкоторое время, то такая сдѣлка отличается отъ наличнаго обмѣна или купли — продажи тѣмъ, что между двумя ея моментами вставленъ извѣстный промежутокъ времени. Но, какъ мы видѣли, одинъ фактъ теченія времени не долженъ измѣнять цѣны; слѣдовательно, отсрочка платежа также не должна увеличивать цѣны товара. Если, тѣмъ не менѣе, цѣна возвышается, то, очевидно, она становится несправедливой, эквивалентность обмѣна нарушается, а это не должно быть допускаемо.

Всякая сдѣлка кредита представляетъ собою не что иное, какъ своего рода обмѣнъ; обмѣнъ, гдѣ въ одинъ моментъ дается извѣстная вещь, и въ другой — та же вещь, или ея эквивалентъ

получается обратно. Если въ сдѣлкахъ наличнаго обмѣна обѣ вещи должны быть эквивалентны; если, при отсрочкѣ платежа, теченіе времени не можетъ измѣнить этой эквивалентности, то точно также и при всякой вообще кредитной сдѣлкѣ промежутокъ времени между двумя актами обмѣна не долженъ вліять на цѣну, и здѣсь, въ силу одного голаго факта теченія времени, не должно быть возвращаемо больше, чѣмъ взято. Такимъ образомъ изъ идеи эквивалентности обмѣна логически вытекаетъ идея запрещенія роста въ сдѣлкахъ кредита.

Это характерное положеніе канонической доктрины подверглось, какъ мы уже упоминали, строгому осужденію со стороны нѣкоторыхъ изслѣдователей канонической литературы. Утверждаютъ, что оно представляетъ собою произвольный догматъ, основанный на авторитетѣ, противорѣчащій требованіямъ жизни. Мы видимъ, что запрещеніе роста вовсе не есть произвольный догматъ, основанный на авторитетѣ, или вѣрнѣе, это простой, логически необходимый выводъ изъ идеи эквивалентности обмѣна. Послѣдняя также не представляетъ собою произвольнаго измышленія канонистовъ; она есть прямое наслѣдіе римскаго права, укрѣпившееся и развившееся въ канонической литературѣ, благодаря своему соотвѣтствію съ хозяйственными условіями того времени. Каноническое запрещеніе роста не находится также и въ противорѣчіи съ дѣйствительностью. Противоположное мнѣніе основано на примѣненіи современныхъ экономическихъ воззрѣній въ эпохѣ, хозяйственный строй которой слишкомъ отличенъ отъ нашего.

Въ самомъ дѣлѣ, запрещеніе роста основано на томъ положеніи, что теченіе времени не должно вліять на цѣну. Правда, это положеніе очевидно противорѣчитъ современной идеѣ производительности капитала. Но производительность капитала не есть нѣчто логически необходимое. Это есть явленіе, которое существуетъ въ условіяхъ современной хозяйственной жизни, но которое можетъ и не существовать при другихъ условіяхъ. Условія средневѣковой жизни въ ея первый періодъ были именно таковы, что исключали возможность производительнаго употребленія капиталовъ. Земледѣліе, говоритъ *Ashley*, было въ то время главнымъ занятіемъ, но оно велось по извѣстной рутинѣ, не дававшей мѣста примѣненію капиталовъ; мануфактурная промышленность только что зарождалась и крупныя пред-

пріятія въ ней отсутствовали; въ торговыхъ центрахъ встрѣчалась еще возможность помѣстить капиталы въ торговыя предпріятія, но и эта возможность была ограничена. При такихъ условіяхъ деньги занимались либо въ виду какого-либо бѣдствія, либо для непроизводительнаго употребленія: рыцарь дѣлалъ заемъ для того, чтобы отправиться въ крестовый походъ, монастырь — чтобы выстроить церковь. Въ подобныхъ случаяхъ казалось несправедливымъ, чтобы лицо, обладающее деньгами и само не имѣющее возможности дать имъ производительное употребленіе, извлекало выгоду изъ нужды или благочестія другихъ. Возвратъ долга былъ обыкновенно вполнѣ обезпеченъ; деньги лежали праздно въ рукахъ ихъ владѣльца. Послѣдній былъ въ такомъ же положеніи, когда деньги возвращались къ нему обратно, какъ и тогда, когда онъ вовсе не разставался съ ними *).

При такихъ условіяхъ запрещеніе роста явилось необходимымъ послѣдствіемъ хозяйственнаго строя жизни и не могло вредно отражаться на народномъ хозяйствѣ. Оно устраняло возможную побудительную причину для владѣльцевъ капиталовъ отдавать послѣдніе въ заемъ. Но какъ мы видѣли, спросъ на чужіе капиталы для производительнаго употребленія отсутствовалъ, и въ этомъ отношеніи запрещеніе роста не представляло существеннаго значенія для хозяйственной жизни. Если же оно затрудняло займы для непроизводительныхъ цѣлей, то едва ли уменьшеніе непроизводительнаго употребленія чужихъ капиталовъ могло повредить благосостоянію народа.

Надо однако сказать, что запрещеніе роста никогда не было абсолютнымъ. Въ наиболѣе широкомъ смыслѣ оно понималось тогда, когда не только не имѣло практическаго значенія за отсутствіемъ производительнаго кредита, но, къ тому же, лишено было обязательной силы, такъ какъ являлось простымъ нравственнымъ совѣтомъ, религіознымъ наставленіемъ. Однако уже и въ это время запрещеніе роста допускало исключенія. Послѣднія также не были произвольны; они вытекали изъ природы идей, лежавшихъ въ основѣ запрещенія роста.

---

*) **Ashley**, An introduction etc., стр. 155—156; также **K. Th. v. Inama-Sternegg**, Deutsche Wirtschaftsgeschichte, 1879—1891, т. II, стр. 441 и сл.; **W. Cunningham**, The growth of english Industry and Commerce, 1885, стр. 139 и сл.

Основная идея этого запрещенія состояла въ томъ, что одно теченіе времени между двумя моментами кредитной сдѣлки не должно измѣнять цѣны. Не всегда однако кредитная сдѣлка характеризовалась однимъ теченіемъ времени. Иногда это теченіе времени усложнялось нѣкоторыми обстоятельствами; являлась необходимость изслѣдовать, насколько эти обстоятельства нарушали эквивалентность обмѣна, и, если такое нарушеніе имѣло мѣсто, запрещеніе роста терпѣло ограниченія; нарушенное равновѣсіе обмѣна возстановлялось измѣненіемъ цѣны или прибавкой нѣкотораго излишка къ капитальной суммѣ долга.

Такимъ обстоятельствомъ, усложнявшимъ теченіе времени при кредитной сдѣлкѣ, могли быть, прежде всего, расходы и трудъ лица, оказывавшаго кредитъ. Разумѣется, въ первое время, когда кредитъ оказывался случайно, въ силу дружбы, знакомства и т. п. личныхъ отношеній, кредитная сдѣлка не вызывала никакихъ особыхъ расходовъ, не требовала труда отъ кредитора. Но впослѣдствіи, когда ссуда денегъ стала спеціальнымъ занятіемъ извѣстныхъ лицъ, въ особенности когда возникли спеціальныя кредитныя учрежденія — *montes pietatis* — это занятіе, подобно всякому другому, требовало труда и расходовъ. Въ такомъ случаѣ, если бы должникъ возвратилъ только капитальную сумму долга, заимодавецъ терпѣлъ бы очевидный ущербъ; равновѣсіе обмѣна нарушилось бы. Умѣренная прибавка къ капитальному долгу шла на погашеніе издержекъ организаціи кредитнаго учрежденія *) или на вознагражденіе кредитора за его трудъ и расходы; запрещеніе роста въ этихъ предѣлахъ не имѣло мѣста.

Другимъ обстоятельствомъ, которое также могло нарушить эквивалентность обмѣна при кредитной сдѣлкѣ, было *damnum emergens*. Заимодавецъ всегда могъ потерпѣть извѣстный ущербъ, благодаря тому, что въ томъ или другомъ случаѣ не имѣлъ въ своемъ распоряженіи отданныхъ въ заемъ денегъ. Теченіе времени между двумя моментами мѣновой сдѣлки переставало быть безразличнымъ фактомъ, не измѣнявшимъ хозяйственнаго положенія сторонъ: оно причиняло убытокъ кредитору, и послѣдній могъ требовать вознагражденія за ущербъ, *ratione damni emer-*

*) Bened. XIV, De syn. dioces., l. X, c. 5, см. Funk, Zins und Wucher, 1868, стр. 82.

gentis, въ видѣ соотвѣтствующей прибавки къ капитальной суммѣ долга. Нельзя было однако требовать вознагражденія только въ виду одной возможности убытка: такая возможность могла не осуществиться, и теченіе времени въ кредитной сдѣлкѣ ничѣмъ бы не осложнилось. Это первоначальное, простѣйшее основаніе увеличенія капитальной суммы долга мы находимъ уже у наиболѣе раннихъ писателей *).

Оба разсмотрѣнныя обстоятельства имѣютъ между собою то общее, что не зависятъ отъ характера употребленія занятой суммы. Будетъ-ли она употреблена производительно, или нѣтъ, они одинаково могутъ служить основаніемъ для увеличенія капитальной суммы долга Поэтому при исключительно потребительномъ характерѣ кредита въ началѣ среднихъ вѣковъ, вознагражденіе кредиторовъ за трудъ, расходы и, въ особенности, *damnum emergens* были первыми по времени и сначала единственными основаніями роста. По мѣрѣ, однако, того, какъ возникала возможность производительнаго употребленія капитала, являлся новый хозяйственный факторъ, усложнявшій теченіе времени между двумя моментами кредитной сдѣлки. Производительное употребленіе занятой суммы должникомъ или возможность такого употребленія, которой лишался заимодавецъ, не оставались безъ вліянія на эквивалентность обмѣна; въ первомъ случаѣ должникъ, благодаря чужимъ деньгамъ обогащался, во второмъ случаѣ кредиторъ, благодаря отсутствію капитала, терпѣлъ убытокъ. Должникъ получалъ больше, чѣмъ отдавалъ, заимодавецъ лишался большаго, чѣмъ получалъ; эквивалентность обмѣна нарушалась, и для ея возстановленія необходимо было измѣнить мѣновое отношеніе, увеличить ту сумму, которая уплачивалась во второй моментъ кредитной сдѣлки, т. е. допустить ростъ. Такимъ образомъ производительное употребленіе капитала создаетъ новое основаніе для ограниченія запрещенія роста.

Какъ ни рѣдко встрѣчалась возможность примѣненія капитала въ предпріятіяхъ въ началѣ среднихъ вѣковъ и до 14 столѣтія, но все-же были отдѣльные случаи производительнаго его употребленія. Такіе случаи представлялись, прежде всего, въ

*) Dr. l. l. **Baumann**, Die Staatslehre des h. Thom. v. Aq., 1873, стр. 200—201. См. указанія у **Scaccia**, op. cit., § 1, q. VII, p. II, a. 10; **Lessius**, op. cit., L. 2, c. 20, d. 10, 11.

торговлѣ; здѣсь, при благопріятныхъ условіяхъ, могли найти примѣненіе даже крупные капиталы. Съ выдѣленіемъ ремеслъ изъ общаго состава хозяйства, небольшіе капиталы давали хорошій доходъ въ обрабатывающей промышленности. Возможность прибыльнаго употребленія капитала увеличилась еще больше, когда стали выдѣляться въ особыя предпріятія отдѣльныя спеціальныя отрасли производства, какъ напр., горная промышленность производство металлическихъ издѣлій, предметовъ роскоши и т. д. Вмѣстѣ съ появленіемъ производительнаго употребленія капитала, возникаетъ въ общественномъ сознаніи идея о его производительности и доходности.

Хотя богословы и канонисты продолжаютъ цитировать традиціонное и какъ бы обязательное для того времени изреченіе Аристотеля „*contra naturam ut nummus pariat nummum*“ и даже подкрѣпляютъ его ссылкой на „*praeceptum evangelicum*“, но это выраженіе имѣетъ въ ихъ глазахъ уже исключительно внѣшнее, формальное значеніе, значеніе невозможности самопроизвольнаго наростанія монеты на монету. Рядомъ съ этимъ, для нихъ совершенно ясно, что капиталъ, даже въ своей наиболѣе абстрактной, а именно, денежной формѣ, способенъ создавать нѣкоторый излишекъ, будучи обращенъ, въ соединеніи съ другими факторами, къ производительному употребленію: „*pecunia juncta cum hominis operatione potest pecuniam parere*“ *). Физическая невозможность рожденія монеты отъ монеты какъ бы противопоставляется экономической способности денегъ, въ соединеніи съ трудомъ, создавать новую цѣнность.

Какъ только стала появляться возможность производительнаго и прибыльнаго помѣщенія свободныхъ капиталовъ, кредиторъ, сверхъ убытка, который онъ могъ понести въ томъ или другомъ случаѣ, благодаря отсутствію денегъ, подвергался еще другого рода неудобству: онъ лишался возможности извлечь выгоду изъ тѣхъ предпріятій или операцій, какія могли представиться ему въ это время. Лишеніе выгоды требовало также вознагражденія и *lucrum cessans* стало новымъ основаніемъ для увеличенія капитальной суммы долга **); излишекъ цѣнности пред-

*) **Scaccia**, op. cit., § 1, q. VII, p. 1, n. 68, 69.

) Ibid., также **Lessius, l. c., d. 11; у Scaccia и Lessius'a имѣются обширныя указанія на литературу.

ставлялъ собою эквивалентъ той прибыли, которой лишался заимодавецъ, отдавая свои деньги въ пользованіе другимъ лицамъ.

Возможность производительнаго и прибыльнаго помѣщенія капиталовъ не была, разумѣется, сначала явленіемъ общимъ. Правда, случаи, когда такая возможность представлялась, встрѣчались все чаще, переставали быть рѣдкими исключеніями, но все же они не стали сразу общимъ правиломъ. Для того, чтобы сложились условія, при которыхъ производительное употребленіе капитала, во всѣхъ его формахъ, стало возможнымъ во всякомъ случаѣ, понадобились еще цѣлыя столѣтія. Въ это же переходное время не существовало пока *абстрактной* производительности капитала вообще, какъ мы ее понимаемъ въ настоящее время, существовали только тѣ или другіе конкретные случаи его производительнаго употребленія. Производительность капитала не подразумѣвалась сама собой, она всякій разъ должна быть конкретно показана. Поэтому, если заимодавецъ требовалъ прибавки къ цѣнѣ товара, проданнаго въ кредитъ, или увеличенія капитальной суммы долга, онъ всякій разъ долженъ былъ доказать, что дѣйствительно имѣлъ возможность дать производительное употребленіе своему капиталу и что не могъ воспользоваться такимъ случаемъ единственно благодаря отсутствію свободныхъ денегъ: „*interesse lucri cessantis ut debeatur, debet ex communi conclusione clare constare, quod creditor habuit paratam negotiationem lucratoriam*“ *).

Отъ необходимости доказывать всякій разъ конкретную возможность прибыльнаго помѣщенія капитала не освобождались сначала даже лица торговаго класса, не смотря на то, что они, по самому характеру своей хозяйственной дѣятельности, постоянно вращались въ сферѣ прибыльныхъ операцій и сдѣлокъ; тѣмъ не менѣе доходность капитала и для нихъ пока не презумировалась сама собою, а всякій разъ требовала конкретныхъ доказательствъ: „*nam non seguitur* — говоритъ *Straccha* — *est mercator, et consuetus est lucrari aliquando, ergo si habuisset* (т. е. *pecuniam*), *fuisset lucratus, quoniam possibile est, quod non esset lucratus, cum multa potuissent evenire in contrarium*“ **).

---

*) **Scaccia**, § 1, q. VII, n. 18.

) **Straccha, De contract. merc., § 3.

Къ концу 15, въ 16 столѣтіи капиталистическій строй жизни сдѣлалъ, однако, значительные успѣхи; если капиталъ и не считался производительнымъ самъ по себѣ, *in abstracto*, то во всякомъ случаѣ доходность его въ рукахъ промышленнаго и торговаго класса представлялась несомнѣнной. Въ сферѣ промышленности и торговли случаи производительнаго и прибыльнаго помѣщенія капиталовъ превратились въ обыкновенное явленіе; стоило обратиться къ этого рода хозяйственной дѣятельности, чтобы всегда имѣть возможность извлекать доходъ изъ своихъ денегъ. Производительность капитала презумировалась здѣсь сама собою. Точно также презумировалась она для капитала, принадлежащаго торговому классу. Купцы, „*qui in omnem occasionem lucrandi sunt intenti*“ *), всегда могли найти производительное употребленіе деньгамъ, ихъ капиталы всегда были доходны. Ихъ деньги заключали въ себѣ какъ бы бо́льшую цѣнность, чѣмъ капиталы другихъ лицъ: „*pecunia mercatoris pluris valet, quam pecunia non mercatoris*“ **). Въ капиталѣ, предназначенномъ для торговли или промышленности, въ капиталѣ купца заключалась не только цѣнность самаго капитала, но и зародышъ, сѣмя прибыли — *lucrum ipsum virtute continetur*. Кредиторъ, отдавая взаймы такой капиталъ, отдавалъ больше номинальной его стоимости, онъ отдавалъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, скрытую въ немъ прибыль. „*Pecunia illa* — говоритъ *Lessius* — *quam mutuas alteri, quatenus subest industriae tuae ad lucrum ex ea faciendum, pluris tibi valet, quam ipsa per se considerata... est enim veluti semen foecundum lucri per industriam, in quo lucrum ipsum virtute continetur: ergo plus pro ea exigi potest, quam ipsa per se valeat. patet consequentia, quia dum illam tradis etiam lucrum in illa latens tradere censeris*“ ***). При такихъ условіяхъ достаточно было доказать принадлежность капитала купцу, или торговое и промышленное его назначеніе — „*destinatio negotiationi in genere*“ ****), чтобы имѣть основаніе требовать вознагражденія за занятый капиталъ *ratione lucri cessantis*.

*) **Lessius**, op. cit., L. 2, c. 20, d. 11, n. 86—87.

) **Scaccia, op. cit., de mutuo etc., n. 436.

***) **Lessius**, op. cit., L. 2, c. 20, d. 11, n. 80.

****) Ibid,, nn. 86—87.

Это уже было настоящее признаніе производительности капитала, но относящееся только къ опредѣленной категоріи капиталовъ.

Въ особенно развитыхъ торговыхъ центрахъ такое частичное признаніе производительности капитала превратилось въ полное. Въ то время, какъ всюду требовались доказательства либо фактической наличности выгоднаго помѣщенія капитала, либо, въ крайнемъ случаѣ, принадлежности занятаго капитала къ извѣстной категоріи, въ особенно развитыхъ торговыхъ центрахъ производительность и доходность признавалась за всякимъ капиталомъ, и *lucrum cessans* презумировалось всегда въ пользу кредитора *).

По мѣрѣ того, какъ область кредитныхъ сдѣлокъ расширялась, должна была уменьшаться формальная обезпеченность займа.

Прежде деньги давались подъ обезпеченіе недвижимостью, или поручительство лицъ, имущественная состоятельность которыхъ не подвергалась никакому риску; теперь, путемъ кредита, капиталы помѣщались въ разнаго рода предпріятія, успѣхъ и существованіе которыхъ неразлучны съ рискомъ. Наряду съ возможностью получать прибыль, явилась опасность потерять самый капиталъ. Такимъ образомъ возникло еще одно основаніе брать нѣкоторый излишекъ, сверхъ капитальной суммы долга, въ видѣ страховой преміи, *ratione periculi*, такъ какъ въ сдѣлкѣ кредита и „*sors*“ и „*illud superfluum ponitur sub incerto*“ **).

Кромѣ производительнаго употребленія денегъ, котораго лишался кредиторъ, заимодавецъ также могъ дать производитель-

---

*) Такъ напр. было въ Генуѣ, гдѣ omnes fere cives sive nobiles, sive plebeii, sive divites, sive pauperes, sive magistratum gerentes, sive privatam vitam agentes, sive in dignitate constituti ut Doctores, sive aliusquisque, ita ut ad mulieres usque res pervenit, adeo negotiis cambiorum et mercium incumbunt, ut unusquisque pecunias suas quantaecunque vel quantulaecunque fuerint illae, nec momento quidem temporis patiantur otiosas remanere, sed omnes indifferenter pro viribus et facultatibus negotia vel cambiorum vel mercium prae manibus semper habeant frequentissime et valeat consequentia, est Genuensis, ergo mercator». **Nani**, La teoria dell id quod interest sotto l'influenza della legislazione e delle dottrine canoniche, въ Archivio Giur., v. XVI, 1876.

) **Nider, op. cit., c. III, n. 9.

ное назначеніе занятому капиталу. Если производительность капитала въ первомъ случаѣ требовала увеличенія капитальной суммы долга для сохраненія эквивалентности обмѣна, она должна была оказывать такое же дѣйствіе и во второмъ случаѣ. Въ современныхъ условіяхъ хозяйства и производительное употребленіе капитала заимодавцемъ и производительное употребленіе его должникомъ сливаются въ одно общее понятіе производительности капитала вообще, абстрактной его производительности. Въ то время существовали отдѣльные конкретные случаи производительнаго употребленія капитала, не объединенные пока въ одно общее правило. Поэтому производительность или доходность капитала для должника составляла особое основаніе для требованія вознагражденія за занятый капиталъ. Въ силу этого, купившій вещь съ отсрочкой платежа уплачивалъ ростъ, въ размѣрѣ получаемыхъ имъ плодовъ отъ вещи; такая обязанность не устранялась и въ томъ случаѣ, когда продавецъ не могъ получить самъ никакой прибыли отъ немедленной уплаты покупной суммы *).

И здѣсь, какъ и при *lucrum cessans*, величина роста соразмѣрялась съ величиной дѣйствительной прибыли, получаемой должникомъ. На первыхъ порахъ производительнаго употребленія капитала эта прибыль, по необходимости, могла быть весьма различна въ разныхъ случаяхъ; могло, поэтому легко случиться, что должникъ въ дѣйствительности извлекалъ одну прибыль, тогда какъ кредитору представлялся случай извлечь другую. Такъ какъ ростъ могъ одинаково основываться на производительномъ употребленіи капитала какъ должникомъ, такъ и кредиторомъ, то естественно возникалъ вопросъ, какому основанію дать предпочтеніе. Вопросъ этотъ разрѣшался на основаніи различныхъ соображеній. Если должникъ уплачивалъ долгъ въ срокъ, онъ обязанъ былъ уплатить ростъ въ размѣрѣ прибыли, какую самъ получилъ отъ вещи; если онъ допускалъ просрочку — *moram*, онъ отвѣчалъ въ размѣрѣ *interesse* вѣрителя, т. е. въ размѣрѣ *damnum emergens* и *lucrum cessans* послѣдняго **).

*) **Covarruvias**, Variarum Resolutionum, lib. III, c. XII, § 2: «emptorem teneri usuras pretii non soluti usque ad quantitatem fructuum rei emptae, sibi traditae, etiam nulla praecedente mora regulari, etiamsi venditor ex pretio statim sibi soluto nihil lucratus esset».

*) **Covarruvias**, ibid., c. XII.

Такого рода конфликтъ между двумя основаніями роста наглядно свидѣтельствуетъ о томъ, что въ то время отсутствовала идея производительности капитала вообще, и существовало только признаніе производительности его въ томъ или другомъ конкретномъ случаѣ.

Однако по мѣрѣ того, какъ случаи производительнаго употребленія капитала стали повторяться чаще, идея производительности капитала становилась все болѣе общей, абстрактной. Мы видѣли, какъ этотъ процессъ отражался на *lucrum cessans:* первоначальная необходимость доказывать конкретную возможность производительнаго употребленія капитала заимодавцемъ въ каждомъ данномъ случаѣ превратилась въ необходимость доказать производительное назначеніе капитала *in genere*, и, наконецъ, была устранена простой презумпціей производительности капитала. Аналогичный процессъ имѣлъ мѣсто и по отношенію къ другому основанію роста: производительному употребленію капитала должникомъ. Вмѣсто первоначальной необходимости конкретнаго существованія прибыли въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, для обоснованія роста стало достаточнымъ одно несомнѣнно производительное назначеніе капитала. Оно одно давало право требовать вознагражденія за занятую сумму. На этомъ основаніи роста былъ построенъ *contractus trinus* Послѣдній состоялъ изъ трехъ договоровъ; изъ нихъ первый представлялъ собою договоръ товарищества и, слѣдовательно, несомнѣнно свидѣтельствовалъ о производительномъ назначеніи капитала; второй гарантировалъ возвратъ капитальной суммы долга и такимъ образомъ превращалъ товарищество въ заемъ, или другую кредитную сдѣлку, и, наконецъ, третій гарантировалъ кредитору извѣстное вознагражденіе, независимо отъ исхода предпріятія и личнаго участія въ немъ капиталиста *).

Въ *contractus trinus* мы ясно видимъ возможность получать прибыль на капиталъ въ силу того одного обстоятельства, что занятыя деньги обращены въ торговое или промышленное предпріятіе. Гораздо болѣе, однако, былъ распространенъ договоръ, гдѣ основаніемъ роста было производительное употребленіе капитала не въ торговлѣ или промышленности, а въ земледѣліи.

*) **Covarruvias**, Var. Res., l. III, c. II, § 7; **Funk**, Zins und Wucher, 1868, стр. 83 и сл.

Это такъ наз договоръ покупки ренты, *emptio census*. Въ своемъ первоначальномъ видѣ онъ, по идеѣ, былъ весьма близокъ къ *contractus trinus*. И въ томъ и въ другомъ случаѣ въ основаніи сдѣлки лежалъ договоръ товарищества, который послѣдующими условіями превращался въ простую кредитную сдѣлку: „*saepe locum habere potest contractus societatis, uti cum mercatoribus, vel emptio census, ut cum iis, qui praedia frigifera emunt*“ *). Сущность договора состояла въ томъ, что одинъ изъ фиктивныхъ товарищей — заимодавецъ, ссужалъ деньги другому — должнику; послѣдній покупалъ землю, т е. давалъ имъ спеціальное производительное назначеніе; купленная земля служила обезпеченіемъ возврата долга (аналогично съ *contractus trinus*), а плоды ея гарантировали уплату вознагражденія за занятый капиталъ, независимо, разумѣется, отъ личнаго участія кредитора въ предпріятіи (тоже аналогія съ *contractus trinus*). Дальнѣйшее видоизмѣненіе договора *emptio census* состояло въ томъ, что деньги не ссужались уже для покупки земли, а прямо отдавались въ заемъ подъ обезпеченіе недвижимымъ имуществомъ, или вообще какою-либо *res frugifera;* должникъ же могъ дать какое угодно производительное назначеніе капиталу **). Необходимымъ условіемъ договора была наличность *res frugifera* ***), которая поступала въ распоряженіе кредитора и своими плодами вознаграждала его за отданныя въ заемъ деньги. Въ этой формѣ договоръ имѣлъ слѣдующій видъ: въ первый моментъ сдѣлки происходилъ обмѣнъ извѣстной суммы денегъ на *res frugifera*, во второй моментъ — тотъ же обмѣнъ происходилъ въ обратномъ порядкѣ, съ полнымъ сохраненіемъ эквивалентности мѣнового отношенія; въ промежуткѣ между двумя моментами кредиторъ пользовался плодами вещи, должникъ—прибылью отъ капитала. Но очевидно, что эта прибыль здѣсь уже только презумировалась. Презумпція производительности капитала замѣнила первоначальную необходимость конкретнаго производительнаго употребленія капитала и послѣдующее требованіе наличности производительнаго назначенія капитала *in genere*. Наконецъ, и самая необходимость перехода *res frugifera* въ руки кредитора и даже необходимость наличности *res frugifera* также отпала.

*) Zech, цит. у **Funk'a** op. cit., стр. 65, прим.

) **Funk, op. cit., стр. 68.

***) Ibid., стр. 69.

На этой стадіи развитія каноническое ученіе объ обмѣнѣ въ кредитныхъ сдѣлкахъ сохраняетъ только прежнюю форму и представляетъ совершенно иное содержаніе. Правда, и теперь одно теченіе времени между двумя моментами кредитной сдѣлки не можетъ служить основаніемъ для роста. Но это теченіе времени усложняется множествомъ обстоятельствъ, которыя требуютъ непремѣннаго увеличенія капитальной суммы долга для того, именно, чтобы сохранилась эквивалентность обмѣна. По мѣрѣ того, какъ случаи производительнаго употребленія капитала становятся чаще и, наконецъ, превращаются въ обычное, нормальное явленіе, отдѣльныя основанія роста — *damnum emergens, lucrum cessans, periculum sortis,* производительное употребленіе капитала должникомъ — постепенно сливаются въ одно общее родовое понятіе производительности капитала вообще, абстрактной его производительности. Послѣдняя всегда презумируется; отдѣльныя основанія роста превращаются въ простыя фикціи, имѣютъ характеръ скорѣе теоретическаго объясненія причины происхожденія роста, чѣмъ юридическаго основанія для взиманія процентовъ.

Въ то же время выдвигается новое, наиболѣе общее основаніе роста, одинаково обнимающее всѣ, безъ исключенія, кредитныя сдѣлки. Оно распространяется уже не только на всѣ случаи производительнаго кредита, но охватываетъ и случаи кредита потребительнаго. Вмѣстѣ съ тѣмъ оно окончательно устраняетъ и дѣлаетъ лишними всѣ другія основанія роста. Это наиболѣе общее основаніе состоитъ въ томъ, что всякая вещь, всякое количество денегъ представляетъ бо́льшую цѣнность въ настоящее время, чѣмъ въ будущемъ. „*Pretium absens non tanti valet, quanti valet pretium praesens*“ *); „*res, quae emptori primum tradenda est post aliquot menses, minoris illi valet, quam si statim ei tradenda esset*“ **).

Communis aestimatio, говорятъ канонисты, опредѣляетъ какъ цѣнность тѣхъ продуктовъ, которые находятся въ нашемъ распоряженіи въ настоящее время, такъ и тѣхъ, пользованіе которыми наступитъ только въ будущемъ. Если мы считаемъ справедливой оцѣнку, основанную на *communis aestimatio*, по отношенію къ предметамъ первой категоріи, нѣтъ причины отвергать то же

*) **Scaccia**, op. cit., § 1, de mutuo etc., n. 432.
) **Lessius, op. cit., L. 2, c. 21, d. 6, n 61.

основаніе для оцѣнки предметовъ второй категоріи. А такъ какъ *communis aestimatio* цѣнитъ вещи, которыя будутъ въ нашемъ распоряженіи лишь со временемъ, ниже тѣхъ же вещей, если онѣ есть у насъ уже теперь, то такою оцѣнкой и слѣдуетъ руководствоваться, какъ совершенно правильной и справедливой *).

Чѣмъ же, однако, объясняется такая разница въ цѣнѣ предметовъ въ настоящее время и въ будущемъ? Канонисты приводятъ различныя основанія этого явленія. Предметы и деньги, которые поступятъ въ наше распоряженіе лишь въ будущемъ, цѣнятся, говорятъ они, ниже, вслѣдствіе риска и неувѣренности, съ которыми бываетъ сопряжено ихъ полученіе: должникъ можетъ отказаться отъ добровольной уплаты и тогда прійдется нести расходы по веденію процесса, исходъ котораго, благодаря всякаго рода случайностямъ, всегда бываетъ сомнителенъ, даже при несомнѣнной правотѣ взыскателя; помимо этого, должникъ можетъ оказаться несостоятельнымъ **). Всегда *procuratio solutionis habendae* сопряжено съ убытками и трудомъ ***). Но все это только болѣе или менѣе случайныя обстоятельства; существуетъ болѣе общая причина того, что вещи цѣнятся въ настоящемъ выше, чѣмъ въ будущемъ. Эта причина состоитъ въ томъ, что вещь въ настоящемъ представляетъ такого рода удобства, такое полезное значеніе, какихъ не имѣетъ одна возможность, одно право получить эту вещь въ будущемъ: „*multas opportunitates habet res praesens, ejusque praesens dominium, quas non habet res futura*“ ****); кто отдаетъ наличную вещь или другое имущество, лишаетъ себя „*aliqua potestate aut commoditate*“, которыхъ не представляетъ возможность получить ту же вещь или имущество въ будущемъ *†). Поэтому *certum et praesens* вообще и всегда цѣнится выше, чѣмъ *futurum et incertum* *††).

Этимъ завершается каноническое ученіе о ростѣ. Теперь при какой бы то ни было сдѣлкѣ кредита нѣтъ надобности искать того или другого основанія для роста; *futurum et incertum* всегда

---

*) **Scaccia**, op., cit., § 1, q. VII, n. 18; **Nider**, op. cit., c II, n. 1; **Lessius**, op. cit., L. 2, c. 21, d. 8.

) **Scaccia, op. cit., § 1, de mutuo, n. 432.

***) **Nider**, op. cit., c. II, n. 8.

****) **Lessius**, op. cit., c. 21, d. 7, n. 61.

*†) Ibid., c. 21, d. 8, n. 73

*††) Ibid., c. 20, d. 11, n. 96.

цѣнится ниже *certum et praesens*, и, слѣдовательно, для сохраненія эквивалентности обмѣна, сумма будущаго платежа должна быть больше цѣны предоставляемаго въ кредитъ предмета или имущества.

При такомъ общемъ основаніи роста, что же остается для понятія *usura*? *Usura* въ окончательно сформировавшемся каноническомъ ученіи о ростѣ это — приращеніе къ капитальной суммѣ долга, не находящее себѣ оправданія ни въ *damnum emergens*, ни въ *lucrum cessans*, ни въ другихъ многочисленныхъ основаніяхъ роста и при томъ превышающее ту разницу, какая должна существовать между *pecunia* или *pretium praesens* и *absens* для того, чтобы цѣнность ихъ была эквивалентна *). Такого рода *usura* есть увеличеніе цѣны предмета или суммы долга, не имѣющее себѣ никакого оправданія. Оно противорѣчитъ идеѣ справедливости, разуму, естественному порядку вещей: „*nedum consuetudo et Papa, seu jus canonicum non dispensent super usuris, ut jam diximus, sed neque Deus ipse, seu jus divinum, quia usura vitium est contra naturam seu contra praeceptum naturale* **).

Таково въ общемъ ученіе канонистовъ о цѣнности. Въ немъ мы находимъ всѣ тѣ элементы, которые и въ современныхъ теоріяхъ приводятся для объясненія соотвѣтствующихъ явленій. Цѣна зависитъ отъ полезности, труда, издержекъ, отношенія предложенія къ спросу. Относительное значеніе этихъ элементовъ въ канонической доктринѣ весьма характерно. Рѣзкая особенность ея состоитъ, прежде всего, въ томъ, что издержкамъ и труду приписывается весьма ограниченная роль въ созданіи цѣны предмета. Подъ издержками понимаются не издержки производства вещи, а только издержки ея улучшенія или приспособленія и, въ крайнемъ случаѣ, издержки ея пріобрѣтенія. Въ первомъ случаѣ издержки опредѣляютъ только часть цѣны, во второмъ — вовсе не опредѣляютъ ея, а, напротивъ, сами опредѣляются цѣною, какая устанавливается при обмѣнѣ вещи между ея перво-

*) **Covarruvias**, op., cit., l. III, c. 1: «usura est voluntas capiendi ultra sortem lucrum aliquod temporale... Hinc justissime creditores deffenduntur, qui a debitoribus ultra sortem principalem aliquid recipiunt ratione interesse, vel damni emergentis, vel lucri cessantis».

) **Scaccia, § 1, n. 319; **Covarruvias**, l. c., § 8.

начальнымъ производителемъ и купцомъ. Трудъ также только увеличиваетъ цѣну предмета въ той мѣрѣ, въ какой улучшаетъ или приспособляетъ предметъ къ обмѣну и послѣдующему затѣмъ потребленію Но этотъ трудъ не имѣетъ ничего общаго съ тѣмъ трудомъ, который, согласно современнымъ трудовымъ теоріямъ, производитъ весь продуктъ и всю его цѣнность. И трудъ и издержки, по канонической теоріи, только прибавляютъ нѣкоторую цѣну къ уже существующей. Послѣдняя объясняется другими моментами.

Полезность составляетъ, какъ мы видѣли, базисъ оцѣнки. Въ ученіи о полезности канонисты стояли болѣе или менѣе близко къ современнымъ понятіямъ. Полезность зависитъ отъ объективно присущихъ предмету свойствъ и въ то же время отъ значенія послѣднихъ для человѣка; оба элемента комбинируются въ сужденіи человѣка. Весьма замѣчательно, что канонисты имѣли ясное и правильное понятіе о разницѣ въ полезности, оцѣнкѣ и цѣнѣ предметовъ наличныхъ и предметовъ, пользованіе которыми доступно только въ будущемъ, и прилагали это понятіе къ объясненію прибыли на капиталъ. Идея эта впослѣдствіе затерялась и только въ послѣднее время вновь была виндицирована для науки совершенно независимо отъ прежнихъ ученій, и разумѣется, уже въ болѣе совершенной формѣ.

Наконецъ, послѣдній элементъ — отношеніе предложенія къ спросу, по мнѣнію канонистовъ, играетъ главную роль въ опредѣленіи цѣны. Анализируя понятіе предложенія и спроса, канонисты указали почти всѣ тѣ же моменты, которые въ настоящее время приводятся въ теоріяхъ соотвѣтствующаго типа. Они указывали на вліяніе, какое имѣютъ на мѣновое отношеніе количество предметовъ, предлагаемыхъ къ продажѣ, количество предметовъ, требуемыхъ къ обмѣну; число продавцевъ и число покупателей; интенсивность желанія продать, интенсивность желанія купить; наконецъ, покупныя средства желающихъ пріобрѣсти товаръ.

Но наиболѣе характерно въ этой теоріи то, что здѣсь является уже попытка свести отдѣльные элементы цѣнности въ одно цѣлое; не менѣе характеренъ и самый пріемъ такого сведенія. Полезность вещи, трудъ, издержки, всѣ элементы предложенія, всѣ элементы спроса, все это вліяетъ на цѣну не само по себѣ, а такимъ путемъ, что создаетъ ту или другую оцѣнку

предмета. Оцѣнка предмета представляетъ собою результатъ совокупнаго дѣйствія всѣхъ отдѣльныхъ моментовъ, и уже она, въ свою очередь, опредѣляетъ собою цѣну, т. е количество денегъ, какое даютъ за вещь въ обмѣнѣ.

Основываясь на томъ значеніи, какое каноническая теорія цѣнности приписываетъ элементамъ предложенія и спроса, мы могли бы причислить ее къ типу теорій предложенія и спроса. Но то обстоятельство, что она сводитъ дѣйствіе всѣхъ элементовъ къ одному общему результату и допускаетъ вліяніе каждаго отдѣльнаго элемента на цѣну не иначе, какъ черезъ посредство субъективной оцѣнки, рѣшительно выдѣляетъ каноническую теорію цѣнности изъ круга теорій предложенія и спроса и ставитъ ее на путь субъективныхъ теорій.

Всякой субъективной теоріи цѣнности необходимо предстоитъ рѣшить весьма сложный и трудный вопросъ: какимъ образомъ отъ субъективной оцѣнки перейти къ объективной цѣнѣ? Съ этимъ же вопросомъ встрѣтилась и каноническая теорія цѣнности и разрѣшила его весьма своеобразно, остроумно, хотя и неправильно.

Съ одной стороны, каноническая теорія стояла твердо и непоколебимо на той точкѣ зрѣнія, что цѣна есть результатъ оцѣнки, сужденія, *aestimatio*; съ другой стороны, она признавала фактъ объективнаго единства цѣны. Но оцѣнка, *aestimatio*, какъ сужденіе извѣстнаго лица, всегда бываетъ индивидуальной и всегда можетъ отличаться отъ оцѣнки всякаго другого лица; индивидуальныхъ оцѣнокъ можетъ быть много. Между тѣмъ, цѣна должна быть одна. Очевидно, что *индивидуальная* оцѣнка не можетъ быть основаніемъ цѣны. Если, тѣмъ не менѣе цѣна все-таки основана на оцѣнкѣ, то кому же можетъ принадлежать эта оцѣнка? Вотъ здѣсь то каноническое ученіе допустило весьма остроумное предположеніе. Оно признало, что субъектомъ такой оцѣнки является общество, совокупность лицъ — *communitas*. Дѣйствительно, при такомъ предположеніи, вопросъ рѣшается весьма просто. *Communis aestimatio*, какъ *единое* сужденіе не мѣняется уже съ каждымъ отдѣльнымъ индивидомъ; и въ то же время оно есть сужденіе *всѣхъ*, такъ какъ общество ничто иное, какъ совокупность отдѣльныхъ индивидовъ. Такимъ образомъ, *communis aestimatio*, съ одной стороны, остается сужденіемъ ин-

дивидовъ, съ другой — пріобрѣтаетъ характеръ необходимаго единства и объективности.

Но подобное рѣшеніе фиктивно. Общество, *communitas*, есть только извѣстное отвлеченіе, фикція, а не реальное лицо. Оно не можетъ имѣть своего сужденія подобно тому, какъ имѣетъ его реально существующій индивидъ. Общественное сужденіе, *communis aestimatio*, не есть сужденіе какого-либо одного субъекта, это есть лишь результатъ извѣстной комбинаціи сужденій отдѣльныхъ индивидовъ, образующихъ общество. Поэтому, основывая цѣну на *communis aestimatio*, мы не приводимъ ея къ послѣдней, конечной причинѣ, а только къ нѣкоторому промежуточному моменту, и намъ все-таки предстоитъ задача объяснить, какимъ образомъ возникаетъ *communis aestimatio* изъ отдѣльныхъ индивидуальныхъ сужденій. Этотъ вопросъ остается въ канонической доктринѣ открытымъ, и такимъ образомъ она не даетъ намъ окончательнаго рѣшенія задачи.

По-видимому, каноническое ученіе склонялось къ тому, что *communis aestimatio* представляетъ нѣчто бо́льшее, чѣмъ простую комбинацію индивидуальныхъ оцѣнокъ; что оно имѣетъ какъ бы характеръ сужденія дѣйствительнаго существующаго субъекта. Не говоря уже о томъ, что такимъ образомъ создавалась фикція, которая въ объясненіи рельныхъ явленій хозяйственной жизни всегда остается безплодной игрой ума, подобное представленіе подрывало субъективный характеръ обмѣна. На самомъ дѣлѣ въ сдѣлкѣ обмѣна мы имѣемъ два реальныхъ лица съ ихъ индивидуальными оцѣнками вещи. Различіе индивидуальныхъ оцѣнокъ служитъ побудительной причиной къ обмѣну, даетъ возможность обѣимъ сторонамъ улучшить свое хозяйственное положеніе. Вводя понятіе однообразной общей всѣмъ оцѣнки, *communis aestimatio*, мы лишаемъ обмѣнъ его истиннаго характера, его жизненной цѣли Онъ становится безразличнымъ перемѣщеніемъ равноцѣнныхъ эквивалентовъ, отъ котораго не можетъ и не должна выигрывать ни одна, ни другая сторона. Благодаря этому, обмѣнъ теряетъ всякій хозяйственный смыслъ и назначеніе. Предметъ можетъ съ равнымъ основаніемъ переходить отъ одного лица къ другому или обратно, ибо въ обоихъ случаяхъ это ничто иное, какъ обмѣнъ равноцѣнностей, и каждая сторона послѣ обмѣна имѣетъ то же, что и до обмѣна.

Мы видимъ, что каноническое ученіе о цѣнности весьма

удачно указало отдѣльные моменты, вліяющіе на цѣнность; еще удачнѣе указало возможность ихъ взаимной комбинаціи въ сужденіи Но увлекшись практическимъ стремленіемъ къ справедливой цѣнѣ, оно и въ теоріи слишкомъ прониклось идеей объективной эквивалентности обмѣна и, въ поискахъ за основаніями этой объективности, попало на ложный путь. Однако, не смотря на эту ошибку, каноническая теорія цѣнности не перестаетъ быть выдающимся ученіемъ для своего времени.

Каноническая теорія цѣнности имѣла характеръ господствующаго ученія. Она излагается и разрабатывается, какъ мы видѣли, въ сочиненіяхъ множества богослововъ и юристовъ, начиная отъ 13 и до 17 вѣка. Развившись первоначально на почвѣ каноническаго права, она затѣмъ настолько утвердилась въ общемъ сознаніи, пріобрѣла такой авторитетъ и популярность, что совершенно эмансипировалась отъ своего первоначальнаго источника, стала ученіемъ, которому слѣдовали всѣ, независимо уже отъ согласія или несогласія съ остальными воззрѣніями каноническаго права. Мы находимъ всѣ основныя черты канонической теоріи цѣнности даже въ ученіяхъ реформаторовъ *). Впрочемъ, то обстоятельство, что

---

*) Какъ ни важно значеніе *гуманистовъ* въ исторіи культурной жизни, но въ области экономическихъ ученій они не играютъ никакой роли. Бо́льшая часть представителей этого умственнаго движенія вовсе не касались политико-экономическихъ вопросовъ, или касались ихъ весьма поверхностно (см. **Wiskemann X. H.**, Darstellung der in Deutschland zur Zeit der Reformation herschenden nationalökonomischen Ansichten, 1861, стр. 5). Даже наиболѣе выдающіеся гуманисты, какъ Erasmus, Hutten, Pirkheimer, Celtes, Wimpheling, Bebel, въ сочиненіяхъ которыхъ затрагиваются тѣ или другія явленія хозяйственной жизни, не даютъ никакого матеріала для слишкомъ спеціальнаго вопроса о цѣнности (см. **Wiskemann**, op. cit., стр. 5—32; **Roscher**, Geschichte, стр. 33—54) Больше интереса представляетъ **Georg Agricola** (1490—1555), который въ двухъ сочиненіяхъ о цѣнѣ металловъ и монетъ изложилъ замѣчательно вѣрныя понятія о цѣнности денегъ и объ основаніяхъ цѣнности благородныхъ металловъ. Здѣсь онъ, между прочимъ, указываетъ на то, что цѣнность металловъ зависитъ отъ ихъ полезныхъ свойствъ и сравнительной рѣдкости; перечисляетъ тѣ техническіе признаки, которые опредѣляютъ превосходство однихъ металловъ передъ другими, и при этомъ замѣчаетъ, что металлъ,

реформаторы не вносятъ ничего новаго въ эту спеціальную область экономической теоріи, не представляетъ собою ничего удивительнаго Хотя они часто касались экономическихъ вопросовъ, но дѣлалось это не съ цѣлью выясненія теоретическихъ истинъ, а ради извѣстныхъ практическихъ цѣлей. Забота о достиженіи практическихъ результатовъ, проникнутая страстью полемика не представляютъ удобной почвы для успѣшной разработки вопросовъ теоріи; послѣдняя развивается лишь при условіи спокойнаго анализа, когда окончательные выводы ея не предрѣшены заранѣе поставленными практическими требованіями. Поэтому хотя реформаторы и создали эпоху въ исторіи, но въ узкой области чисто теоретическаго вопроса о цѣнности они проходятъ незамѣтно. Всѣ ихъ взгляды въ этомъ отношеніи покоятся на общепринятыхъ и господствовавшихъ въ то время воззрѣніяхъ канонической доктрины. Даже *Luther* не составляетъ исключенія. Хотя онъ и находитъ, что „*es wäre gut, das geistliche Recht von dem ersten Buchstaben an bis auf den letzten würde zu Grunde ausgetilget*“, но теоретическія воззрѣнія, проявляющіяся въ его сужденіяхъ о хозяйственныхъ явленіяхъ, ничѣмъ не отличаются по существу отъ взглядовъ современныхъ ему канонистовъ. Во многихъ вопросахъ *Luther* даже болѣе консервативенъ, чѣмъ представители канонической доктрины, и не признаетъ тѣхъ фактовъ, которые давно были приняты во вниманіе каноническимъ ученіемъ.

Подобно канонистамъ, реформаторы недовѣрчиво и враждебно относились къ заботамъ о собственномъ интересѣ и матеріальныхъ благахъ; въ этихъ заботахъ они видѣли проявленіе эгоизма, результатъ грѣховности человѣка. Имъ также не чуждо было свойственное канонистамъ представленіе о томъ, что современный строй жизни, съ его все болѣе и болѣе усложняющимся обращеніемъ цѣнностей, господствомъ личнаго интереса,

---

болѣе пригодный для обыкновенныхъ надобностей, не бываетъ еще благодаря этому болѣе дорогъ; обыкновенно наиболѣе дорогимъ бываетъ наиболѣе рѣдкій металлъ. De pretio metallorum et monetis — издано вмѣстѣ съ другими его сочиненіями: De mensuris et ponderibus Romanorum atque Graecorum и проч. 1549 и De re metallica l. XII, 1556; цит. по **Roscher**'у Geschichte, стр. 49—52 и **Schmoller**'у Zur Geschichte der nationalökonomischen Ansichten in Deutschland wahrend der Reformations-Periode, Tüb. Zeitschr., 1860, стр. 597—600),

представляетъ послѣдствіе несовершенства человѣческой природы и является противоположностью тому идеальному состоянію человѣчества, (*status incorruptus* канонистовъ), при которомъ всѣ блага суть общее достояніе. *Zwingli* говоритъ: „*cum vero hoc loco neglectiores simus, et divinae legi minus obtemperemus, factum est, ut omnia totius orbis bona, omnes fructus et universae opes in privatorum quorundam potestatem devenerint, qui sibi propria vendicant, quae deus libera esse voluit et omnium usui exposita* *).

Но если побужденіе къ хозяйственной дѣятельности, а въ томъ числѣ и къ обмѣну, проистекаетъ изъ корыстолюбія, то, очевидно, что обмѣнъ не можетъ быть предоставленъ самъ себѣ, и каждая сторона, участвующая въ немъ, не должна руководствоваться только собственнымъ желаніемъ и интересомъ „*Es soll nicht so heissen* — говоритъ *Luther* — *Ich mag meine Waar so theur geben, als ich konn oder will; sondern also: Ich mag meine Waar so theur geben, als ich soll, oder als r e c h t u n d b i l l i g ist. Denn dein Verkaufen soll nicht ein Werk sein, das frei in deiner Macht und Willen, ohne alle Gesetz und Maass stehe, als wärest du ein Gott, der Niemand verbunden wäre; sondern weil solch dein Verkaufen ein Werk ist das du gegen deinem Nähisten ubest, soll es mit solchem Gesetz und Gewissen verfasset sein, dass du es ubest ohne Schaden und Nachtheil deines Nähisten*“ **).

Итакъ, цѣна должна быть „*recht und billig*“, т. е. *справедлива*; мы имѣемъ передъ собою основное положеніе каноническаго ученія. Какія же условія необходимы для того, чтобы цѣна удовлетворяла этому требованію? Прежде всего она не должна проистекать, какъ мы видѣли, изъ произвола продавца и затѣмъ не должна соразмѣряться съ потребностью покупателя, нуждающагося въ вещи: „*Die Händel und Gewerbe sind u n b i l l i g, wenn ein Theil die N o t h, der Ander den W i l l e n hat; die es müssen haben, dazu sie die N o t h zwinget, so achtet jener die Waare nach seinem Gefallen*“ ***).

---

*) Op. D. H. Zwinglii, 1530, т. I, стр. 319, см. **Wiskemann**, op. cit., на стр. 71, прим. 3; также **Roscher**, op. cit., стр. 73—76.

) Luther's Werke, von I. K. Irmischer, т. 22, стр. 203, цит. **Wiskemann, op cit., стр. 53.

***) Ibid., стр. 51.

Какъ и въ каноническомъ ученіи, цѣнность должна имѣть нѣкоторое объективное основаніе. По мнѣнію *Luther'a*, цѣна вещи должна сообразоваться съ издержками, трудомъ и рискомъ купца. Она должна быть настолько высока, чтобы, возмѣстивъ всѣ расходы купца, дать ему умѣренное вознагражденіе за его трудъ и заботы, достаточное для приличнаго существованія *). Слѣдовательно, цѣна товара составляется изъ издержекъ его пріобрѣтенія и вознагражденія за трудъ и рискъ купца. Дальнѣйшаго анализа цѣны *Luther* не даетъ.

Опредѣленіе справедливой цѣны *Luther*, подобно канонистамъ, считалъ наиболѣе цѣлесообразнымъ предоставить государству, которое для этой цѣли назначало бы благоразумныхъ и честныхъ людей. Но такъ какъ приведеніе въ исполненіе подобной мѣры *Luther* не ожидалъ отъ нѣмцевъ — „*wir Deutschen* — говоритъ онъ — *haben mehr zu thun, zu trinken und zu tanzen, dass wir solches Regiment und Ordnung nicht konnten gewarten*“ — то *Luther* совѣтовалъ цѣнить вещь такъ, какъ она продается и покупается на рынкѣ, согласно съ обычаемъ той или другой мѣстности: „*ist das der nächste und beste Rath, dass man die Waar lasse gelten, wie sie der gemein Markt gibt und nimmpt, oder wie Lands Gewohnheit ist zu geben und zu nehmen*“ **). Въ крайнемъ случаѣ, опредѣленіе цѣны можно было предоставить на совѣсть обмѣнивающихся сторонъ, при чемъ неумышленныя уклоненія отъ справедливой цѣны прощаются Богомъ, который въ „*um der Noth willen solchem Werk durch die Finger sieht, weil es nicht anders sein kann*“ ***).

По вопросу о ростѣ, составляющемъ въ канонической доктринѣ одно неразрывное цѣлое съ ученіемъ объ эквивалентности обмѣна, воззрѣнія *Luther'a* были крайне сбивчивы и противорѣчивы ****). Вообще онъ осуждалъ ростъ, такъ какъ христіанское ученіе требуетъ безвозмездной помощи ближнему: „*wer etwas leihet und drüber oder Besseres nimmt, der ist ein Wucherer und verdammt als ein Dieb, Räuber und Mörder*“ *†). Онъ даже от-

*) **Wiskemann**, ibid., стр. 53—54.

**) Ibid., стр. 53.

***) **Schmoller**, op cit., стр. 494, **Roscher**, op cit., стр. 61.

****) Двѣ бесѣды о ростѣ (1519) и Vermahnung an die Pfarrhern wider den Wucher zu predigen (1540).

*†) **Roscher**, l. c., стр. 562.

рицаетъ то основаніе для оправданія роста, которое давно было признано каноническимъ ученіемъ; возможность доходнаго употребленія капитала самимъ вѣрителемъ не могла служить, по его мнѣнію, оправданіемъ процентовъ, такъ какъ такая возможность подвержена множеству случайностей и уравновѣшивается возможностью потери; „*wenn ich 100 Gulden habe* — говоритъ *Luther* — *und damit gewerben soll, mag mir hunderterlei Gefahr begegnen, dass ich nichts gewinne.... also ist das Interesse des Verlierens wohl so gross und grösser denn das Interesse des Gewinnstes*“ *). Но въ другомъ мѣстѣ онъ утверждаетъ прямо противоположное и признаетъ справедливымъ вознагражденіе не только за *damnum emergens*, но и за *lucrum cessans* **).

Roscher приписываетъ *Luther'y* мысль принять простой трудъ поденщика за масштабъ цѣнности ***), а *Wiskemann* ставитъ ему въ заслугу то значеніе, которое онъ вообще придавалъ труду. Едва-ли можно согласиться съ мнѣніемъ *Roscher'a*. *Luther* принимаетъ простой трудъ поденщика и получаемое за него вознагражденіе за масштабъ для опредѣленія не всей цѣны товара, а только той ея части, которая представляетъ вознагражденіе за трудъ и рискъ купца. *Luther* утверждаетъ, что вознагражденіе купца должно быть больше вознагражденія простого рабочаго, въ зависимости отъ величины труда и риска; онъ говоритъ: „*Wie hoch aber dein Lohn zuhschätzen sei, den du an solchem Handel und Arbeit gewinnen sollst, kannst du nicht besser rechnen und abnehmen, denn dass du die Zeit und Grösse der Arbeit überschlagest und nehmest ein Gleichniss von einem gemeinen Taglöhner, der sonst etwas arbeitet und suchest was derselbe einen Tag verdient, darnach rechne, wie viel Tage du an der Waare zu holen und zu erwerben dich gemühet und wie grosse Arbeit und Gefahr darinnen ausgestanden habest; denn grosse Arbeit und viel Zeit soll auch desto grössern und mehr Lohn haben*“ ****).

*) См. **Schmoller**, l. c., стр. 562.

**) Ibid., стр. 567. Къ кредиту Luther вообще относился отрицательно и взаимныя отношенія должника къ вѣрителю нерѣдко оцѣнивалъ неправильно; если купецъ, не имѣя надежды получить платежъ за проданный въ долгъ товаръ, предлагалъ кому-либо купить товаръ у должника, а деньги уплатить ему, кредитору, то по мнѣнію Luther'a «das heisst Finanzen und den Armen Mann in Grund verderben» (ibid. 587).

***) **Roscher**, l. c., стр. 61.

****) **Schmoller**, l. c., стр. 494—495.

Иначе говоря, квалифицированный трудъ долженъ оплачиваться выше простого — положеніе, извѣстное, какъ мы уже знаемъ, и канонистамъ; хотя нельзя не указать и на то обстоятельство, что поденная плата простого рабочаго можетъ служить весьма слабымъ подспорьемъ для практическаго опредѣленія размѣра вознагражденія за квалифицированный трудъ купца и, въ особенности, за рискъ, которому подвергается послѣдній.

Что же касается отношенія *Luther'a* къ труду вообще, то, дѣйствительно, онъ настоятельно требовалъ работы отъ всѣхъ— „*dass uns der Schweiss über die Nasse fliese*“,— но требовалъ, именно, *работы*, въ виду ея высокаго этическаго значенія. Производительная роль труда ступевывалась въ глазахъ *Luther'a* передъ производительнымъ значеніемъ силъ природы. Все зависѣло отъ природы, или—говоритъ *Schmoller*—выражаясь языкомъ реформаторовъ, отъ Бога и его благословенія*)

„*Alle unsere Arbeit nichts ist* — замѣчаетъ *Luther* — *denn Gottes Güter finden und aufheben*“ **).

Еще болѣе стоялъ на почвѣ каноническихъ воззрѣній въ теоріи цѣнности *Philipp Melanchton****). Обладая бо́льшей эрудиціей, будучи знакомъ съ Аристотелемъ, онъ былъ менѣе оригиналенъ, но болѣе способенъ и склоненъ къ теоретическому изученію вопросовъ. Слѣдуя Аристотелю, онъ дѣлилъ справедливость на коммутативную, которая дѣйствовала, по его мнѣнію, въ ариѳметической пропорціи, и дистрибутивную, которой онъ приписывалъ дѣйствіе въ геометрической пропорціи ****). Справедливость при обмѣнѣ проявляется, по его мнѣнію, въ обмѣнѣ равноцѣнностей — *permutatio aequalium* *†). Для практическаго осуществленія этой справедливости *Melanchton* считаетъ необходимымъ контроль государства за всѣми сдѣлками обращенія. Въ особенности близко слѣдуетъ канонической доктринѣ *Melanchton* въ ученіи о ростѣ. Противъ *usura* онъ пользуется обыкновеннымъ запасомъ каноническихъ аргументовъ: ссылается на неестественность этого явленія, приводитъ слова Св. Писанія,

*) Ibid., стр. 477.

) **Roscher, l. c., стр. 58.

***) Ph. Melanchton (1497—1560). Opera quae supersunt omnia. Corpus reformatorum v. I—XXVIII.

****) Eth. doctr. elem., стр. 223 и сл., v. XVI, Corp. ref.

*†) Ср. de contractibus, v. XVI, стр. 495 и сл.

мнѣнія классическихъ авторовъ. Если тѣмъ не менѣе законодательство допускаетъ ростъ, то это, по его мнѣнію, оправдывается мудрой политикой, которая избираетъ меньшее зло, чтобы избѣгнуть бо́льшаго. *Melanchton* строго различаетъ законный ростъ отъ предосудительнаго и незаконнаго ростовщичества — *interesse* отъ *usura*. Возмѣщеніе *interesse*, какъ въ формѣ *damnum emergens*, такъ и *lucrum cessans*, онъ признаетъ совершенно справедливымъ: „*Licet stipulari de eo quod interest etiam ante moram. Ratio: Justam compensationem licet stipulari: solvere id, quod interest, est justa compensatio: ergo licet eam stipulari. Minorem probo. Quia jura diserte discernunt inter usuras et id, quod interest*“ *). Но для такого возмѣщенія *interesse* необходимо, чтобы убытокъ былъ дѣйствительно понесенъ, а возможность выгоды представлялась конкретно; особенное же право на возмѣщеніе *interesse* имѣли лица, капиталы которыхъ постоянно находились въ различныхъ предпріятіяхъ.

Мы видимъ, какъ тождественны эти взгляды съ ученіемъ канонистовъ.

Въ то время, когда каноническая теорія цѣнности была господствующимъ ученіемъ и выработанныя ею положенія являлись наиболѣе популярнымъ, ходячимъ объясненіемъ явленій обмѣна, зарождались уже новыя теоріи. Послѣднія во многомъ уступали каноническому ученію. Между тѣмъ, какъ каноническое ученіе представляло болѣе или менѣе полную картину моментовъ, оказывавшихъ вліяніе на оцѣнку предметовъ и ихъ мѣновое отношеніе, эти новыя теоріи обращали исключительное вниманіе на одинъ какой-либо факторъ, пренебрегая остальными; онѣ далеко не охватывали изучаемыхъ явленій во всей ихъ полнотѣ. Но эта именно односторонность оказалась впослѣдствіи плодотворной и послужила залогомъ дальнѣйшаго развитія теоріи цѣнности. Каноническое ученіе, имѣвшее постоянно въ виду сложную совокупность многихъ факторовъ, не могло сосредоточить вниманія на какомъ-либо одномъ изъ нихъ, не могло изучить его особое дѣйствіе и, вслѣдствіе этого, не въ состояніи было дать окончательнаго объясненія совокупному дѣйствію всѣхъ

*) Philos. moralis epit., v. XVI, стр. 137 и сл.

факторовъ. Между тѣмъ новыя теоріи, ограничивансь однимъ какимъ-либо моментомъ, открыли путь для точнаго анализа отдѣльныхъ факторовъ оцѣнки и обмѣна и для будущаго синтеза всѣхъ отдѣльныхъ моментовъ въ одно точное и полное объясненіе.

Въ то же время эти новыя теоріи замѣчательны тѣмъ, что ставятъ вопросъ на почву чисто экономическую. Уединяя одинъ какой-либо факторъ, они уединяютъ его не только отъ всѣхъ другихъ экономическихъ факторовъ, но и отъ элементовъ этическихъ и юридическихъ. Теорія цѣнности дифференцируется въ спеціально экономическую теорію; хотя она не составляетъ еще пока части самостоятельной экономической науки, перемежается съ изслѣдованіями юридическаго и политическаго свойства, но, сама по себѣ, уже явно носитъ спеціально экономическій характеръ.

Но пока, въ своемъ первоначальномъ видѣ, новыя теоріи цѣнности были далеко несовершенны. Не говоря уже о томъ, что онѣ уступали каноническому ученію въ полнотѣ и многосторонности, онѣ не отличались и точностью изслѣдованія того одного момента, который принимали за исходную точку объясненія изучаемыхъ явленій. Онѣ не давали пока законовъ въ собственномъ смыслѣ, т. е. *доказанной* зависимости явленія оцѣнки и обмѣна отъ той или другой причины, а прямо утверждали существованіе такой зависимости. При чемъ такое утвержденіе вполнѣ носило наивный характеръ, свойственный всякой теоріи въ первый моментъ ея развитія Указывая на извѣстный моментъ, какъ причину оцѣнки или мѣнового отношенія предметовъ, эти теоріи не предвидѣли ни всѣхъ возраженій, какія могли возникнуть и впослѣдствіи дѣйствительно возникли по поводу такого указанія, ни тѣхъ соображеній, которыми можно было подкрѣпить его убѣдительность, ни тѣхъ, наконецъ, выводовъ, какіе можно было сдѣлать изъ однажды принятаго положенія.

Такимъ наивнымъ характеромъ отличаются трудовая теорія *Petty*, субъективная — *Davanzati* и теорія предложенія и спроса *Lock*'а.

Petty *) утверждаетъ, что два товара, произведенные однимъ и тѣмъ же количествомъ труда въ теченіе одного и того же

*) Petty, on taxes and contributions; сочиненія этого автора составляютъ библіографическую рѣдкость (за исключеніемъ Essays on Mankind and Political Arithmetic, изд. пр. Henry Morley въ Cassell's National Library, № 142).

времени, имѣютъ одинаковую цѣну. Если кто либо тратитъ столько же времени на то, чтобы добыть извѣстное количество серебра и доставить его въ Лондонъ, сколько онъ потратилъ бы на производство бушеля зерна, то это количество серебра составляетъ естественную цѣну бушеля зерна; если въ теченіе того же времени можно добыть вдвое болѣе серебра, то цѣна бушеля хлѣба будетъ вдвое больше *).

Къ такому же результату *Petty* приходитъ при опредѣленіи ренты. Если одно лицо добываетъ въ теченіе извѣстнаго времени опредѣленное количество земледѣльческихъ продуктовъ, а другое въ то же время опредѣленное количество серебра, то, исключивъ въ обоихъ случаяхъ издержки производства, мы получимъ въ остаткѣ ренту; причемъ по цѣнѣ обѣ ренты будутъ равны: „*the one being perhaps twenty ounces, and the other twenty bushels. From whence it follows, that the price of a bushel of this corn to be an ounce of silver*“ **).

Мы видимъ типичный образецъ трудовой теоріи цѣнности, но въ примитивной, наиболѣе наивной формѣ. Зависимость мѣнового отношенія отъ количества труда утверждается безъ всякихъ доказательствъ; два предмета, произведенные одинаковымъ количествомъ труда, должны имѣть одинаковую цѣну; для иллюстраціи этой мысли выбирается самый неподходящій случай (производство предметовъ, дающихъ ренту), когда зависимость мѣнового отношенія отъ количества труда подвергается наибольшимъ сомнѣніямъ и можетъ вызвать самыя серьезныя возраженія. Мало того, авторъ видитъ, что цѣна, опредѣляемая количествомъ труда, не совпадаетъ съ дѣйствительной, рыночной цѣной. Послѣдняя зависитъ и отъ издержекъ производства и отъ числа потребителей, и отъ различнаго рода „*opinions*“ народа, отъ его привычекъ и образа жизни, и, вообще, представляетъ

---

*) «If a man can bring to London an ounce of silver out of the earth in Peru in the same time that he can produce a bushel of corn, then one is the natural price of the other; now if by reason of new and more easy mines a man can get two ounces of silver as easily as formely he did one, then corn will be as cheap as ten shillings the bushel, as it was before at five shilling caeteris paribus»—op. cit., Ch. V, цит. **Zuckerkandl**, Zur Theorie des Preises, 1889, стр 230.

**) Op. cit., ch. IV, цитировано ibid.

„*much variety and intricacy*“ *). Но *Petty* даже не пытается указать, въ какомъ отношеніи находятся всѣ эти факторы къ тому, который опредѣляетъ „естественную“ цѣну, почему послѣдняя не можетъ существовать на самомъ дѣлѣ, и почему все-таки она должна считаться „естественной“. Однимъ словомъ, теорія *Petty* не представляетъ ничего, кромѣ простого утвержденія, что цѣнность опредѣляется количествомъ труда, не даетъ никакого отвѣта на возможныя возраженія и не указываетъ никакихъ выводовъ изъ этого положенія.

Не менѣе примитивна по своей формѣ теорія предложенія и спроса *Locke*'а **). Она сосредоточиваетъ свое вниманіе исключительно на количественномъ моментѣ предложенія и спроса. Мѣновая пропорція предметовъ опредѣляется отношеніемъ всей массы предметовъ одного рода къ массѣ предметовъ другого рода и отношеніемъ числа продавцевъ къ числу покупателей. Для того, чтобы опредѣлить мѣновое отношеніе двухъ предметовъ, напр. пшеницы и шерсти, надо знать, какое количество одного товара предназначено къ обмѣну на другой и обратно. Цѣна опредѣлится дѣленіемъ одного количества на другое. Если количество шерсти увеличится, цѣна ея уменьшится. Точно также устанавливается и денежная цѣна всякаго предмета. Надо знать, какая часть всего количества денегъ предназначена для обмѣна на данный товаръ; отношеніе этой суммы денегъ ко всему количеству товаровъ будетъ опредѣлять цѣну товара. Эта типичная, чисто количественная теорія предложенія и спроса, основанная на несомнѣнно существующемъ эмпирическомъ соотношеніи, является, однако, слишкомъ примитивной и далекой отъ истиннаго объясненія явленій обмѣна.

Субъективная теорія цѣнности *Davanzati* представляетъ сравнительно болѣе глубокій анализъ явленій оцѣнки и обмѣна, но и она отличается, подобной предъидущимъ теоріямъ, наивностью и произволомъ своихъ утвержденій. Здѣсь даже болѣе произвольныхъ предположеній, чѣмъ въ другихъ теоріяхъ, что вполнѣ объясняется характеромъ основного момента, на которомъ эта теорія построена. Въ то время, какъ другія теоріи основаны

*) Цит. ibid, стр. 231.

**) Consequences of the lowering of interest and raising the value of money. 1891.

на объективныхъ фактахъ, легко доступныхъ констатированію — теорія *Petty* на объективно замѣтной зависимости цѣны отъ количества производительныхъ факторовъ, теорія *Lock*'а — на еще болѣе очевидной зависимости отъ количества предметовъ, субъективныя теоріи основываются на моментахъ трудно поддающихся анализу, неустойчивыхъ. Недостаточное знакомство съ природою и законами этихъ моментовъ, трудность ихъ изученія, невольно, должны были привести къ произвольнымъ утвержденіямъ и гипотезамъ

Теорія *Davanzati* состоитъ въ слѣдующемъ *). Человѣкъ работаетъ для того, чтобы быть счастливымъ; свое счастье онъ полагаетъ въ удовлетвореніи желаній и потребностей. Для этой цѣли онъ пользуется внѣшними матеріальными благами. Совокупность этихъ благъ опредѣляетъ собою совокупность желаній и потребностей, какія могутъ быть удовлетворены, опредѣляетъ всю сумму возможнаго благополучія. *Davanzati* предполагаетъ, что вся сумма благъ можетъ быть пріобрѣтена за всю сумму денегъ, какая имѣется у людей; такимъ образомъ, по его мнѣнію, все количество денегъ соотвѣтствуетъ всему количеству вещей и всей совокупности удовлетворяемыхъ потребностей: „*braman adunque tutti gli uomini tutto l'oro per comperar tutte le cose per appagar tutte lor voglie e bisogni, per esser felici*“. Откуда же происходитъ тотъ фактъ, что всѣ предметы стоятъ всѣхъ денегъ? По мнѣнію *Davanzati*, это есть результатъ взаимнаго соглашенія людей; люди согласились, чтобы вся совокупность вещей соотвѣтствовала всей совокупности денегъ **).

Принципъ, опредѣляющій цѣну всего количества предметовъ, опредѣляетъ и цѣну каждаго отдѣльнаго предмета; части слѣдуютъ природѣ цѣлаго: „*le parte sequon la natura dell tutto*“. Какую часть всего благополучія государства, города, или отдѣльнаго человѣка производитъ какая-либо вещь, такой части всего золота она соотвѣтствуетъ; каждая же вещь соотвѣтствуетъ тѣмъ бо́льшей части общаго благополучія, чѣмъ больше потребность, удовлетворяемая этой вещью; „*perochè si gode tanto del bere, quanto e grande la sete*“.

*) **Davanzati**, Lezione delle monete, 1588, Econ. class. ital., part. ant., t. II, 1804.

**) Tutte queste (cose terrene) per accordo delle genti vaglion tutto l'oro (e con esso intendo l' ariento e l' rame»).

Итакъ, каждая потребность составляетъ опредѣленную часть всей совокупности человѣческихъ потребностей; предметъ, удовлетворяющій эту потребность, создаетъ опредѣленную часть всего благополучія; цѣна предмета опредѣляется количествомъ денегъ, которое находится въ такомъ же отношеніи ко всему количеству денегъ, какъ доля благополучія, производимая даннымъ предметомъ, ко всему благополучію, производимому всей совокупностью вещей. Нѣкоторые факты какъ бы противорѣчатъ этому. Такъ, напримѣръ, часто платятъ огромныя суммы за предметы роскоши и произведенія искусства, хотя эти вещи вообще не составляютъ насущной потребности для людей. Но это объясняется тѣмъ, что лица, уплачивающія высокія цѣны за такіе предметы, находятъ въ нихъ огромное наслажденіе, которое вполнѣ стоитъ уплачиваемыхъ денегъ: „*perchè coloro tante parte di lor beatitudine trovaron in quelle, che lor valeva quel tanto oro*“. Съ другой стороны, есть предметы, крайне необходимые для нашего благополучія и въ то же время или вовсе не имѣющіе цѣны, или стоящіе очень дешево. „*L' acqua è ottima, dice Pindaro* *), *e senza lei mal si vive*“, а между тѣмъ она не имѣетъ никакой цѣны. Что болѣе важно для жизни, чѣмъ хлѣбъ? А между тѣмъ онъ стоитъ сравнительно дешево. Здѣсь мы подходимъ къ самому интересному моменту всякой субъективной теоріи цѣнности, а именно, къ объясненію видимаго противорѣчія между полезностью или потребительной цѣнностью предмета и его цѣною. *Davanzati* даетъ замѣчательное рѣшеніе этого вопроса.

Чтобы составить себѣ, говоритъ онъ, вѣрное понятіе о значеніи, какое имѣетъ тотъ или другой предметъ для нашего благополучія, надо знать весь объемъ человѣческихъ потребностей и все количество предметовъ, имѣющееся для ихъ удовлетворенія „*bisognerebbe di cielo o di qualche altissima vedetta poter quardar tutte le cose che sono e che si fanno in terra, o veramente le loro immagini ripercosse nel cielo, come in verace speglio annoverare*“. Если бы мы знали, сколько есть всего золота, сколько всѣхъ предметовъ, сколько людей и сколько потребностей, тогда мы могли бы опредѣлить, какую часть всѣхъ потребностей удовле-

*) Ради этой истины не стоило ссылаться на авторитетъ Пиндара, замѣчаетъ по этому поводу **Loria**, La teoria del valore negli economisti italiani, 1882.

творяетъ та или другая вещь, каково ея относительное значеніе для нашего благосостоянія, и какое количество золота, пропорціональное этому значенію, должно выражать собою ея цѣну: „*tant' oro ci ha in terra, tante cose, tant' uomini, tanti bisogni, tanti ciascheduna cosa n' appaga, tant' altre cose vale, tant' oro vale*“. На самомъ дѣлѣ мы знаемъ только незначительную часть всѣхъ предметовъ и цѣнимъ каждую вещь, сообразуясь съ бо́льшимъ или меньшимъ спросомъ на нее въ данное время и въ данномъ мѣстѣ. Купцы, понятно, имѣютъ въ этомъ отношеніи болѣе точныя свѣдѣнія и потому они болѣе другихъ опытны въ цѣнахъ.

Въ теоріи *Davanzati* мы еще не видимъ идеи предѣльной полезности, но уже сдѣланъ первый шагъ въ этомъ направленіи. *Davanzati* различаетъ уже родовую полезность, т. е. значеніе предметовъ извѣстнаго рода, вслѣдствіе ихъ пригодности къ удовлетворенію извѣстной категоріи потребностей, отъ конкретной полезности опредѣленнаго количества предметовъ. Полезность у него находится поэтому въ зависимости отъ количества предметовъ и уменьшается съ его увеличеніемъ. Хотя *Davanzati* не даетъ намъ идеи ступенеобразнаго пониженія полезности съ увеличеніемъ количества, но въ тоже время онъ избѣгаетъ ошибочнаго представленія объ обратно пропорціональной зависимости полезности отъ количества предметовъ *). *Davanzati* оставляетъ этотъ вопросъ не тронутымъ. Благодаря идеѣ полезности конкретнаго количества предметовъ, *Davanzati* получаетъ возможность объяснить низкую цѣну предметовъ съ высокой родовой полезностью, но имѣющихся въ большомъ количествѣ, и обратно, высокую цѣну предметовъ, сравнительно менѣе важныхъ, но болѣе рѣдкихъ. Такимъ образомъ открывается путь къ объясненію явленій оцѣнки и обмѣна исключительно на основаніи сравнительной полезности предметовъ.

Но обоснованіе и анализъ основныхъ понятій такого объясненія отличается такимъ же несовершеннымъ и произвольнымъ характеромъ, какой вообще характеризуетъ первыя теоріи цѣнности.

Основаніемъ цѣны является полезность, основаніемъ полезности — потребность. Но потребности каждаго лица индиви-

*) Къ такому ошибочному представленію пришелъ впослѣдствіе **Hildebrand**, Die Nationalökonomie der Gegenwart und Zukunft, 1848, стр. 318—319

дуальны и субъективны; вслѣдствіе этого и полезность одного и того же предмета можетъ быть различна для разныхъ лицъ. Чтобы основать на этой субъективно-индивидуальной полезности объективно-единую цѣну, *Davanzati* прибѣгаетъ къ той же фикціи, какъ и канонисты. У него существуютъ на только „*la voglia*“, „*il bisogno*“ отдѣльныхъ индивидовъ, но и потребности совокупности индивидовъ, какъ бы одного организма. Удовлетвореніе этихъ коллективныхъ потребностей создаетъ „*la felicità d'un regno, d'una città*“ и служитъ основаніемъ полезности и цѣны, какъ и удовлетвореніе потребностей реально существующаго индивида

Болѣе всего, однако, бросается въ глаза совершенно произвольное предположеніе *Davanzati*, будто вся совокупность денегъ является цѣною всей совокупности вещей. Очевидно, оно является результатомъ ошибочнаго обобщенія. Извѣстная сумма денегъ даетъ возможность пріобрѣсти извѣстное количество вещей и удовлетворить извѣстную совокупность потребностей. Каждое лицо въ отдѣльности такимъ образомъ удовлетворяетъ свои потребности. Отсюда какъ бы слѣдуетъ, что и всѣ люди вмѣстѣ удовлетворятъ всѣ свои потребности всей суммой имѣющихся у нихъ денегъ. Или за всю сумму денегъ пріобрѣтается все количество вещей. Произвольность и ошибочность такого грубаго обобщенія очевидны. Нѣкоторая часть предметовъ пріобрѣтается безъ посредства денегъ, нѣкоторая часть денегъ не употребляется на пріобрѣтеніе предметовъ. Но важнѣе всего то, что одно и то же количество денегъ можетъ служить пріобрѣтенію различнаго количества предметовъ въ зависимости отъ скорости обращенія и длины пути, какой долженъ пройти товаръ отъ производителя къ потребителю. *Davanzati* для обоснованія своего положенія опять-таки прибѣгаетъ къ фикціи — соглашенію людей; эта фикція настолько овладѣваетъ имъ, что онъ не видитъ даже реальнаго основанія оцѣнки денегъ въ ихъ полезности: „*Ma l' oro l' ariento alla vita nostra, per cui ogni cosa terrena è creata, poco servono per natura. Di che facendola gl' uomini quasi vergognare, si sono accordati a farli da quanto tutte l'altre cose insieme, e di tutte pregio e misura e stromenti*“.

Мы видимъ, что ученіе о цѣнности, начавшись съ отдѣльныхъ, органически не связанныхъ и случайныхъ положеній, разрабатывалось, пополнялось и приводилось въ систему въ политической, этической и юридической литературѣ древняго міра. Въ энциклопедической доктринѣ канонистовъ оно уже достигло значительнаго совершенства, но еще не выдѣлилось вполнѣ изъ среды постороннихъ ему элементовъ этики и права. Затѣмъ на смѣну многосторонней канонической теоріи цѣнности стали являться односторонніе теоріи разныхъ частныхъ типовъ. Здѣсь ученіе о цѣнности распалось на отдѣльные свои моменты, освободилось отъ постороннихъ элементовъ и развивалось дальше, по преимуществу, аналитическимъ путемъ. Это развитіе продолжается до нашихъ дней и, будемъ надѣяться, въ недалекомъ будущемъ должно завершиться окончательнымъ синтезомъ.

БИБЛІОТЕКА ПЕТРОВСКОЙ АКАДЕМІИ.